

Зеркальные миры. Хранители Эрохо

Пролог

Виски ломит, медленно нарастает низкий гул, вокруг — только зеркала и туман. Здесь постоянно клонит в сон, особенно в первые минуты, если их перетерпеть, станет легче. Должно, по крайней мере. Амари едва не до крови закусывает губу, но боль почти не приносит облегчения, голова кружится, появляется отвратительный солоноватый привкус во рту. Тело не слушается: он словно во хмелю, хоть и не пил. Кажется, сделает шаг и непременно упадет, а если коснется даже кончиками пальцев тумана под ногами, то больше никогда не встанет. Амари не знал, откуда в нем эта уверенность, но если не верить себе, то кому же? Сердце бешено колотится о ребра, и это хорошо: кровь несется по жилам быстрее и скованность движений пропадает.

Давящий серый свет, бьющий откуда-то снизу. Грязно-зелёный туман ползет над полом, пытается дотянуться, свивается мглистыми щупальцами. Мерзко! Противно. Невыносимо... Холод пробирает до костей. Если Амари схватят, то на этот раз ему не вырваться. Куда ни взглянешь, в бездну уходят бесконечные коридоры. Не так уж и страшно очутиться в зеркальной зале, жутко не видеть собственного отражения. Словно не существуешь... будто уже умер. Это не его мир, а чужая извращенная реальность. Сама она существовать не может — изменяется сообразно вкусам тех, кто в нее приходит, — кто сильнее, тому и подчиняется, а сильный в этот раз, уж точно, не Амари.

— Тебе не нравится... — Гул, давящий на уши, рассыпается нежным звоном, мглистые щупальца опадают пеплом. Звучание чужого голоса наполняет душу покоем. Это обманчивое чувство, но оно лучше бесконечного кошмара из тумана и зеркал.

Амари кивает и рассматривает существо. Чудо — иначе и не назовешь. Огромные фиалковые глаза и золотистые локоны, очень тонкие черты лица — как на картинах старых мастеров. Она красива. Настолько, что у него перехватывает дыхание, и хочется сделать шаг навстречу: взять ее за руку, хоть подобное кажется едва ли не кощунством, преклонить колени и пропасть навсегда. Отречься от памяти и себя самого. Ради нее.

— Не смей, — негромко, без эмоций или даже намека на них, но сильный, немного хриловатый баритон бьет по нервам, словно кнут по незащитной коже. Амари вздрагивает, когда слышит этот голос, и видит закутанную в черное фигуру. Зеркала трескаются. Бесконечные коридоры, ими порожденные, разрезают уродливые провалы и морщины.

«Если шагнуть в них, получится ли уйти?» — думает Амари и делает шаг, затем другой.

— Очнись! — голос незнакомца ему знаком, но Амари не помнит имени.

— Ты можешь дать ответ. Ты можешь согласиться, — в глазах «чуда» бескрайним морем плещется нежность, улыбка кажется искренней. Она поднимает руку, зовет. Кажется, за ее плечами покачиваются самые настоящие крылья. Она богиня — воплощенная мечта, мифической правика — которой почти невозможно сопротивляться.

— Нет. Прочь, — шепчут непослушные губы. Амари не хочет кричать, но слова внезапно обретают силу.

По зеркалам пробегают трещины, коридоры искривляются еще больше. Бьется стекло, словно осенние листья, опадают к ногам осколки. Один из них прочерчивает длинную алую полосу по щеке. «Чудо» смеется: звонко, с горчинкой.

— Спокойней, — незнакомец в черном смеется каркающим надсадным смехом, откашливается, и через мгновение, показавшееся Амари вечностью, ровно произносит: — Что это, если не отказ?

Амари отрывает взгляд от крылатого создания и смотрит на него. Незнакомец отбрасывает в сторону плащ, остается в черном моревийском одеянии. Он спокоен, чуть небрежен, расслаблен, но за нарочитой леностью движений скрывается нетерпение. Неистово и жадно горят глаза: невозможные, ярко-зеленые — как по ночам у кошек. Стоять у него на пути — безумие, и Амари отступает.

— Нет, — повторяет он.

Две фигуры — черная и белая — устремляются к нему. Сомнений в том, что его убьют, не остается, страха — тоже. Чьи-то холодные пальцы касаются плеч, сжимают, а потом с силой отталкивают.

— Не лезь! — звенит в ушах, и Амари кубарем летит на пол.

Там, где он только-только стоял, дерутся двое. От быстрых, едва уловимых движений рябит в глазах. Солнца здесь нет и быть не может, но на клинках играют блики. Или, вероятно, это искры от соприкосновений? Когда в руках у крылатой красавицы возникла длинная тонкая серебряная игла? Когда ее противник успел выхватить шпагу?..

Глава 1

— А вы, как всегда, галантны, молодой рэй, — у ЖустиианыКсабри низкий хрипловатый голос и очаровательная улыбка. Ей далеко за сорок, и она мать его лучшего друга, погибшего немногим больше двух аньов назад.

— Благодарю, моя рэя, — Амари склонил голову в поклоне-кивке. — Я счастлив видеть вас.

Он не мог предотвратить смерть Руперта: Амари не было тогда в Кастелле. Младший принц династии Рейес пребывал на побережье и, даже загнав десяток коней, не добрался бы до столицы вовремя. Прощальное письмо друга настигло его через двадцать дней после отправки тела в фамильный склеп в замке Ксарье на юге Фарты. Ничего уже не удалось бы изменить.

Амари всегда считал, тратить ночь перед дуэлью на прощальные письма — глупая традиция, ведь бессонница и хорошее фехтование плохо сочетаются. Жаль, друг придерживался иного мнения. После его послания Амари понял, что эта традиция еще и жестока. На краткий миг Руперт показался живым и даже обещал приехать на побережье, если все хорошо сложится. Не сложилось. Он погиб.

— Уверю, ваше высочество, это взаимно. Я давно не посещала столицу, — изящная рука, скованная широкими золотыми браслетами, невесомо коснулась виска, убрала за ухо выбившийся из высокой замысловатой прически локон. В перстне на мизинце сверкнул крупный бриллиант.

— Я понимаю, — Амари не хотел этой встречи, боялся не решиться посмотреть графине в глаза, а с ней вдруг оказалось легко и тепло находиться рядом. Память больше не ранила, рождала лишь сожаление и печаль.

— С тех пор как Руперта не стало, я не могла заставить себя приехать. Если бы не обстоятельства, то так и сидела в своей глуши.

В белоснежную беседку, увитую красным плющом, неспешно поднялся Перан. Он наполнил бокалы, поставил на резной круглый столик поднос с фруктами, осведомился, не нужно ли господам еще что-нибудь, и ушел.

— Ты же знаешь, как относился к тебе Руперт и мой муж, — продолжила графиня, стоило слуге скрыться за кустом сирени. — К тому же я не верю в честную дуэль.

Амари отпил вина, оно неожиданно показалось горьким.

— Не представляю, почему он пошел на Часовую. Вспылить мог бы я, но не Руперт.

— В любом случае мы не узнаем, — Жустииана отвела взгляд, сделав вид, будто праздничное убранство парка интересует ее куда больше разговора. — В этом есть нечто символичное, не находишь? Во дворце танцуют и веселятся, а мы с тобой грустим о прошлом.

— Возможно.

— Грусть — удел старух. Слышишь, мой мальчик? — ее веер коснулся руки Амари. — Мне никогда бы и в голову не пришло винить тебя.

«Почему она прибыла столь внезапно? Отчего не предупредила?..» — Амари не знал. Сначала ему казалось, графиня убита горем. Потом он решил, будто Жустииана возненавидела всех, кто не смог отговорить от дуэли на Часовой и тем, возможно, спасти ее сына. Оказалось, она все это время пыталась выяснить причины, приведшие к его смерти.

Раньше она терпеть не могла балы и суету столичной жизни и никогда не одевалась столь вычурно, не носила много украшений. Когда судьба отобрала у нее сначала старшего сына, а потом и мужа, Жустииана сняла траур через два дня, заявив, что у графини Ксабри слишком много дел и мало времени для горя. Однако сейчас она облачилась в серое траурное одеяние — слишком роскошное. Шею обвивали жемчужные

и алмазные нити, высокую прическу венчала золотая диадема. Пока графиня не уединилась с Амари в беседке, она напропалую кокетничала и любезничала с придворными.

— В письме, которое доставили мне, Руперт ни о чем не рассказывал. Общие фразы и только.

— Потому и дошло, — Жустиана вздохнула. Голос ее упал до шепота. — Он знал тебя лучше других. Амари... ты же помнишь, как он погиб.

— Вызвал двоих. Одного заколол в шею, второго убил прямым ударом в сердце, получил серьезную, но не смертельную рану в живот и истек кровью на белых камнях Часовой. Будь с ними секунданты, его спасли бы. Погибший Создатель, он никогда не был столь беспечен!

Жустиана кивнула. Ее глаза подозрительно заблестели. Амари не выносил женских слез, как и все мужчины семейства Рейес, — ей это было известно.

— Я нахожу единственное объяснение случившемуся: Руперт хотел скрыть причину дуэли, потому никого с собой не позвал. В том, что убьет обидчиков, он не сомневался, а вот с раной не рассчитал, — ее голос дрогнул. — Создатель! Почему Часовая?! Это же проклятое место! Тот, кто падает на белые камни, уже не встает. Тот, кого выпивают белые камни, теряет не только жизнь, но и душу... Он никогда больше не вернется в мир Эрохо... мой мальчик...

— Графиня, прошу вас! — Амари не был суеверен. Он так долго убеждал себя в этом, что почти поверил. Он не желал думать об умершем Творце, созданном его кровью мире, камнях, выпивающих людей. Но пришлось.

Руперт не желал раскрывать причину дуэли. Он собирался убить своих противников и не сомневался — так и будет. Но он также верил: смерть тела — это еще не конец. На юге знали множество ритуалов, способных призвать души умерших. По крайней мере, тамошние мудрецы утверждали, что им это подвластно. Руперт рисковать не желал. Его противники — третьи сыновья аристократов соседнего государства Намит, служившие при посольстве, не должны были вернуться. А значит, единственный выбранный для них путь — гибель на древних белых камнях Часовой площади в столице или близ горного хребта в Нидосе. Тот, кто терял последнюю каплю крови в этих местах, в Эрохо не возвращался.

— Он хотел защитить тебя, — то ли упрекнула, то ли предупредила графиня. — Его усилий хватило на два аньо. Целых два аньо тебя не трогали, но сейчас что-то затевается. Об этом знаю я, еще Алонцо...

— Отец просил поговорить со мной?

— Нет. Алонцо запретил мне тебя беспокоить. Он боится, как бы ты не поступил с точностью наоборот: от чего предостерегаю, в то и влез.

Амари с трудом подавил неуместный сейчас смешок и прикусил губу — от этой детской привычки он никак не мог избавиться.

— Если Руперт погиб из-за меня, я сделаю все, чтобы найти истинных виновников его смерти.

— А я не хочу потерять того, кто был Руперту важнее жизни, — Жустиана покачала головой и ободряюще улыбнулась. — Думай, Амари. Думай, на чем тебя могут поймать. Что заставит тебя надеть глупостей?..

Изящное движение кисти, мимолетная улыбка — и кажущийся невесомым веер со щелканьем закрылся. Амари отвел взгляд, пряча улыбку. Фрейлина ее высочества Эрики, Линэя, маркиза Юрран, обворожительно изображала негодование. Ухоженное, с огромными серыми глазами и аккуратным курносим носиком лицо пылало почти неподдельным возмущением.

— Вы несносны! — произнесла она, чуть приоткрывая веер.

— Возможно, моя рэя. Шутка показалась вам неуместной?

Первая кокетка при дворе и заядлая сплетница раньше не обращала на Амари внимания, а тот не особенно горевал об этом.

— Юмор под стать...

— Сурейскому моряку, а не принцу, — подсказал Амари, следя за веером. Тот говорил намного больше хозяйки. Линэя вновь закрыла его, слегка похлопала по правой щеке, а потом по раскрытой ладони. — Но я же родом с побережья, все Рейесы немного моряки и даже пираты.

— Вы повторите эту шутку позже, — веер раскрылся полностью. — Здесь невыносимо душно.

— Позвольте сопровождать вас?

— Позже, ваше высочество, — Линэя два раза взмахнула пушистыми ресницами, трижды — веером и удалилась.

Амари вздохнул. Неожиданный флирт маркизы его позабавил. Пожалуй, он заинтересовался бы прелестной рэей, не случись недавнего разговора: Жустияна прямо дала понять, что опасности следует ожидать отовсюду.

В истории Кассии дворцовые перевороты были нередки, в результате последнего трон приняли Рейесы. С тех пор старые аристократы спали и видели, как бы изгнать южан-выскочек из столицы раз и навсегда. Прадед Амари не только не подчинялся правилам, установленным предыдущей династией, но и сурейскую родню подтянул ближе к Каstellе. Глупцом он не был, а потому доверял лишь своим.

Заговоры случались постоянно. Старая знать и так старалась, как могла, а ее к тому же снабжали деньгами и подталкивали под руку шпионы из соседних государств. Значительно увеличившаяся в размере и постоянно богатеющая Кассия была им как кость в горле. Намитцы уже триста аньов пытались отхватить северо-западные земли: Нидосские горы славились рудоносными и серебряными жилами. Парису не давали покоя сосновые леса Аллора на востоке. Элалия желала бы присоединить юго-восточные степи Фарты.

На памяти Амари отца пытались убить четырежды, сам же король давно перестал считать, сколько раз подвергался опасностям. Заговорщиков не останавливали даже наследники, а ведь, кроме Амари, у Алонцо Первого Рейеса имелось трое старших сыновей и дочь. В случае его смерти на престол восходил старший сын Рамель. Второй сын, Мигель, носил титул герцога Сурейского, уже три года как осел на юге, но мог прибыть в столицу в любой момент. Третий сын — Дарио, маркиз де Рей, обосновался на побережье, и уж до него никто из врагов не дотянулся бы точно. Амари пока оставался в Каstellе при отце, носил звучный титул принца крови, обязанностей (как и закрепленных за собой земель) не имел, чему не особенно печалился. Его совершенно не тянуло управлять какой-нибудь провинцией в неполные двадцать лет. Он грезил воинскими победами и славой, а года через три видел себя в чине никак не меньшем, чем генерала от кавалерии.

— Ваше высочество, — Перан поклонился. — Просили передать вам.

На резном позолоченном подносе, инкрустированном драгоценными камнями, красовался веер Линэи.

— Что-нибудь еще?

— Госпожа ожидает возвращения пропажи в беседке на третьей дворцовой аллее у пруда.

— Благодарю.

«Снова парк, — подумал Амари. — Он хоть и большой, но вряд ли сумеет вместить всех возжелавших уединения».

Однажды в детстве они с Дарио полночи прятались в кустах сирени, чтобы выследить Рамеля. Брат в то время не пропускал ни одного корсажа. Ждали они его на первой аллее, а тот находился на восьмой, потом еще и посмеивался над незадачливыми соглядатаями. А вот Мигелю как-то раз повезло подслушать разговор намитского вельможи и кассийского канцлера. Возможно, это спасло их если не от смерти, то от кровопролития.

«Вот бы сейчас, — подумал Амари, — услышать чей-нибудь тайный разговор, раскрыть шпиона, разоблачить негодяев и отомстить за Руперта...»

Увлеченный мечтами, он не заметил, как дошел. Эта часть парка была скудно освещена, находилась довольно далеко от дворца, и предполагалось, что забредать сюда не будут, однако с наступлением темноты она становилась донельзя популярной, особенно поздними вечерами во время балов. Темное зеркало старого пруда, редкие звезды, смотрящиеся в него, скульптуры прекрасных полубнаженных правец, выглядывающие из обильной зелени сиреневых кустов — все привлекало романтически настроенных придворных. Кто сейчас сидел в белой беседке, увитой синим нидосским плющом, разглядеть не удавалось, но точно двое. Сойдя с тропинки и, стараясь идти как можно тише, Амари приблизился к беседующим. Высокие кусты удачно скрыли его.

Рядом с Линэей сидел высокий статный мужчина в светло-зеленом камзоле. Он смеялся и не стеснялся в выражениях. Маркиза смущенно улыбалась ему и молча выслушивала. Если бы Амари посмел повторить хоть одну из звучавших в беседке шуток, маркиза непременно бы оскорбилась.

Собеседника Линэи, посла Намита при кассийском дворе, Амари знал неплохо и связываться с ним лишний раз не горел желанием: более напыщенного и самоуверенного типа следовало еще поискать. Верить же в то, будто маркиза специально заманила сюда их обоих, не хотелось. Амари уже собрался незаметно отойти, а потом вернуться во дворец, когда услышал такое, что забыл обо всем на свете...

Негодяя хотелось убить немедленно, однако на торжественные приемы, выходы и балы являться с оружием запрещалось. Это правило касалось не только гостей и придворных, но и членов королевской семьи, пришлось ограничиться перчаткой. Полномочный посол Теренс, родной брат кесаря Намита, получил ею по лицу. От негодования он приоткрыл рот, но не проронил ни слова, лишь хищно раздул ноздри, отчего длинный горбатый нос показался не просто большим, а уродливым. Посол был безобразно пьян, но сказанного это не отменяло. Линэя ахнула и покачнулась, готовясь упасть в обморок.

— Произнесенное вами недостойно чести дворянина! — выкрикнул Амари, тщетно стараясь вложить в голос всю холодность и презрение, на какие был способен. — Я требую сатисфакции, — и обернулся к маркизе. — Прошу извинить за испорченный вечер, рэя.

— Вос-хи-ти-тель-но! — по слогам произнес Теренс и улыбнулся. Он был на восемь лет старше Амари и у себя в Намите считался одним из лучших бойцов. Вызывать его считалось смерти подобно. — Шпаги. Место и время?

— Часовая площадь. На рассвете.

— Я так понимаю, обойдемся без секундантов?

— Без.

С ночи небо куталось в облачное марево, Амари не ожидал увидеть синеву, но приход рассвета все изменил. Солнце ласкало выгнутые спины крыш, сияло в окнах, стреляя по глазам сотней отблесков. Амари не надел плаща и не стал брать Злата. Верный конь дождетсЯ его в конюшне или хотя бы не увидит гибели хозяина, да и по Кастелле иной раз приятно пройти пешком.

— Задумались? Вчера вы были более многословны. — Теренс прибыл при всем параде: плаще цветов королевского двора Намита, шляпе с пышным плюмажем, в пурпурном, расшитом золотыми нитями камзоле, высоких, до блеска начищенных сапогах с позолоченными шпорами. Его серый в яблоках жеребец бил копытом по камням мостовой, изгибал шею и не желал ступать на площадь, пришлось оставить его у

ближайшего дома.

— Радуетесь, что заманили меня в ловушку? — Амари усмехнулся. — Зря.

Часовая площадь — одна из красивейших в столице. Белый камень мостовой, окружающие ее черные здания, вонзающие в небо острые шпили. О ней ходило много слухов и легенд. Считалось, умиравшие здесь теряли посмертие. Упавшие на этой площади сами не поднимались: камни выпивали их жизнь и кровь до последней капли.

— Отличное место для смертельной схватки, знаете ли, — заметил Теренс.

— Сложно не согласиться.

В парках, на старой полуразрушенной арене или за городом у полноводной Мирросы дрались до первой крови, здесь — пока противник в состоянии держать шпагу. Раз за разом белоснежная мостовая принимала кровь, тела, жизни — и все равно оставалась чистой и незапятнанной. Под ногу попался острый камень, Амари оступился, выругался сквозь зубы, лишь чудом сохранив равновесие.

— Осторожней, — пухлые губы намитца растянулись в издевательской усмешке. — Мы с вами не озаботились секундантами — значит, как старший, я вынужден предложить вам перемирие. Хотите, я даже извинюсь? — спросил он и рассмеялся. — Перед вами, вашим отцом или еще кем? Следовало бы, конечно, повиниться и перед вашей матушкой-покойницей, но умирать я пока не собираюсь.

Амари задохнулся от ярости. Намитец специально выводил его из себя. Теренс был опытнее, старше, за его спиной стояли десятки выигранных боев, тогда как Амари пришел на Часовую впервые в жизни, но отступить уже не мог. Сейчас он наконец-то понял, что чувствовал Руперт: требовалось убить, пусть ценой собственной жизни, и тем самым защитить родных и друзей, которые — в том он не сомневался — тоже потребовали бы дуэли. При этом умирать отчаянно не хотелось.

— Я намерен убить вас, — Амари откинул назад непослушные русые пряди. Цвет волос он унаследовал от одного из северных предков; серые глаза — от матери, и не походил ни на братьев, ни на отца. Наверняка, столь кричащая внешняя различность рождала косые взгляды и подозрения, однако никто из бывавших при дворе господ не смел коснуться ее даже самым замысловатым намеком. Теренс оказался первым, преступившим вне гласное правило.

— Как пожелаете, ваше высочество, — Теренс снял плащ и шляпу. Амари скинул колет. — Прошу.

Дойдя до центра площади, они остановились друг против друга.

— Вас преследуют дурные предзнаменования, — заметил Теренс.

Со звоном обнаженные клинки заблестели на солнце, и в тот же миг на камни упала тень. Птица охотилась, и до людей ей не было дела, однако прилетела она точно не вовремя. Вороны никогда не считались в Кассии вестниками смерти, но сердце Амари пропустило удар: чем бы ни окончился этот поединок, его жизнь изменится.

— Я не суеверен. — Королевским родичам положено колоть друг друга меткими фразами и ходить по начищенным до блеска паркетам дворца, словно по тонкому льду, но бывают оскорбления, которые иначе, чем кровью, не смоешь.

Теренс ухмылялся и ждал. Исход поединка казался ему предельно ясным. Амари вдохнул свежий утренний воздух и постарался забыть о сплетнях, намеках и оскорблениях. Сейчас они только помешали бы. Легкий ветерок растрепал его волосы, осторожно коснулся лица. Море лежало далеко на юге, но Амари ощутил на губах вкус морской соли.

— Не заставляйте себя ждать. — Теренсу надоело сверлить противника взглядом, и он уверенно пошел вперед, заставляя того отступить.

Удары сыпались не переставая. Намитец сменил позицию, вынуждая Амари встать против солнца. К счастью, оно отыскило на небе одинокую тучку и не преминуло

спрятаться за ней. Некоторое время они фехтовали почти на равных. Потом Теренс неожиданно изменил угол атаки, пригнулся, пропуская шпагу противника над левым плечом, и, изловчившись, пнул Амари под колено. Тот не упал лишь чудом, отпрыгнул назад, затем — вбок и лишь потом ощутил резкую боль.

— Подлец! — он стиснул зубы, но остался стоять, отразил одну атаку, вторую, третью и пошел на Теренса сам. Не осталось мыслей и чувств; лишь злая уверенность, собранность и... интерес стыли в груди — как на уроке фехтования с более сильным партнером. В свое время родичу кесаря достался очень хороший учитель, наверняка лучший в Намите, но с Алонцо Рейесом он бы не сравнился никогда. Его величество лично тренировал сыновей и любил повторять, что хорошая школа и реакция неважны, если дуэлянт не заморожен боем.

Теренс торопился, старался окончить схватку как можно скорее. Амари же начал получать от дуэли истинное удовольствие. Он не отрывал взгляда от грязно-желтых глаз намитца: по ним легко читались намерения. Теренс моргнул, посмотрел на белоснежные камни — Амари решил, что удар придется по ногам, и не ошибся. Сощурился — приготовился к обманному движению.

Поединок был танцем со смертью. Он завораживал, опьянял, для мыслей о мести и воспоминаний не осталось времени. Шпаги пели, звенело отраженное клинками солнце, и голова слегка кружилась. Дуэль на вкус казалась лучшим вином. Очнулся Амари, когда плечо обожгло, — неопасная царапина, и боли он почти не ощутил, а вот от вида собственной крови на камне под ногами содрогнулся. Алое на белом показалось слишком ярким, диким и помпезным. В следующее мгновение кровь впиталась в мостовую.

— Прощайте, — произнес Теренс, но Амари его почти не услышал. Он закусил губу и пошел вперед, практически забыв о защите, надеясь дотянуться до мерзавца, даже если рухнет бездыханным.

Боль. Звон. Ветер. Захватывающий дух танец. Не стало Часовой, столицы, ничего вокруг; рука сама выкинула вперед шпагу. Амари отстраненно наблюдал, как клинок коснулся груди врага, — легонько, но белый лен незамедлительно расцвел красным. Чужая шпага вслепую описала полукруг и безвольно упала на камни...

Глава 2

Амари стоял, стараясь унять бешено колотившееся сердце. В том, что Теренс мертв, он не сомневался. В том, что этой дуэлью погубил и себя, — тоже. Сожалений не было, как и ярости, ненависти, желания отомстить: эмоции исчезли вместе с душой убитого. Время застыло, хотя часы на дальней башне показывали его исправно. Остаться на площади не хотелось, уйти не выходило — ноги словно приросли к мостовой. Если бы не выехавший на Часовую отряд из десятка стражников, Амари, пожалуй, рухнул бы рядом с убитым.

— Вот ведь... кровь творцова, — усатый плотный стражник склонился над поверженным.

— Гистон, ну как? — второй спешил к Амари.

— Отмахался, вот так.

— Создатель и все его порождения, что, совсем?

— Совсемее не бывает, кровь творцо... господин капитан, намитец убит насмерть!

— По-вашему, можно быть убитым как-то иначе? — тот, к кому обратился стражник, выехал из задних рядов, без всякого удовольствия обозрел тело и вздохнул. Спуститься с коня он не удосужился и посмотрел на своего принца как на простолюдина — сверху вниз. Амари же слишком устал, чтобы обращать на это внимание, к тому же капитан чем-то располагал к себе.

Амари позволил увести себя с площади, наскоро перевязать рану. Голова раскалывалась, а плечи сдавила усталость, хотелось упасть, закрыть глаза и не вставать больше никогда. Вместо этого он вскочил в седло, упрямо вскинул подбородок, подставляя солнцу побледневшее лицо. Стражники привели Злата, что указывало на цель их приезда лучше всего. Конь чувствовал боль хозяина, поэтому не задирал чужих скакунов, не выгибал шею и вел себя смирно. Он единственный не требовал объяснений.

— У вас кровь, — капитан протянул платок, украшенный монограммой из переплетающихся литер «Д» и «В».

Амари кивнул, принимая. Капитан не выражал подобострастия или плохо скрываемой неприязни, и взгляд его — честный, прямой и уверенный — не мог не подкупать. Несмотря на безупречный, застегнутый на все пуговицы мундир, до блеска надраенные сапоги, белые перчатки, изящную с витым эфесом шпагу, кинжал все с той же монограммой и пару пистолетов за поясом, щеголем он не выглядел. Скорее уж воякой, идеально приспособившимся к мирной столичной жизни.

— Мой принц, виконт Дарзи Валэ к услугам вашим, — чуть заметный акцент и привычка отрывисто произносить шипящие звуки выдавали в нем жителя северных земель. Возможно, он был родом из Нидоса, однако уточнять Амари не собирался. Он не желал заводить беседу, а хотел как можно скорее добраться до дворца и чтобы его наконец оставили в покое. Все!

— Благодарю, — бесцветно бросил он.

Валэ склонил голову — и не поймешь, в поклоне или простом кивке.

Утро окончательно вступило в свои права, и улицы неизбежно заполнились. Торопились на рынок неугомонные торговцы, на углу аккуратного домика со стрельчатыми оконцами симпатичная цветочница продавала фиалки. Со смехом и посвистом высыпала из подворотни и унеслась в переулок ватага мальчишек. На перекрестке дорогу отряду перешел пушистый черно-белый кот.

— Вот, значит, недолго торчать здесь придется, — услышал Амари приглушенный голос одного из стражников.

— Тише ты, кровь творцова...

— Война так война, нам не привыкать. Я ж еще под началом Хромаля пугал парисцев, —

заметил еще один, — на границе больно беспокойно тогда сделалось. Однако сдается мне, Алонцо все уладит.

— Этот-то... конечно. С него станется, Создатель и все его порождения.

«Война?.. Не из-за дуэли же!» — Амари старался держаться от политики подальше, что в его положении не особенно удавалось. Во время частых споров, возникавших между отцом и Рамелем, высказываться приходилось всем. Алонцо полагал подобное времяпрепровождение полезным, он даже дочери не позволял отмалчиваться. Впрочем, Эрика и не стремилась этого делать. Ей было интересно интриговать и воображать себя королевой; предполагать, как поступит недолюбливающий Кассию Намит или загадочная Элалия, располагающаяся на востоке. Рамель предпочитал войну худому миру. Эрика считала дипломатию надежнее клинков. Алонцо втолковывал наследнику, что воевать стоит, лишь будучи уверенным в победе, а дочь сосватал за моревийского князя — главу небольшого, но опасного островного государства, бывшего еще сто аньев назад прибежищем пиратов и изгоев всех мастей.

«Мог бы отец объявить войну Намиту, если бы я погиб на дуэли? — размышлял Амари. — Возможно. А кесарь Намита? Что предпримет он? Убийство брата — это же серьезно».

Амари остановился перед дверью. Со стороны могло показаться, будто он залюбовался замысловатыми узорами по дереву и стенам. На самом же деле он как мог оттягивал разговор.

Столичный дворец не перестраивался шестьсот аньев. Не считая мелкого ремонта, все в нем было так, как при предшественниках Рейесов: высокие своды, лепнина на потолке, расписанные известными художниками стены. Крылатые правицы, изображенные знаменитым Бриколло, надменно взирали с облаков на замершего в нерешительности принца. Вестницы победы — полуобнаженные и прекрасные — наверняка не поняли бы его терзаний.

Идти не хотелось, но вовсе не потому, что в отцовском кабинете ожидали упрёки и выволочка. Алонцо на детях не срывался. Впрочем, разве презрительный взгляд и безразличный голос лучше криков? Мигель однажды признался, что каждый раз, отчитываясь за провинность, думал: «Лучше бы ударил». А уж как самого Амари трясло... и трясет до сих пор, несмотря на давно недетский возраст. Губы исказила злая усмешка. Он мотнул головой, зажмурился, задержал дыхание и, мысленно сосчитав до десяти, вошел.

В кабинете горели свечи, было душно от любимых его величеством благовоний. В наглухо закрытое окно рвалось предзакатное солнце. Амари с трудом мог вспомнить, куда пропал целый день. Он запомнил утро, но отстраненно, словно все произошло не с ним: конвой, замковые стены и взгляды придворных — в основном настороженные и удивленные. Еще перехватывал сочувствующие, ненавидящие или даже преисполненные уважения взгляды. Их оказалось немного. Потом — его собственные покои, скромный завтрак, приказ принести вина. Все.

Напиваться после первой дуэли нормально. После первого убийства — тем более. Но засыпать, не осушив и бокала, — вряд ли. Должно быть, какой-нибудь сердобольный слуга подмешал в кувшин сонное зелье, и за это, пожалуй, следовало поблагодарить: иначе говорить с отцом не имело бы смысла.

— Присаживайся, — Алонцо сидел за массивным столом. Черное дерево поглощало увядающие лучи дневного светила. Как всегда подтянутый, уверенный, точный в движениях, он шурился, всматриваясь в переплетение мелких букв. Брови сведены к переносице, отчего лоб прочертили две параллельные вертикальные морщины. Застывшие в кривой улыбке тонкие губы лишь подтверждали: король недоволен. — Я сейчас закончу и поговорим.

На резной столешнице — кипа документов. Никто не должен усомниться: Алонцо Первый уверенно правит, а не просто сидит на троне. И если для спокойствия Кассии потребуется пожертвовать сыном — сделает это без колебаний.

Амари вздохнул. В окно настойчиво бился ветер, а на небе — алом и чистом — нет ни единой тучки. Благодать природы не соответствовала моменту. Алонцо небрежно

поставил подпись под документом, приложил перстень, отбросил перо, перечитал, зло ухмыляясь:

— Пока можешь поразмышлять над тем, что вполне мог остаться на Часовой. Или о своем фехтовальном умении ты более высокого мнения, чем я? Могу я узнать причину?

— Тебе не понравится, отец.

Алонцо вскинул бровь в немом вопросе, Амари отзеркалил этот жест. Они с отцом были удивительно похожими манерами, мимикой, жестами, интонацией и кардинально отличались внешне. Алонцо — резок и красив, даже в неполные шестьдесят смущал покой юных фрейлин. От южных пращуров он взял курчавые волосы и хищный профиль. Амари же слишком походил на мать — сероглазый и русоволосый северный мальчик со звучной приморской фамилией.

— Даже так? — если его величество и казался разозленным, когда Амари вошел, то теперь окончательно успокоился. Истинные чувства он привык прятать даже от сыновей. — Тогда послушай, чем нам может грозить убийство брата кесаря принцем крови.

— Младшим и не претендующим на трон, — поспешил вставить Амари и тотчас пожалел об этом.

— Не зарекайся... — задумчиво проговорил Алонцо. — У меня тоже были старшие братья, если помнишь.

— Прости. — Такого же не претендующего на трон принца, младшего в роду, судьбу отца решила кровавая ночь накануне его пятилетия. Назревало вооруженное столкновение с Парисом, да и внутри страны было неспокойно: в столице расцвел заговор. Ночью мятежникам удалось проникнуть во внутренние покои дворца.

Алонцо поднялся, вальяжно прошелся по кабинету. Огоньки свечей испуганно вздрогнули, по стенам заматались тени. А потом он заговорил: говорил, говорил... то, о чем Амари и не подозревал.

Через четверть часа он готов был лично ехать в Намит — приносить извинения, а лучше героически погибнуть на предстоящей войне с кесарией. Вины своей он не отрицал — вызвал, убил, подкинул Намиту прекрасный повод разрушить и без того хлипкий мир. Вот только имейся возможность все изменить, Амари ей не воспользовался бы.

— В любом случае, — прищурился Алонцо, — оставаться в столице для тебя и опасно, и неправильно, даже если кесарь проглотит оскорбление.

— Ты отсылаешь меня? — в сердце занозой кольнула обида, пусть и винить, кроме себя, некого.

— Отправляю. С... хм... миссией. В Нидос, а конкретнее — в Нозарок, — Алонцо кивнул на лежащий на столе приказ и немного смягчил интонации. — Не тревожься, не навсегда.

Читать перевернутые тексты Амари терпеть не мог, а брать лист в руки не решился. Выбрав из нескольких зол меньшее, он обошел стол и навис над отцовским креслом.

«Принцу крови Амари Рейесу предписывается отправиться в герцогство Нидос для проверки достоверности событий и жалоб на бездействие владельца северных земель герцога Веласко Керво».

Пояснений не было — лишь скудные строки.

Амари поморщился:

— Я ничего не понял. О чем здесь речь? Что за события и... Керво?

Наверное, ехать в Нидос все же лучше, чем сидеть под домашним арестом.

— События? Скорее уж слухи: неприятные, тревожные и странные. Про убивающее

людей чудище и жестокости властелина Нидоса.

«Что за бред!» — к счастью, Амари хватило ума не произнести этого вслух.

— Веласко Керво — властелин Нидоса, — с нажимом проговорил Алонцо. — Да-да, именно один из представителей того самого рода. Однако это неважно: главными для тебя будут не древние легенды и давно похороненная кровная вражда, а действия герцога. Разберись в происходящем!

Амари прикусил губу в бессильной ярости. Отец, разумеется, прав: держаться за кровную месть безрассудно. Последний из рода бывших врагов мог оказаться порядочным человеком. Хотя... что там говорилось о его несправедливости?

— И на слухи, и на жалобы можно не обращать внимания, — продолжил Алонцо, — но беженцы... их уже довольно много, и вряд ли приток босоты в благополучные районы страны порадует местных жителей. Кроме того, я менее всего заинтересован в усилении внутренней стражи и охоте за разбойниками. Действующая армия необходима на границе с Намитом, на подавление беспорядков внутри Кассии времени нет.

— Хорошо. Я согласен, что не стоит держаться за прошлое, но... чудовище? Это уж слишком, — сказал Амари. Подобный повод был смешон. Неужели Алонцо захотел наказать его именно так? — Я давно не верю в страшные сказки, отец.

— Я не предлагаю тебе в них уверовать. Просто разберись.

О желаниях, планах и робкой просьбе в случае войны отправиться в действующую армию следовало забыть.

— И каковы мои полномочия?

Алонцо, уже готовый к сопротивлению, превратил невысказанное возражение в улыбку — впрочем, довольно искреннюю. Он потянулся к шнуру для вызова слуг, приказал подать ужин; бросил взгляд на окно, где таяла алая полоса заката, и умирал вечер, превращаясь в ночь.

— Что касается полномочий, то их толком и нет. В Нозароке ты будешь моими глазами и ушами: видеть, слышать, подмечать неявное, но не судить.

Амари вздохнул, но не стал спорить.

— Разумеется, я не отбираю у тебя права действовать так, как считаешь нужным, — пояснил Алонцо. — Но хорошенько запомни, Амари: бессмысленных дуэлей я больше не потерплю.

Отъезд откладывался. Внезапно зарядившие дожди превратили дороги в месиво. Конечно, выехать удалось бы и сейчас, но топтаться в грязи из-за двух-трех дней выигрыша во времени Амари не хотел. Он нервно метался по дворцу, избегая знакомых и злясь на отсутствие в столице братьев. Славно было бы спросить совета у Рамеля, а с Дарио и Мигелем запереться где-нибудь и напиться до умопомрачения. Но, увы, старший отбыл на очередные мирные переговоры в Парис, а средние уехали к морю.

Амари бесцельно мерил шагами коридор, погрузившись в безрадостные размышления. Только с третьего раза расслышав собственное имя, он оглянулся. Из приоткрытой двери струился мягкий золотистый свет. В воздухе повеяло морской свежестью, которую сестра предпочитала изысканным цветочным ароматам и горьким южным благовониям. По ним в эту весну сходил с ума кастелльский двор, но Эрике не было до моды никакого дела.

Она стояла на пороге: маленькая, ясноглазая, с ниспадающими до пояса локонами черных волос. Летнее домашнее платье синего шелка подчеркивало ее тонкий стан, шею украшал огромный сапфир в серебряной оправе — с ним Эрика не расставалась никогда. Выглядела она сейчас как кто угодно, только не кассийская принцесса. В личные покои государей посторонних не пускали, и дети Алонцо пользовались полной свободой и пренебрегали этикетом. Во время же приемов и балов они одевались и вели себя так, чтобы не вызвать неудовольствие даже у самых ярых радетелей за церемонность и приличия.

— А я гадаю, кто ходит кругами по коридору, сопит и топочет. Даже удивилась: ведь в столичном замке приведений нет, а мои многочисленные поклонники действуют менее топорно. Может, зайдешь? — она усмехнулась, подмигнула и снова юркнула в комнату. Отказываться Амари не стал.

Апартаменты Эрики находились на третьем уровне монаршей башни. Светло в них было постоянно, даже в непогоду, однако ее высочество все равно жгла свечи мрачными северными днями. Если бы в комнаты зашел посторонний, он вряд ли понял, к кому попал. Многочисленные наряды и драгоценности, как и прочие сопровождающие благородных девиц, скрывались в нишах за портьерами. На виду оставались только книжные полки.

Во дворце имелась обширная библиотека, но она находилась в правом крыле на втором уровне, выходя окнами в сад. Старые липы давно разрослись и надежно скрывали небо, приказать вырубить их не поворачивался язык, перенести библиотеку тоже не решались. Любимые книги, географические карты и древние фолианты кочевали по комнатам главы семейства и его отпрысков. Порой, чтобы найти искомое, Амари обращался не к старенькому библиотекарю, а сразу к родичам.

— Эри, я у Мигеля «Хронику Тридцатилетней войны» брал, передашь ему, когда он вернется, хорошо? — спросил он, рассматривая рукописи и фолианты. В его последний визит на полках стояли книги поновее, а эти было страшно брать в руки: рассыплется еще.

— Непременно, братик.

Эрика любила историю, но войны и правители занимали ее мало. В круг интересов входила древняя философия, этика и обычаи ушедших времен. Еще она увлекалась легендами, гаданием и магией, хотя считалось, что последней в мире Эрохо никогда не существовало. Любовные снадобья, изготавливаемые ею в ужасающих количествах, Эрика дарила фрейлинам, сама же никогда ими не пользовалась, считая подобное недостойным.

Между потертыми корешками Амари увидел пару амулетов, собственноручно созданных сестрой, и едва не подпрыгнул, когда обнаружил на подоконнике хрустальный шар с впаянным в него глазом — хотелось бы верить, искусственным. Рядом в простой глиняной вазочке притаился сухой букетик вераны. Полевые цветы Эрика предпочитала изысканным садовым, но знали об этом только свои. Остальные дарили ей преимущественно розы.

— Суженый прислал с последним письмом, — проследив за его взглядом, пояснила Эрика.

Скоро она покинет столицу: бракосочетание с моревийским князем — дело решенное. Наверное, она могла отказаться, если бы влюбилась в кого-нибудь из знакомых кавалеров: вышла же их бабка Валенсия за обыкновенного барона, хотя прадед и договорился с элалийским султаном. Однако отказывать Эрика не спешила, да и на примете не имела никого.

— Перестань, — она склонила голову, на лоб упало несколько смоляных завитков. — На тебя же смотреть больно!

Будь здесь кто-нибудь другой, Амари отшутился бы, но с сестрой позволить себе неискренность не мог, отошел к окну и почти не удивился, когда на груди сжались тонкие пальчики. Эрика прижалась к его спине, уткнулась носом между лопаток, всхлипнула и затаила дыхание. Амари только и сумел, что накрыть ее руки своими.

— Эри, не расстраивайся. Лисичка, ну ты чего? — этим детским прозвищем он называл ее нечасто. Эрике оно не нравилось. Обычно она вскидывалась, спрашивала: «Я, по-твоему, рыжая?», а он в свою очередь упоминал черно-бурых хищниц, которыми славились леса на севере.

— Я так испугалась... — уже не сдерживаясь, плакала Эрика. — Когда мы узнали о твоём уходе на Часовую... думала, тебя уже в живых нет!..

Амари улыбнулся:

— Не настолько я бездарно фехтую, чтобы умирать столь нелепо. Ну перестань, пожалуйста. Эри, не реви, а то щеки покраснеют.

Она опустила руки, отстранилась, и он смог обернуться.

— Амари, — проронила она и прямо посмотрела ему в глаза, — я не из-за дуэли.

— Ну спасибо, сестренка! — он рассмеялся и несколько долгих мгновений изучал ее лицо: яркое, живое, совсем не такое как у большинства местных дам. — А я уж думал, ты меня любишь.

— Люблю, — она нахмурилась. — Потому и переживаю. Ты ведь даже не представляешь, что сделалось бы, отведай камни и твоей крови!

Амари неосознанно повел плечом. Хорошо, рана затянулась, а если вновь откроется, кровь будет незаметна на черной ткани камзола. Пугать Эрику еще сильнее ему не хотелось.

— Глупости, — заявил он, как самому показалось, убежденно. — Ты слишком увлечена страшными легендами.

— Легендами?! — она вспыхнула и уперла кулаки в бока. — Ты попросту не желаешь видеть дальше собственного носа.

«Ну хоть плакать перестала, — подумал Амари. — Пусть уж лучше злится, чем плачет».

Он, как и отец, не выносил женских слез.

— Наш мир возник из крови погибшего Творца. По-твоему, это легенда? Или то, что Теренс Намитский полностью истек кровью? Даже не слишком тяжелое ранение на белых камнях практически не дает шанса выжить! — она снова всхлипнула, но произнесла твердо с плохо скрываемой яростью: — Проклятый мир! Он будто пытается уничтожить все хорошее, находящееся в нем. Ненавижу!..

— Ты давно не была у моря, — Амари развел руками и примирительно улыбнулся. — Рейесы на Севере долго жить не могут.

— Действительно, — фыркнула Эрика. — Не тревожься, скоро уеду, — и наигранно мстительно добавила: — Навсегда.

В окно настойчиво забарабанил дождь, небо раскроила ветвистая молния.

— Открой окно, — попросила Эрика. — Обожаю грозу. Теперь уж точно небо скоро очистится, да и людям станет легче.

Стук ставен совпал с отзвуками грома. В комнату ворвался ветер, ударил в лицо и закружил, задувая свечи.

— Как хорошо! — Эрика подставила лицо холодным каплям, устремившимся в комнату.

— Ты же ненавидишь Эрохо, — напомнил Амари.

— Только иногда. И потом, другого мира у нас все равно нет. — Ветер перебирал ее локоны, дождевые капли запутались в ресницах, и улыбалась она почти счастливо.

— Кровь Создателя! Настроение моей сестры меняется чаще направления ветра!

— Я женщина, — хихикнула Эрика. — Привыкай, у нас так положено. Хочешь, я погадаю тебе?

Пытать судьбу умели все женщины семейства Рейес, хоть и обращались с картами по-разному. Амари не помнил мать, но знал, что гадать та не любила. Колоду она доставала лишь в крайних случаях. Эрика же тянулась к картам только в благожелательном настроении, наверное, потому и обещала в основном хорошее. Он сам недоверчиво относился к предсказаниям, впрочем, молочной гуще, облакам или мелким приметам,

которые все и упомянуть невозможно, верил еще меньше.

— Как вам угодно, моя рэя.

— Фи, как официально, — Эрика подошла к небольшому столику красного дерева, запалила черную свечу и вытащила из резного ящичка колоду.

Карты — настоящее произведение искусства — изготовленные из тончайших металлических пластин, необычайно легкие, легли в ее руку. Эрика подержала их, о чем-то задумавшись, кивнула собственным мыслям и прихватила из соседнего ящичка небольшой холщовый мешочек.

— Это сложно, — предупредила она. — Говорят, к совместному карточно-рунному раскладу можно обращаться раз в жизни, но мы ведь можем больше и не увидаться.

Амари пожал плечами. Если верить приметам, то сегодня он должен был умереть по меньшей мере четырежды.

Изящные маленькие пальчики сорвали ленточку с мешочка, потом Эрика попросила не глядя вытащить из него несколько деревянных табличек, перетасовала колоду, наугад выкинула из нее карту.

— Эту посмотрим в конце гадания, а сейчас... — колода рассыпалась по столу, — будешь вытягивать.

— Как скажешь.

— Конечно, как скажу, глупый, — улыбнулась Эрика и указала на место, куда следовало положить избранную карту. — Это твой проводник — тот, кто поведет тебя к цели.

Амари выбрал наугад, перевернул и с неясным чувством уставился на старого знакомого, пятнавшего сегодня ясное небо над Часовой. Иссиня-черная птица косила на него изумрудным глазом и словно усмехалась.

— Ворон, спорящий с ветрами, — подтвердила Эрика. — Насмешник, ставящий превыше всего собственную гордость. Он никому не спускает глупости и слабости, но стократ строже к себе, нежели к тем, кто рядом. Неплохой проводник, особенно если найти с ним общий язык. Мне повезло несколько меньше.

— И кто выпал тебе? — спросил Амари. Птица доверия не вызывала, а уж к насмешкам в последнее время он относился с плохо скрываемой ненавистью.

— Красный леопард. Зверь сильный, красивый, преданный, но больно уж нуждающийся в любви, — Эрика вздохнула. — Ворон будет с тобой, даже если ты его возненавидишь, а мой — только в обмен на привязанность.

Амари фыркнул. Наверняка в облике своего проводника Эри уже видела будущего мужа.

— Теперь переворачивай руну. Да, из выбранных. Так. Молодец, — она повысила голос. — Клади рядом с проводником. И не смей смеяться!

На деревянной дощечке оказался крест с загнутой вверх горизонтальной чертой.

— Осока-охранительница. Защищать тебя твой Ворон будет.

От смешка Амари воздержался, но Эрика все равно нахмурилась и поджала губы:

— Перестань сейчас же! Все серьезно.

— Ну конечно, — Амари виновато посмотрел на сестру. — Ладно, извини.

— Дальше!

С очередной картинки на него воззрился воющий на луну то ли волк, то ли шакал.

— Это твой враг. Тень. Туманная царица.

— Это ты о луне или о волке?

— Карта так называется, — пояснила Эрика. — Тебя что-то смущает?

— Женщина мой враг?

Эрика фыркнула:

— В данном случае это не имеет значения. Тяни руну, сейчас узнаем твою слабую сторону.

Эту руну даже Амари знал: Наро — «Доверие».

Следующие карты спорили друг с другом, руны — тоже. «Ветер» неожиданно выступил на стороне «Ворона», зато «Справедливость» предала. Руна «Победитель», выскользнув из пальцев, упала на ребро, чего раньше никогда не случалось. Эрика хмурилась и кусала губы, даже за книгой сходила.

— Не могу понять, — сказала она. — Никогда не видела ничего подобного. Вытани последнюю.

Амари повиновался. Он никогда не мухлевал, но Эрику хотелось успокоить. Когда он тянул карту в прошлый раз, то заметил слегка приподнявшуюся «Радость». Сейчас он ее вытащит... Металлическая пластина царапнула по ладони, от нее будто жаром повеяло.

— «Кровь Творца»... — заворуженно произнесла Эрика, — она перечеркивает весь расклад. Ничего не предрешиено! Значения изначально трактовались неверно. Гадающий не в состоянии постичь предсказанное.

— Это хорошо или плохо? — уточнил Амари.

— Впервые выпало.

«Но я ведь вытягивал «Радость»! Почему? Когда ошибся?» — Амари спрятал под стол руку.

— К лучшему, — решил он, — предпочитаю творить собственную судьбу.

— Но такого количества могущественных сил это не отменяет.

— Неважно.

В дверь постучал и после дозволения вошел Перан, поклонился и доложил о приезде Рамеля. Старший брат словно почувствовал, где в нем нуждались больше всего. Эрика радостно взвизгнула и выбежала из комнаты. Амари поспешил последовать за ней, но на мгновение замешкался. Рассыпанные по столешнице карты притягивали взгляд.

Хлопнувший ставень разбудил ветер, тот вздохнул, растрепал волосы Амари, коснулся карт и, поднатужившись, перевернул последнюю — ту, что с самого начала отложила Эрика. Амари бросил взгляд на изображение и почувствовал, как холодок пробежал по спине. Из гибельной воронки смерча прищурено пялились бельма и скалилась чудовищная пасть — «Зверь».

Глава 3

В трактирчике у рыжего Хайме творилось что-то невообразимое. И это какой уже день подряд! Конечно, отставной солдат любил, когда в заведение набивалось много гостей, но слишком уж странными на этот раз они были. Вроде и люди, одеты пусть не богато, но прилично, а как посмотрят — не отплюешься.

Отвратность лиц Хайме им простил бы: на своем веку всяких встречал. Однако трактирщик не мог запомнить ни одного из них, и ведь на память он никогда не жаловался. Еще когда во главе поискового отряда месил глину на границе с Парисом, не только своих орлов, но и командиров вражеских частей знал в лицо. Стоило раз глянуть на человека, и потом ни с кем не спутал бы. В мирной нидосской жизни это тоже выручало. Хайме при случае мог стражу на след кого лихого навести (если заплатят, конечно), своих привечал — бывало, скрывал все от той же стражи. Если нужно кому, то и тайное послание передать мог или вещь какую. В общем, жил полной жизнью не слишком богатого, но всем нужного человека. И вот тебе какая напасть...

— Дядька!.. — в кухню вбежала заплаканная Берта. — Ой, дядька, не могу я так больше!

— Чего голосишь, дуреха? — нахмурился Хайме. — Обидел кто?

С подавальщицами он старался держаться строго. Попытки вертихвосток строить глазки заезжим господам пресекал по мере надобности, однако в случае чего всегда мог заступиться. Девицы такое отношение понимали быстро и работали хорошо, на совесть. К тому же Хайме они приходились племянницами, а родную кровь не приветить — это ж гнев Творцовой навлечь, хуже проклятия и представить невозможно.

— Нет, дядька, тя требуют.

— Еще этого не хватало, — Хайме вздохнул. Его взгляд зацепился за пурпурную гвоздичку, озорно подрагивающую в вырезе девичьего платья. Берта туда же. Даром что рябая, так еще и груди как плоски. Дору хоть красота не обошла, пусть и ум невелик достался, а эта...

— Ой, дядька! — Берта испуганно прижала к груди руки. — Неужто не пойдешь?

— К таким попробуй не пойдешь.

— Ох, дядька, Радана вторую ночь плачет. Дурные люди. Очень. И запомнить их невозможно. Казалось бы, смотришь, все подмечаешь, а отвернешься — будто и не говорила ни с кем.

— Ишь навдумывала! Не была б ты племянницей моей, как есть выгнал, — сказал Хайме, вздохнул и вышел к «дорогим гостям».

Разыскивающий его господин нашелся, стоило трактирщику выйти в общую залу. Одет побогаче остальных; пожалуй, можно принять за обедневшего дворянина: серый, ладно скроенный камзол, на пальце перстень с опалом. На лицо Хайме специально не глядел — знал, что не запомнит.

— Высокий гость желал меня видеть? — поклонился он.

— Для расчета хотелось бы.

Голос у постояльца оказался хриплый и безжизненный — тоже незапоминающийся. А еще он коверкал фразы.

«Иноземец?» — подумал Хайме и тотчас отмел эту мысль.

— Эт можно, — он подбоченился, глядя на мешочек тарлей, который постоялец подбрасывал на ладони. — Только, высокий гость, здесь слишком много.

Хайме печенкой чувствовал опасность и жажду наживы всегда смирял вовремя. В прошлом это не раз уберегало его от неприятностей. С нынешних постояльцев он не собирался брать ни одного лишнего кастоля, не то что целого тарля.

Постоялец вздохнул, ухватил его за запястье и медленно положил мешочек с целым состоянием в раскрытую ладонь.

— Честности ради, — прошипел он, — и помалкивания.

Хайме кивнул.

— А еще за то, чтобы ты закрылся.

«Подожгут заведение, потом и страже не опишешь», — подумал Хайме, открыл рот и уже приготовился виниться во всех мировых несправедливостях, расписывать беды, преследующие его семью со времен прадеда, и валиться лихому человеку в ноги, когда постоялец глухо расхохотался.

— Ты, видно, не столь правильно меня понял. Мы хотим, чтобы ты не впускал людей в следующий вечер: нам необходимо побыть в одиночестве.

От сердца немного отлегло. Хайме запустил пятерню в шевелюру огненно-рыжего цвета — невзирая на прожитые годы и лихую жизнь, в ней за множество аньев не появилось ни одного седого волоса — и подумал: «Давно за собой этой привычки не замечал, а, вишь ты, припомнилась».

— Не тревожьтесь, высокий гость, все в лучшем виде сделаем.

— И сам вместе с девками своими запрись и не подглядывай.

Этим вечером у Хайме было необычно тихо. Хмурый хозяин еще в полдень закрыл ворота, а для верности и бревном подпер. Трактир будто вымер: не заглядывали посетители, не кружили меж столов подавальщицы и даже собаки во дворе отказывались лаять. Радана сидела в своей комнате и пропускала меж пальцев шерстку серенькой Маиньки. Так казалось спокойнее, и хоть кто-то был рядом. Два крысолова, что обычно вальяжно разваливались на перилах лестницы и приветствовали завсегдатаев мяуканьем, ушли пару дней назад. Будь на то воля Маиньки, она тоже бросила бы дом, но Радана любимицу из комнаты не выпускала: чувствовала, что с ее исчезновением погибнет и трактир, и дядька, и она сама.

Вдруг Маинька прижала уши и распушилась. Радана едва не вскрикнула, когда кошка выпустила когти, пропоровшие тонкую домотканую юбку.

— Тише, — прошептала она. — Пожалуйста, тише.

В дверь едва слышно поскреблись. Радана отпустила Маиньку, тотчас забившуюся под кровать, и спросила:

— Кто там?

— Я. Радушка, я, — низкий и хриплый голос прозвучал для девушки слаще утреннего пения птиц и самой волшебной музыки. Она любила Маклери, пусть и никогда не назвала бы красавцем. Особенно его портил шрам, тянувшийся от виска до подбородка. Черты лица были грубые, словно топором на бревне кто-то выстругал. Как же Радана поначалу нос воротила! И злилась: все не могла понять, зачем зачастил к дядьке управляющий самого Керво, разве в особняке его плохо кормили?

Сам герцог вызывал в сердце Раданы двоякие чувства. Будучи уроженкой Севера, она недолюбливала южан, пусть и рожденных вдали от побережья, а с другой стороны, необычная сурэйская красота ее привлекала. Было в ней нечто страшно-запугивающее. ореол таинственности окутывал и особняк, и ближайших к нему слуг. Может, потому и Маклери она в конце концов уступила? Тот ходил в трактир с месяц, а потом подозвал ее, вручил красную ленту и цветок вераны и предложил прогуляться при полной луне. Как же это тогда разозлило! Радана не была глупенькой девочкой и прекрасно понимала, к чему он клонит. Не гнушалась она и откровенных взглядов завсегдатаев, да только ходила лишь с теми, кто приглянулся, за кошельком не гналась, хоть драгоценным камнем помани.

Она отказала и чуть не опрокинула на ненавистного ухажера супницу. Дядька тогда разозлился очень, а тот рассмеялся и заплатил втридорога. Через неделю он спас ее от

пьяного забулдыги, подстерегшего на улице, тогда-то Радана и разглядела, какой Маклери на самом деле: и совсем не старый, и нос у него не очень длинный, а глаза и вовсе замечательные — светло-голубые, словно первый лед на притихшей речке, губы бледные, зато улыбаются тепло. Когда Маклери снова предложил прогуляться при луне, Радана согласилась, ожидала волю рукам даст, а он всю ночь рассказывал о «светиле влюбленных» и окружающих его «слезках Творца», стремящихся к земле, но никак не падающих.

— Сейчас я открою дверь, — прошептала Радана и потянулась к засову.

— Нет, Радушка, Маинька выскочит. Эта кошка защитит тебя лучше, чем я или вся стража Нозарока.

Девушка застыла, ошеломленно глядя на дверь.

— Те люди? — спросила она. — Я же говорила — уходить следовало, да дядька не послушался.

— Хайме очень умный человек, — в голосе Маклери слышалась плохо скрываемая досада, — но в некоторых вещах он не смыслит. Запомни, Радушка, только хорошо запомни: как петухи в первый раз прокричат, укройся в дальнем углу комнаты, кошку к себе прижми и не отпускай. Глаза закрой... впрочем, ты ничего не запомнишь.

— Тано... — всхлипнула Радана. В сердце словно вошла ледяная игла.

— Какой я тебе тано, девочка?

Радана представила, как он улыбается, по щекам пробежали первые слезы.

— Маклери...

— Так-то лучше, по имени всегда правильнее, да и не северянин я, зачем же тано величать, даже если любимый? Во дворе шум поднимется, довольно громкий, но ты уж, будь добра, сиди смирно. Что бы ни показалось... кто бы ни закричал.

Радане стало страшно, еще хуже, чем раньше. Слепое предчувствие беды обернулось бедой настоящей. Она как могла гнала от себя дурные мысли, но понимала: Маклери больше не увидит.

— Когда петухи прокричат второй раз, выбегай из комнаты и домочадцев зови, укройтесь у соседей. Днем сможете вернуться, — он запнулся, но добавил: — Если будет куда возвращаться.

Радана кивнула, потом сообразила, что из-за двери не видно, и заверила:

— Да.

— Умница, — похвалил Маклери. — Ты все правильно сделаешь, и жить вы будете по-прежнему... как раньше, слышишь?

— Маклери, — голос задрожал и сорвался. — А ты?..

Ответа не дождалась. Словно холодком из-под двери повеяло, даже досочка не скрипнула. Как пришел, так и ушел — бесшумно.

На душе было так муторно, хоть волком вой. Радана встала на колени и тихо позвала:

— Маинька, серое облачко, иди ко мне.

Собак убили в первую очередь — чтобы не подняли шум. Коты ушли сами: умные звери заранее чувствовали, где оставаться не стоит, да и привязанностей не имели. Облаченные в серое нингуны застыли посреди двора, стояли полукругом и как-то неуверенно. Порой, когда со стороны закрытых ворот налетал ветер, твари едва заметно колыхались, будто лохмотья тумана на ветру, только, увы, не бесплотного. Маклери следил за ними из опустевшей конюшни. Нингуны чуяли живое за двести шагов, будь то человек, зверь или птица, но к нему это не относилось. Он умел путать следы и скрывать присутствие: и свое, и, когда нужно, лошади. Противники отличались силой и ловкостью,

но умом не блистали, даже фразы при разговоре составляли неверно.

Он прикрыл глаза, сосчитал до десяти и открыл вновь. Одному против семерых не выстоять. Будь здесь герцог, все сразу стало бы проще, но Веласко должен вернуться только к завтрашнему полудню. Если его ждать, твари не только свое количество приумножат, но и погубят людей, Маклери не собирался допускать этого по вполне понятным причинам. Надо же, так глупо на пятом десятке влюбиться... даже в юности он вел себя осмотрительнее. Сказал бы кто год назад, что он в одиночку станет препятствовать ритуалу, — рассмеялся бы, а то и побил бы дурака. Такая неосторожность впору только глупцам да юношам пылким; впрочем, теперь корить себя бессмысленно.

Маклери вынул кинжал: простой, без каких-либо украшений, на нем даже клейма мастера не было, — не управляющему герцога носить, а разбойнику. Однако подобного оружия в Нозароке, а то и во всей Кассии не знали. Тишину спящего города и мертвенно застывшего трактира нарушил уверенный петушиный крик, пусть всего на мгновение, но он разорвал сковавший душу холод. Трехгранный клинок поймал скользнувший меж досок луч ночного светила и впился в кожу, Маклери стиснул зубы, на запястье над тремя старыми шрамами появилась алая полоса.

Когда крови натекло достаточно, он туго перебинтовал рану и приник к доскам. Одна из фигур — ближайшая к конюшне — заколебалась особенно сильно. Соседние качнулись, словно желая ее удержать, но не успели. Нингун медленно повернулся и то ли пошел, то ли поплыл. Ступни нелюдя едва касались земли, и двигался он совершенно бесшумно.

Отлично! Круг нарушен, а значит, необходимую отсрочку Маклери получил. Конечно, оставшиеся шестеро могут образовать новый, но предпочтут дождаться насытившегося соплеменника. Герцог говорил, нингуны — не порождение Эрохо, кто-то их призвал. Неизвестно как. Тогда было не до историй — они воевали с парисцами. Размножаться сами нингуны начали уже потом: каждый раз большой ценой для себя и только в двадцатое полнолуние, раз в половину аньо. Жаль, герцог рассказывал нечасто, жаль, Маклери слушал вполуха, жаль, все случилось так спонтанно и он никого не успел предупредить. Но особенно жаль умирать, только познав счастье. Скрипнувшая дверь положила конец всем сожалениям разом: тварь пришла на запах крови.

Вероятно, нингун думал, будто в конюшню заползла раненая собака. Считать твари не умели: не хватало ума даже на то, чтобы понять, сколько псов охраняли трактир, а скольких убили. Существо хотело есть, остальное его не трогало. Маклери дал ему возможность склониться над лужицей крови и ударил. Клинок вошел в шею, из треугольного отверстия в месте, где у людей пульсирует живительная жила, повалил сизый туман. Нингун не издал ни звука, развеявшись.

— Слишком легко, — прошептал Маклери, саданув ногой по доскам, выскочил во двор. Времени катастрофически не хватало, а требовалось еще надеть побольше шума и увести за собой хотя бы часть нингунов. Оскверненный ритуал продолжать не станут, но и рядом с Радушкой им делать нечего. Главное, не подставиться и не дать зажать себя в угол.

Мелькнувшую сбоку тень он заметил чудом, зато две другие не пропустил, перекатился через плечо, словно случайно задев пустую бочку. Та упала на бок и с грохотом покатилась в ноги ближайшему нингуну. Тварь подпрыгнула, зависла в воздухе, бочка врезалась в забор, наделав еще больше шума.

— Грохота не любим? А если так? — Маклери подхватил с земли увесистый камень и швырнул в голову еще одному нингуну. Тот ожидаемо uklонился, а «снаряд» прошил насквозь сразу три кувшина, неосмотрительно оставленных во дворе на ночь Дорой.

Напали на него бесшумно, с трех сторон. Маклери всадил кинжал под капюшон первому сунувшемуся, хотел вытащить, но плечо пронзило острой болью, руку свело, он едва успел отступить.

Нингун исходил туманом, когда оставшиеся приперли его к стене деревянного сарайчика. Хайме хранил в нем всякую всячину: от вил и запасной сбруи до сундуков со старым обмундированием. Маклери подпрыгнул, уцепился за край низкой крыши — умеи нингуны стрелять, он был бы чудесной мишенью, — подтянулся. Крепость крыши

оставляла желать лучшего, но его вес держала. Он поднялся и, осторожно ступая, пошел к противоположному краю. Сарай вплотную примыкал к забору. Добраться до него, а там уж Перла вывезет.

Маклери едва успел пригнуться — над головой просвистело; кинулся в сторону. Шеи чуть коснулся зловеющий холодок, но оглядываться и принимать бой не стал. Крыша сарая принялась глухо поскрипывать. Двоих она выдерживала чудом, а ведь остальные нингуны уже лезли наверх. Перемахнув через забор, услышал треск и надсадный низкий вой. Похоже, ему снова повезло, и один из преследователей не только провалился, но и на что-то напоролся... насадился. Ох, да какая сейчас разница?!

Перла фыркнула, почуяв хозяина, но даже с ноги на ногу не переступила. Нингуны ей не нравились, но бросать Маклери она не собиралась.

— Выноси, старушка! — пегая шестилетка моревийской породы считалась одной из лучших кобыл в конюшне герцога, но вряд ли она выстояла бы долго против скорости нелюдей. — Нам бы до особняка добраться.

Фырканье послужило ответом. Маклери пронзительно свистнул, а потом закричал:

— Эй, горожане! ПОДЪЕМ!!!

— Да к...какого?.. — раздалось из окон ближайшего дома.

Хлопнули ставни лачуги напротив:

— Эй, кто тут?..

— Грабят! Горим! — взвизгнула какая-то женщина. — У Фелки опять мордобой, чтой-ля?

— У самих вас мордобой, — хрипло отозвалась другая. — Сами не спят, другим не дают, а туда же. Фелка им не угодила, а?! Да на себя бы посмотрела, Лизаньдра... Тьфу!

— Совсем ополоумели. Ночь на дворе... — не выдержал басовитый голос с какого-то чердака.

— А ты мне рот не затыкай! — не унималась первая женщина. — Вы поглядите на него...

— Зовите стражу!

Маклери усмехнулся и сдвинул бока Перлы. Копыта гулко простучали по мостовой, вторя им, прозвучал еще один петушинный призыв.

...Осталось миновать всего несколько кварталов, когда Перла прижала уши и пошатнулась. Маклери натянул повод, он и сам почувствовал внезапный страх — холодный, сковывающий. Еще несколько шагов, и лошадь падет или попытается его сбросить. В следующий миг Перла шарахнулась в сторону без команды и тем спасла ему жизнь. Прыгнувший нелюдь пролетел мимо и приложился о стену ближайшего дома. Послышалась ругань, из окна высунулась всклокоченная голова, глянула на тварь остекленевшими глазами и убралась восвояси. Завтра Сеок с улицы оружейников проснется с головной болью и в плохом настроении.

Леденящий ужас наступал со стороны особняка, которому полагалось стать убежищем. Подобраться к нему не получалось, и Маклери решил: в очередной раз поворотив кобылу, он помчал к южным воротам — только их не запирали на ночь. В городе Маклери знал каждый закоулок, но стряхнуть нингунов со следа в лесу будет куда как проще. К тому же незачем горожанам их видеть, не их это головная боль, вернуться же можно и по подземному ходу — не впервой.

Он проскакал мимо стражника, охранявшего ворота, и свернул в лес. Нестись меж стволов ночью, рискуя переломать лошади ноги, а самому получить веткой по лбу, было безумием, если б не нингуны. Довольно скоро позади перестали хрустеть поломанные тварями ветви, страх отступил, а Маклери наконец почувствовал усталость.

На востоке посветлело, когда он решил остановить Перлу. Кобыла только начала уставать и могла скакать еще долго, но рисковать больше необходимого Маклери не

хотел. Лучше дать ей отдохнуть, пока можно. Нингуны то ли отстали, то ли имели четкий приказ не отдаляться от города.

— Ну надо же, — улыбнулся Маклери, — если нам с тобой, старушка, и на этот раз удастся выжить, я...

Глава 4

Шмяк. Амари прихлопнул слепня на шее и придержал коня. Дарзи отвернулся, поправляя съехавшую на глаза шляпу, а на самом деле, скрывая усмешку. Оставшись в одиночестве, его высочество начал искать дружбы ближайшего окружения, самым ближайшим, конечно же, оказался Дарзи.

— Капитан, вы ведь нидосец?

«Надо же. Заметил», — подумал Дарзи. Он был уверен в том, что младший Рейес не видит, куда ступает собственный конь.

— Да, мой принц, как и большинство ребят из отряда.

Амари подавил тяжкий вздох.

— Конечно, нидосские леса могут ввергнуть в уныние и бывалых путников, но небо ясное, дорога — широкая, а к полудню прибудем в город. Горевать совершенно не о чем, мой принц.

Тот кивнул, ничего не ответив, и Дарзи продолжил рассказывать:

— Земли моего родителя чуть западнее, но в Нозарок меня часто отправляли с сестрой. С семейством Керво нас связывали давние отношения.

Амари, отстегнул от пояса флягу, сделал несколько глотков и протянул ему:

— Хотите?..

— Не откажусь. Мой принц, а вы не опасаетесь?

— Чего же? — спросил тот и улыбнулся.

— Я узнаю ваши потаенные мысли, — ответил Дарзи и рассмеялся: — Считается, обычай пить из одного кубка этому способствует.

— Я несуетерен, — Амари тронул повод. Его конь, уже потянувшийся к траве, укоризненно вздохнул. — К тому же пьющие вино из одного кубка стремились не к познанию потаенных мыслей друг друга, а опасались отравления.

— Вы не способны преподнести яд даже самому непобедимому врагу, — Дарзи с удовольствием приложился к узкому горлышку. Вино оказалось восхитительным, поистине королевским. — Вы его, скорее, на дуэль вызовете.

Амари кивнул, лезть явно пришлось ему по сердцу. Дарзи не отказался бы узнать, что у него на уме, этой поездки он ждал и рассчитал заранее, как станет вести себя с младшим Рейесом. Добиться доверия принца было бы нелишним.

— Мне хотелось бы больше узнать о Нидосе.

— Конечно, мой принц. Если вас удовлетворят сведения десятилетней давности.

Амари пожал плечами. Некоторое время ехали в молчании. Тишина прерывалась лишь пением пичуг, да кто-то из солдат мурлыкал под нос залихватскую кабацкую песенку.

— Вы не поддерживаете отношений с родными?

— Не в этом дело, — он откинул ветку старой осины, склонившейся над дорогой. — Мой принц, от столицы до Нозарока сплошные леса, люди не селятся. Деревушки, которые мы миновали, кормятся за счет тракта да скудного земледелия. Зато после Нозарока начинаются горы, полные рудоносных и серебряных жил. Там жизнь кипит, правда, пыли и грязи тоже много. Камень, прежде чем даваться в руки, много пота требует, а то и крови, — последнее слово Дарзи выделил специально.

Амари вздрогнул: Часовую вспомнил не иначе. Дарзи вернул флягу, поправил перевязь со шпагой и глянул на синеющее небо. День обещал быть ясным и теплым по меркам

ласкового северного лета. Из отряда он один кутался в плащ, даже младший Рейес — южанин — преодолевал леса Нидоса в одном колете.

— Что вы можете рассказать о властителе Нидоса, капитан?

Дарзи поправил шляпу. Вот и представился шанс переманить младшего принца на свою сторону, а он-то думал, как поудачнее завести разговор. Теперь даже врать не придется. Почти. Как показывал немалый опыт, полуправде люди верили охотнее, нежели чистому вымыслу или истине, и Амари выглядел ничем не умнее прочих:

— Видите ли, мой принц...

— Амари.

— Амари, — согласился Дарзи. — Последний раз, когда я видел нынешнего герцога, ему было немногим меньше тридцати. Я вызвал его гнев.

Дарзи покинул родные земли непосредственно из-за Керво. Тот изложил свои требования в довольно жесткой форме: дуэль, суд с вынесением смертного приговора или ссылка. Видеть бывшего друга герцог не желал, однако и об отце Дарзи — графе Вальэ — помнил. Вряд ли старик покорно принял бы казнь единственного сына, даже несмотря на то, что сын этот действительно наломал дров. Посвящать мальчишку-Рейеса во все подробности, впрочем, не стоило.

— Вы — мой капитан. Я намерен защищать вас перед герцогом Керво, если такая необходимость появится, — заявил тот.

— Благодарю, мой принц, — Дарзи поклонился. Амари будет сильно удивлен, познакомившись с герцогом. Керво — не Теренс Намитский. Пусть защищает, почему бы и нет? Зная обоих, в том, что общий язык они не найдут, сомневаться не приходилось.

Злат всхрипнул, Амари ободряюще похлопал его по шее, зарылся пальцами в серую гриву. На душе было мутно, настроение неукоснительно падало с каждым новым днем, отдаляющим их от столицы. Как же все это несправедливо и до злости, алеющих щек и шеи стыдно! Иначе как бегством эту поездку не назвать: натворил бед, а разбираться предоставил отцу. Амари не сомневался: Алонцо догадывался о дуэли, ведь не просто так отправил отряд стражи тем утром на Часовую. А ведь Амари прощальных посланий не оставлял и даже писать не пытался. Значит, решил не вмешиваться, хотел удалить из столицы, и ссылка в отдаленные земли показалась ему наилучшим решением.

«Зачем? Почему? На сколько?..» — Амари не мог понять этого какой день подряд. Оставалось надеяться разобраться с происходящим в Нозароке, а там уже ничего не удержит его от возвращения.

Капитан молчал, перебирая повод своего чалого. Почтение не позволяло ему заговаривать первым, но Амари собирался положить этому конец. Здесь, вдали от дома, дворцовому этикету и прочей чуши не могло быть места. С ближайшей ветки сорвалась сорока: до неприличия жирная, черно-белая. Словно от этого, проснулся ветер, согнул тонкие маковки ютящихся у дороги чахлах березок, а в грудь путников кинул песком.

— Между вами произошла ссора? — если капитан счел разговор оконченным, то ошибся.

Злат неожиданно споткнулся, и Амари не разглядел действительно ли собеседник поморщился. Конь прядал ушами и выгибал шею, пришлось сильнее натянуть повод, не позволяя ему трясти головой. Краем глаза Амари заметил, что разволновались и остальные лошади.

— Волчий след? — предположил он.

— Вполне возможно.

— Все же ответьте, капитан.

— Ничего особенного между мной, всего лишь виконтом, и герцогом произойти не могло, — сухо ответил тот. — Керво всегда был сам себе на уме, да и больно несносен. Если он и уважал кого-нибудь, то только собственного отца и то поскольку боялся, —

чальный задрожал и попробовал перейти с шага на рысь. — Десять лет назад мне пришлось спешно покинуть Нидос, иначе гнев Веласко мог выплеснуться на членов моей семьи.

— И вы стерпели?! — Амари постарался говорить спокойно, но голос сорвался.

— Только не делайте поспешных выводов, мой принц, я не трусил, — Дарзи Валэ выглядел расстроенным, и Амари смягчился. — Керво — первая шпага Кассии, я в том готов поклясться, но вовсе не это виной моего поступка. Оставайся Веласко маркизом Нозарок, я с готовностью скрестил бы с ним шпагу, однако на тот момент он уже являлся герцогом Нидоса. Я не мог послушаться сюзерена.

Амари кивнул. Вдаваться в подробности показалось ему неуместным. Он не сомневался в благородстве Валэ, хотел спросить еще что-то, касательно Нозарока, но Злат резко встал, его ржание смешалось с ужасающим воплем. В том, что кричал человек, не было сомнений, вот только орать так можно лишь пред лицом смерти.

Взвился на дыбы чальный, Злат, мелко трясаясь, присел на задние ноги.

— Вперед! — Следующие мгновения слились в бесконечную вязкую муть.

Амари произносил четкие, отрывистые команды, казавшиеся ему, безусловно, правильными, а Злат едва переставлял ноги, вламываясь в кустарник. Вскоре перед глазами уже мелькали стволы. Кони выметнулись на поляну и встали. Амари зажмурился, но реальность не пожелала оборачиваться ночным кошмаром. В центре почти идеального круга завядшей травы ничком лежал мертвец. У мужчины отсутствовали правая кисть и стопы, голова свернута на бок, он косился на приехавших вытекшим глазом и усмехался.

— Плохая смерть...

— Ишь, скалится, — заметил кто-то из солдат. — Видать, узнал убийцу-то.

— Убийцу? — голос охрип и отказался подчиняться, Амари сглотнул. Тошнота поднялась к горлу, но он стерпел.

— Эх, кровь творцова... ваше высочество... — вздохнул тот, кого все звали Гистоном.

— Осмотрите, — велел Валэ, и солдат поспешил исполнять, не став договаривать.

Амари покосился на капитана. Тот казался абсолютно спокойным, и голос его слушался.

— Ну и рожа, — Гистон, склонился над мертвецом. — Разбойник.

— Так или иначе, но подобной смерти он не заслужил, — заметил Амари.

Еще один солдат подошел к телу и помог его перевернуть:

— Капитан, вам глянуть бы...

Валэ приблизился, Амари последовал за ним и тотчас пожалел об этом. Ветер бросил ему в лицо запах смрада и крови, дурнота подкатила к горлу, и справиться с ней оказалось нелегко.

— Это Маклери, — выдохнул Валэ.

— Кто?..

Живот несчастного был исполосован, кишки вылезли наружу, слабый алый ручеек вытекал изо рта, а на шее кровоточил глубокий порез.

— Управляющий герцога, — небрежно пояснил Валэ. Держался он так, словно беседовал о лошадях или рассказывал о выигранной тысячу аньов назад кампании.

— Вы узнали его после более чем десяти лет отсутствия? Вы всех слуг так хорошо запоминаете? — Амари не представлял, откуда возникла в его голосе дрожь и ярость. Он только понял, что, как хорошо ни относился бы к Валэ, готов его ударить. За равнодушие

над мертвым телом!

— Маклери присматривал за Веласко при старом герцоге, просто ни на шаг от него не отходил, и остался служить после смерти его светлости Рикардо. У него шрам от виска через всю щеку, да и черты лица... Гистон прав, не с картин Бриколло. Такого, попробуй, забыть, так в страшном сне явится.

Насчет собственных кошмаров Амари не сомневался: явится обязательно. Не этой ночью так следующей.

— Мы, когда помоложе были, его ненавидели. То попойку сорвет, то о дуэли доложит. Правда, Веласко его ценил.

— А теперь он мертв, — напомнил Амари. Дурнота прошла, только под сердцем поселился холод.

«Что управляющему герцога делать в лесу в двух часах пути от города? Не по грибы же он выбрался?» — подумал он. Это беспокоило даже сильнее, чем неведомое животное, перекусывающее конечности, как Злат подсушенную краюху хлеба. Амари похлопал коня по шее, почти неосознанно сжал эфес, хотя вряд ли шпага могла спасти от подобного монстра.

— Странно, — заметил Густен, — а ведь с такими ранами покойничек давно обескровить должен.

— Зверюга может поблизости хорониться, Творец и Его порождения, — согласно кивнул помогающий ему солдат.

— И лес притих. Пичуги не свиристят, и хоть бы листочек на ветке дернулся, кровь творцова...

— Хватит! — прикрикнул Валэ. — Мой принц, нам лучше вернуться на тракт.

Амари и сам это понимал. Если Маклери убил зверь — существо, в реальность которого он отказывался верить, то всем им грозила опасность. Он уже было открыл рот, чтобы отдать приказ, но все вокруг внезапно ожило. Лес снова зашумел, вязкая мертвая тишина развеялась, и стало легче дышать, зачирикали птицы, ветер заиграл травинками.

— Распорядитесь о похоронах.

— Мой принц, герцог захочет взглянуть на тело.

— Мы его не довезем. Не сможем, — Амари почувствовал, что снова начинает злиться, глубоко вдохнул, как можно медленнее выдохнул, мысленно сосчитал до десяти и приказал: — Похороните его, капитан Валэ.

Стоило покинуть поляну, на плечи опустилась усталость. Злат снова забеспокоился, и Амари поспешил к тракту, бездумно следя за темно-синими мундирами королевских солдат, мелькающими поблизости. Думать о произошедшем не получалось, очень хотелось очнуться в Кастелле и понять, что дуэль, поездка в Нозарок и убитый оказались страшным сном.

Раздался треск. Из кустов вывалился измазанный грязью и древесным соком солдат. Внешняя неопрятность и алый след на щеке говорили о том, что «герой» поучаствовал в победоносной войне с ветками, корягами и лесом в целом. Он вытянулся во фронт и с простоватым деревенским говорком доложил:

— Вашлость, тут это... в кустах... три шага на пятый.

Амари вряд ли выдержал бы вид очередного загрызенного, но идти решил все равно.

— Приведите себя в должный вид, — бросил он, спешиваясь.

— Прощения просим, — солдат почесал затылок. — Как свистопляска началась, так я в лес вломился и, почитай, сразу на дерево налетел.

Амари вздохнул и отвернулся. Нежелание отца набирать личную гвардию из отпрысков знати иногда приносило подобные плоды.

— Как вы попали в отряд капитана Валэ?

— Так... вашлость, батюшка ваш распорядились. Я как контузию на «Адмирале» схватил, так долгонько в хоспитле провалялся, мой корабель и уплыл. А его величие пришли и распорядились.

Амари остановился, с изумлением глядя на солдата.

— Ваше имя Ульрих?

— Если повитуха с наречением не ошиблась.

Амари тотчас стало стыдно за глупую надменность в голосе, а еще больше — за нелестные мысли в адрес солдата. В конце концов, он сам едва не выпал из седла во время скачки по лесу. Нельзя упрекать других там, где тебе всего лишь повезло, а учитывая то, что Ульрих закрыл собой Алонцо во время морского сражения за Акамер, — еще и подло.

— Если бы не вы, я вряд ли увидел бы Эрохо.

— Бросьте, вашлость, дела больно давние.

Ульрих забежал вперед, пригибая в сторону ветви ошетилившегося как еж кустарника.

— Что там? Еще один мертвец?

— Ну... нет. Может, вы взглянете? — вид у бравого вояки почему-то стал слегка ошалелым. Амари никогда бы не подумал, будто матрос, служивший на «Адмирале», мог так краснеть. Он пригнулся, пролезая в образованный колючими ветками коридор, и через два шага оказался на новой поляне.

Девушка лежала под молодой осинкой, длинные, цвета спелой пшеницы локоны разметались по земле. Темный плащ валялся в стороне; легкое белоснежное платье, неуместное в лесу, задралось почти до колен. Из украшений на ней было простенькое золотое ожерелье да перстень, похожий на те, которые носили наследники обедневших родов. Воровка? Крестьянка, оказавшаяся не в том месте и не ко времени? Высокородная рзя, из-за отсутствия братьев или самодурства отца возведенная в ранг наследника?..

Крови не было — уж белое не стало бы скрывать ее; впрочем, это еще ничего не значило. Амари опустился на колени, коснулся маленькой бледной руки; та оказалась теплой. Он с облегчением выдохнул и осторожно перевернул девушку на спину. Хорошенькая: тонкие благородные черты, черные полумесяцы бровей, длинные пушистые ресницы, аккуратный нос и губы, к которым неожиданно захотелось прикоснуться. И, должно быть, показалось: Амари услышал тихий стон. Слава погибшему Создателю, жива! Он вытащил флягу. Приводить в чувство рухнувших без сознания девиц ему уже приходилось. Эрика обмороками не страдала, однако балы кишели фрейлинами, дочерьями многочисленных вельмож и знатными дамами, а те только и ждали удобного случая. Флакона с нюхательной солью с собой не нашлось, но и вино сгодилося.

Она вздохнула глубже, ресницы дрогнули, и Амари понял, что пропал, встретившись с ней взглядом. Необычные, фиалкового цвета глаза придавали ее лицу беззащитность и кротость, в них плескалась бескрайняя нежность.

— Вы кто такой? — за тонким звоном серебряных колокольчиков в ее голосе послышался лязг стали. Она села, пошатнулась от слишком резкого движения, но руки не приняла; нахмурилась и, гордо вскинув подбородок, глянула на неожиданного спасителя. Теперь ее глаза напоминали не вечернее море, а предгрозовое небо — вот-вот полыхнет первая молния.

— Мои люди нашли вас в лесу. Я Амари Рейес.

— Принц крови? В нашей глуши?.. — неуверенно проронила она и поспешила представиться: — Баронесса Милагрин... Инари, — она наскоро оглядела себя, стряхнула

невидимую пылинку с плеча и расправила юбку. Удивительно, но та оказалась девственно чистой, словно на эту поляну девушка перенеслась по воздуху. — Мой отец — барон Бастиан Милагрин, глава городского совета.

— Я счастлив познакомиться с вами. — Милагрины наверняка бедствовали, но для него это не имело никакого значения, а то и давало ряд преимуществ. — Что вы делали в лесу? — спросил он, поднимаясь и протягивая ей руку. На этот раз Инари приняла ее. — Вас испугал... — Амари не нашел другого слова, — зверь?

— Зверь? — переспросила она удивленно. — Нет. Меня сбросила лошадь. Я хотела проследить за одним человеком, но... это неважно. Куда вы направляетесь?

— Мой путь лежит в Нозарок.

— Значит, нам по пути.

Злат недовольно фыркнул, когда Амари посадил ее в седло. Копыта гулко ударили в землю, конь, полностью разделя нежелание хозяина медлить, с готовностью перешел на рысь, а потом и в кентер. Инари нисколько не возражала, от скачки она покраснелась и стала еще прекраснее. Ветер кружил рядом, исправно трепал волосы, птичий гомон окончательно изгнал тишину, он почти бил по ушам — настолько был громок.

— Мой принц! — послышалось сзади. — Позвольте!..

Амари нехотя натянул повод, вынуждая Злата перейти на шаг.

— Слушаю вас, капитан.

— Я хотел доложить об исполнении вашего приказа. Маклери упокоился с миром.

— Вы сказали — Маклери? — Инари вздрогнула.

Амари недовольно глянул на Валэ, но тот уже отъехал в сторону.

— Мой капитан родом из ваших мест, потому знает... — попробовал пояснить Амари.

— Да, я знаю, — прервала его Инари. — Граф постоянно вспоминает о сыне.

— Вы следили за управляющим Керво?

Он не видел ее лица — только светлые завитки качнулись, на мгновение приоткрыв стройную бледную шею.

— Это так, — печально произнесла Инари. — Я заметила его случайно, когда совершала конную прогулку. Согласитесь, вламывающийся в лес на полном скаку всадник создает странное впечатление.

Амари вспомнил самого себя недавно, взволнованных лошадей, мельтешащие ветви. Что за безумство им овладело?..

— Вы были в одиночестве?

— Да, — на этот раз удалось разглядеть мочку ее уха. — Нозарок — город вольных нравов. Женщины могут выезжать без сопровождения, подобное не считается неприличным, а мне одной всегда проще, нежели в компании. К тому же мы не столь богаты, чтобы понапрасну отрывать слуг от работы.

Светлые локоны снова качнулись, ветер швырнул их Амари в лицо, и он закрыл глаза, окунаясь в теплую ласковую волну. Море обычно пахло соленым бризом — раздувающим паруса, зовущим и гонящим за горизонт. Ее волосы пахли иначе: теплотой летнего луга, прелыми травами с легко угадывающимися ароматами мяты и полыни.

— Ох, простите.

Амари открыл глаза. Инари обернулась, а он утонул окончательно и безнадежно, не желая выплывать.

— Ничего, — воздуха катастрофически не хватало; удивительно, что он вообще мог дышать. — Зачем вы следили за ним?

— Ну... — она улынулась и потупилась. — Мне показалось, он замышлял злодейство. Конечно, я не смогла бы его остановить, но разоблачить — вполне.

Глава 5

Со стороны тракта город производил унылое впечатление. Опоясавшая Нозарок стена казалась не просто старой — древней и, судя по провалам в кладке, когда-то выдержала немало осад. Ворота застыли в неподвижности и чуть поскрипывали под холодным северным ветром, Амари не удивился, когда узнал, что их не запирали на ночь. Попытайся какой-нибудь смельчак сделать это, толстые бревна, изъеденные жучком и ржавым железом, со стоном обрушились бы ему на голову.

Отряд медленно протискивался в узкую арку подворотней башни. Впереди ехал Валэ, за ним следовал Амари с Инари, по бокам и сзади — солдаты в почти боевом порядке. Нападения, конечно, никто не ждал, но народу вокруг оказалось столько, что иначе не протолкнуться. Крестьяне, купцы, ремесленники, прибывшие на базар из ближайших деревень, устремлялись внутрь разномастным бурлящим потоком, горным селом, сметающим на своем пути столетние деревья и валуны. Стражи, которые до поры не показывались, умудрялись выхватывать из толпы тех, кто побогаче, и требовать плату за въезд. Вряд ли эти поборы шли в казну города. Один из предприимчивых стражей дернулся в сторону отряда, но, перехватив взгляд, брошенный Валэ, посерел лицом, вздохнул, переглянулся с напарником и стал разглядывать камни мостовой — якобы они занимали его куда сильнее неприветливых путников.

Внутри город выглядел скверно. Нозарок не имел ничего общего ни со строгой Кастеллой, ни с нарочито веселыми бесшабашными прибрежными поселками. Здания то ютились друг к дружке, то держались особняком, отгораживаясь высокими заборами и темными садами. Для Амари подобное выглядело диковинкой. В столице едва не дрались за клочок свободной земли. Дома срастались крышами; бывало, стояли столь кучно, что желающим попасть на соседнюю улицу, приходилось проехать треть города.

— Мы миновали новую стену, места здесь еще достаточно, — пояснила Инари, словно прочитав его мысли.

— Если герцог содержит в таком состоянии новую стену, я не желаю глядеть на старую, — пробормотал Амари.

Где-то в центре маячила серая игла дозорной башни, а чуть дальше грозил небосводу величественный чернокаменный особняк. Тесный въезд остался позади, улица за ним оказалась достаточно широкой: по ней могли проехать шестеро всадников, не потревожив друг друга. Стало просторнее, однако спешащим по своим делам горожанам места все равно не хватало. Валэ пришлось несколько раз окликнуть кого-то неугомонного, то и дело совавшегося коням под ноги. В ответ тот пролаял парочку проклятий и извечное «понаехали тут, самим места мало».

Валэ зло сощурился. Амари вспомнил Кастеллу с ее вечной нелюбовью к приезжим, и особенно к носителям сурейской крови, весело рассмеялся и положил руку на плечо капитана:

— Успокойтесь, этот несчастный вас не признал.

Валэ кивнул и выслал вперед Гистона. Тот принялся раздвигать толпу с помощью солдафонских шуточек и окриков, отчаянно жестикулируя и изредка бранясь. Отряд поехал быстрее, пока не уперся в обветшалую стену с прилепившимися к ней торговыми рядами.

— Я могла бы порекомендовать вам хороший постоянный двор, — предложила Инари.

— Благодарю, — Амари улучил момент и завладел ее рукой. — Боюсь, мне не суждено будет воспользоваться его гостеприимством. Путешествующего сюзерена должен приютить старший из вассалов, здесь таковым является герцог Керво.

— Веласко... — с затаенной печалью в голосе проговорила Инари, а потом взглянула испуганно и умоляюще: — Заклинаю вас, ваше высочество, будьте осторожнее с этим человеком!

— Не тревожьтесь, — он сжал маленькую ручку, переплетя тоненькие пальчики со своими. — И прошу, зовите меня по имени, если, конечно, это удобно.

— Хорошо. К особняку ведут многие пути, но лучшая улица проходит через центральную площадь. Там красиво, но, конечно же, не как в Каstellе. Заодно и к дому меня подвезете.

Ответить Амари не успел, его перебил глухой и надсадный низкий гул.

— Грозовой колокол... — с дрожью в голосе прошептала Инари.

Больше подгонять горожан не приходилось. Увлекаемые людским потоком, они проехали еще одну стену — Старую. Если бы враг напал на город, он без труда преодолел бы первые укрепления, но обломал зубы здесь. Поддерживалась она в идеальном состоянии. Здания за ней разительно изменились, вытянулись вверх и придвинулись друг к другу. В их облике начала проступать столичная строгость, однако в отличие от Каstellы, где фасады выдерживали в одном стиле, Нозарок пестрел яркостью красок и обилием лепнины. Отряд провожали оскаленные головы львов, указующие персты правиц, обилие плодов и неувядающих цветов. Возле резных ворот парка сидела высеченная из целого куска мрамора девочка, она протягивала руки к проезжающим и улыбалась.

Площадь была запружена народом. Те, кому не хватало места, лезли на заборы, крыши или чахлые деревца, кое-где примыкающие к домам местных богачей. Конечно, хозяевам подобное поведение простолюдинов не нравилось, но их не спрашивали. С высоты Злата Амари удалось разглядеть здание ратуши, городского собрания, древнюю дозорную башню. В центре располагалось небольшое, наскоро сколоченное возвышение, людей возле него оказалось особенно много. Чуть дальше, грозя полуденному небу, вздымались уродливые остовы виселиц.

— Инари, останьтесь здесь, капитан Валэ защитит вас.

— Прошу вас, госпожа, — сказал тот, бережно пересадив девушку в свое седло.

Амари тронул повод, направляя Злата к погосту. Толпа недовольно зароптала, но он не собирался вступать с ней в пререкания, в конце концов людское озеро колыхнулось и отступило, освобождая проезд. Остановился он, только оказавшись в первом ряду зевак. Возле эшафота связанные по рукам стояли пятеро горожан в одинаковых серых камзолах, их лиц рассмотреть почему-то не получалось, вернее, не удавалось запомнить: стоило моргнуть, и память подводила.

Неожиданно сердце пропустило удар и забилося часто-часто, липкое неприятное ощущение окутало плечи, кольнуло в затылок. Однажды во время охоты Амари едва не убили, — кто-то принял его за оленя. Спасла случайность — в придорожной траве блеснуло, и он наклонился посмотреть — так объяснил, но на самом деле за мгновение до выстрела его пронзил холодный страх, от которого он едва не свалился с коня. Сейчас Амари ощущал нечто подобное. Он прикрыл глаза, задержал дыхание и постарался ни о чем не думать. Он сжал повод, чтобы не позволить себе схватиться за эфес: искушение выхватить шпагу было слишком велико. Справа закричала старуха — не разобрать, что именно; расплакался ребенок, и наваждение развеялось. Амари открыл глаза. Он снова стоял на площади, запруженной народом — перед эшафотом.

Темноволосый с орлиным носом глашатай поглубже вдохнул и заорал, перекрикивая людской гомон:

— По приказу Веласко герцога Керво, властителя Нидоса и города Нозарок! Сегодня, пятого дня третьей летней месы верано состоится казнь через повешенье с последующим отсечением головы! Герцог обвиняет в убийстве своего управляющего Маклери Керна стоящих перед вами преступников и осуждает! И да прекратятся бесчинства!

Амари шумно выдохнул. Он ослышался или ошибся Валэ? Керво неоткуда было узнать о смерти слуги. Управляющего не могли убить эти люди, попросту не успели бы вернуться! Но что же тогда происходит?.. Герцог схватил первых попавшихся под горячую руку горожан или даже не просто попавшихся, а неугодных?..

Глашатай повернулся и почтительно поклонился, Амари проследил за его взглядом и наткнулся на облаченного в скромный черный наряд мужчину. Впрочем, даже будь он в тряпье последнего нищего, все равно выделялся бы из толпы. На вид ему удалось бы

дать и чуть старше тридцати, и почти сорок. Казалось, лицо его менялось каждый раз, стоило моргнуть, однако при этом не забывалось бесследно. Незнакомца отличала стройность, величественная осанка, черные, ниспадающие по плечам крупными кольцами волосы и очень бледная кожа. Волосы выдавали в нем южанина, кожа либо указывала на недавно перенесенную болезнь, либо досталась ему от северных родичей.

— Начинайте казнь, — прозвучал над площадью низкий и довольно приятный голос с неким неуловимым акцентом, которого, по идее, не могло быть у человека, чей род прожил на севере ни одну сотню аньо. Керво не напрягал горла, но услышали его все.

— Нет! — выкрикнул Амари.

Злат заплясал на месте, резко повернувшись и лишь чудом никого не сбив. Амари поймал на себе пристальный взгляд и направил коня к герцогу, не обращая внимания на зевак: те спешили уйти с дороги сами.

Керво стоял на небольшом возвышении — огромном валуне, неведь как оказавшемся на площади, — и Амари не стал спешиваться: так они оказались почти одного роста. Давно следовало вмешаться страже, однако никто не спешил перехватывать узду или наставлять на всадника пику. Герцог смотрел с ленивым любопытством. Теперь Амари сумел лучше его разглядеть. Резкая моревийская красота в сочетании с белоснежной кожей производила удивительное впечатление — кого-то не принадлежащего этому миру. Тонкие аристократические и в то же время хищные черты, пронзительный взгляд золотисто-карих глаз (теплых и так не сочетавшихся с остальным обликом) — завораживали.

— Нет? Вы уверены?.. — Губы тронула ядовитая усмешка. — А впрочем, продолжайте. — Керво опустил руку на эфес шпаги — нарочито простой, без каких-либо украшений.

— Вы казните безвинных!

— Откуда такая уверенность? — Керво не повысил тона, но его снова услышали все. На площади установилась зловещая тишина. Казалось, находившиеся здесь люди затаили дыхание и даже биение собственных сердец. — Ну же. Не смущайтесь, — теми же интонациями Сарэн Галаруа отчитывал младшего Рейеса за невыученный урок. — Мне даже интересно.

Предательская краска залила лицо и шею. Амари застыл напротив герцога, чуть ли не раскрыв рот, не в состоянии произнести что-либо вменяемое. За подобный тон и слова следовало вызывать или оскорблять в ответ — все лучше, чем чувствовать себя щенком, заступившим дорогу матерому волку.

— Несколько часов назад!.. мои люди обнаружили в лесу растерзанного мужчину! — Амари судорожно вздохнул.

— Спокойнее. Я не глухой.

— Подобных повреждений человек человеку не мог нанести... даже если бы захотел, — губы пересохли, голова загудела. Амари не понимал, что с ним творится, не Нозарок же так действовал на высланных из столицы принцев? — Скорее всего, на него напал крупный хищник. Мой капитан, уроженец Нидоса, опознал в умершем управляющего Маклери Кр... Ке. р...на. Ваши преступники томились в застенках с утра, а то и с вечера, — быстрее приготовить все для казни вряд ли возможно. — У них попросту не было времени для убийства!..

Керво рассмеялся:

— А если бы я сообщил вам, что прибыл в город не раньше полудня?

«Да он издевается!» — Амари взглянул на небо. Солнце едва перевалило зенит.

— Назовите себя, и будем заканчивать с этим фарсом, — приказал Керво.

— Мой принц! — У эшафота стоял Дарзи Валэ, рядом застыли солдаты, чуть поодаль на коне капитана восседала Инари. Если бы ее взгляд мог убивать, герцога уже не существовало в этом мире.

— Я, Амари Рейес, младший сын Алонцо Первого Рейеса, правителя Кассии, приказываю прекратить казнь! — воскликнул Амари, поворотил коня и поспешил к своим людям.

Герцог с легкостью спрыгнул с валуна. Светловолосый слуга подвел ему вороного жеребца с белыми гривой и хвостом, подобного красавца не было даже в королевских конюшнях. Конь едва не порвал удила, когда его вели чужие руки, но застыл словно статуя стоило Керво взлететь в седло.

— Насколько я помню, — Керво выждал несколько томительных мгновений, — принцам крови не рекомендовано вмешиваться во внутренние дела герцогств.

Подобное мог лишь король, но говорить об этом прилюдно герцог не стал.

— Однако... — Керво сохранял неподвижность, но вороной ожил и, важно вышагивая, направился к эшафоту, только нервно охаживающий бока хвост выдавал его нервозность. Жаль, у самого герцога не было хвоста: сразу удалось бы понять, настолько ли тот спокоен, как выглядит. — Вы сын моего сюзерена и гость, а гостей в роду Керво принято ценить.

— Это значит... — начал Амари.

— Казнь будет отложена до выяснения всех обстоятельств дела. Вас, ваше высочество, я прошу следовать за мной. Ваши люди найдут пристанище в какой-нибудь гостинице города, Нозарок ими славится, — одним отточенным движением он развернул жеребца на месте и выехал с площади, нисколько не беспокоясь тем, последовал ли за ним Амари. Разговор был окончен.

— В «Золотой шпоре», — прошептала Инари. — Я объясню вашему капитану, как до нее добраться. Благодарю вас, Амари, берегите себя.

Воздух оцарапал легкие. Посреди теплого летнего дня неизвестно откуда подул ледяной северный ветер и пробрал едва ли не до костей.

Амари запрокинул голову и зябко передернул плечами. На солнце набежала туча, небо хмурилось, а в вышине парил... ворон? Если в Нидосе эти птицы в полтора раза крупнее столичных, то, пожалуй, и ворон. Охранитель (если верить Эри), зверь его задержит... Ледяной ветер не унимался; душа застыла от неожиданного одиночества. В неприветливом чужом краю даже люди эскорта казались хорошими знакомыми.

Герцог ехал впереди: не оглядывался, не спрашивал, не выказывал недовольства. Его не интересовало, следовал ли за ним гость, как и наличие собственной охраны. Люди Керво держались в двадцати шагах позади, и из-за них Амари чувствовал себя арестантом, конвоируемым в тюрьму.

— Вы так и собираетесь плестись в хвосте? — зевнув в перчатку, бросил Керво.

— Я не ваш оруженосец, чтобы отставать на полкорпуса или выполнять ваши приказы, — слова вырвались сами, Амари со злостью подумал, что лучше бы промолчал.

Керво натянул повод, ожидая, пока он приблизится. Злат всхрапнул и прижал уши, поравнявшись с вороным жеребцом: тот не нравился ему даже сильнее, чем сам герцог — Амари. Вороной тоже дружественных чувств не испытывал: горячился и змеил шею, косил налитым кровью черным глазом и пофыркивал, Керво жестко одергивал его, не позволяя рысать. Глядя на «обмен любезностями», Амари решил проследить, чтобы в конюшне жеребцов устроили как можно дальше друг от друга.

— Я не собираюсь объясняться, — заметил Керво. — Да вы, по всей видимости, и не поверите словам.

Вроде бы он не сказал ничего особенного, но Амари оскорбился и процедил, изо всех сил стиснув эфес шпаги:

— Почему вы солгали?!

— Солгал? — Керво приподнял бровь и ухмыльнулся. — Выбирали бы вы выражения, а впрочем... что на этот раз вас не устроило, ваше высочество, позвольте спросить?

— Вы отказались принимать моих людей.

— Сожалею, но я и не обязан, — сказал Керво и расхохотался.

Амари опустил взгляд на мостовую и прикусил губу, боясь не сдержаться и все же вызвать нахального герцога. Отец подобного не одобрил бы, а, узнав об очередной дуэли, мог выслать еще дальше Нидоса, пусть большую глушь представить сложно.

— Да, я слегка искажил одно из уложений кодекса Сантаса Восьмого, — наконец признал Керво. — Но неужели вы полагаете, что те, кто собрался на площади, кроме нас с вами и еще двух-трех человек, о них хотя бы слышали? Кодекс принимался для дворян, горожане же станут жить так, как скажу я... или вы. До высшей справедливости им, кстати, тоже нет дела. Справедливость измеряется сытостью желудка и тугостью кошелька, потому ваша эскапада донельзя неуместна.

Выглянувшее из-за тучи солнце закрыла громада особняка. Черное с остроконечными шпилями строение не просто могло сравниться с королевским дворцом, оно его превосходило: и высотой, и размером (или же так казалось на фоне прочих домов Нидоса). Строгость первого уровня, угловатость второго и лихость третьего, обросшего многочисленными башенками, внешними галереями и балкончиками, создавали впечатление чего-то несуразного, но изящного и красивого. Многочисленные флюгера в виде приготовившихся к броску пантер и пикирующих хищных птиц только дополняли впечатление. Высокая кованая ограда и заросший старый сад надежно скрывали обитателей замка от любопытных взглядов случайных прохожих. Излишне большие окна словно насмехались над теми, кто хотел бы подглядеть, что же творится в комнатах.

— Не считайте, будто я преисполнился любви к ближним, принц Амари. Терпеть не могу этой пошлости и не подвержен ей, а услугу оказал скорее Алонцо, нежели вам, — Керво устало провел ладонью по лицу, чем-то неуловимо напомнив его величество. — Упорствуй я в желании довести казнь до конца, вы непременно приплели бы отца.

Амари счел за лучшее не отвечать.

— И создалось бы впечатление, будто король Кассии не доверяет герцогу Нидоса, — продолжил Керво тоном занудного законника. — Впрочем, мы приехали.

Ворота с ощерившимися леопардовыми и птичьими головами бесшумно отворились. В три человеческих роста вышиной! Амари ждал от них хотя бы скрипа. Топот копыт по двору был единственным звуком в царстве черного камня. Встречающие господина слуги стояли молча, будто парисские рабы, только в отличие от несчастных, которых и за людей-то не считали, не опускали голов. Они смотрели прямо, без подобострастия, мнимой покорности и желания услужить, не проявляя ни радости, ни показной чопорности.

Герцог легко прыгнул на каменные плиты. К нему немедленно подошел известный Амари как глашатай слуга и ухватил повод наострившего уши вороного.

— Со своим серым обращайтесь к Омеро, — кивнул на слугу герцог.

Конюх-глашатай коротко поклонился, протянул руку и взял Злата под уздцы, собираясь вести обоих жеребцов, которые по дороге едва не поубивали друг друга. Амари споро спешил, хотел отобрать повод Злата, но замер в замешательстве. Кони склонили головы и, не косясь друг на друга, безропотно пошли за слугой.

— Идемте, — то ли приказал, то ли позвал Керво. Он пересек двор, бегом поднявшись по ступеням, кивком поприветствовал встречающих, указал на невысокого сурэйца с непримечательным обветренным лицом, бросив так и не удосужившись обернуться: — Карлос, мой новый управляющий, по всем остальным вопросам — к нему.

Амари кивнул, мстительно подумав о том, что герцог этого не увидит: слуга слышал — и достаточно. Говорить с Керво не хотелось, по крайней мере сейчас, хватило отповеди у эшафота и по дороге.

— Вот и хорошо, — Керво резко обернулся и, слегка склонив голову к плечу, смерил Амари насмешливым взглядом. — В таком случае оставляю вас на Карлоса. До вечера, — бросил он, коротко кивнул и исчез в дверях.

Амари не нашелся с ответом: он выбирался из столичного замка нечасто, если только в Рей, однако нигде его так не бросали. Казалось, Керво, как только пересек порог собственного дома, тотчас забыл и об обязанностях хозяина, и о приличиях, и об этикете. От этого стало не по себе (Амари и сам не знал почему: ведь общаться с герцогом-самодуром не хотелось по-прежнему).

— Прошу вас, — решил прервать неуместно затянувшееся молчание Карлос. — Я провожу.

Амари пожал плечами.

— Ну... проводите.

Карлос коротко поклонился и потянулся к дверному кольцу. Мигель называл такие руки «шпионскими». Внешне ничего примечательного — руки как руки, а словно собственной жизнью живут независимо от хозяина, и неясно, чего в следующий момент ждать. Карлос вежливо поинтересуется, не желает ли гость вина, а рука в бокал яд подсыплет (незаметно, конечно же) или за кинжал схватится. Мизинец нового управляющего обнимал серебряный перстень с карнеолом, на золотистом камне скалилась искусно вырезанная голова пантеры или леопарда.

— Скажите, — поинтересовался Амари, — хищники на воротах и на вашем кольце только для красоты или что-то означают?

Ответил Карлос так, словно его спросили о погоде:

— Это дань традиции и памяти.

Он пропустил Амари вперед, прикрыл дверь, обогнал и засеменял впереди, указывая дорогу.

Внутри особняк сохранил величественность и красоту линий. Высота потолков превышала рост Амари вчетверо. Нежный синий и бирюзовый шелк, которым были обиты стены, напоминал то о море, то о сурэйском небе. Длинный ворс устилавших пол ковров скрадывал звуки; впрочем, наверняка и без них слуги и герцог ходили бесшумно.

— Род Керво первым заключил договор с Моревией. Предок нынешнего герцога взял в жены дочь моревийского князя Йаранда. Брак связал правителей обоих государств кровными узами. Этому родству Кассия обязана благополучием в водах Жемчужного моря. Он...

— Вообще-то семейство Рейес также в родстве с моревийскими князьями, — заметил Амари и поморщился. Зачем он влез? Спорить со слугой недостойно его положения, да и какое ему вообще дело до того, что управляющий решил рассказать о своем господине?

От чужеземных предков нынешний герцог, похоже, унаследовал не только необычную внешность, но и любовь к роскоши. Мелочи, которыми он себя окружал, кричали о богатстве и знатности, но как бы Амари ни хотел, упрекнуть Керво в плохом вкусе не получалось. Каждая вещь лежала на своем месте, дополняя, а не разрушая единый образ.

— Он высадился на побережье и основал город-государство Рей, — словно не заметив реплики Амари, спокойно продолжил Карлос. — Красный леопард — тотемное животное моревийцев. Леопард черный когда-то украшал герб герцогов Керво.

Пантеры до сих пор красовались на стягах родного сурэйского города. Под синими флагами с оскалившимся черным хищником выходили в море фрегаты. Во время сражений поле менялось на алый. Это означало, что корабль брать пленных не намерен, и следует хорошенько подумать, прежде чем затевать с ним бой.

Амари с облегчением перевел дух, взойдя вслед за слугой по ажурной винтовой лестнице на третий уровень: высота потолков в особняке оказалась приличной.

— Когда Керво покинул Рей, то сменил герб. Ныне в синем поле парящая хищная птица, летящая к черной луне, — Карлос даже дыхания не сбил. Он, наверное, раз по сто на дню преодолевал эти спуски и подъемы, тогда как Амари восхождение показалось

бесконечно долгим и утомительным.

Дело обстояло не совсем так, как рассказывал слуга. Керидо Керво, предок нынешнего герцога, не покинул Рей, а бежал как последний трус, воспользовавшись наивностью одной из дочерей Аларо Рейеса, захватившего город. Впрочем, уточнять было бессмысленно.

Управляющий остановился в конце длинного коридора и распахнул одну из дверей. Амари успел подавить вздох, но не совладать с лицом. Комната оказалась небольшой и богато обставленной, но к роскоши он привык еще в столице, поражала вовсе не она — всем вниманием Амари завладело огромное, едва не во всю стену окно. Вид из него открывался потрясающий. Нозарок лежал как на ладони, дома выглядели игрушечными, как и начинавшийся за городской стеной лес, зато горы у горизонта, небо и облака — настоящими.

— Рэю подходит? — осведомился Карлос.

— Безусловно.

— Если вы желаете, я скажу, чтобы принесли вино и легкие закуски. Ужин подадут нескоро.

— Нет, я не голоден, — уходить отсюда не хотелось, но Амари вовремя вспомнил о своих обязанностях. Если он хочет, чтобы солдаты признали в нем командира (настоящего, а не знатного господина, которого следует лишь сопровождать и охранять), то и вести себя нужно соответственно. — Мне необходимо проверить, как устроились мои люди. — Наверняка Валэ с размещением уже справился, Амари лишь путался бы у него под ногами, и все же оставаться в особняке, пить вино и отдыхать с дороги казалось неправильным.

— Выделить вам сопровождающего? Нозарок — большой город.

Амари покачал головой:

— Со столицей не сравнить.

Карлос кивнул и вышел. Амари запоздало подумал о том, что надо было спросить у него дорогу до «Шпоры».

Глава 6

«Золотая шпора» оказалась просторной, чистой, а главное — вместительной. Счастливый хозяин расхваливал свое заведение, и Дарзи не имел причин не верить его словам: не потребовалось много времени, чтобы разместить людей, однако обедать в переполненной обеденной зале он не хотел, а потому присмотрел трактир на другом конце улицы, отдал последние распоряжения и уже в дверях столкнулся со своим принцем. Вид у Амари был не особенно радостный, скорее нервно-взъерошенный, похоже, Веласко не церемонился с ним.

Дарзи подавил усмешку. Веласко сам рыл себе могилу: ссориться с такими принцами, как младший Рейес, — себе дороже. Да и зачем? Нет ничего проще, чем сказать пару банальностей на тему верности и чести, а потом вертеть гордецом как заблагорассудится.

— Мой принц, — он учтиво поклонился, — что-то произошло?

— Герцог Керво. Если коротко, — огрызнулся тот.

Дарзи кивнул.

— Прошу прощения, капитан, — тотчас извинился Амари. — Вы хорошо разместились?

Дарзи кивнул снова:

— Я как раз собирался перекусить, изволите присоединиться?

Амари улыбнулся и изволил, Дарзи в этом как-то и не сомневался. Вместе они вышли на улицу и прошли к заведению с забавной вывеской и не менее замечательным названием: «У Хайме». Имя хозяина трактира было созвучно слову «Хайм» одного из древнесеверных языков, все еще ходящих по Нидосу и Намиту, — проныра, хорека, весельчак, — потому и вызывало у Дарзи улыбку.

— Веселая вывеска, — сказал Амари. На трех криво сколоченных досках бравый военный с рыжей всклокоченной шевелюрой и усами, которым позавидовал бы любой таракан, покачивал пузатой кружкой. Воистину — проныра.

Пожилой трактирщик, не утративший ни огненно-рыжих волос, ни удало закручивающихся усов, но, в отличие от солдата, изображенного на вывеске, отравивший внушительное пузо, приветствовал господ полупоклоном. Пушистый полосатый кот, возлежавший на перилах, попытался зацепить Амари лапой, но зыркнул на хозяина, мяукнул и зажмурился. В обеденной зале было светло и просторно, завсегдатаев немного, а из кухни доносились будоражащие запахи.

Они расположились у камина. После Кастеллы, которая, конечно, не сурэйский Рей, но тоже довольно теплая, холодный ветер Нидоса пришелся не по душе обоим. Дарзи с удовольствием уселся спиной к огню, заказали вина и мяса. Пили молча. Дарзи ждал, что Амари заведет разговор, но тот уставился в пламя и думал о своем.

Так опустел кувшин.

— Я жду распоряжений, мой принц, — пришлось заговорить первым.

Амари вздрогнул.

«Что, в конце концов, произошло? Не на дуэль же он вызвал Веласко? — обеспокоенно подумал Дарзи. — Сейчас это было бы не ко времени».

— Я намерен поймать существо, напавшее на слугу Керво, — словно во сне проговорил принц, не отрываясь от разглядывания языков пламени, плясавших в камине.

Был бы Дарзи поэтом, наверняка назвал бы подобное времяпрепровождение созерцанием танца огненных саламандр... хорошо, что он никогда не писал стихов. Он попытался завладеть вниманием Амари, начав едва слышно постукивать ногтем по ножке кубка, но не преуспел в этом. Состояние принца окончательно перестало нравиться, когда тот не услышал очередного вопроса. Амари словно спал с открытыми

глазами, и этот его взгляд, прикованный к огню... Нет, чуть левее. Там за камином, в углу, притянув к груди неказистую серую кошку, сидела простовато одетая девица в накинутом на плечи издавшем виды платке; миловидная, но держалась так, что на нее не посмотрел бы не только дворянин, но и трудяга с рудоносных шахт.

— Мой принц, я готов выполнить любое ваше распоряжение... — с тем же успехом Дарзи мог говорить со скамьей.

— Мы, конечно же, не станем прочесывать окрестные леса, — обнадежил тот.

— Разумеется, нет, — с Дарзи вполне хватило скачки до Нозарока. Охота было лошадям ноги ломать...

— Однако вы мне очень поможете, если расспросите местных о звере. Если из-за него бегут, то и слухов должно ходить много.

— Как пожелаете, мой принц, — ответил Дарзи. Он с удовольствием выполнит этот приказ: Амари останется доволен и, несомненно, сделает выводы — те, какие нужно.

Появился трактирщик, принес еще один кувшин вина.

— Кто это? — Амари указал на притихшую замарашку.

Дарзи скривился: он никогда не заподозрил бы представителей нынешней династии в отсутствии вкуса, к тому же был уверен в том, что принц потерял голову от золотоволосой баронессы.

— А... — махнул рукой Хайме. — Племянница моя двоюродная, Радана. Подавальщицей работала, да занемогла. Нас же какие-то изверги пожечь хотели, ну вот с той ночи сама не своя ходит. И ведь нас с родней уберегла, из дому вытолкала, а потом, как утро настало, села на крылечке, Маиньку к груди прижала да так и осталась.

Амари моргнул и растерянно взглянул на трактирщика, словно только сейчас очнулся ото сна.

— Кошку Маинькой звать, — пояснил тот, но, видимо, неправильно понял невысказанный вопрос; принц по-прежнему выглядел растерянным и удивленным. — А ведь какая девка была — огонь, — продолжал Хайме. — Я уж думал — после того, как ейного любовника загрызленным нашли, совсем сляжет. Ан нет.

— Когда?

— Дык утром вы же сами и прискакавши, и рассказавши. Бывшего герцогского управляющего она любила, тот на лицо хоть и страшен был, а добротой девку взял.

Амари кивнул, и трактирщик немедленно умчался по своим делам. Дарзи понял, что разговаривать с полоумной, скорее всего, придется ему.

— Извините, капитан, — вопреки ожиданиям Амари поднялся сам.

Он подошел к камину и сел на край скамьи. Дарзи не слышал разговора, только в какой-то момент лицо девицы изменилось. Не выпуская кошку из рук, она встала и одарила Амари ненавидящим взглядом, которого тотчас испугалась и, потупившись, ушла. Принц сердиться и не подумал, но удерживать дуреху не решился, поднялся и вернулся к столу.

— Что-нибудь узнали? — поинтересовался Дарзи.

Амарикакнул головой:

— О том и речь: я не местный, и откровенничать со мной никто не желает. Возможно, вам повезет больше.

Дарзи кивнул. Уж в этом он не сомневался.

Когда принесли ожидаемое мясо и еще кувшин, разговор начал налаживаться. Амари вспомнил Рей, Дарзи рассказал о родных краях, оба сошлись на том, что в середине поланьо верано в Нидосе невыносимо холодно. Дарзи заверил, что, несмотря на эту

неприятность, в Нозароке очень мягкие, почти южные зимы, ведь горы не дают проникать в провинцию лютым северным ветрам; летом же они, наоборот, удерживают приходящие с запада, из Намита, грозы и холод.

За окнами только-только начало темнеть, а они едва не выпили дружескую. Амари был уже достаточно пьян, чтобы брататься с капитаном собственной охраны. Помешал им некто горбоносый в цветах герцога. Веласко, не иначе, вожжа под хвост попала, если, обеспокоившись судьбой высокого гостя, он послал за ним своих людей. Раньше он подобной заботы не проявлял. Неужели тоже решил заслужить благосклонность короны? Десять лет назад он не стал бы угождать заезжему сопляку.

Красивый жест властителя Нидоса тот не оценил. На горбоносого слугу Амари посмотрел как на кровника и, конечно, во всеуслышание заявил, что в няньках не нуждается. Бросив на стол три тарля, превышающих стоимость съеденного и выпитого в двадцать раз, он вышел из трактира, от души хлопнув дверью.

Дарзи покачал головой, фыркнул и встретился взглядом с горбоносым; кажется, именно он исполнял во время казни роль глашатая. Глядел тот очень нехорошо: слишком уж внимательно.

«Вот ведь позорище!» — Амари едва удержался от того, чтобы не пнуть разлегшийся посреди двора камень. Герцогу мало было отповеди, учиненной на площади при горожанах? Керво теперь посылал за ним!.. Словно Амари не принц, а мальчишка, отданный под опеку властителя Нидоса сердобольными родственниками. А дальше? Выговор? Или, может, Керво расскажет о пагубном влиянии вина на неокрепший молодой организм?..

На этой мысли Амари понял, что сильно пьян. Пришедшую вслед за пониманием благодарность — пожалуй, в таком состоянии достичь особняка одному будет проблематично — он выкинул из головы, на эскорт предпочел не смотреть, а на вопросы Омеро отвечал односложно. Он взобрался в седло, оглянулся — показалось, в темном окне мелькнула девичья фигурка, и серая кошка прошла по карнизу. Маинька — так, кажется, назвал ее трактирщик.

Амари судорожно вздохнул, подумав: «И чего я полез к этой подавальщице? Точно хотел спросить у нее... Вот только что?..»

Почувствовавший состояние хозяина Злат принялся фыркать и вскидывать голову, однако конюху достаточно оказалось лишь посмотреть в его сторону — конь утомился мгновенно. Омеро поразительно легко удавалось находить общий язык даже с самыми норовистыми скакунами. Прочие слуги разговорчивостью не досаждали, вскоре тишину нарушали только стук подков о мостовую да щебетание птиц. Нидос вспомнил о лете. Раскрылись ночные цветы; тонкий, чуть горьковатый аромат кружил голову. Веки потяжелели, но Амари это почти не беспокоило. На душе становилось уютно и спокойно, он даже подумал о том, что Нозарок, наверное, не так уж и плох.

Особняка достигли слишком быстро, протрезветь Амари не успел. Карлос же с раздражающей учтивостью доложил о том, что герцог ожидает гостя в кабинете. Амари спешился. В последний момент его повело в сторону (а может, Злат дернулся). Падения избежать удалось, острой боли в лодыжке — нет. Слава погибшему Создателю, все сделали вид, будто конфуза не произошло.

— Проходите.

Кабинет был небольшой и уютный, все его пространство занимали три кресла, письменный стол и шкаф с книгами. Огромное, чуть ли не во всю стену окно скрывала тяжелая синяя портьера, чуть заметно колыхавшаяся из-за ветра. Обивка стен — тоже темная, с мелкими серебряными вставками — завершала образ вечного вечера, царящего здесь. Карлос принес еще свечей, поворошил угли в камине и, поклонившись, вышел, осторожно прикрыв за собой дверь.

— Сядьте куда-нибудь, не изображайте из себя Грозовую башню, — приказал Керво. Он стоял у книжного шкафа, задумчиво проводя кончиками пальцев по переплетам.

— Вы хотели меня видеть? — Амари постарался не заметить оскорбительного тона и

язвительной усмешки. Он лишь на мгновение прикрыл глаза: после прохлады притихшего города в кабинете показалось невыносимо душно и жарко.

— Да. За ужином. У вас, похоже, проблемы с памятью, — Керво полоснул по нему взглядом и прищурился: — Да вы пьяны... тогда все ясно.

Амари прикусил губу.

— Не стесняйтесь, — Керво повернулся к столу, где уже стоял кувшин с вином и бокалы. Тончайшей работы хрусталь принял кроваво-красный напиток и засиял, алые блики заиграли в отсветах пламени, разлились по столешнице и упали на руки Керво. Один бокал он отставил ближе к гостю, но предложить не удосужился. Второй подцепил двумя пальцами за резную ножку и опустил в глубокое старинное кресло черного дерева.

Амари сообразил, что все еще стоит в шаге от двери и спешно сел напротив герцога — на край кресла, стараясь не горбиться и занимать как можно меньше места.

Керво усмехнулся.

Амари поморщился, мысленно обругал себя за позу, более подходящую прилежному ученику во время экзамена по землеописанию или древней истории, а не принцу в присутствии вассала, и сел уже нормально, откинувшись на спинку кресла и закинув ногу на ногу. Мигелю всегда удавалось прятать неуверенность за небрежностью поз, у Амари это тоже получалось, пусть и чуть хуже, нежели у брата.

Пауза затягивалась, и Амари вопросительно воззрился на Керво. Тот развалился в кресле и медленно потягивал вино.

— Если вы привели в порядок мысли, я изложу вам свои, — наконец сказал он. — Итак, вы живете в моем доме, — Керво усмехнулся. — Конечно, вы же считаетесь моим сюзереном, пусть и не собственно вы, а ваш отец.

— Если вас это не устраивает... — начал Амари (наверняка на любом постоялом дворе, даже не из лучших, он чувствовал бы себя уютнее, чем здесь), но закончить ему не дали.

— Так и живите сколько угодно. Дом большой и повидал на своем веку... многих, — последнее слово Керво выделил по-особенному: резко и с легким оттенком пренебрежения. — Что же касается лично вас и желания перебраться на постоянный двор к своему эскорту или к кому-нибудь более заслуживающему доверия, то хорошенько подумайте, прежде чем отважиться на подобное.

Амари не стал сдерживаться и стиснул эфес. Хватит с него предупреждений! И отповедей, и наставлений — хватит!..

— Учитывая то, что вы сотворили, прервав казнь, — не обращая внимания, продолжил Керво, — было бы весьма недальновидно отказываться от моего гостеприимства. Подобное поведение может повлечь нежелательные слухи. — Он говорил вкрадчиво и спокойно. Так Алонцо временами объяснял младшему сыну, в чем тот неправ. Вот только Амари уже давно не был ребенком.

— Герцог!..

Керво рассмеялся. Он развлекался от души, а Амари оставалось терпеть, вспоминая о невозможности дуэли.

— Я весь внимание, ваше высочество.

— Хорошо, — Амари глубоко вздохнул и потянулся за вином. — Я останусь здесь.

Пламя свечей и камина оживляли тени, а лицу Керво придавали черты хищной птицы.

— Я вас понял, — продолжил Амари, поднеся бокал к губам и сделав глоток (вино оказалось безупречным), — но... будьте так любезны оградить меня от...

— А раз поняли, — Керво медленно поставил бокал на подлокотник кресла и окинул Амари взглядом, от которого сердце сначала заледенело, а потом судорожно забилось, —

то никогда более не смейте устраивать подобных представлений. Единожды вам сошло с рук и то лишь из-за отца.

— Но если вы несправедливо осуждаете...

— Оставьте. Пока я не поинтересуюсь... хм... вашим мнением.

— Герцог...

Ответом послужил смешок, подавляющий любое желание спорить. Какими бы ни оказались возражения, Керво не собирался их принимать.

— Амари Рейес, — устало, словно разговор сильно утомил его, проронил герцог, — вы же не просто так приехали?

— Я приехал, чтобы убить зверя.

Керво прикрыл глаза, Амари не сумел бы понять выражения его лица, даже если бы очень хотел и был совершенно спокоен. Сейчас же в его душе враждовали гнев и тихая ненависть, и если первое чувство настаивало на немедленном поединке, то второе убеждало обождать. Хотя бы до того момента, пока Амари не вернется в столицу.

— Зверя, значит... Попробуйте, — в голосе Керво плескалось столько яда, что с лихвой хватило бы и на самого зверя, и на Амари с половиной Кассии.

— Непременно.

— Я не стану лезть в ваши дела, но и вы, будьте уж так добры, не лезьте в мои.

— Идет, — сказал Амари и залпом осушил свой бокал.

— Не смею более задерживать.

Амари кивнул и кое-как поднялся. Голова закружилась, а пол возжелал уподобиться Злату и взбрыкнул; чтобы не упасть, пришлось ухватиться за спинку кресла.

— Да, вот еще, — Керво щелкнул пальцами, привлекая внимание, — поищите для попоек компанию подостойнее.

— Например, вашу? — держаться прямо Амари удавалось чудом, не огрызаться не выходило совсем.

— Хотя бы и мою.

Как добрался до двери и даже ухватился за ручку, Амари помнил. То, что выполнена она в виде скалящейся головы пантеры, — тоже. А вот каким образом достиг отведенной ему комнаты — уже нет.

Мир качнулся, зазвенел, лохмотья сна рассеялись легкой дымкой. О чем было последнее сновидение, Амари не помнил, осталось лишь звонкое ощущение близкой беды, гнетущая печаль, чье-то искаженное болью и ужасом лицо, хищный оскал и рука. Рука, поданная в последнее мгновение, когда лишь шаг отделял от пропасти. И достаточно лишь закрыть глаза, чтобы вернуть едва уловимый аромат благовоний и блеск драгоценных камней. Только нужно ли? Амари вздохнул и перекатился на бок. В распахнутом настежь окне играл с занавесью и близкими звездами ветер. Вечный странник смеялся, влетал в комнату, ерошил волосы. Амари не сомневался: если бы у ветра имелось лицо, оно бы постоянно улыбалось.

«Слезки Создателя» — так на юге называли звезды — перемигивались, косились на серебряный лунный диск и Амари. Они пригласили бы его присоединиться к игре, но видели, насколько ему плохо.

«И с чего я вчера так напился? Может, в последний бокал что-то подмешали?..» — подумал он и рассмеялся глупым мыслям. Смех получился каркающим и злым, под стать самочувствию. Винить герцога во всех злоключениях казалось слишком. Не Керво вчера уговорил с Дарзи два... или даже три кувшина вина, и вовсе не он упал в собственном кабинете. Или в коридоре? Без разницы. Главное, Амари снова выставил себя

никчемным мальчишкой перед властителем Нидоса.

Пить хотелось невыносимо, а шнура для вызова слуги в комнате не нашлось. Возможно, удастся отыскать воду самому? Все лучше, чем мучиться до утра. Тело протестовало, но Амари поднялся и подошел к окну. Перед путешествием по притихшему особняку необходимо было собраться с силами.

Город и лес затопила тьма, зато неба оказалось очень много: темно-синего, усыпанного крупными частыми звездами. На юге небосвод был иной, черный и далекий. Он отражался в море, и особенно темными ночами казалось, что побережье и есть мифический край мира, которого еще никому не удавалось достичь.

Какowo жить в Нозароке постоянно? Рамель рассказывал, северный город использовался в качестве зимней резиденции. Нозарок даже называли второй столицей при старом герцоге. Амари провел по светлому дереву и вздрогнул: рама гладкая, но один заусенец все-таки отыскался, заноза засела глубоко, палец наверняка загноится. Ветер подул сильнее, словно пытаясь оттолкнуть от окна. Похоже, ночь тоже была против него, как и Нидос, Нозарок, герцог Керво...

Следовало что-то предпринять. Действительно, не дело принцу крови враждовать с владетелями, только придумать ничего не выходило. Возможно, он сам виноват в подобном отношении: оказался недостаточно дальновиден, ляпнул что-то не то или вовремя не отступил, но, скорее, вина все же лежала на герцоге. Он старше и опытней — Амари с этим не спорил, — но душа у него заледенела. Он никому не верил, а проявления чувств или стремление к справедливости считал глупостью и не заслуживающей внимания мелочью.

Услышав тихий навязчивый шелест от двери, Амари обернулся. Показалось, из-под порога повалил зеленоватый дымок. Или туман? Запаха гари Амари не чувствовал, да и случись в особняке пожар, никто бы не безмолвствовал. Не приказал же Керво подпалить особняк в надежде избавиться от неугодного гостя. Но туману ведь тоже взяться неоткуда. Шпага преспокойно лежала у изголовья кровати, ее сильно тянуло взять в руки. Вот только сражаться с туманом казалось еще безумнее, чем его бояться.

...«Мало ли что в нем скрывается, неужели тебе не интересно?» — усмехался Мигель, выталкивая десятилетнего Амари на улицу.

Рейесу не положено трястись, будто зайцу под кустом, но когда младший сын блистательного Алонцо видел погруженные в белесое марево очертания домов, уходящий в пустоту причал или выплывающие словно из ниоткуда силуэты, — едва не плакал. Дома казались нежилыми и ветхими. Мир — чужим и страшным. Люди — призраками. Амари было все равно: при братьях, отце или посторонних выказывать страх. Он забивался в ближайший угол, подтягивал колени к груди и выл от безысходности и ужаса. С этим следовало справиться, вот Мигель и решил вышибить клин клином.

«Туман плох только на море, — поддакивал, не отрываясь от чтения, Рамель. — В нем скрываются рифы, а иногда и враги».

«Как будто они на суше прятаться не умеют», — возражал Амари.

Отец, когда узнал о выходке старших, пришел в ярость: Мигеля посадил под домашний арест на месяц, а с Рамелем поговорил три часа. Неизвестно о чем, но из кабинета брат вышел бледным и первым делом попросил у Амари прощения...

— Враги на суше туманом только и прикрываются, — произнеслось само собой, когда просочившийся в комнату зеленоватый дымок свился в сумеречный жгут — нет! — щупальце.

Дома Амари, скорее всего, закричал бы и позвал на помощь. В особняке Керво он не мог позволить себе такого. К тому же если кто-нибудь явится, а происходящее окажется мороком, не в меру разыгравшимся воображением или кошмаром, то стыда не оберешься, останется только уехать и по дороге утопиться в Мирросе.

Амари стиснул зубы, когда «морок» обвил его ноги; попробовал сопротивляться, но с

подобным рвением мог бы плясать в трясине. Туманное щупальце скользнуло выше, сжало пояс, а потом и грудь; дышать стало тяжелее. Вырвавшийся из легких хрип оцарапал горло; туманный враг оцетинился острыми пластинами.

«Почему я не взял шпагу?.. Теперь даже вскрикнуть не выйдет, — судорожно билось в голове. — А виновен во всем Керво. Конечно, кто же еще...»

В глазах потемнело. В висках забилась кровь, и ее удары становились все тише.

Глава 7

— Сударь, выпейте, — Карлос протянул кубок. Он мог бы улыбнуться ободряюще или даже посочувствовать, если бы сидевшему перед ним юноше это помогло. В необходимости проявлять эмоции Карлос сильно сомневался. Младший сын Алонцо отчего-то считал чужое участие демонстрацией собственной слабости, потому управляющий решил оставаться спокойным, обходительным и отстраненным.

— Ммм? — простонал принц Рейес, не открывая глаз.

Странно, что он вообще смог произнести хоть слово со столь жуткого похмелья. Почитай, еще с Омеро ехал, едва в седле удерживаясь, а когда спешился, чуть не свалился. Зыркал на всех как на врагов последних, хотя... Знал Карлос его папеньку Алонцо. Если сынок в отца пошел, то чужая забота ему уж точно не по сердцу пришлась. Хотя какой уж там пошел... не родит груша гранатов, хоть и цветет, бывает, розовым цветом: внешне на короля принц не походил совсем.

— Настойка, сударь, — Карлос замешкался, но все же добавил: — С перепоею помогает.

Рейес соорудил высокомерную гримасу, поджал губы и наморщил нос, но питье принял и влил в себя с завидной быстротой.

Карлос забрал кубок, снова наполнил, сокрушенно покачав головой. Он сильно сомневался, что с южного вина — даже если совершенно забыть о чувстве меры — можно так выглядеть. У Хайме плохой выпивки с роду не водилось, а в подвалах родного особняка — тем более. Выходило, опоил принца либо собутыльник, либо кто-то из сидевших рядом завсегдатаев. Отравы в кубок кинуть недолго, а юный выпивоха вряд ли видел дальше собственного носа.

— Еще, сударь, — не принимая возражений, проговорил Карлос.

Принц с трудом приоткрыл веки, взглянул налитыми кровью глазами, но питье снова принял.

— Благодарю, — прохрипел он и повалился обратно в кровать.

Карлос кивнул: проявлять вежливость принц готов был всегда. Кто-то внушил ему, что слуг благодарить не зазорно, вот он и не стеснялся, но только искренности в его словах не чувствовалось. Да и впечатление создавалось, будто скрывался он за общими фразами как за стеной, стараясь спрятать ото всех себя настоящего. А какой он настоящий? Вряд ли даже сам знал. Хотя Карлосу по большому счету было все равно, лишь бы гость герцогу вреда не причинил.

— Вчера...

Карлос всегда считал, что с легкостью краснеют только рыжие, но принцу это удавалось с легкостью.

— Разве что-то произошло? — удивился Карлос и пожал плечами. — Вы, сударь, приехали вместе с Омеро; мне показалось, были чем-то недовольны; затем поднялись к его светлости, а после отправились в свою комнату.

Принц вздохнул с облегчением, Карлос — тоже. Он искренне считал благом попойку младшего Рейеса: на похмелье чего только не спишешь, в том числе алые пятна на шее и синяки по всему телу. Надо лишь упомянуть, что, добираясь до своих покоев, его высочество оступись и пересчитал несколько ступеней.

Несмотря на возражения Карлоса, Амари поднялся после обеда и приказал седлать Злата. Конь при виде хозяина счастливо всхрапнул и ткнулся мордой в плечо, мягко, но настойчиво прихватив губами камзол, аккуратно там, где было спрятано припасенное угощение. Амари поворошил отросшую гриву:

— Вот ведь хитрюга, учуял, — он потянулся за лакомством, преподнес на раскрытой ладони и почти счастливо улыбнулся, почувствовав мягкие осторожные прикосновения лошадиных губ. Злат с удовольствием хрустел яблоком, нетерпеливо переминался с ноги

на ногу и был не прочь прогуляться.

День искрился синью умытого неба; солнечные лучи, отражаясь в окнах особняка, осыпали черные плиты расколотой радугой. Неожиданно один из отблесков упал на лицо, Амари резко вскинул голову, но никого не увидел: видимо, прислуга проветривала комнаты, только и всего.

За воротами суетились горожане — правда, не так, как в день приезда. Рыночная площадь находилась далеко, да и ворота, которыми обычно пользовались торговцы, — тоже. Столпотворения не было, а празднующающиеся обходили эту часть города стороной, но в движениях всех встречавшихся сквозило какое-то нетерпение, которое привычно для столицы, но странно в провинции. Дорогу пересекла миловидная горничная. Из окна на втором уровне аккуратного серого домишки с розовыми ставнями за ней пристально следил пожилой господин. Две богато одетые горожанки скользнули по тому взглядами и одновременно прыснули со смеху. Амари улыбнулся, и девушки словно почувствовали — оглянулись, одарив его приветливыми взглядами. Амари кивнул им и дал шенкелей Злату. Сначала он хотел отправиться к Валэ, но, поразмыслив, решил оставить капитана в покое и позволить отдохнуть. Инари говорила, что будет рада его видеть, так стоило ли тянуть с визитом?

Достигнуть главной площади не составило труда. Кажется, он начал немного ориентироваться в городе. По крайней мере, уяснил, что самые широкие улицы лучами тянутся от ворот к центру, а более узкие проулки соединяют соседние, закругляются, выводя на ту же улицу, либо оканчиваются тупиком. Где располагался дом Милагринов, Амари не знал, однако выяснить это оказалось несложным. Нервный господин в сером камзоле и в надвинутой на глаза черной широкополой шляпе всего за кастоль не только подробно объяснил, как найти аккуратный особнячок с лепниной на фасаде, увитый диким виноградом, но и проводил до самых ворот.

— Благодарю, — кивнул ему Амари.

— Если господину будет угодно, — нервный горожанин поклонился, — Сеок с улицы Оружейников всегда поможет ему.

Амари удивленно вскинул брови. Оружейник подрабатывает тем, что провожает заезжих господ? Впрочем, он сам попросил, а Сеок решил не отказывать и предложил свои услуги.

— Благодарю.

Особняк Милагринов выгодно отличался от соседних обилием зелени, стены украшали изображения диковинных птиц и прекрасных правец, крылатые вестницы сжимали в руках старинные мечи и луки, целясь куда-то в небо. Полюбовавшись на фасад, Амари оставил Злата у добротной коновязи по соседству с очаровательной кокетливой кобылкой караковой масти и поднялся по ступеням. Дверь открыл непримечательный мужчина, тучный и болезненно одутловатый. Лицо его было довольно приятным, хоть и лишенным всяких красок, а улыбка — располагающей, пусть и выглядела немного заискивающей. Амари представился и тотчас попал в стальные объятия. Отворивший оказался хозяином дома, бароном Бастианом Милагрином. Его цепкие глаза едва не прожгли в Амари дыру, а руки, стиснувшие плечи, никак не желали разжиматься.

— Вы же наш спаситель! — с придыханием выкрикивал барон. — Да если бы не вы, то не видать мне своего сокровища!..

Амари сдержанно улыбался; столь горячий прием удивлял его и обескураживал. Противоречивые чувства затопляли сердце: он был растроган, но хотел как можно скорее вырваться из цепких объятий, отчего-то казавшихся липкими.

— Отец! — звонкий властный окрик вывел Амари из оцепенения, а барона заставил опустить руки.

По резной винтовой лестнице, поддерживая многочисленные юбки, спускалась Инари. Она казалась много красивее, чем в лесу, хотя Амари было сложно представить подобное. Светлые локоны она забрала в высокую прическу, фиалковое платье оттеняло газа, на губах играла мечтательная улыбка — принцесса, вышедшая из древней легенды

о вечной любви, да и только.

— Баронесса! — Амари и не заметил, что его отпустили, присутствие барона Милагрин потеряло всякую значимость.

Инари слегка улыбнулась и опустила взгляд.

— Я не ждала вас так скоро, — произнесла она.

Пойдя на поводу у чувств, Амари совсем забыл об этикете и теперь был готов провалиться сквозь землю.

— Прошу извинить меня, моя рэя, я поторопился, — он вздохнул и прижал ладонь к груди напротив сердца, — и не прислал никого вперед себя, дабы предупредить о визите. Готов понести любую кару, только не прогоняйте.

Сердце мерно отсчитывало удары, но воздуха не хватало. Амари счастливо улыбнулся, когда Инари вновь подняла на него взгляд. Прекрасная баронесса ждала его, в том не могло быть сомнений!

— Что вы, ваше высочество?! — затараторил барон. — Какие предупреждения? Наш дом — ваш дом. Это величайшая честь: особа королевской крови под нашим кровом!.. Принц Рейес, дорогой вы мой, Нозарок не то место, где стоит соблюдать устаревшие правила. Мы счастливы! Очень счастливы принимать вас.

Амари кивнул, опасаясь того, что поток признательностей хозяина дома никогда не иссякнет.

— Я не в силах высказать, сколь признателен за спасение дочери, — барон снова вцепился в его плечи и одновременно попытался рухнуть на колени. — Вы спасли мою Инари!

Амари вовремя подставил руки, не позволяя тому сверзиться на пол, успел поймать взглядом легкую улыбку Инари и кивнул в ответ. Может, Бастиан Милагрин и вел себя немного странно и слишком импульсивно, но Амари мог понять его.

— Однако вы, видимо, голодны? — сменил тему барон, оставил плечи гостя в покое и тотчас схватил его под руку.

Амари неожиданно вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел, если, конечно, не считать пищей отвар, преподнесенный ему Карлосом. В животе призывно заурчало, а барон, казалось, только и ждал чего-то подобного, принявшись расхваливать своего повара и приготовленные им блюда. Так они миновали холл и поднялись на второй уровень. Когда Бастиан окончил перечислять, Амари с облегчением перевел дух. Отказаться он бы не смог, даже если бы плотно позавтракал, но сначала ему показали дом.

Барон оказался заядлым коллекционером, особенно его радовало искусство Бриколло. К концу жизни всеми признанный мастер решил, что несовершенство людей недостойно быть увековеченным на холсте. Живописца вдохновили мифические существа — правицы — прекрасные женщины с белоснежными крыльями за спиной. Они считались воплощением божественной справедливости, чуть ли не богинями, присутствовали при гибели Творца и сотворении Им мира из собственной крови. Время от времени они возвращались в Эрохо, вдохновляли на подвиги и дарили радость побед. В столичном дворце картины с их изображением тоже любили, но у барона ими оказались увешены все стены. Совершенные, прекрасные, полуобнаженные — однако ни одна из красавиц не могла и близко сравниться с молчаливо сопровождавшей отца и гостя Инари.

Наконец в комнату вошла служанка и пригласила всех в голубую гостиную. Амари с облегчением вздохнул (выдержать восторженный рассказ барона о правицах оказалось нелегко) и нисколько не удивился тому, что тотчас забыл и лицо служанки, и голос, и об ее существовании вообще. Рядом стояла Инари — это казалось самым важным.

Обед медленно перетекал в ужин. Амари не заметил, как солнце скатилось за соседние дома, а запылавшее небо угасло, став ярко-синим, волшебным и загадочным. Разговор коснулся приезда в Нозарок, и Амари неожиданно выложил барону все, о чем думал.

Раньше он плохо сходил с незнакомыми людьми, тем более не страдал болтливостью и откровенностью, однако Бастиан действовал на него как-то странно и словно примирял с происходящим.

— Герцог Керво... — пожевав губами, сказал барон и, чуть причмокнув, отправил в рот ломтик мяса. — Он достоин жалости, а не презрения и злобы. Этот несчастный мальчик терпел придирки властного отца, однако слишком его любил, чтобы сопротивляться. Веласко год за годом ломал себя, изживал слабости, а вместе с ними и привязанности; когда же он сумел добиться самостоятельности, Рикардо погиб.

Амари удивленно вскинул брови.

— В нем попросту не осталось ничего человеческого, — продолжал барон. — Веласко разучился радоваться и горевать, полностью перекроил себя в угоду мертвецу. Душа умерла, а сердце опустело. Однако как герцог он весьма неплох и заботится о людях.

— Как о тех несчастных на площади?! — воскликнула Инари, голос ее дрогнул от скрываемого гнева.

— Мы не знаем истинной подоплеки его поступков, — покачал головой Бастиан. — Возможно, Веласко вновь ранило чувство потери, ведь Маклери служил ему едва ли не с детства и остался с ним после смерти Рикардо.

— О чем вы, барон? — Амари отставил опустевшую тарелку.

— Бастиан, — укоризненно вздохнув, поправил тот. — Для дорогого гостя я не согласен именоваться титулом.

— Тогда и меня зовите просто Амари, — подобное было против этикета и всех правил, но ему это показалось безразличным. И, в конце концов, он уже видел барона будущим родичем, а Инари — принцессой.

— Герцог ведь поселил вас в своем дворце? — спросил Бастиан.

Амари кивнул.

— А свиту вашу отослал подальше. В кабак. Несмотря на то, что в столь огромном доме можно разместить хоть целую армию.

— Что вы хотите этим сказать?

— Немного. Веласко может попытаться сломать вас так же, как когда-то поступил с ним собственный отец. Детей у Керво нет, он не женат, бастардов — тоже. Вы же... юны. Конечно, внешне герцог выглядит намного моложе прожитых аньо, но он вполне мог бы быть вашим отцом.

Амари вздрогнул. Упаси погибший Создатель от подобного родственничка! Тем более близкого...

— Мой отец — Алонцо Первый Рейес! И я не понимаю, зачем Керво это?

— Герцог превосходный игрок; не помню, чтобы он проигрывал. Вы же, Амари, неосторожно бросили ему вызов, — ответил Бастиан и тяжело вздохнул. — Веласко не терпит, когда ему противоречат. Особенное удовольствие он получает, унижая и ломая тех, кто пытается спорить с ним или ставит под сомнение справедливость принимаемых им решений.

«Нет! Этого не будет!» — Амари скрипнул зубами. Он Рейес, и этим все сказано! При необходимости он захватит Нозарок, как некогда его предок завоевал Рей. Керво же может убираться хоть за сто морей, хоть падать моревийцам в ноги!

— Извините, — Бастиан вновь тяжело вздохнул. — Я вовсе не хотел вас пугать. Вы спасли мою дочь, считайте мои слова предостережением от возможных напастей. Воистину, герцог Керво холоден и жесток, однако никогда не станет мстить безвинному. Именно поэтому заклинаю вас не становиться на пути этого человека.

Амари отпил из своего бокала. Вино было неплохим, но не шло ни в какое сравнение с тем, что пили в особняке Керво.

— Боюсь, вы опоздали с советом. Я нарушил планы герцога, когда вмешался в казнь, а после имел с ним неприятный разговор. Мы уже враги, и этого не исправить.

— Вы спасли жизни несчастных... — вздохнула Инари и поднесла руки к груди, в ее глазах застыли тревога и искреннее участие.

— Перетерпите, — Бастиан говорил очень серьезно. Светлые, почти бесцветные глаза барона смотрели в упор, не мигая, и Амари почувствовал, что не может отвести взгляд или даже моргнуть. — Вы только приехали и не знали, с кем имеете дело. Керво это понимает. Главное теперь — не противиться его воле.

Амари побледнел.

— Но я же дворянин! Принц крови!..

— Герцог, конечно же, станет вас испытывать, говорить предосудительные, даже оскорбительные вещи. Терпите. Вы молоды, ваше время еще придет, а Керво уже через несколько аньо пойдет под гору. Никто в этом мире не вечен, в прошлой месе Веласко исполнилось тридцать семь. Довольно скоро из красавца и первого дуэлянта он превратится в старую развалину, вот тогда и настанет ваш черед отыграться.

Амари медленно опустил руки под столешницу и стиснул кулаки. Бастиан был отцом Инари, и только это не позволяло наговорить ему лишнего, но он предлагал путь, недостойный дворянина и тем более принца.

— Герцог Керво — мой кровник, — собрав всю свою выдержку, сказал он.

Бастиан охнул, а Инари взглянула с искренним беспокойством и даже страхом.

— Это было очень давно, — пояснил Амари. — Дело в том, что мой предок, Аларо, захватил Сурэю и отнял у Керидо Керво город Рей. Проигравшего врага Аларо заточил в подземельях, но Керидо бежал, соблазнив одну из дочерей своего пленителя. Не думаю, будто герцог Веласко забыл историю собственного рода.

На мгновение над столом повисла напряженная тишина. Бастиан всплеснул руками и неожиданно рассмеялся:

— Но... сколько времени прошло! Принц!.. То есть... вы меня удивляете.

Амари закусил губу и уже приготовился к резкому ответу, когда маленькие прохладные пальчики скользнули по его запястью. Инари смотрела ласково и чуть грустно, она словно извинялась за речи отца. Впрочем, наверное, так и было. Скорее всего, барон вовсе не хотел его оскорблять, просто ему не понять того, что значит быть Рейесом. Наверняка у Милагринов никогда не имелось врагов: они простые люди и далеки от кровной мести.

Разговор вильнул в сторону и понесся легко и непринужденно. Бастиан больше не заговаривал о герцоге, Инари временами поддерживала беседу. Амари удавалось ловить ее взгляды.

— Уже поздно, — произнесла Инари и поднялась к себе, подарив на прощание обворожительную улыбку.

Амари был счастлив. А за окном таилась темнота, и город с наступлением сумерек словно вымер.

Глава 8

Из дома Милагринов Амари вышел, когда окончательно стемнело. Возвращаться в особняк ему не хотелось, бесцельно кататься по городу — тем более. К тому же не хватало еще, чтобы Омеро снова разыскивал его по всему Нозароку. Небосклон посетила первая звездочка, вслед за ней над головой зажглись свечи. Инари, покинув их, поднялась наверх: это могло оказаться ее окно. При одной мысли о том, что ничего не стоит вскарабкаться к ней по лепнине и стеблям винограда, сердце бешено заколотилось в груди. Амари не сомневался: он влюблен — впервые и на всю жизнь, желал видеть баронессу своей принцессой и немедленно попросил бы у Бастиана ее руки, но сначала она должна была согласиться.

Если ее сердце несвободно, Амари не посмеет тревожить барона. Тот, чего доброго, уговорит дочь на выгодный брак, а Инари... у нее духу не хватит ответить отказом. Она станет принцессой Кассии и со временем, может, и не возненавидит мужа, но вот любить не будет никогда. Для Амари это было бы смерти подобно. Он, не задумавшись, бросил бы к ногам возлюбленной жизнь и душу, но и в ответ хотел не меньше. Уважения и дружбы — главных составляющих счастливого брака — для него всегда казалось недостаточно.

Злат, приветственно всхрипнув, понимающе ткнулся губами в плечо. Амари потрепал темно-серую гриву и проронил:

— Почему люди не такие, как ты? Они не понимают мыслей, а мне иной раз так сложно подобрать правильные слова...

На коновязь присела маленькая птичка — черная с красной грудкой и лапками; сверкнула золотистым глазком-бусинкой, ободряюще чирикнула, склонив набок крохотную головку. Амари протянул руку и загадал: если та сядет на ладонь, то он непременно останется с Инари до утра. Мысль была дерзкой и непристойной, а у него даже хлебных крошек с собой не имелось — неудивительно, что неожиданная гостья взвилась в небо.

«Конечно, не до утра», — решил Амари. Он, в конце концов, принц и не притронется к избраннице до свадьбы, но объяснить им все же следовало, невозможно и дальше пребывать в неведении.

Птичка не вернулась. Злат тяжело вздохнул, посмотрел в сторону особняка Керво, который наверняка уже считал домом, и шагнул в направлении окна. Оно располагалось невысоко, всего-то на втором уровне.

— Даже так? — засмеялся Амари искренне и беззаботно, как в детстве.

В Сурэе испокон веков лазили в окна к любимым, подобным славилась как простые мореходы, так и знатные рэи, а Рейесы всегда были в числе первых. Строгие столичные нравы не остужали их жарких южных сердец. Конечно, почтенные отцы семейств не одобряли столь неподобающего поведения, но ничего поделать не могли. Пора и в холодный Нидос привносить свои традиции.

По стене дома Милагринов вился дикий виноград. Каждым аньо он рождал плоды, но вызревать те не успевали. Зато разрастался он изрядно и мог выдержать вес взрослого мужчины. Амари вскочил на коня, встал на седло, уцепился за зеленые стебли, подпрыгнул, нащупал выступ в украшающей здание лепнине, подтянулся и почти без усилий добрался до окна — наглухо закрытого. Положение было неудобным: левая рука стискивала виноградные стебли, носки сапог каким-то чудом опирались на голову правицы. Если Инари рассердится и не откроет, так долго не продержаться. Осторожно, чтобы не нарушить хрупкого равновесия, он потянулся к окну и постучал. Показалось, прошла вечность, прежде чем одна из створок медленно отворилась.

— Инари, это я.

— Видимо, вы неверно истолковали мои слова, — она выглядела недовольной. Свеча, прикрываемая от сквозняка маленькой кистью, высветила сжатые в линию губы и упрямую складку между бровей. Если бы Амари не видел ее в лесу и у эшафота, то решил бы, будто Инари в бешенстве. Голос ее, однако, оставался ровным. — То, что в

Нозароке нравы достаточно вольны, еще не означает, будто подобное поведение приветствуется.

— Моя рэя! — стебли предательски затрещали. Амари не хотел перебивать, но безумная выходка грозила завершиться, причем вовсе не так, как он рассчитывал.

— Или вы спутали Нидос с Сурэей... или Моревией? — Инари схватилась за створку, намереваясь закрыть окно.

Амари попытался удобнее поставить ногу и переложить часть веса на руки. Оперся о голову правицы сильнее и едва не сорвался.

Инари испуганно вскрикнула, всю ее показную строгость как ветром сдуло. Беспокойство возлюбленной или, может, собственный страх придал Амари сил и решимости, он наконец отыскал более надежную опору, да и терять было практически нечего: его либо примут, либо нет.

— Инари! — воскликнул он. — Моя госпожа, позвольте!.. Иначе я боюсь совсем упасть... духом.

— Да-да, — прошептала она, отстраняясь и открывая настежь окно. — Ваше высочество... пожалуйста, осторожней.

Амари оттолкнулся от несчастной лепнины, повис на одной руке и, подтянувшись, сел на подоконник.

В ночном платье, с распущенными волосами Инари казалась еще прекраснее, чем днем. Золотые блики от освещавших комнату свечей трепетали по бледной коже и путались в тяжелых локонах, фиалковые глаза сияли ярче звезд.

— Инари, — он неосознанно потянулся к ней и едва не свалился с подоконника от резкого окрика.

— Ваше высочество!.. — Наваждение исчезло. Дыхание сорвалось, словно Амари на полном скаку влетел в реку. Инари качнула головой и отвернулась. Когда она зажигала оставшиеся свечи, превращая легкий сумрак в ясный день, ее руки слегка подрагивали.

Решимость на грани безумия, захватившая сердце на улице, таяла, будто лед на ласковом весеннем солнце. Спеша не позволить занять ее место робости, Амари удобнее сел на подоконнике, перекинул ноги в комнату и спрыгнул. Чтобы неминуемо упасть к ее ногам. Получилось эффектно, вот только колени подогнулись сами.

— Вам плохо? — подходить Инари не стала.

— И плохо. И хорошо. И невыносимо, — Амари попытался схватить ее за руку, но Инари отшатнулась.

— Вы пьяны, — она судорожно вцепилась в подол платья. Тонкие пальчики немилосердно скомкали ткань, но она не заметила этого.

— Верно, я пьян без вина, моя рэя, с тех пор как увидел вас, мне не мила жизнь. Есть только вы... — приблизиться больше он не решился.

— Вы с ума сошли...

— Да, я безумен. И смертельно отравлен вами.

— Ваше высочество... — она пошатнулась и оперлась о стену. — Погибший бог! Что вы такое говорите?!

«А действительно, что?» — Амари вздрогнул от этой неожиданной мысли, опустил взгляд и грустно улыбнулся. Если любовь не тревожит сердце, пробудить ее не смогут и самые пылкие слова.

В распахнутое окно ворвался леденящий ветер. Свечи испуганно колыхнулись, но не погасли. Привлеченный светом, в комнату влетел ночной мотылек и заметался, выбирая из десятка одинаковых смертей свою единственную. Амари поднялся.

— Приношу вам свои извинения, баронесса. Больше я вас не побеспокою, — сказал он и шагнул к окну. Оно оставалось призывно открытым, ветер трепал легкие занавеси, а внизу ожидал верный Злат. Хотелось прыгнуть, не заботясь о том, чтобы ненароком не сломать шею, пустить коня в галоп по спящему городу, вырваться за стену и скакать до рассвета (или пока сам Амари не упадет от усталости). Но прежде чем встать на подоконник, он поймал мотылька и бросил в ночь — пусть живет, глупец.

— Амари... — слышалось или она действительно назвала его по имени? — Это вы извините, я не ожидала гостей... столь поздно.

Он кивнул и попытался улыбнуться. Вышло так себе.

— Амари, — повторила Инари, — я понимаю, почему вы не захотели говорить при отце, просто пришли неожиданно.

— Мое поведение неуместно, — рука вцепилась в подоконник, — как и чувства.

Инари сжала его запястье, как утопающий чихлую соломинку. В неверном свете звезд блеснули фиалковые глаза, и это показалось Амари невыносимым. Он не сумел бы сейчас вырваться или опустить взгляд.

— Я не хотела вас обидеть. Не уходите так, — Инари отдернула руку, словно обожглась. — Поймите, я не могу ответить вам взаимностью. Мы неравны.

Амари застыл у распахнутого окна:

— Это не имеет значения!

Неравенство — какая глупость!.. Она — бедная нидосская баронесса. Он — сурэйский дворянин, каким-то чудом имеющий отношение к трону. Не настолько уж и широка между ними пропасть.

— Это делает честь вам, но не мне.

— Я увезу вас в столицу к отцу! Он непременно согласится на наш брак, и никто не посмеет сказать ничего дурного, — Амари вновь опустился на колени, почти уверенный в том, что на этот раз его не оттолкнут, и поднес к губам маленькую бледную кисть. Ее кожа пахла луговыми травами, как тогда в лесу. — Я готов умолять Бастиана, если вы согласитесь.

Инари вздохнула и покачала головой. От полного грусти и нежности взгляда у Амари защемило в груди. Он выпустил ее руку, и та снова сжала тонкую ткань платья.

— Я не покину отца, пока в окрестностях Нозарока творятся мерзости, а олицетворение зла носит герцогскую цепь и смеется над всем, что дорого честным людям, — ее лицо будто осветилось внутренним светом, стало еще прекраснее.

— Я изловлю и убью зверя! И тогда, моя рэя, вы ответите мне прямо: отвергнете или станете моей навсегда, — Амари вновь припал к ее руке и отстранился. Он знал, что нужно уйти, но... Кровь Создателя! Эрохо! Ушедшие правицы! Как же ему было сложно это сделать.

Спускаться показалось слишком долго, и Амари выпрыгнул из окна, приземлившись прямо в седло. Злат сорвался с места: сначала в галоп, потом замедлился до кентера, с неистовым ржанием полетев по притихшему городу к неудовольствию многочисленных горожан. Наверняка они заплутают — слишком уж темно на улицах и дорогу спросить не у кого, но сейчас Амари это не беспокоило. Он различал впереди громаду особняка и не сомневался, что рано или поздно вывернет в нужный проулок, а пока были ветер в лицо и будоражащие ароматы ночных цветов.

Хайме оперся о косяк и довольно оглядел заведение. Трактир вновь наполнился завсегдатаями, а ведь было время, когда Хайме едва не отчаялся: думал, стороной обходить начнут, уехать пытался, благо Радана отговорила. Девчонка решительная тогда стала: мало, его с родственницами из дому увела, так еще соседям все доходчиво объяснила, а потом такие слова нашла, дабы люди вернулись и страх позабыли. Словно вселился в нее кто или рассказал, как действовать нужно. Вспоминать себя после

погрома, учиненного незапоминающимися господами, Хайме стыдился. Обычно он ни лихих людей, ни городской стражи не боялся, а тут трясся за спиной девчонки и даже рта раскрыть не смел. Берта с Дорой немногим от него отличались, зато теперь очухались: одна глазки завсегдатаям строит, вторая меж столов носится, как угольком ужаленная.

Приветственно скрипнула дверь, впуская припозднившихся гостей. Будь в трактире больше места, не видать Вирильду из «Шпоры» этих постояльцев, недаром ночуют они у него, а харчевать все равно к Хайме ходят. Статные, гордые, местным не чета — из самой столицы приехавшие. Хотя капитан принца, судя по всему, нидосец: повадки и говор, как ни старайся, не скроешь.

К пришедшим тотчас подлетела Дора. Опустилась в глубоком поклоне, который по простоте душевной реверансом называла. Тот, что капитан, растянул губы в улыбке, жаркое да вина заказал — как обычно.

— Маинька, серое облачко, — донеслось до чуткого уха Хайме, он вздохнул и покосился на кутающуюся в платок девушку.

Теперь Радана с людьми говорила мало, словно частью души с погибшим ушла, только с кошкой миловалась. Хайме больше не радовался тому, что руку прикладывал, дабы родную кровь с управляющим Керво свести. Сопротивлялась же девчонка поначалу, чувствовала: не кончится добром такая симпатия.

— Любезный!

Хайме поспешил к поднявшему руку капитану и застыл в подобострастном поклоне.

— Я хотел бы побеседовать с твоей родственницей, позволишь?

— Так я-то чего? — выпрямился Хайме. — Я, благородный господин, им чай не отец, указывать не могу, но и перечить не стану. Коли сговоритесь, так и пожалуйте.

При предложениях подобного рода от других завсегдатаев Хайме обычно прибавлял, что и уединенная комнатка, ежели пожелают, найдется. Сейчас, однако, посчитал это лишним: больно глаза у капитана нехорошо блеснули.

— Ты, видимо, не так меня понял.

— И такое вполне могло случиться, — всплеснул руками Хайме. — Простите, если домыслил чего неправильно.

Капитан коротко кивнул, покосился на сопровождающих его господ и распорядился:

— Позови ее.

Хайме проследил за его взглядом и внутренне похолодел. Что ж все никак от убогой не отстанут?! Радана, казалось, еще сильнее сжалась, словно почувствовала чужое внимание, даже кошку гладить перестала.

— Ой, господин, — поклонился Хайме, — не считите за отказ. Не в себе девка, совсем не в себе. Как беда случилась, так людей сторонится, а уж до любовных утех и вовсе...

— Трактирщик, — прервал его капитан, — ты снова неверно меня понял. Я желаю говорить с ней, только и всего.

Тон у него был такой, которому лучше не перечить, а Хайме не желал навлечь на трактир новую беду, тем более оградить от нее теперь будет некому. Он медленно отошел от стола и направился к Радане, гоня мысль о том, что если капитан посмеет причинить той вред или просто напугать, — не спустит. Раньше Хайме законов гостеприимства не забывал, а нахлебников не терпел, сейчас же сам не понимал почему, но знал: за девчонку любому в горло вцепится и на благородство и богатство не посмотрит.

— Рад...

Та его, кажется, не замечала: сидела сгорбившись, слегка покачиваясь вперед-назад, будто трава на ветру, «Маинька, серое облачко» приговаривая.

Хайме оглянулся на капитана, тот хмурился и нетерпеливо постукивал пальцами по столешнице. Ему не объяснишь насколько девчонке плохо: он разговоры говорить намерился. Чувствуя себя последней сволочью, Хайме склонился над племянницей и, стараясь подражать интонации Маклери, проговорил:

— Радужка, говорить с тобой хотят.

Подобной реакции Хайме не ожидал. Радана словно обожглась: вздрогнула, с лавки вскочила, едва не подпрыгнув. Сама бледная и глаза горят, как у ночной твари, к столу капитана подбежала, не выпуская, однако, кошку. Тот ее состояния словно и не заметил, небрежным жестом указав на свободное место:

— Садись. Мой принц хотел у тебя узнать...

— Молодой герцог? Он был здесь, — свободную руку Радана поднесла к груди. — Он погибнет этой ночью!

Хайме от подобных слов лишился дара речи. Виданное ли дело принцев герцогами называть?! А ну как решат, девка знает чего или с разбойниками связана? Да разве ж можно благородных беспокоить? А если действительно беда стряется, так ее и обвинят!..

Капитан удивленно поднял брови, сопровождающие его господа переглянулись.

— Говорю же, не в себе она! — выкрикнул Хайме.

— Клинки! Кровь... Злой камень. Гнездо Ворона позади! — перебила его Радана. — Расколота луна справа!.. — она задрожала, словно в тепло натопленной обеденной зале повеяло стужей. — Он не должен умереть! Спасите его!!!

— На Оружейную похоже, — заметил кто-то из завсегдатаев.

Один из господ, прибывших с капитаном, поморщился, словно от зубной боли. Ему не хотелось ехать куда-то на ночь глядя из-за бредней спятившей трактирной девки.

— Да, именно, — поддакнул еще один. — Если ехать по Оружейной к воротам, колокольня аккурат справа, на ее шпиле луна обычно и висит в это время.

— Спасите! — всхлипнула Радана. — Туман...

Хайме наконец очнулся, подскочил к ней, за косу дернул и плечом от капитана загородил — мало ли что. Тот поднялся, едва стул не опрокинул, обвел всех присутствующих прищуренным взглядом и нарочито медленно произнес:

— Если моему принцу действительно угрожает опасность, я обязан вмешаться.

Когда он хмыкнул и вышел за дверь, Хайме оглянулся. Радана, изумленно хлопая глазами, сползала на пол.

Стук подков по каменной мостовой гулко отражался от стен. Вокруг — ни души, и даже свечи не трепетали в окнах. Нозарок вымер, был погребен в полумраке, опустошен, лишь звезды казались живыми. Шпиль древней колокольни надвое рассекал серебристый лунный диск.

Первым опасность почувствовал Злат: коротко заржал и опустил голову, натягивая повод. Через пару мгновений и Амари ощутил чье-то незримое присутствие. В сердце шевельнулась неясная тревога, а память подкинула сон, привидевшийся накануне и сочный похмельным бредом. Амари ободряюще похлопал конскую шею и сжал колени, Злат коротко всхрапнул и, перейдя на рысь, резко подался в сторону, а затем — в узкий темный проулок. Ночные грабители встречались и в столице. Правда, добычу они выискивали поглупее да попроще. В Кастелле суета не стихала и в ночные часы, городская стража исправно патрулировала улицы, и на долю лихих людей оставались беспечные выпивохи да ищущие уединения влюбленные парочки, на конного они

никогда не напали бы.

Проскакав два квартала, Амари перевел Злата на шаг, огляделся и вздрогнул, услышав позади нестройный конский топот. То, что неизвестные явились по его душу, теперь не вызывало сомнений.

«Грабители? Нет! Наемные убийцы, — решил он, — и все равно, кто их подослал, Главное сейчас — вырваться, после отыщу виновных».

Дорогу перебежала тень, заставив судорожно сжать повод. Всего лишь кошка, но сердце подскочило к горлу. Оторваться от погони, понадеявшись на скорость Злата, вряд ли удалось бы. В отличие от преследователей, он совершенно не знал Нозарока, возможно, негодяи загонят его в тупик, а то и в ловушку, лучше принять бой здесь и сейчас. Амари сторбился в седле, словно пьяный: даже если на короткий миг убийцы потеряют бдительность, ему это поможет. Драться не хотелось, но и уступать он не собирался, мерзавцы скрывались в тени, как крысы, а нападали стаяй, и единственное, чего заслуживали, — быстрой смерти.

Резкий порыв ветра сорвал с головы шляпу. Амари воспользовался этим, чтобы обернуться. Свет луны выхватил в конце улицы силуэты, да и тень в ближайшей нише показалась намного темнее, чем должна быть. С троими он справится, но если убийц окажется больше?..

«Им же хуже, — успокоил себя Амари. — В схватке они помешают друг другу».

В следующий момент он сплюнул и громко выругался на слетевшую шляпу, растягивая слова и стараясь подражать говору своего капитана. Вдруг подобное поведение поселит в преследователях сомнение? В черном, расшитом серебром камзоле, закутанный в темный плащ, Амари мало отличался от обычных дворян. Во всяком случае, ничто не выдавало в нем именно принца. Родового перстня издали не разглядишь, а серебряная цепь роскошью не выделялась: рейские сапфиры некрупные, хоть и очень ценятся у ювелиров за чистый темно-синий цвет.

Преследователи подъехали поближе и, спешившись, двинулись навстречу. Почему-то они совершенно не опасались того, что Амари даст шенкелей Злату и попросту их затопчет. Один — посреди улицы, двое других жались к стенам. Трое. И тот, который караулил в нише. У него мог быть пистолет (хотя будь так, он бы уже выстрелил). Искушение продолжить скачку возросло. Черная громада особняка за спиной заслоняла часть неба, на последнем уровне призывно горели свечи в распахнутом окне, до него, казалось, рукой подать — всего улочка. Вот только Амари уже не раз убеждался в мнимости этой близости.

Он спрыгнул на мостовую, незаметно потянув из притороченных к седлу ножен кинжал. Рукоять удобно устроилась в левой ладони, Амари скинул плащ и намотал на запястье так, чтобы клинок не бросался в глаза. Сантьяго Первый Рейес в свое время запретил использовать на дуэлях более одного клинка, однако в подобных стычках стиль рейских пиратов увеличивал шансы выжить.

— Добрый вечер, — голос слегка осип, но в том был виновен холодный вечер, а никак не волнение, к тому же Амари все еще пытался изображать пьяного.

Убийцы как по команде обнажили клинки. Лунный свет лизнул сталь. Их лица скрывали маски — даже уверенные в победе, мерзавцы боялись быть узанными. Амари потянул из ножен шпагу.

Выпад первого наемника не заставил себя ждать. Амари подставил под клинок обернутую в плащ руку, а шпагой нанес точный удар в сердце. Тело убийцы продолжило движение, пинок в живот швырнул его под ноги соратников.

Двое.

Амари отбил удар в бедро одного, парировал выпад другого. Силы казались почти равными, за спиной заржал Злат и кто-то навалился на плечи. Амари рванулся, пнул ногой и неожиданно попал. Хватка ослабла. Он развернулся на каблуках и отскочил к стене, опасаясь нового нападения, инстинктивно отшатнулся от удара по лицу, шпага

описала полукруг, и один из нападавших коротко вскрикнул.

Из темноты появилось еще четверо.

— Кровь Создателя! — выругался Амари. Против шестерых противников мог бы выстоять отец или Рамель, но никак не он. Скорее всего, он погибнет этой ночью, но уж точно не один.

Ложный выпад. Осторожный убийца отскочил в сторону, позволяя жертве осуществить маневр. Короткий вскрик — и очередной мерзавец растянулся на камнях, щедро заливая мостовую собственной кровью. Удар по ногам. Подножка. Амари отошел от стены, но недалеко, прекрасно понимая, чем ему обернется такая беспечность. Спину не стоило открывать ни в коем случае. Он ударил кинжалом, и очередной мерзавец, не разглядевший оружия в складках плаща, рухнул на мостовую.

Словно в насмешку над дерущимися, луна отыскала на небе одинокую тучку и не преминула за нее спрятаться. Улочка потонула во мраке, но схватка не прекратилась и даже не замедлилась. В неверном свете отследить движения противников не выходило. Трех ближайших Амари еще удавалось разглядеть, но остальных надежно скрывала ночь, лишь наитие и обманчивое пренебрежение обороной помогали ему предвидеть атаки. Успехом он был обязан вовсе не собственному мастерству, а чужой глупости. Наемники дрались шпагами, но так, словно держали их первый или второй раз в жизни, однако их все равно оставалось слишком много, да и попадаться на одни и те же уловки они не собирались. Перевести дыхание и хоть немного отдохнуть тоже не позволяли.

Казалось, прошло слишком много времени. Амари начал терять скорость, и рука почти онемела. Еще немного — и его достанут, убьют или оставят умирать на мостовой в городе, где больше никогда не наступит утро. И на помощь тоже никто не придет. Вторя безрадостным мыслям, в соседнем доме стукнул ставень. Лязг оружия мешал спать мирным нозарокцам, но это не значило, будто они собирались вмешаться или хотя бы поднять шум. Не давая зажать себя в тиски, Амари замахнулся кинжалом, но очередной убийца оказался смелее почившего приятеля. Сталь чиркнула по стали, и руку обожгло болью: утепленный плащ, надежно защищавший хозяина от непогоды, не выдержал очередного удара клинка.

«Первая рана, — отметил про себя Амари. Горячая влага намочила рукав. — Царапина, скоро будет больше».

Очередной выпад. Шпага пронзила плечо нерасторопного убийцы, но тот, кажется, не почувствовал боли. Здоровой рукой он перехватил запястье Амари, а второй наемник навалился на раненую руку. Было больно, но гораздо хуже оказался удар в лицо. Тяжелый перстень с печаткой рассек скулу, сильнее всего удивило Амари то, что его не убили тотчас.

— Убийцы с родовыми перстнями. Ну надо же... — он сплюнул кровь и получил очередную оплеуху. — Любой другой гордился бы.

«Стоять распятым у холодной стены лучше, чем лежать с перерезанным горлом», — повторял про себя Амари, но унижительно было все равно. Убийцы считаться с его желаниями явно не собирались и не отказались бы от удовольствия поиздеваться. Трое убитых и двое раненых не казались тем раскладом, на который они рассчитывали.

Лунный луч скользнул по приставленному к груди клинку. Ночному светилу стало интересно, кто одержал верх, оно раздвинуло туманное море облака, чтобы подглядеть за исходом схватки. Острие надавило. Сейчас оно медленно прорвет ткань, потом — кожу и устремится к сердцу. Нужно лишь немного потерпеть...

В следующий миг темноту разорвала ослепительная вспышка, за ней немедленно последовала другая. Пистолетный выстрел прозвучал громче пушечного залпа, зазвенел по камню клинок, один из убийц осел на мостовую. Амари вывернулся и наугад ударил, а потом вокруг внезапно стало очень пусто. Вдалеке слышался топот и сдавленные ругательства. Снова раздались выстрелы и крики, но разбираться в происходящем не хотелось, как и узнавать, кто столь вовремя пришел ему на помощь. Амари прикрыл глаза и бессильно сполз по стене.

Глава 9

— Мой принц!..

Его немилосердно трясли за плечо, Амари открыл глаза и устало улыбнулся. Неприятные ощущения доставлял Дарзи Валэ, капитан его охраны, а вовсе не какой-нибудь грабитель.

— Со мной... — Амари запнулся, горло отозвалось саднящей болью, — все хорошо. Вы успели вовремя, капитан.

Он с благодарностью принял протянутую руку и поднялся, чувствуя, как неохотно повинуетсЯ тело. Вряд ли он пролежал на вымерзших камнях долго — луна с небосвода еще не скрылась, — но в груди поселился звенящий холод, напоминающий о себе при каждом вздохе.

— Если бы, — Валэ выглядел озадаченным. — Мы спешили как могли, но лишь спугнули мерзавцев, вы справились и без нас.

— Какой выстрел! — воскликнул Гистон, склонившись над поверженным, и довольно поцокал языком.

— Мой принц, вас можно поздравить, — улыбнулся Валэ, накидывая на плечи Амари свой плащ.

— Нельзя, — Амари поискал глазами Злата. Слава божественной Крови, с ним ничего плохого не случилось. — Я пистолетов с собой не ношу.

— Это моя оплошность.

— Вашлость, пожалуйста, — Ульрих подвел коня. Бывший матрос едва не светился от гордости: то ли за своего принца, показавшего себя в настоящем бою, то ли еще по какой-то неизвестной причине.

Амари снова улыбнулся. Рядом с этими людьми ему становилось немного теплее. Каждый из них без раздумий отдал бы за него жизнь.

— Вот, держите, — Валэ вытащил из-за пояса собственные пистолеты намитской работы. Пусть они и уступали моревийским, но считались надежными.

Амари принял оружие, со второго раза взобрался в седло и оглянулся на нишу. Тень в ней теперь выглядела самой обыкновенной. Почему-то ему казалось, стреляли оттуда. Но кто? И отчего пожелал остаться неузнанным?

— Выпейте, — Валэ протянул ему флягу.

Крепленое вино чуть отогнало холод.

— Благодарю, капитан. А теперь запомните: герцог не должен ничего знать.

Валэ кивнул.

До «Шпоры» добрались быстро, Амари едва успел закончить рассказ о ночном происшествии. Валэ не перебил его ни разу, только добавил в самом конце:

— Мой принц, я, конечно, могу ошибаться, но, скорее всего, поначалу вас и не собирались убивать.

Амари повел плечом. У него не шел из головы убийца, накинувшийся сзади. Что, спрашивается, мешало ему всадить нож в спину? Да и невозможно десятку не одолеть одного, даже самого искусного бойца (а таковым Амари точно не являлся).

— Тогда я ничего не понимаю, — признался он. — Зачем кому-то устраивать такое представление?

— Я тоже, — нахмурился Валэ. — Возможно, вас хотели предупредить или принудить к

чему-то? А уже потом, когда вы прикончили и ранили нескольких нападавших, испугались. Наверняка подстерегшие вас мерзавцы хорошо друг друга знали.

Амари сильнее закутался в плащ. Позади остались горячка боя и пробуждение среди друзей, усталость брала свое.

— Случившееся с вами напомнило мне... — Валэ запнулся и опустил взгляд.

Амари протянул руку и перехватил повод, заставляя чалого остановиться.

— Договаривайте, капитан.

С крыши ближайшего дома раздалось унылое карканье. На забор рядом с мордой Злата опустилась тощая потрепанная ворона. Похоже, ее спугнул охотившийся в ночных сумерках кот. Птица смерила людей таким взглядом, словно была кесарем намитским, и протяжно закаркала.

— Кыш отсюда, горевестница! — Гистон замахнулся на нее кулаком. — У... кровь творцова! Простите, ваша светлость.

Амари не ответил. Он сверлил взглядом своего капитана.

— Подобным образом десять лет назад мне дали понять, — скривился Валэ, — что стоит как можно скорее покинуть Нидос.

— Керво?..

Валэ промолчал.

Амари вздохнул и закашлялся. Как теперь вернется в особняк кровника, он не знал, да и в глаза Керво смотреть не сможет — уж слишком сильна будет ярость. И что он скажет, ведь рано или поздно они встретятся?

— Человек, позволивший себе такое, не имеет права зваться дворянином. И шпага ему без надобности — всегда можно нанять убийц, — заявил он.

— Я не стану утверждать наверняка, будто за нападением стоит Веласко Керво, — сказал Валэ. — Единственное, в чем я убежден, — ездить одному по Нозароку вам не стоит. Хотя бы пока не начнете хорошо ориентироваться в городе.

— Подождите...

— Да, мой принц?..

— А как вы меня нашли?

Валэ усмехнулся:

— Этим вы обязаны девице из трактира со смешным названием. Убогую с кошкой помните? Я не представляю, откуда она узнала, но разыскивать вас мы поехали после ее просьб.

В особняке не спали: в комнатах горели свечи, крыльцо и внутренний двор утопали в красноватом свете факелов. Омеро холодно поприветствовал Амари у ворот и увел Злата. Карлоса видно не было — раньше управляющий всегда крутился поблизости, а вот сегодня куда-то запропал. Амари вошел в дом, бросил плащ на лестничные перила и ощутил смутную обиду. Его не ждали? Помнится, недавно герцог отравлял за ним людей. Впрочем, о чем он? Зачем ждать, если сам Керво нанял веселую компанию провожающих из этого мира?

Если и было что-то привлекательное, то, несомненно, верхний уровень, где располагалась комната Амари. Ночной кошмар, безразличие слуг, насмешки герцога и собственная неуверенность пасовали перед затапливающим оконную раму небом: синим, чистым и ясным или, наоборот, пасмурным и хмурым. Амари терпеть не мог серости, но здесь, в Нозароке, все чаще ловил себя на мысли о том, что мог бы полюбить этот холодный северный край. Зори уж точно полюбил бы: когда внизу властвовали тени, небо светлело, а у горизонта вставало солнце — только для Амари и... обитающего рядом

Керво. А еще были ночи, полные звездного света или непроглядной тьмы. Вот именно туда — в комнату, которую начал называть своей, его и тянуло. Не будь ее, Амари не переступил бы порог этого дома.

Он шумно вздохнул, ступая на лестницу и тяжело облокачиваясь о резные перила. Потолки в особняке были высокие, и подниматься приходилось далеко. Сам герцог, видимо, привык и не замечал, а у Амари каждый раз сбивалось дыхание. Сегодня подъем и вовсе превратился в пытку.

С верхних ступеней лестницы открывался прекрасный вид на первый уровень. Почти весь он представлял собой величественную бальную залу и напоминал черно-белую доску для игры в ахедрес, не хватало только фигур. Наверное, когда-то за них могли сойти аристократы, посещавшие особняк, — зимнюю резиденцию королевской четы. Амари усмехнулся собственным мыслям: а ведь вполне подходящее сравнение для бала. Как и в игре, на нем можно встретить короля и королеву, офицеров и пешек, желающих превратиться во что-нибудь более приличное и соответствующее статусу их гордыни. Единственный и основной вопрос — кто игрок? — в данном случае неуместен. Им наверняка считал себя хозяин особняка.

— Сударь? — Карлос почти бегом спускался по лестнице. В одной руке он нес внушительного размера поднос, полный посуды, во второй — несколько пустых бутылок. Амари посторонился, отступив к стене. — Как вы? Вам нужна помощь?

— Нет, — поспешил заверить Амари, пока позорная слабость не заставила его довериться этому человеку: ведь известное ему незамедлительно узнает и Керво.

— Как угодно, сударь, — Карлос пронесся мимо, опираясь локтем о перила, чтобы не терять скорости и равновесия. Амари вздохнул. Подъем предстоял еще долгий.

Второй уровень. Здесь находилась огромная библиотека, занимавшая несколько залов, и гостиная человек на тридцать (когда-то в ней принимали гостей и давали «домашние балы»). Нынешний герцог званных ужинов не устраивал, пиршеств не закатывал, а нужных ему людей предпочитал принимать в своем кабинете по одному. Здесь же располагалось несколько обеденных комнат и крытый фехтовальный зал, которым Керво почти никогда не пользовался.

Третий. Темнота, приглушенная светом редких свечей; тени, прижимающиеся к полу; круговой коридор и, кажется, бесконечное число дверей. По неизвестной прихоти Керво выделил гостю соседние покои, и Амари каждый раз приходилось проходить мимо его кабинета и спальни. Он не понимал, зачем герцогу это понадобилось, тем более что иногда приходилось становиться невольным свидетелем его дел. У Керво имелаась отвратительная привычка неплотно закрывать дверь. Обычно он перебирал бумаги, пил в одиночестве, читал или писал, напевая что-то красивое и необременительно-легкое, задумчиво прохаживался по кабинету. Сегодня в нем было странно тихо. Из полуоткрытой двери в коридор лился золотой свет и нежный, едва уловимый мятный аромат.

Амари решил не обращать внимания и решительно пошел вперед, смотря только перед собой. Ему не было дела до того, что происходило в герцогском кабинете. Слуха достиг едва слышный шепот — звонкий и тихий одновременно, словно игра ветра в тростнике, — и что-то невидимое ударило его под колено. Амари споткнулся, поднял взгляд и замер, останавливаясь аккуратно напротив двери.

Принцу крови не пристало подглядывать. Амари и не собирался, но нежный неземной голос заставил всматриваться помимо воли. В кабинете ровно и тепло горел камин. Влетая в приоткрытое окно, играл портьерой и шелком ветер. Герцог сидел на полу, танец света и теней превращал его едва ли не в юношу. Волосы струились по плечам и казались влажными, глаза сияли зеленоватым теплым светом — вроде того, какой бывает у кошек по ночам.

Амари помнил, что глаза у Керво золотисто-карие, даже зловеще-желтые, когда в них отражается каминное пламя, но сейчас они казались именно зелеными — очень яркими, горящими, — каких не бывает у людей. Слегка подрагивали длинные смоляные ресницы, словно Керво спал с открытыми глазами и видел беспокойный сон, кожа казалась бледнее обычного, зато губы слегка припухли и налились кровью. Он безвольно

полулежал, приподнявшись на локтях, а на его бедрах сидела рэя. Полупрозрачное легкое платье едва прикрывало ее щиколотки, невесомые локоны обволакивали хрупкую фигурку. Одну руку она запустила в волосы Керво, второй оттягивала ворот его рубашки.

Меньше всего на свете Амари желал оказаться в столь щекотливой ситуации. Ему только обвинений в подглядывании не хватало!

Стоило об этом подумать, рэя обернулась, скользнула по нему взглядом и лукаво улыбнулась, Керво, подняв руку, придержал ее за талию. Амари дернулся, словно от пощечины, но не смог двинуться с места. Казалось, из легких выкачали весь воздух, а сердце остановилось, подчинившись безмолвному приказу. Удивительные огромные ярко-синие глаза с узким вертикальным зрачком завораживали. В них плясали серебряные искры.

— Пусти, он мой. Я хочу, чтобы он принадлежал мне, — произнесла она звенящим шепотом. Так, должно быть, пели растущие близ родников синие колокольчики, в Сурее верили, что услышать их суждено лишь обреченным на смерть.

— Не стоит, — спокойно и властно ответил Керво. — Я, знаешь ли, ревнив, к тому же наше с тобой соглашение действует до тех пор, пока ты не творишь зла.

Она ли все же поднялась, или он безвольно шагнул ей навстречу — так и осталось для Амари невыясненным. Память отметила то, как резко встал Керво и выхватил кинжал, но мгновение уже стало вечностью, мир накренился, пошатнулся и полетел в бездну.

— Вы слишком устали и не в состоянии ответить? — прозвучало сквозь сон. Амари попытался отмахнуться от голоса, но не смог. — Вы же только приехали из дома уважаемого Бастиана. Неужели прекрасная Инари оказалась не столь благодетельной, не задирала нос и не заламывала рук, а рухнула в ваши объятия? Признайтесь, в знак своей любви вы должны убить меня?

Амари словно студеной водой окатили. Сон мгновенно слетел, а сам он обнаружил, что сидит в кресле у камина. Никакой рэи в комнате не было, и Керво выглядел вполне привычно, только казался таким же молодым, как и в привидевшемся кошмаре.

— Что вы сказали?.. — голос со сна осип, но это не волновало. — Да как вы... как посмели?.. Откуда узнали, где я был?!

— Вы больны? Не в себе? — усмехнулся Керво. — О посещении особняка Милагринов вы обмолвились всего несколько минут назад, непосредственно после того, как согласились составить мне компанию, — он вздохнул и покачал головой. — Прискорбно... вам нельзя много пить. Позвать Карлоса? Спать удобнее в постели, а не в кресле.

— Благодарю, сам я не догадался бы, — тело невыносимо затекло, и спину ломило. Чего на него нашло? Амари прекрасно помнил о намерении пойти к себе, с Керво он не собирался не только пить, но и видаться вообще.

— Не за что, — Керво не обратил внимания на его мучения. — Вы не знаете самых элементарных вещей, приходится просвещать. К слову, отвратительно выглядите.

— Зато вы превосходно, — огрызнулся Амари.

— Прекраснее вечера может быть только ночь, особенно когда есть с кем ее разделить, — заметил Керво и мечтательно сощурился. — Запомните: не выходит добиться уговорами — вполне удастся получить лаской. Или угрозами. Это уж в зависимости от того, какие предпочтения у рэи. Кстати, позвольте дать совет по поводу баронессы Милагрин: в вашем случае я рекомендовал бы давить на жалость.

Амари прикрыл глаза. Он так и не решил, чего ему больше хочется: взвыть от бессилия или достать намитский пистолет Валэ. Керво, похоже, посетило лирическое настроение, а Амари согласился стать его жертвой, хотя и не помнил, когда и почему.

— Я прикажу приготовить для вас горячую ванну, — пообещал Керво. — Она, знаете ли, расслабляет и снимает усталость. Впрочем... завтра. Детям положено спать по ночам, а не блуждать пустынными улицами незнакомых городов и ввязываться в неприятности.

Амари прикусил губу. Неужели Керво имел в виду нападение? Герцог сладко потянулся, разминая плечи, встал, с удовольствием прошелся по кабинету и остановился напротив двери. Тонкие пальцы скользнули по ручке в виде скалящейся головы пантеры.

— Я отправляюсь к себе, а вы постарайтесь не забивать голову всякими бреднями, — сказал он, открыл дверь и, уже занеся над порогом ногу, снова смерил Амари пронзительным взглядом. — Не забудьте запереться, ночь еще не закончилась, а она для вас небезопасна.

Усталость вытеснила мысли, до спальни Амари добрался почти на ощупь и, не раздевшись, повалился на кровать. Дверь запереть он, конечно же, забыл.

Остаток ночи обещал успокоение, но сон отказывался приходить. Амари трясся от холода под одеялом и ворочался с боку на бок. Время от времени его одолевала дремота, и он постоянно оказывался в одном и том же положении — у стены — с упирающимся в грудь клинком. Зло ухмылялся из-под маски застреленный наемник, лунный свет плясал по стали, только в нише на этот раз никто не стоял. Рука убийцы на мгновение напрягалась, а потом устремлялась вперед, боль и жжение вламывались в грудь, и Амари захлебывался собственным криком. Он знал, что все это ненадолго, нужно лишь потерпеть: боль уйдет, и жизнь уйдет вместе с ней. В кошмаре он почти радовался гибели и избавлению, пока не понимал, что не может вздохнуть...

Амари дернулся и сел на кровати, упершись взглядом в нетопленный камин. Он все же южанин и не готов к пытке холодом, завтра обязательно попросит Карлоса растопить (странно, раньше не мерз). С трудом поднявшись, он направился к окну — следовало закрыть. Тело подчиняться отказывалось, и идти приходилось, держась за стену, наверное, он простудился сегодня ночью; завтра, должно быть, и вовсе не встанет.

Окно оказалось закрытым наглухо, равнодушно и печально смотрела из него ночь. Вдруг, будто ледяная рука погладила спину, пробежалась тонкими пальцами по позвоночнику, Амари резко обернулся и замер.

Дверь отворилась уже до половины. В образовавшийся проем устремился туман и что-то огромное и черное. Забыв о слабости, Амари бросился к стулу, на который кинул перевязь и одолженный Валэ пистолет. С оружием в руках он почувствовал себя увереннее, но и только. Существо в дверном проеме гнало впереди себя волны страха.

Сколько удастся противостоять очередному кошмару, Амари не представлял. Ужас — леденящий, вязкий, липкий и паточно-приторный — пригвоздил его к полу. Прошлой ночью существо не смогло явиться во плоти — только испугать, просунув в комнату одно из своих щупалец. Этой — пришло убивать. Войдя, оно остановилось, обернулось, вытянув мохнатую конечность, отдаленно похожую на медвежью лапу, и закрыло дверь. Замок щелкнул, отрезая единственный путь к бегству. Смерть Амари не пугала, но когда его рука вскинула пистолет, дуло ходило ходуном. Он выругался и до крови закусил губу, боль немного отрезвила. Грохнувший через мгновение выстрел не причинил твари вреда, хотя промахнуться с такого расстояния казалось невозможно.

Существо подалось вперед, оно плыло над полом, однако каждое его движение сопровождалось отвратительным скрипом. Оно достигло кромки моревийского ковра, и тот потерял краски. Высокий ворс пожух, словно трава при первых заморозках. Шаг. В ковре появилась отвратительная дыра — след потустороннего создания. Когда существо коснется его, будет нечто похожее, Амари не сомневался в этом, — тление, язвы по всему телу. Впрочем, ему уже будет безразлично. Он резко поднял шпагу и мотнул головой, прогоняя видения близкой смерти: погибнуть суждено, только если сдастся.

Острое должно было прошить существо насквозь, но этого не случилось. Оно даже не отшатнулось, не попыталось закрыться, а Амари вскрикнул и отскочил к окну, держась за онемевшую руку. Судорога скрутила плечо, рвала мышцы, но эфеса он не выпустил. Располагаясь его комната ниже, он не раздумывая сиганул бы в окно. Пусть убежать от этого создания, скорее всего, не выйдет, но фора во времени позволила бы придумать хоть что-нибудь. Когда рассветет — уйдет туман, и наверняка эта дрянь боится солнца! Если удастся продержаться до восхода...

Шаг. Холод. Боль. Терзающий душу страх. Амари вжался в раму, именно сейчас показавшуюся хрупкой. Если он еще надавит, то окажется снаружи, полетит как птица,

только вниз, а не вверх. Он усмехнулся: испытать чувство полета и умереть — чем не достойный конец? Все лучше, чем в лапах этого существа. Оно, кстати, застыло и внимательно гляделось в беспомощную жертву.

— Неужели улыбка не нравится? — спросил Амари. — Не можешь понять, как твое появление способно вызвать веселье? Да мне просто нечего терять! — боль и холод тотчас же затопили все вокруг, его затрясло, и зарождавшийся смех, поначалу отпугнувший тварь, был ничем иным, как началом истерики.

Дверь разлетелась на куски, на сотни осколков, словно была сделана из тонкого хрусталя, а не из дерева. В проеме появилась худая черная фигура с безумным взглядом: изумрудно-зеленым, светящимся в темноте, как у кошки.

— Вот и еще одна тварь пожаловала, — пробормотал Амари. Он едва узнал Керво, а узнав, не поверил в реальность происходящего. Растрепанный, в одной черной рубашке и широких моревийских штанах, босиком — тот казался кем угодно, только не самим собой. В руке герцог сжимал шпагу и уже кинулся к существу.

— Бесполезно! — выкрикнул Амари, мельком удивившись, насколько слабо и хрипло прозвучал собственный голос. — Его не взять оружием... я пробовал. Уходите! Вы ничем не можете...

— Да ну? — насмешливо бросил Керво. — У вас не голова, а решето, да еще и дырявое. Я же предупреждал! Неужели послушаться и запереть дверь оказалось так сложно?..

Амари вздрогнул, когда существо, развернувшись, прыгнуло и оказалось вплотную к герцогу; успел отойти от окна, намереваясь тоже вступить в схватку, хотя и понимал всю бесполезность этой затеи. Керво же ловко увернулся и, в два шага достигнув окна, прикрыл Амари собой, прикрикнув:

— С ума сошел от страха?! Тебя здесь только не хватает.

Амари зашипел от боли, когда Керво оттолкнул его в угол, задев по раненому плечу, ударился о стену и сполз по ней, не в силах подняться.

— Там и сиди, — приказал Керво. — А если встанешь, я тебя в коридор вышвырну!

Очень хотелось подчиниться, но Амари попросту не мог: у него еще осталась гордость. За него сражался злейший враг — тот, кто подослал наемных убийц всего несколько часов назад! Почему? Зачем? Керво был невозмутим. Он с легкостью уходил от атак твари — воистину молниеносных, а его шпага кромсала туманный саван, ее окружающий. Он не допускал ни одного лишнего движения, нападая и отступая изящно и легко, словно в танце.

— Не вставать! — Керво и за ним успевал следить.

Амари закрыл глаза, чувствуя себя беспомощным ребенком, которого только что отчитали за непослушание.

— Молодец, — тотчас похвалил герцог. — Так и сиди.

— Когда это, интересно, мы успели выпить дружевую? — прошептал Амари и вздрогнул, услышав звонкий смех.

— Позже, если захочешь, я извинюсь перед тобой, — голос прозвучал близко, едва ли не над ухом, и Амари открыл глаза.

Существо медленно опустилось на четвереньки и прыгнуло. Керво бросился на пол, перекатился через плечо и одним ловким движением вогнал острие шпаги в позвоночник. От разбившего ночь визга-крика заложило уши, и Амари снова закрыл глаза, чтобы очнуться в тишине и мирной трескотне свечей. Он отнял руки от лица — ладони отчего-то оказались в крови — и уставился на своего неожиданного спасителя. Беспомощность никуда не делась. Душа и тело ныли, разрываемые на части болью, злостью и стыдом. Он ведь ничего не сумел предпринять, оказался более чем бесполезен, грохнулся в обморок, словно какая-нибудь фрейлина, тогда как Керво спасал его жизнь... Что-то здесь не сходилось. Если бы герцог хотел его смерти, то уж точно не

вмешался бы.

При попытке подняться ноги пронзило острой болью. Перед глазами вспыхнули искры, а грудь как в тисках сдавило.

— Сидеть! — Керво пнул носком сапога поверженную тушу. — Ты отравлен, потому не делай резких движений.

«Значит, умру в любом случае», — отчего-то эта мысль не вызвала сопротивления или глухой тоски. Желания выжить не имелось тоже. Амари вдруг стало все равно и даже интересно, что же ждет его за гранью, из-за которой не вернулся еще ни один живой человек.

— Вот. Выпейте это, ваше высочество.

Керво снова издевался. После перехода на «ты» и прямых распоряжений титулование выглядело особенно неуместно.

— Я сказал — пей! — По губам ударил холодный обод чаши.

Амари судорожно глотнул терпкую, сладкую до тошноты жидкость, и от нее действительно стало немного лучше. Странная апатия притупилась, пусть и не ушла совсем; зато вернулись ощущения. Он почувствовал жесткость стены и пола, спертый воздух комнаты царапал легкие, а тело горело. Удивительно, что недавно он ощущал холод.

— Вижу, прислушиваться к моим советам вы не собираетесь, — Керво привалился плечом к стене. — Я же говорил, эта ночь не ваша.

— Оно вошло бы все равно, — возразил Амари и поежился: сидеть под пристальным взглядом золотых глаз было неудобно.

«Золотых?..» — удивился Амари. Цвет глаз Керво снова изменился, но если приглядеться, во взгляде еще удавалось различить шальные изумрудные искорки. Амари не понимал, действительно ли они таковы, или ему только кажется.

— Вы так думаете? — поинтересовался Керво, криво ухмыляясь. — Заперлись бы, и никто вас не тронул.

Амари отвел взгляд, гордо вскинул подбородок и огрызнулся:

— У вас под дверями щели!

И вздрогнул от насмешки, сквозившей в голосе Керво:

— Да что вы говорите?

Он подошел к окну и распахнул створки, впуская в комнату звездную ночь и соленый ветер. Откуда в северном Нидосе морской бриз, Амари решил не думать: его чуть не съел призрак, стоит ли после этого хоть чему-нибудь удивляться? Невольно взглянув туда, где недавно истекала туманом бесформенная туша, он едва сдержал вскрик.

Твари больше не существовало. Вместо нее на полу лежал человек в серых неприметных одеждах, с невыразительным лицом. Амари был уверен, что не запомнил спасенных от казни горожан, но сейчас с памяти словно спала невесомая вуаль. Этот осужденный стоял у эшафота вторым справа: очень бледный и собранный, словно перед прыжком. Именно его взгляд исподлобья повлек то предчувствие беды.

— Глупость, бред, помесь древних легенд и похмелья... — прошептал Амари. Он ни за какие блага не поверил бы, если бы туманное чудовище не превратилось в спасенного узника.

— Видимо, теперь вы пересмотрите решение относительно казни? — поинтересовался Керво.

— Я не меняю своих решений, — сказал Амари твердо и поморщился. — Наверное, мне стоит вас поблагодарить?..

— Наверное? — Керво опустился на пол рядом с ним. Слишком близко, по мнению Амари: их плечи едва не соприкоснулись. — Это вы меня сейчас спрашиваете?

Больше всего на свете Амари сейчас хотелось проснуться в королевском дворце в Кастелле.

— Не тревожьтесь, — вздохнул Керво. — Я вмешался уж точно не ради вашей благодарности.

— Ради отца, я помню. — Наконец-то начало светать, тьма за окном посерела. Веки стали неподъемными, открыть их больше не представлялось возможным. Перед внутренним взором Амари, сменяя друг друга, поплыли удивительные картины: море, ночной Рей, цветущие гранаты, белые облака, звездное иссиня-черное небо Нидоса. Голова кружилась. Он тяжело вздохнул и привалился плечом к чему-то горячему. Керво пробормотал что-то про несносного мальчишку, притягивающего к себе неприятности. Смысл фразы ускользнул, и Амари не рассердился. Он и сам не смог бы назваться иначе в данный момент.

Глава 1

Карлос бесшумно отворил дверь. Комната тонула в полумраке, тяжелые портьеры отгоняли день, однако свет проникал все равно: спокойный, осторожный, ненавязчивый — такой, чтобы не тревожить больного. Справа в камине потрескивали поленья — тоже умиротворяюще. Ковер на полу и дверь уже сменили, и ничто теперь не нарушало спокойствия комнаты. Карлос подошел к столу, поставил на него витой бронзовый подсвечник и взглянул на спящего. Тот был бледен, как и три дня назад; под глазами залегли темные круги, а черты лица заострились. Он раскинулся на кровати, неудобно запрокинув голову, отчего волосы разметались по подушке. Видимо, снова поднимался жар и его мучили кошмары.

Три дня. Младший Рейес не приходил в себя слишком долго. Днем он лежал спокойно, будто просто спал, ночью метался в бреду. Герцог хоть и говорил, что ничего страшного не случится, с каждым днем хмурился все больше; остальные слуги старались лишний раз не попадаться ему на глаза. А еще Карлосу уже надоело выставлять из дома виконта Валэ. Можно подумать, тот о здоровье сюзерена беспокоился.

Карлос вздохнул и смочил кусок ткани в тазу, который принес с собой. Осторожно, словно стирал пыль со статуэтки тончайшего элалийского фарфора, провел по лбу и скулам принца. Обычно горькая вода с характерным резким запахом быстро приводила в чувство, но не в этот раз. Керво просил тормошить Рейеса как можно чаще: говорить с ним, звать, что-нибудь специально ронять в комнате.

— Сударь, пора просыпаться, — буднично произнес Карлос, но ответа не последовало, как и во все прочие дни.

Дверь с грохотом отворилась.

— Нам нужно поговорить, ваше высочество, вставайте!

Принц никак не отреагировал. Карлос качнул головой — бесполезно.

— У него еще есть время... пусть и немного, — нарочито ровно произнес герцог.

— Сколько? — одними губами спросил Карлос и поднялся, чтобы уйти.

Герцог пожал плечами:

— День-два. Дольше на границе между жизнью и смертью еще никто не задерживался. Как правило, переживет ли человек встречу с нингуном, становится ясно в первый же день. Ну... ты помнишь.

Кто такие нелюди и как они влияют на живых, Карлос знал. Ощутил он на себе однажды их прикосновение — проявил неосторожность и позволил себя схватить. Хорошо, покойный Маклери вмешался вовремя, иначе не было бы Карлоса в этом мире, да и в никаком другом наверняка тоже.

— А если он так и не очнется, господин?

Герцог пожал плечами:

— Меня обвинят в убийстве и государственной измене. Если повезет, до столицы я не доеду.

— Ох...

— Если он не очнется, моя смерть или жизнь уже не будут иметь никакого значения, Впрочем, в его случае ничего не ясно до сих пор, — герцог сел в кресло и устало провел кончиками пальцев по вискам. — Он может очнуться и не вставать с постели половину аньо или проснуться и счесть произошедшее кошмаром и вообще все забыть.

Карлос поклонился и направился к двери, но остановился на пороге и спросил:

— Скажите, герцог, вам жаль?

— Того, что опоздал? — он повел плечом. — Нет. Мальчишка расплачивается за собственную глупость.

Управляющий кивнул и схватился за резную ручку.

— Карлос, — догнал его спокойный и усталый голос, — когда он все же очнется, ты не скажешь ему ни слова о том, что здесь происходило. Пусть думает, будто его одолела обычная лихорадка.

— Воля ваша, но не лучше ли...

— Нет! Он должен все понять и действовать сам, а не по чужой указке, иначе ни к чему хорошему это не приведет.

Карлос был не согласен, но кто он такой, чтобы спорить?

— Я сделаю, как вам угодно.

— И скажи Омеро, пусть готовится выехать в Каstellу. Мало ли что...

Тени от камина жались по углам. За окном шел дождь, крупные капли бились о карниз, отчего создавалось впечатление, будто снаружи кто-то настойчиво просился в дом. Этот кто-то казался огромным и добродушным, чем-то похожим на кота. Амари улыбнулся пришедшему в голову сравнению. Кот замурлыкал раскатами отдаленного грома, он не собирался нападать, до людей ему вообще не было дела.

«Как же хорошо: ничто не трогает и можно просто лежать, закутавшись в одеяло и наслаждаясь покоем», — подумал Амари. Когда вчера вечером он очнулся, то ничего, кроме тепла, не почувствовал; не хотелось никого звать или вставать, тем более второе ему вряд ли удалось бы — лежать и слушать урчание дождя казалось достаточным. Иногда он прикрывал глаза, но сон приходил отказывался, потом неслышно отворилась дверь, и в комнату вошел Карлос. Кажется, он обрадовался, хотя... может ли слуга Керво радоваться пробуждению Рейеса? С чего бы?

— Сколько я так лежу? — голос казался чужим. Слишком сильным и слабым.

— Сударь, вы уже трижды задавали этот вопрос, — ровно отвечал Карлос. — Вы проспали пять дней.

— Вот как, — упущенное время его не трогало. — И что со мной?

Цедить слова неожиданно оказалось настолько приятно, что не хотелось прерывать разговор.

— Простуда — так сказал лекарь. Лихорадка унялась только вчера.

На самом деле ответ слуги не имел значения.

— Похоже на правду, — значит, все произошедшее с ним после возвращения в особняк являлось бессвязным бредом и ничем больше. Странно, но Амари испытывал разочарование от осознания этого. Монстр из тумана не пытался его убить, а Керво не защищал. Так было проще, не противоречило представлениям о герцоге, не снимало с него подозрений в найме убийц, только отчего-то становилось тоскливо на сердце.

— А где сейчас твой хозяин?

— Присутствует на казни, — Карлос говорил так, словно ничего важного не происходило.

— Кого-то еще или тех же? — в голосе сквозило безразличие; впрочем, вполне искреннее — Амари ничего не чувствовал.

— Обвиненных в убийстве Маклери, — ровно ответил Карлос. Он словно доложил о приготовленном обеде.

Амари попробовал возмутиться, открыл рот, но тотчас закрыл. Умом он понимал, что следует встать, мчаться на площадь и препятствовать несправедливому убийству, но сердце оставалось равнодушным. Туманная тварь перед внутренним взором

превращалась в одного из горожан, осужденных Керво на смерть, и Амари вновь ощущал холод и боль, охватывающую руку. Противостоять же видению не получалось, оно было слишком реальным.

«Пусть уж лучше все остается так, как есть», — Вставать не хотелось, кого-нибудь видеть — тоже. Общество Карлоса устраивало абсолютно: он был всего лишь слугой, с ним не приходилось держать лицо и на удивление приятно оказалось молчать, а иногда перебрасываться ничего не значившими фразами.

Дверь открылась бесшумно — как, впрочем, и всегда. Хорош бы был Карлос, если бы не следил за домом. Еще прошлый герцог не спускал за пренебрежение обязанностями, а уж нынешний... впрочем, от него как раз ничего плохого не видели. Пожалуй, он требовал только не распускать языки — а этого в особняке никогда не водилось — да чтобы вино не иссякало. А с чего ему иссякать, если южные родичи не забывают? Такого погреба и в столице не найдешь.

Гостиную заливал теплый золотистый свет. Здесь свечей не жалели, но с тех пор, как в особняке поселился младший Рейес, герцог предпочитал сидеть в полумраке: то ли подыгрывал заблуждениям молодого принца, наверняка представлявшего и его, и этот дом мрачным средоточием зла, то ли сам играл с гостем. Как кот с мышью или, скорее, ворон с птенцом (Карлос удивился неуместному сравнению и решил обдумать его позже). Станные рассуждения были не единственным, что вызвало непонимание. Звонкий, высокий, почти мальчишеский смех, разнесшийся по комнате, заставил Карлоса насторожиться. Обычно он сам открывал входные двери, потому мог поклясться, что гостей сегодня не было. Удивление, однако, развеялось, стоило переступить порог. Гость не жаловал обычные двери и не беспокоил слуг, он попросту появлялся когда заблагорассудится, словно из воздуха.

— Привет, Карлос! Все служишь этому зануде? — Винто Осадиа, самый загадочный друг герцога, восседал в кресле, по привычке перекинув ноги через подлокотник. В одной руке он держал бокал тончайшего элалийского хрусталя, во второй — надкусанное яблоко.

Карлос поклонился и принялся расставлять бутылки и легкие закуски. Гостя он знал и всегда был рад видеть. Когда-то герцог спас Осадиа жизнь, и с тех пор тот стал частым гостем в его доме. Рыжеволосый, высокий и очень худой, неопределенного возраста, он не был не только жителем Нидоса, но и Эрохо вообще. Он прекрасно разбирался в ядах, холодном оружии и интригах, а главное — всегда оказывался рядом, когда требовалась помощь. Если бы не он, то герцога, почитай, лет десять как не было бы в живых. Еще он величал себя Ветром, уверял, будто может оборачиваться лисицей, и умел быть в двух местах одновременно (как ему это удавалось, не знал, наверное, и герцог). Карлос не мог вспомнить человека, расположения которого Осадиа не завоевал бы с первого же взгляда — последнее казалось особенно важным, учитывая присутствие в замке принца Рейеса.

— Винто, ты желаешь меня оскорбить или раззадорить? — усмехнулся герцог, сидящий у камина и что-то записывающий в небольшой книжце. Переплет синей кожи бросался в глаза: ни одно животное Эрохо не имело такой.

— Небеса! — тот вскинул руки и устремил к потолку удивленно распахнутые глаза: синие, как утреннее небо весной. — Зачем мне это?

Герцог неопределенно повел плечом.

— Готов поспорить, в фехтовании ты давно не упражнялся.

— Виновен!.. — Осадиа опустил руки и горько вздохнул, понаблюдав некоторое время за реакцией присутствующих и расхохотался. — Там, где меня носило, о дуэлях и не помышляют. Увы, кстати, — оживился он, — а зачем ты меня позвал? Я, конечно, всегда рад: ты один из самых гостеприимных хозяев, кого я знал или видел, но интересно же.

При слове «гостеприимных» герцог устало вздохнул:

— Не для всех, мой друг. А позвал я тебя... на помощь.

Карлос перестал возиться с посудой, поклонился и вышел. Не в его правилах было мешать господам. Подслушивать за дверью он тоже не собирался, но пришлось находиться поблизости. Время от времени слуха достигали реплики:

— Ты уверен?!

— Нелюдь шел за ним. В мой дом, чего никогда не случалось раньше. Я еле успел, но мальчишка провел пять дней на грани.

— Ох, я тебя умоляю, ему только на пользу.

— Нингуны тупы, но напрасно не рискуют. Тварь знала, что я уничтожу ее, но все равно решила попытаться убить мальчишку.

— Знаешь, а ведь это донельзя... забавно. И страшно. Если бы он погиб...

Небо за окном прояснилось. Амари резко сел, и голова, вопреки опасениям, не закружилась. Лежать казалось невыносимым, тело требовало движения. Он почти забыл, как хорошо чувствовать себя здоровым и полным сил. На то, чтобы встать и одеться, не понадобилось много времени. В дверь осторожно постучали и, не дожидаясь ответа, вошли, слуги в особняке Керво вели себя, как обычно, развязно.

— Прошу прощения, сударь, — управляющий поклонился. В руках он держал серебряный поднос, на котором стояли кувшин и кубок. — Просили передать, — второй рукой Карлос извлек из-за манжеты незапечатанный листок.

— Керво пришла в голову блажь обмениваться со мной записками? — усмехнулся Амари. Карлос застыл, словно изваяние, и на подчеркнуто язвительный тон никак не отреагировал. Пришлось перестать шутить, протянуть руку и взять листок. Амари пробежал взглядом узкие строчки и округлые литеры. Он ошибся: послание оказалось не от герцога.

Приглашение в дом Милагринов, к счастью, ничего личного не содержало. Барон в очень вежливой форме интересовался здоровьем Амари и высказывал надежду, что тот вскорости посетит их скромный дом... Это сколько же посторонних глаз читали адресованное ему послание? Бастиан слишком беспечен, или... приглашение изначально было запечатано? Вскрывать чужие письма — недостойно дворянина, но вряд ли Керво считал так же.

— И как вам почерк барона Милагрина? — осторожно, стараясь не выдать раздражения и радуясь, что голос звучит ровно, поинтересовался Амари.

— Его светлость нашел его ужасным, а по мне — ничего так, разобрать можно.

Амари стиснул зубы и швырнул на постель несчастное приглашение: его и так уже прочитали все кто мог! Неуверенный в том, что долго сможет держать лицо бесстрастным, он направился к окну и сделал вид, будто происходящее за ним интересует его куда сильнее надоедливой слуги. Можно подумать, Омеро, ведущий в поводу герцогского Фьорда, представлял собой неопишное зрелище.

— Карлос...

— Слушаю, сударь.

Черный с белыми гривой и хвостом жеребец Керво все же был великолепен. Злату уж точно не уступал. Фьорд не вырывал повод, но, судя по тому, как выгибал шею и прижимал уши, ему что-то сильно не нравилось.

— Мог бы и соврать для приличия.

— Не приучен врать господам, сударь.

Во двор вышел Керво и, не озаботившись стремянами, взлетел в седло; глянул вверх и, ухмыльнувшись, отсалютовал Амари шляпой, склонившись в шутовском поклоне. Фьорд остервенело хлестнул по бокам роскошным хвостом и успокоился. К сожалению. Пожалуй, если бы Керво выпал из седла и вывалился в пыли, а еще лучше получил

копытом по темечку, Амари посчитал бы себя отомщенным.

В следующий миг Омеро отскочил, Фьорд взвился на дыбы и прыгнул в галоп — только ворота открыть успели.

— Послание доставили незапечатанным, и было бы глупо уверять вас в том, что его никто не прочел, сударь.

— Вы издеваетесь?! — Амари поморщился. Незачем было оборачиваться, чтобы увидеть гадкую ухмылку, которая наверняка — Амари руку отдал бы на отсечение — перенята у Керво.

— Нет, сударь.

— Пусть Омеро выведет Злата, — сквозь зубы выдавил он (по крайней мере, не придется объяснять, как долго его не будет и куда он направится).

— Да, сударь.

Дом Милагринов встретил его радостным щебетом птиц и солнцем, запутавшимся в густой листве, приветственным ржанием чалого жеребца и суевившимся хозяином. Бастиан самолично раскрыл перед Амари тяжелые массивные двери, не забывая кланяться и расплываться в улыбке. Он был донельзя забавен, этот барон.

— Я искренне рад приветствовать его высочество в своем доме!

Знакомая служанка с миловидным, но незапоминающимся лицом поднесла кубки: для хозяина и гостя. Амари кивнул, чуть пригубив терпкую жидкость (на сей раз — легкое южное вино, не слишком дорогое).

— Счастлив посетить ваш дом, — сказал он и склонил голову в полупоклоне. В груди разлилось тепло, и голова слегка закружилась. Какими отварами и тинктурами потчевал его Карлос, если хватило нескольких глотков, чтобы опьянеть, даже думать не хотелось.

В обеденной зале обнаружился капитан Валэ. Он немедленно вскочил, стоило Амари переступить порог, и припал на одно колено.

— Мой принц, — произнес он, прижав к груди правую руку и почтительно опустив голову, — я так беспокоился за вас.

— Поднимитесь, капитан, — разрешил Амари, — право, не стоило. Герцог не посмел бы причинить мне вред. — Губы помимо воли растянулись в улыбке, даже странно, что за несколько дней он мог так истосковаться по людям, которых и хорошими знакомыми язык не повернется назвать. Валэ Амари, конечно, знал чуть дольше, чем семейство Милагринов, но ведь все равно недостаточно, чтобы считать другом.

— О да! — барон театральным жестом воздел руки к потолку. — Герцог Веласко может вызвать на дуэль или опуститься до прямых угроз, но никогда не отвернется от беспомощного человека.

— Не так уж я и беспомощен, — фыркнул Амари.

— О да! — повторил барон и рассмеялся. — Однако, — его голос внезапно упал до шепота, заставив внимательнее вслушаться в произносимые им слова, — я не побоялся бы сидеть с Керво за одним столом и даже принял бы поднесенный им или его слугами кубок.

— Намекаете на то, что он еще никого не отравил? — скривился Валэ.

— К счастью, в нашем доме Веласко Керво не появляется, — прозвучал со второго уровня звонкий, нежный и властный девичий голос. — Мы также не посещаем его особняк. — Когда Инари появилась, она сильно напоминала правицу с картин Бриколло. Перламутровые губы были поджаты, подбородок дерзко вздернут, плечи напряжены, а руки стискивали ткань. Амари поклонился, приветствуя прекрасную баронессу. — Рада встрече, ваше высочество, — проронила она.

Инари куталась в невесомую серую шаль, а оделась словно для королевского приема: волосы забрала в высокую прическу, увенчанную серебряной диадемой, шею и запястья оплела алмазными и жемчужными нитями.

— Благодарю вас, моя рзя, — Амари приблизился к ней. Ему так хотелось преклонить колено, коснуться ее руки, поднести к губам маленькую кисть, но он лишь опустил голову в кивке-поклоне, подозревая, что больших проявлений чувств баронесса не примет.

Инари кивнула, отступила на шаг, словно хотела остаться как можно дальше:

— Ваше высочество.

Холодная учтивость будто обрела плотность, воздух огрубел, застыл невидимой стеной между ними.

— Я виноват перед вами, — произнес Амари еле слышно.

— Позже, — Инари склонила голову и отвела за ухо выбившийся из прически локон.

Возникшая пауза прозвенела перетянутой струной моревийской китары.

— Поскольку все в сборе, — весело провозгласил барон, — прошу к столу!

Струна оборвалась. Амари стало легче дышать, хотя от вежливой жестокости стало больно.

«За что? Почему?!» — он и так знал ответы на эти вопросы: не вмешался, не спас, не предотвратил. Безвинных казнили, и Инари не хотела понимать, что все прошедшие дни Амари не мог даже подняться, не говоря уже о поездках верхом. Он так и не понял, что за странная болезнь едва не бросила его в семейный склеп. А раз не разобрался сам, то вряд ли мог и оправдаться, наверняка в глазах Инари он просто струсил: решил не наживать себе врага в лице властителя Нидоса.

— Прошу-прошу, — Бастиан подхватил его под локоть и потянул в обеденную залу к уже накрытому столу. — Все просто и без изысков: белый парисский фарфор, более чем скромная трапеза.

Во время обеда завязалась легкая непринужденная беседа. Временами Амари вставлял несколько фраз, еда же не интересовала его вовсе. Он медленно разделял кусок мяса и следил за Инари: ее прекрасным лицом, изысканными жестами. Если невозможно прикасаться и говорить, то запретить любоваться ему не мог никто, в том числе и она сама.

— Моревийские скакуны, — вторгся в его мысли возглас Бастиана, — это же сумасшествие в лошадином облики!

— Они отличаются особенной резвостью, за то и ценят, — заметил Валэ.

— И буйным нравом, — не успокаивался барон. — Ездить на коне-убийце, кому подобное понравится?!

— Ну... есть и такие, — усмехнувшись, заметил Валэ. — Мой принц, ваш серый ведь чистокровный моревиец?

Амари отставил тарелку в сторону:

— Злат мне послушен.

— Масть здесь играет основополагающую роль! — с видом знатока заверил барон. — Чем светлее окрас, тем покладистее нрав, вороные моревы кидаются даже на собратьев.

Амари вспомнил, как отреагировал Злат на белогривого Фьорда, и не сдержал улыбки. Да уж, покладистее некуда.

— Потому мое сокровище и разъезжает на светлых кобылках, — привел очередной «аргумент» барон.

— Не знаю, как насчет масти, — ответил Валэ, подливая вина себе, а заодно и хозяину, — а вот то, что моревы преданнее собак, давно известно. Да простит меня рэя Милагрин, но, будь у нее кобылка моревийской породы, вряд ли она осталась бы одна в лесу.

— Лиры, скорее всего, уже нет в живых, — вставила Инари и печально вздохнула. — Мне кажется, она и увела за собой чудовище, погибла ради меня... — и аккуратно положив на край тарелки столовые приборы, потянулась за кубком.

— Простите за то, что невольно послужил причиной горьких воспоминаний, — приложил руку к груди Валэ. — Мне искренне жаль.

— Ничего, — кивнула Инари, и на ее губах расцвела вымученная улыбка. — Нельзя замыкаться в себе: прошлого не исправить. Идти в будущее следует с высоко поднятой головой, отринув сомнения и утраты!..

Бастиан, подавив вздох, принялся кромсать ножом нежнейшее мясо:

— Да... о преданности южан до сих пор притчи ходят и касаются они не одних лишь лошадей, молодые люди.

— Пожалуй, — Валэ пожал плечами и наполнил кубок себе и Амари.

— Южное солнце не терпит душевной холодности, мы порывисты, но и только, — сказал тот, — люди везде одинаковы, будь они нидосцами или сурэйцами.

— Вы мудры, мой принц, — поднял свой кубок барон. — К слову, даже наш герцог иной раз приближает к себе нидосца. Насколько помню, Маклери был родом с севера.

— Ни один слуга рода Керво не предавал господ, — заметил Валэ.

— О да! Герцоги умели выбирать слуг.

— И при этом совершенно не разбирались в друзьях, — капитан прищурился, лицо его словно окаменело. — Сколько заговоров и людской ненависти ими пережито; неудивительно, что последний представитель рода никак не женится и ведет себя крайне вызывающе. Порой я задумываюсь, почему при такой нелюбви старой аристократии к Керво Нидос все еще провинция Кассии. Провозгласи Веласко себя королем, никто и возразить не посмеет.

Амари вздохнул: временами он думал о том же, слишком уж богат и кичлив казался герцог. Учитывая его жажду повелевать и нетерпимость к малейшему сопротивлению, Керво должно быть донельзя противно подчиняться кому-либо даже номинально (возможно, потому отец до недавнего времени и не интересовался положением дел в провинции). Приезд в Нозарок мог иметь неприятные последствия: в том числе и поэтому Алонцо строго-настрого запретил Амари вмешиваться. А еще проклятая напряженность в отношениях с Намитом — лучшего времени для бунта трудно себе и представить.

— Молодой человек, вы неправы, — по-отечески сжав плечо Валэ, заверил барон. — Городской гарнизон предан кассийскому трону абсолютно, — и, выдержав театральную паузу, повернулся к Амари: — Случись что, он, несомненно, выступит на стороне представителя династии Рейес против герцога Керво.

Амари на мгновение прикрыл глаза. Неужели сегодняшний обед предпринят ради этой лишь фразы — дать понять принцу в изгнании, что у него есть друзья и сторонники?

— Я запомню ваши слова, барон, — пообещал он.

Бастиан кивнул и снова рассмеялся:

— Но, конечно, мне не очень хочется присутствовать во время вооруженного противостояния.

— Несомненно.

Беседа вновь перетекла к чему-то легкому и совершенно неважному, пока Инари не

вздрагнула и не обвела взглядом присутствующих, словно только сейчас поняла, кто у нее в гостях.

— Ваше высочество, вы когда-нибудь видели цветок Яворда? — обратилась она к Амари.

— Даже никогда не слышал о нем.

— Немудрено! — Бастиан отсалютовал кубком. — Он растет высоко в горах, на самых вершинах. Полное название... м... сейчас вспомню... сердце Яворда.

— Если желаете, я могла бы вам его показать, — Инари отвела взор. — Я... все равно хотела выйти в сад: здесь очень душно.

— Конечно! — Амари вскочил и подал ей руку.

Глава 2

За непримечательной дверью обнаружился сад: небольшой, но роскошный. Место в нем нашлось не только вездесущим розам; большинства растений Амари и не видел никогда, а мог разобрать разве что древовидные пионы, дикий барбарис, лилии да огромные кровавые маки. Последние даже в Сурее казались меньше. Тропинка, усыпанная светлой галькой, вела меж причудливых арок, увитых разноцветным плющом, в листве которого прятались статуи диковинных животных и столь любимых бароном правиц. В центре сада раскинулся огромный вяз, его ствол вряд ли смогли бы обхватить и трое.

— Моя гордость, — улыбнулась Инари. — Частичка моей души.

Она указала на цветок странной формы: узкие вытянутые лепестки лилового цвета причудливо загибались в форме миниатюрной воронки. Ярко-розовые с сиреневыми жилками листья упирались в землю так, словно пытались выдернуть корни из земли.

— Я три года добивалась цветения, и вот... это чудо, не находите?

Амари промолчал. От него ждали если не восторга, то одобрения, но рядом с Инари он не хотел притворяться. Сейчас он испытывал лишь чувство необъяснимой тревоги и немного — гадливости. Возможно, виной тому был распространявшийся по саду пряный запах, к которому примешивались различные цветочные ароматы, — он не знал. Цветок Яворда неожиданно напомнил ему о гадании Эрики, особенно о последней карте — «Звере». Из похожей воронки — только туманной, лишенной красок и оттенков, — смотрели на него глаза-бельма отвратительной хищной твари.

— Он... необычен, — единственное, что ему наконец удалось вымолвить.

— Цветет лишь в полнолуние. Горцы приписывают ему чудесные свойства. У нас ведь, знаете ли, люди простые: они и в магию верят, и в чудищ всяких. Так вот: по одной легенде, сердце Яворда расцветает, когда нечисть готовится играть свадьбы, — она рассмеялась. — Считается, он привлекает зло, но вы ведь в это не верите?

— Я не суеверен, моя рэя, — произнес Амари, надеясь ничем не выдать одолевających его чувств.

— Иного ответа я и не ждала, ваше высочество, — она склонила голову набок и взглянула на него из-под опавших ресниц.

— Инари...

— Я не считаю вас виновным, — она отвернулась, заинтересовавшись на удивление рано расцветшей вербеной. — Вы были больны, когда Керво возобновил казнь, и ничего не могли сделать.

Хорошо она не смотрела, иначе Амари пришлось бы прятать глаза и врать. Конечно, виной тому горячечный бред, но упрекать герцога или препятствовать исполнению казни он не стал бы и, пожалуй, жалел о том, что помешал Керво тогда на площади, впрямь он уж точно не собирался вмешиваться в такие дела.

— И за нашу последнюю встречу я тоже не сержусь, — Инари сорвала ветку растущего неподалеку жасмина и теперь немилосердно мяла ее в руках, кажется, не замечая этого.

— Простите, баронесса, мне показалось, вы не рады мне...

Она на мгновение замерла, прутик с хрустом переломился. Незамедлительно отбросив жасмин в сторону, Инари повернулась и открыто посмотрела Амари в глаза.

— Нет, — произнесла она и коснулась его руки; пальцы показались ледяными.

Он осторожно сжал ее кисть, стараясь поделиться с ней частицей своего тепла.

— Нет, — повторила Инари, отнимая руку. — Мне не в чем вас упрекнуть.

Неожиданно налетевший ветер зашумел кроной вяза, мелкие травинки почтительно припнули к земле, стойко тянуться к небу остался только цветок Яворда, скрученные

меж собой лепестки даже не дрогнули. Из кроны могучего дерева вырвался одинокий лист, величаво поплыл по воздуху и опустился на плечо Амари.

— У меня сердце разрывается, ваше высочество, — Инари бледно улыбнулась, стряхивая его. — Вчера прибыли новые беженцы, они утверждают, будто на их деревню напал зверь и растерзал четверых. Я не знаю, во что верить. Они так напуганы, несчастны, — Инари сильнее закуталась в шаль, стиснув в пальцах шерстяные кисти.

— Где они? Я не знал!..

— Конечно. До особняка герцога подобные сведения не долетают... вернее, его они не интересуют. Керво все происходящее на руку!

— Голубка моя! — Инари вздрогнула и отвернулась. По тропинке к ним спешил барон Милагрин, он был уже довольно близко и точно слышал обрывки разговора.

— Инари, я обещаю... — прошептал Амари, но договорить не успел.

— Фуф... — Бастиан вклинился аккурат между ними и теперь пытался отдышаться. От бега он раскраснелся, на лбу выступила испарина. — Девочка моя, нельзя говорить такие вещи!

— Отчего же? — в голосе Инари прозвучали горечь и обида. — Мне надоело, что его все боятся. Даже вы, отец. Для меня Керво еще хуже, чем этот зверь — безразлично, есть ли он на самом деле или нет!..

— Я обещаю, — повторил Амари, — я разберусь во всем. Если зверь существует, я убью его! Если древняя легенда служит чьим-то интересам, я их остановлю!..

Инари смотрела на него, казалось, целую вечность, потом из фиалковых глаз ушел холод, и губы расцветила улыбка.

— Я верю вам, ваше высочество, — наконец произнесла она и подала Амари руку, к которой тот припал, стараясь унять бешено колотящееся сердце. — А теперь я должна идти, — она повернулась и, не оборачиваясь, пошла к дому, барон же ловко подхватил Амари под локоть:

— Пойдите, ваше высочество, умоляю, будьте осторожнее. Моя дочь не представляет, чего от вас требует, она...

— Самое прекрасное существо на свете, — улыбнулся Амари. — Не тревожьтесь, — и лишь сейчас вспомнил, что с утра не давало ему покоя. — Прошу прощения, скажите, ваше приглашение... оно было...

— Не запечатано, — усмехнулся Бастиан, правильно поняв невысказанный вопрос. — А какой в том смысл? Герцог Веласко терпеть не может тайн, да и зачем скрывать-то? Я заходил в дом Керво — справлялся о вашем здоровье — и попросил у слуги перо и бумагу, когда узнал о вашем выздоровлении.

Амари оглянулся. Чей-то пристальный взгляд не отпускал его от самого дома Милагринов. Ясно светило солнце, люди спешили по своим делам, устало поскрипывали груженные телеги приподнявшихся к открытию ярмарки торговцев. В Каstellе их появление посчитали бы чем-то из ряда вон выходящим: в центр города торговцев не пускали. Для Нозарока же неспособные разъехаться на узкой улочке возницы были привычным делом. Злат покорно тащился по главной улице, не обращая внимания на двуногих и четвероногих попутчиков, а у Амари перед глазами стоял пустынный переулок, лунный луч, играющий на стали, и кровь, казавшаяся в неверном свете черной. Наконец он не выдержал — повернул Злата и свернул в какую-то подворотню.

— Поберегись!..

Жеребец встал как вкопанный, и спасибо ему за это: сам Амари вряд ли успел бы остановить его. Двухуровневый домишко был окутан веревками и какими-то хитрыми деревянными приспособлениями. Два здоровенных горожанина держали по концу толстого каната, третий проверял обмотавшие шкаф узлы.

— Поберегись-поберегись! — верзилы напряглись, шкаф медленно пополз вверх.

— Ох, господин, проезжали бы вы быстрее, а? — окликнула Амари из окна немолодая, богато одетая женщина.

Он кивнул. Поглядеть забавно, но зачем людей смущать? Злат, всхрипнув, шагнул вперед, чтобы тотчас попятиться. Обычно он не боялся ни грома, ни выстрелов, ни волков, но сейчас прижимал уши и хрипло фыркал, а когда прошел под висящим над головой шкафом, резко дернулся. Амари, ничего подобного не ожидавший, судорожно схватился за гриву, выпустив повод из рук. Конь проскакал несколько метров и взвился на дыбы, едва не сбросив седока. Хлопнул порвавшийся канат, а громоздкая мебель, грохнув о мостовую, превратилась в груды досок и щепок. Заорала горожанка, разразились бранью мужики.

— Ох, господин, — буркнул какой-то прохожий, — кровушка Создателя вас охраняет.

— Это уж точно, — подтвердил мужик, сжимавший бесполезную теперь веревку. — Вы уж не прогневайтесь.

Амари не рассердился. Он представил, как вытянулось бы лицо отца, когда ему сообщили бы о том, что младшего сына в Нидосе зашибло шкафом, и едва не рассмеялся.

Лишь у особняка его «отпустил» настойчивый взгляд в затылок, Амари несколько раз оборачивался, но заметить соглядатая так и не смог. Время до ужина он решил скоротать в библиотеке, бросил Омеро повод Злата, отдал Карлосу плащ, поднялся на второй уровень и толкнул тяжелую массивную дверь, та отворилась на удивление легко и бесшумно, а за ней обнаружилась просторная, прекрасно освещенная зала.

Высокое окно выходило на запад, свет, отражаясь от золотистого шелка, которым были обиты стены, многократно усиливался. Возле двери стояли ряды тяжелых бронзовых подсвечников в человеческий рост, по десятку свечей каждый. На каминной полке расположились канделябры поменьше — на три или пять свечей. В центре залы находились четыре длинных стола из светлого фартийского дуба, бессчетное количество кресел и стульев. Шкафы занимали все свободное пространство, они придвинулись вплотную к стенам, дотянувшись до потолка; стояли полукругом в отдалении от столов и кресел. К каждому из них прилагалась лестница — добираться до верхних полок. Книг же было столько, что у Амари захватило дух.

Запалив свечи, он двинулся вдоль шкафов, дивясь великолепию собранной здесь мудрости, но не решаясь потянуться к книгам и взять хотя бы одну. Взгляд пробежал по корешкам и надписям, сделанным как на кассийском, моревийском и намитском, так и на вовсе неизвестных ему языках. Книги, книги, книги... в какой-то момент они исчезли, уступив место золотистому шелку и посеребренной раме, Амари удивленно воззрился на картину. В темном углу она выглядела неуместно и странно, казалось, портрет специально здесь спрятали, не решившись убрать в одну из дальних комнат или уничтожить. Женщина на нем показалась смутно знакомой. Большие серые глаза, улыбающиеся тонкие губы, гордая осанка... Амари был уверен, что видел ее раньше. Вот только смоляные пряди, рассыпавшиеся по ее плечам, представлялись русыми, убранными в высокую сложную прическу, а нарочито простой сарафан хотелось заменить придворным платьем из темного бархата.

— Фамильные черты не спутать, но и не узнать, если кисть мастера лукавит, — произнес кто-то звонко и отчетливо.

Амари резко обернулся. В одном из кресел обнаружился рыжеволосый мужчина в запыленном дорожном одеянии и щегольских кавалерийских сапогах. Амари мог поклясться, что, когда он входил, в библиотеке никого не было.

— С кем имею честь?.. — спросил он.

— Ветер, — незнакомец поднялся, потянулся всем телом, привстав на цыпочки, а потом рухнул на колени. — Ваше высочество, принц Амари! — восторженно и громко провозгласил он. — Я ведь не ошибся? — уточнил на два тона ниже и хитро прищурился.

Амари лишился дара речи. Подобное проявление верноподданнических чувств он всегда

считал неприятным и вызывающим. Он даже хотел рассердиться, но почему-то не смог.

— А еще я могу перекидываться в лиса, — доверительно сообщил незнакомец и поднялся. — В такого рыжего-рыжего, синеглазого. Вина хочешь?

Отказаться Амари не успел, поскольку оказался схвачен за плечо и едва ли не швырнут к креслу. При этом разозлиться почему-то не выходило, а бросить вызов, отвесить оплеуху или хотя бы высказать наглецу за подобное поведение не приходило в голову.

— Согласись, быть в этом доме и не поддаться искушению его подвалов... скучно, грустно, безынтересно и, в конце концов, пошло.

— Наверное... — Амари сел и уставился на незнакомца. В руках у того уже появились бутыл и пара бокалов, он улыбался и держался так, словно знал Амари всю жизнь, называл на «ты», вопреки всяким неприличиям.

— Прошу.

Амари словно во сне, бездумно, принял бокал — необычный, из тончайшего хрусталя, выполненный в виде половинки граната. Серебряная ножка удобно лежала в пальцах, по ней, будто спелые ягоды, рассыпались рубины.

— Прекрасное вино. Красное, — незнакомец отпил из своего бокала, — собранное, когда ты еще даже не родился, — и ухмыльнулся. — Неужели сие обстоятельство не наводит тебя на философский лад?

— «Полночная горечь» — так называют его моревийцы, — в тон ему заметил Амари. Женщина на портрете отчего-то никак не покидала его мыслей.

— Морей, а не морев... — незнакомец в задумчивости постучал пальцами по щеке. — Ты ошибся или подвержен хронической нелюбви к соседям?

— Почему? — не понял Амари.

— Моревия... моревийцы... — поиграл словами незнакомец и ухмыльнулся, склонив голову к правому плечу, — разницы не улавливаешь?

— Нет.

— Сдается мне, правильное будет называть этих людей моревами, но вы зовете так лошадей.

Амари нахмурился. Он никогда не задумывался ни о чем подобном. В конце концов, какая разница, как кого именовать? И... когда он посещал Рей и встречал иноземцев, никто из них не возражал...

— Моревийцами жителей южных островов называли всегда.

— Ладно, не бери в голову, — махнул рукой незнакомец. — Я обожаю подобные языковые каверзы, только и всего. Полагаю, за неправильное название или даже... хм... обозвание никто не станет тебя казнить.

— Еще не хватало, — Амари допил вино. — Итак... Ветер или Лис?

— А... — он снова отмахнулся. — Зови Винто. Винто Осадиа. Это мое почти настоящее имя в сем Творцом забытом мире.

Амари не запомнил, когда и как они покинули библиотеку, оказались в герцогском кабинете, а за третьей опустошенной бутылкой последовала четвертая. Винто Осадиа доставал вино словно из воздуха, оттуда же, вероятно, появилась и ваза с фруктами. Карлос, кажется, все же заходил: зажег камин и свечи, но вот приносил ли что-нибудь с собой вспомнить не выходило.

— Слушай, а я рассказывал, как оказался в Нозароке? — Винто развалился в любимом кресле герцога, закинув ноги на высокий подлокотник.

— Нет, но послушать интересно, — теперь Амари с удовольствием поддерживал беседу и

точно не был против перехода на «ты».

— Обязательно расскажу! — расхохотался Винто. — А потом ты мне кое-что расскажешь. Не откажешься же?

Единственной деталью, все еще волновавшей Амари, был возраст внезапного знакомого. Винто казался ему то юношей ненамного младше, то ровесником Керво, причем впечатление менялось мгновенно: стоило моргнуть или отвести взгляд, и собеседник мог разительно измениться.

— Рэй Осадиа, — хлопнула дверь, Винто улыбнулся, а Амари вздрогнул, услышав за спиной скушающий голос. Принадлежать тот мог только хозяину особняка и кабинета, человеку, которого не хотелось сейчас видеть до скрежета зубовного, — я не советовал бы вам откровенничать с молодым человеком, у него слишком живое воображение.

— Не вижу в том изъяна, — заметил тот, в его голосе явственно прорезались мурлыкающие интонации.

Может, Винто и утверждал, что умеет оборачиваться лисом, но Амари никак не мог вытеснить из головы образ пушистого довольного кота, не только добравшегося до сливок, но и умыкнувшего с кухни крупного карася — причем, прямо из-под носа повара. А еще они с герцогом хорошо знали друг друга — это сразу бросалось в глаза и лишь подтвердилось, когда Керво, перейдя на «ты» сказал:

— Уверю, Винто, в любой твоей фразе он отыщет не менее трех смыслов и, безусловно, выберет самый неправдоподобный.

Амари резко обернулся. Керво стоял невыносимо близко: нависал над левым плечом с видом стервятника, следившего за смертельно раненным зверем. Золотисто-карие глаза герцога в полумраке кабинета казались черными. Облачен он был в свободно ниспадавшую до середины бедер рубашку и штаны. Черное моревийское одеяние оттеняло кожу — настолько бледную, что тот казался покойником.

— Не говорите так, будто меня здесь нет! — огрызнулся Амари. Злость на этот раз не заставила себя ждать, герцог переходил все мыслимые и немыслимые границы!

На губах Керво заиграла гадкая ухмылка, а голос наполнился ядом.

— Как хорошо, что вы ожили, — проговорил он. — А я еще сомневался в пользе для вас общества прелестной Инари.

Амари сжал кулаки. Ну сколько же можно?!

— Прелестной? — Винто поднялся из кресла, покачивая в руке еще один бокал. — Неужели я что-то упустил в свой прошлый визит? Эрохо по-прежнему полно сюрпризов?

Он пытался сменить тему разговора, Амари это понял и даже оценил. Но не так же! Как можно в подобных выражениях говорить об... Инари?!

— Вряд ли, друг мой, — Керво тряхнул головой, откидывая назад упавшие на лицо волосы. — Если только тебе не начали нравиться ходячие добродетели, всхлипывания, заламывание рук, неистовые взоры и обвинения.

— Ну... — задумчиво протянул Винто.

— А впрочем, за твой вкус я спокоен. Рэя, бесспорно, привлекательна, но слишком любит настраивать окружающих против своих врагов.

— Не приплетайте сюда баронессу Милагрин! — не выдержал Амари и встал настолько резко, что едва не опрокинул кресло. — Вы взгляда ее не стойте!

— Да уж куда мне, — усмехнулся Керво.

На мгновение повисла тишина, Амари она показалась звенящей.

— Происходящее касается нас двоих и никого больше! — не помня себя от гнева, закричал он. — Вы не гнушаетесь чтением чужих писем, следите за мной, ждете

удобного случая, чтобы ударить в спину! Чего вам еще надо?! — язык отказывался повиноваться, Амари выплевывал слова, чувствуя, как каждая фраза ядовитым плющом опутывает горло, но остановиться не мог.

Винто шумно выдохнул и скрестил руки на груди.

— Карлос!.. Принеси еще вина, будь так любезен! — прокричал он. Резкий окрик будто выбил из-под ног моревийский ковер.

— Признайтесь, принц Рейес, — Керво наконец отступил на шаг, — Алонцо прислал вас сюда, чтобы испортить мне жизнь, а лучше свести в могилу? Помилуйте, нужны мне ваши каракули...

Амари задержал дыхание и честно попытался мысленно сосчитать до десяти. Увы, успокоиться ему не удалось, ярость вспыхнула с новой силой, да и кто бы успокоился в подобной ситуации? Отец бы точно не стерпел.

— Кстати, а когда вы успели выпить дружевую? — Керво крутнулся на каблуках и подошел к Винто.

— Да только что, Веласко, не поверишь...

— Я... — начал Амари, еще не представляя, чем окончит фразу.

— Вызываете меня? — Керво обернулся и прищурился. — А разве вам не запретили этого делать ваш батюшка, виконт Валэ или здравый смысл? Впрочем, последнего у вас явно не наблюдается.

Винто подал ему бутылку; немного поразмыслив, забрал обратно, откупорил и разлил сам:

— Если тебя интересует мое мнение, ты слишком груб.

— Не в этот раз, — ответил-предостерег Керво, посмотрев через вино на каминное пламя.

— Пожалуй, мне лучше уйти, — Амари резко развернулся и пошел к двери.

Пальцы сомкнулись на оскаленной леопардовой морде, когда в спину ударили злые слова, произнесенные подчеркнуто отстраненным светским тоном:

— Или вы думаете справиться со мной так же, как с намитцем? Признайтесь, меня вы тоже рассчитывали вызвать после бессонной ночи, протрезвевшего не до конца?

— Герцог!.. — Амари никогда бы не подумал, что его дуэль с Теренсом Намитским могла выглядеть подобным образом. — Я никогда... Я не...

— Намитец едва держался на ногах в тот вечер, тогда как вы, принц Амари, пили гораздо меньше обычного. Также мне известно, что вы не любитель романтических веяний. Прощальных писем перед дуэлью, например. И у вас оставалось вдоволь времени, чтобы прекрасно выспаться.

Амари застыл, не в силах произнести ни слова. Он не сомкнул глаз в ту ночь! Он бесчисленное количество раз прощался с жизнью! Он ни в чем не виноват! И уж точно не должен оправдываться, как и стоять, молча выслушивая подобные оскорбления!

Герцог пригубил вина и отошел к камину:

— Будьте последовательны. Если опустились до подлости, то нечего из себя разыгрывать легендарного рыцаря без страха и упрека, давшего обет очередной правице.

Этого Амари вынести уже не смог. Перчатки он бросил при входе, бежать за ними или посылать Карлоса было бы глупо, поэтому он отстегнул от пояса кинжал, вынул его из ножен и положил на герцогский стол — так вызывали биться насмерть в Рейе, если Керво помнил историю своего рода, то должен понять.

— Вот как, — тот поднял оружие, вложил кинжал в ножны и кинул на кресло, но прежде

подошел к Амари почти вплотную и забрал бокал. — Тогда хватит с вас вина на сегодня. Могу я поинтересоваться, когда вы намереваетесь сыграть эту комедию?

— Да когда вам будет угодно...

— Тогда после восхода солнца во дворе собственного особняка я собью с вас спесь.

Глава 3

В коридоре оказалось беспокойно. Амари понимал, что ведет себя крайне глупо, но застыл возле двери, не решаясь столкнуться с Керво иначе, чем во внутреннем дворе замка.

— Веласко, ты неправ, — голос прозвучал так громко, словно Винто находился за спиной. — Я понимаю, не каждый день происходит нечто, способное поставить под угрозу даже не цель твоей жизни, а усилия поколений предков, но это не повод срывать. Тем более на нем.

Амари застыл, пытаясь понять, о чем он говорит, но на ум приходила только измена. Чего могли хотеть Керво, как не вернуть Рей или стать полностью независимыми от королевской власти? Изначально они являлись сурейскими правителями.

— Не тревожься о нем, — Амари отшатнулся от двери; показалось, герцог сейчас войдет или хотя бы постучит, но тот прошел мимо, бряцая шпорами и оружием. Вскоре в коридоре все стихло.

Успокоив дыхание, Амари толкнул дверь.

Солнечный диск вскарабкался на крышу ближайшего к особняку дома, укоротил тени и заиграл в окнах; отблески прыснули на плиты двора. Амари зябко передернул плечами, оплакивать себя заранее — дело недостойное, он и не собирался этого делать. До сегодняшнего утра он не видел Керво фехтующим и в тайне надеялся на то, что капитан Валэ несколько преувеличил его умение, да и за десять лет, которые тот провел вдали от Нозарока, многое могло измениться.

— Желание драться не покинуло вас?

Амари вздрогнул. Керво, как обычно, появился бесшумно.

— Я готов!

Герцог сбегал вниз по мраморным ступеням крыльца.

— Давно ждете?

— Не слишком.

Он скинул камзол, оставшись в одной рубашке; тонкой лентой синего шелка связал волосы.

— Тогда приступим, — сказал он и потянул из ножен шпагу.

Его клинок оказался на удивление простым: светлый металл, никаких узоров или инкрустаций по гарде — было в этом что-то неправильное, но Амари не мог понять почему. Острие поймало солнечный свет, вторя ему, блеснул крупный сапфир в одном из герцогских колец.

«Щеголи не носят такого оружия, — подумал Амари, — а военные не одеваются каждый день словно для бала».

— Да вы же спите на ходу, — тонкие губы раскрасила насмешливая улыбка. — Воистину, предобеденное время подошло бы лучше. Перенесем?

— Ну уж нет! — ответил Амари и выхватил шпагу. Какая разница, что собой представляет Керво на самом деле, если вскоре все кончится так или иначе?

Клинок Амари не просто говорил о знатности происхождения его хозяина, он кричал о том, что его обладатель — принц крови. По эфесу вилась золотая лоза — знак принадлежности к королевской династии. По гарде, образуя узор в виде короны, рассыпались алмазы и изумруды, наверх венчала литера «Р», облаченная в серебряный обруч. Почему-то в сравнении с оружием Керво это казалось излишним.

— Как хотите, — на лице герцога застыло скучающее выражение. — Видимо, вы из той

породы людей, которые даже на собственных ошибках не учатся.

— Молчите! — голос дрогнул, но Амари этого не заметил. — И деритесь, иначе я решу, что языком вы владеете лучше, чем шпагой...

Керво окинул его долгим взглядом, хмыкнул и, запрокинув голову, некуртуазно расхохотался. Наверняка, он попросту пытался вывести Амари из себя... да нет, не пытался, а уже вывел! Сколько он не фехтовал? Наверняка достаточно, чтобы потерять форму. Память с готовностью напомнила о Часовой, перед глазами встали судороги умирающего тела, Теренс Намитский тоже считался прекрасным бойцом. И где он? Амари решил не обращать внимания на колкие насмешки, впрочем, стоило еще раз глянуть на Керво, чтобы понять — это не сработает. Амари мог сколько угодно убеждать себя в необходимости успокоиться, но хватало одного взгляда, и его начинало трясти.

— Задумались? Как некстати, — Керво атаковал без предупреждения.

Амари неловко отмахнулся клинком — назвать подобное отражением удара совесть бы не позволила — отступил в сторону, пропуская противника сбоку, и очутился напротив солнца. Свет стегнул по глазам, и он на мгновение ослеп.

— Непредусмотрительно с вашей стороны, — заметил Керво, разворачиваясь, — ничего страшного... постараюсь действовать осторожнее.

— Я не нуждаюсь в вашем снисхождении! — Амари наконец проморгался и поднял клинок, давая понять противнику, что готов продолжить дуэль; если бы тот захотел, то проткнул бы его уже не менее дюжины раз. Клинки встретились с хищным лязгом. Амари провел несколько сокрушительных атак, впрочем, Керво их таковыми не счел и отбил едва ли не с легкостью, развивать преимущество не захотел и остался в глухой обороне, бросив:

— Когда устанете, скажите.

От ледяного спокойствия и пренебрежения, сквозившего в голосе, у Амари запылали еще и кончики ушей. И шея!.. Он от души выругался и атаковал. Керво отбил все удары, стоя на месте и, кажется, даже не особенно интересуясь боем.

— Вы что же... драться не собираетесь? — спросил Амари, целясь в плечо, а на самом деле готовясь проткнуть бедро. Обман не удался. Ехидная тварь, по недосмотру его величества носившая титул герцога Нидоса, невозмутимо парировала, отступив не более чем на пару шагов.

— А вам так хочется сравнить?.. — усмехнулся Керво.

— Что именно?!

— Острые шпаги и языка, — напомнил тот и неожиданно атаковал, довольно быстро, однако, вернувшись в оборону. — Не увлекайтесь. Спокойнее. Вам известно, что излишнее самомнение приводит к разочарованию?

Амари едва успел подставить клинок, по позвоночнику пробежал холодок, а сердце заколотилось часто-часто: он уже лежал бы на плитах двора бездыханным, если бы Керво в последний момент не придержал руку. От прямого укола в шею при столь безупречном исполнении уклониться не вышло бы. Плавные и при этом стремительные движения выдавали в Керво настоящего бойца, Теренс Намитский в сравнении с ним выглядел щенком.

— Закончим? — герцог дернул бровью. Замешательство младшего сына блистательного короля он расценил правильно. Как, впрочем, и всегда. — Признаете поражение?

— Только ваше!

Амари мысленно отругал себя за горячность, чем сильнее он пытался успокоиться, тем больше распалялся, однако многократно хуже было то, что он устал. Мышцы ныли, и клинок с каждым новым вдохом наливался тяжестью. У герцога же дыхание даже не участилось.

«Конечно, — подумал Амари, — он же стоял на месте, это я носился по двору как ошпаренный. Отец и тот не гонял так безжалостно».

— Зря. И прискорбно, — разочарованно произнес Керво. — С каких пор Рейесы экономят на приличных учителях фехтования?

— Они... не... экономят, — прохрипел Амари.

— Однако чего же я хочу от столицы? Там уже давно забыли, как следует драться, — Керво его словно не услышал; зевнул, прикрыв рот ладонью, стиснутой мягкой черной кожей перчатки. Противником и скудными попытками одного что-нибудь изобразить он по-прежнему не интересовался. — Признайтесь, Алонцо было не с руки учить вас тому, за какой конец стоит держать шпагу?

Отец никогда не упускал возможности погонять его по двору! Жаль, у короля для этого оставалось не так много времени. Амари сделал обманный финт, обходя противника сбоку, ответом были лязгнувшие клинки и насмешливый голос:

— Не торопитесь и не нервничайте... уж так.

«Тварь! Ехидна! Сам напросился...» — Проведя серию обманных нижних атак, Амари ударил по лицу — хлестко, как учил Дарио. Брат знал толк в таких ударах и учителем был отменным, но Керво в последний момент отшатнулся, острое продырявило ворот его рубашки, но до шеи не дотянулось.

— Ваше высочество, — скучающе заметил он, — со своими навыками и умением сидели бы вы дома и не высывались. В последний раз предлагаю окончить этот фарс и разойтись.

— Не дождетесь! — Амари закусил губу. — Я вас не боюсь!..

— Научитесь врать, принцу крови подобное умение необходимо, у вас же на лице написано все.

— Ненавижу!

Керво отступил, а Амари не успел остановиться и, запнувшись о предательски выдвинутую ногу, полетел на каменные плиты двора. Стегнуло болью в неудачно выставленном локте, но сгруппироваться и откатиться в сторону ему все же удалось.

— Хотите дать... несколько уроков?! — выкрикнул он, вскакивая на ноги и даже не замечая того, что голос дрожит и срывается, а воздуха не хватает.

— Смотря чему вы желаете учиться. Врать? Или, может, поучить вас фехтованию?

Амари то ли зарычал, то ли всхлипнул, он и сам не смог бы объяснить вырвавшийся из горла хрип, и пошел вперед, совершенно не думая о защите. Мощный удар наотмашь отправил его шпагу на плиты двора, Амари схватился за саднящие пальцы, но быстро пришел в себя, опустил руки и вскинул голову: пусть Керво сам выбирает, куда нанести смертельный удар. По виску пробежала капелька пота, только бы проклятый герцог не решил, что он боится! Нет! Конечно, нет... Он просто устал. Иначе как объяснить подгибающиеся ноги и звон в ушах? Поскорее бы все закончилось, потому что в противном случае... он просто упадет.

— Однако, — задумчиво проронил Керво, — за безнадежное дело обучения вас обращению с оружием я, пожалуй, все же возьмусь, — острое царапнуло Амари по шее и опустилось. — Насколько могу судить, видется со мной каждое утро будет для вас достаточным наказанием за сегодняшнее представление.

Амари сжал кулаки, ногти впились в ладони едва не до крови, однако голос неожиданно прозвучал спокойно и блекло:

— Как вам угодно, герцог.

— Светает сейчас рано. Я буду ожидать вас здесь каждое утро с первыми солнечными лучами.

— Да, герцог, — прошептал Амари.

— Не вздумайте меня покинуть, — предупредил Керво. — Я уже свыкся с вашим присутствием в моем доме, отвыкать теперь недосуг.

— Это все ваши условия?..

— Пожалуй. Если меня что-либо не устроит в вашем поведении, я дам вам знать, — он говорил спокойно, но глаза смеялись, ведь унижение врага упоительнее его смерти.

— Как скажете...

— Великолепно. В таком случае честь имею, — Керво отсалютовал ему шпагой и, развернувшись на каблуках, быстро ушел в дом.

Амари остался в одиночестве. Когда он провел по шее, пальцы окрасились кровью — всего лишь царапина и вместе с тем унижительное напоминание о проигрыше и о том, что его жизнь отныне принадлежит врагу.

Одной из многочисленных способностей, впитанных Карлосом с молоком матери, было умение чувствовать опасность. Вот вроде тихо вокруг, да и удара в спину ожидать не от кого, а злой ветерок шевелит волосы на затылке и никак не желает угомониться, подсказывает — берегись. Сейчас наитие вопило дурным голосом и тянуло обратно в дом, Карлос, быть может, его и послушал бы, но выпросить у герцога выходной в последнее время стало невыносимо сложно. Для того чтобы тот отпустил, пришлось бы мало по дому все проверить и перепроверить, но наверное и звезды на небе в определенном порядке выстроить. После убийства Маклери герцог вообще запретил слугам покидать особняк, только вчера сжалился и разрешил выходить в город по двое-трое. Впрочем, то не самодурство, и беспокоился хозяин явно не на пустом месте, все предосторожности — не просто так, уж больно нехорошо сделалось в Нозароке. Это «нехорошо» чуяли теперь не только кошки и лошади, но и некоторые люди, а особенно те, кто раз уже с нингунами столкнулся. Однако не сидеть же сиднем! Прихватив для порядка двух молодцев из герцогской охраны, Карлос запахнул короткую сурэйскую куртку и вышел на улицу. Он собирался выполнить последнюю волю погибшего друга.

Впереди ожидал серый летний день, отчего-то туманный, несмотря на безоблачное небо над головой, немного прохладный и сумрачный; нечастые прохожие, редкие телеги и конные экипажи. Понукая пегую невзрачную кобылку, проехал в отдалении один из солдат из отряда младшего Рейеса. «Золотая шпора», где остановился эскорт принца, располагалась всего через две улицы.

В низкую арку меж домов зашел просто одетый человек, он горбился и то и дело поправлял лямку плаща, при этом демонстрируя отменную выправку, а рыжие волосы, временами выглядывающие из нахлобученной на глаза шляпы, невозможно было спутать ни с чьими другими. Карлос усмехнулся: у этого пройдохи фокусы с незаметностью всегда получались хуже некуда. Когда Хайме натягивал плащ и широкополю шляпу, то лишь приковывал к себе всеобщее внимание.

— Ждите, — Карлос кивнул сопровождающим, пересек улочку и нырнул в арку, тотчас снимая свою шляпу и приваливаясь плечом о стену какого-то невзрачного сарайчика. — Ты что же, думал, не признаю, Хайме?

— Как же, — буркнул тот, убирая руку от рукояти висящего на поясе ножа. — Времена нынче беспокойные, — пояснил, правильно истолковав взгляд.

— Даже так?

— От соглядатаев хоронился, уж не знаю чьих. Как Радана молодого принца спасла, так и не отстают, — ответил Хайме и сплюнул под ноги. — Принес?

Карлос кивнул, достал из-за пазухи небольшой сверток и отдал трактирщику.

— Держи. Только не думаю, что поможет.

— Может, и поможет. Не поможет — так просто... будет. Подобные вещи так или иначе, а пользу приносят. Маклери уверял, это нас защитит, и я ему верю. Он только принесть

не успел, — Хайме, задумавшись, взвесил сверток в руке, потом подцепил серую ткань. Через мгновение на его ладони остался лишь бронзовый колокольчик, позеленевший от времени и увенчанный крохотной фигуркой босоногого мальчишки. — Ну... эх... — проговорил он, подбадривая самого себя, и зазвонил.

Голос у колокольчика оказался очень тонким, отзвук продолжил висеть в воздухе, даже когда звон перестал слышаться.

— У меня на родине верят в то, что колокольчики отгоняют любое зло, — пожал плечами Карлос. — Маклери хотел преподнести его твоей Радане, очень уж он за нее переживал.

— В трактир зайди, — предложил Хайме. — Выпьем да былое вспомним.

— Лучше не надо. Небезопасно, — ответил Карлос и сильнее запахнул куртку. Холод неожиданно пробрал до костей, хотя откуда бы ему взяться посреди летнего дня? — Слишком много внимания твоему заведению уделяется в последнее время, еще и со всех сторон, да и Радане поспокойнее будет меня не видеть лишний раз.

— Поправится девка-то?

— Возможно, — соврал Карлос. Герцог, помнится, на этот вопрос только головой покачал: не сумеет человек, силу нелюдей познавший, жить по-прежнему.

Со стороны улицы донесся короткий вскрик. Карлос еще не сообразил, что к чему, но уже вынырнул из арки, сжимая нож. Один из ожидавших его слуг лежал на мостовой со свернутой шеей. Второй зажимал рваную рану на боку и безотрывно глядел на мохнатое существо, будто сотканное из ожившего тумана.

«Не нингун!» — промелькнуло у Карлоса в голове. Прощмыгнувший вслед за ним Хайме сдавленно охнул.

Существо выглядело многократно сильнее обычного нелюдя, а еще пугало до кишечного заворота.

— Беги! — успел крикнуть Карлос, когда оно медленно обернулось в их сторону.

Вместо глаз у твари были бельма, они закрывали глазницы и странным образом притягивали взгляд. Окровавленной клыкастой пасти Карлос словно и не видел. Он удобнее перехватил нож, понимая, что шансов против подобного чудовища у него нет, но решил умереть сражаясь. К тому же он хоть ненамного, но задержит тварь и, быть может, спасет от незавидной участи старого друга...

— Стойте на месте! — прокричал знакомый голос, который Карлос желал услышать сейчас менее всего. Грохнуло, и он не сразу понял, что это выстрел. Улочку заволокло едким желтоватым дымом, а существо привалилось к стене и утробно зарычало. Прямо перед его мордой словно из-под земли вырос небольшой рыжий зверь: то ли собака, то ли лиса (хотя откуда последней взяться в Нозароке?). До слуха донеслось неистовое ржание, на плечи навалилась странная слабость, ноги отказались держать, и Карлос со стоном сполз по стене. Камень мостовой ударил в спину, и на несколько мгновений или минут перестал он видеть и слышать.

Наконец дым поредел. Получилось разглядеть очертания лежащих тел. Существа рядом уже не было, как и лисицы.

— Карлос, это я! Уберитенож, — над ним склонился Младший Рейес.

— Вас, сударь, я узнаю и во тьме кромешной, — просипел Карлос ему в ответ и представил себе лицо герцога, когда тот узнает о случившемся.

Принц же стиснул его плечо слишком сильно: впору взвыть. Карлос убрал оружие и закашлялся. Только очутившись на ногах, он наконец сообразил, что произошло. Существо приходило то ли по его душу, то ли проследило за Хайме от трактира и отреагировало на звон колокольчика. Звук, способный отпугнуть нингуна, взбесил зверя. А может, оно шло за принцем... в любом случае от произошедшего ничего хорошего ждать не приходилось. Нелюди стали многократно сильнее, раз решились выпустить зверя в город.

Младший Рейес, в то время как Карлос думал, с воодушевлением рассказывал, сбиваясь и говоря намного громче, чем следовало. Он все еще переживал перипетии мимолетной схватки и, кажется, так и не осознал опасности.

— Кто это был? Вор? Убийца? — не удержался принц от вопросов, похоже, существа он не разглядел.

— Вы что же, сударь, не разобрали, в кого стреляли?

— Нет, — растерялся Рейес. — Я увидел, как упали эти двое, и что-то большое над ними... Проклятый туман! Я и вас не рассмотрел, просто подумал, мое вмешательство будет излишним.

«Вмешался...» — подумал Карлос с досадой. Существо могло наброситься и на него.

— А потом дым откуда-то повалил.

«Да не откуда-то, а Хайме расстарался, — вздохнул Карлос. — Эта его любимая уловка во время парисского конфликта многократно выручала: немного серого вещества да соли кинуть в воду, а там и дым повалит. Вот ведь рыжий пройдоха!»

— Послушайте, сударь, — Карлос мыслей своих не выдал, а голос его звучал как обычно: спокойно и ровно, словно ничего не произошло. — Мне нужна ваша помощь.

Он указал на лежащих молодцев. Одного из них удалось бы спасти.

— У меня еще дела в городе, — Рейес слегка побледнел. В последнее время он старался появляться в особняке как можно реже. — Я обязательно пришлю к вам кого-нибудь из моего эскорта.

В это время из дыма вырвалась перепуганная горожанка, кинулась к ним. Волосы у нее разметались, а руки тряслись. Женщина схватила за плечи Рейеса и провыла, немного заикаясь:

— Зв...зв-ерь...

Негромкий разговор Амари услышал, спускаясь по лестнице, и успел порадоваться тому, что верно подгадал время. Вчера, после происшествия в городе, Керво приказал седлать Фьорда и уехал в одиночестве неизвестно куда. Вернулся он далеко за полночь, до рассвета пил в своем кабинете, а потом ушел спать. Так называемый урок фехтования утром так и не состоялся. Капитан Валэ же явился немного раньше назначенного срока, но это Амари как раз устраивало.

— Его высочество еще не спускались, — бесцветным голосом проговорил Карлос, — но я пошлю кого-нибудь из слуг предупредить о вас.

— Интересно, кого вы предупредите первым: принца Рейеса или герцога Керво? — отстраненно осведомился Валэ.

— В любом случае это лишнее, — Амари как можно быстрее преодолел оставшиеся ступени, — я уже здесь. Доброе утро, капитан, Карлос, вы свободны.

Валэ поклонился. Амари улыбнулся в ответ.

— Сударь желает завтракать? — чуть склонил голову Карлос, обращаясь к нему.

— Нет. Мы уезжаем немедленно, впрочем, если капитан Валэ желает...

— Благодарю, мой принц, не стоит, — тотчас сказал тот: — Ваши распоряжения выполнены, отряд готов.

Амари кивнул, покосившись на управляющего: Карлос все никак не уходил.

— Полагаю, будь жив Маклери, он меня и на порог бы не пустил, — заметил Валэ с вызовом в голосе, которого Амари никак не ожидал от него.

Он двинулся к двери, намереваясь как можно скорее покинуть особняк — чего доброго

мог появиться хозяин, да и Валэ, похоже, растерял где-то холонокровие — и, конечно же, везение изменило ему именно в тот момент, когда почти схватился за резную ручку.

— В такую рань и уже на ногах? — раздалось сзади. — На вас не похоже, ваше высочество. Я рассчитывал на нашу встречу ближе к обеду.

— Взаимно, — ответил Амари, резко обернувшись.

Герцог был бледен, под глазами залегли черные круги, волосы спутались и безжизненно висели, обнимая плечи. Керво либо еще не ложился, либо уже успел куда-то съездить и вернуться: одежда выглядела запыленной. Пил он прямо из бутылки, привалившись к перилам и не утруждая себя какими-либо приличиями.

— А вы, вижу, уже что-то празднуете, — заметил Амари.

— Не «уже», а «еще», — Керво окинул его оценивающим взглядом и усмехнулся. — Вина?

Амари представил, как тот пьет, а потом протягивает ему бутылку, и дернулся, как от удара. Уму непостижимо! А со стороны выглядит и вовсе предосудительно.

— Благодарю, нет.

Керво повел плечом.

— Насколько понимаю, вы собрались на поиски вашего зверя?

— Моего?!

— Не особенно рассчитывайте на свидетелей, вряд ли они что-нибудь запомнили, — сказал Керво. Незаметно возникший у лестницы Карлос с подносом застыл перед хозяином. На серебряном блюде лежали спелые вишни и виноград, пара яблок. В центре стоял кубок, которым Керво так и не соизволил воспользоваться. — Их следовало спрашивать сразу же.

— Ваших людей вывозили по моему приказу, я не мог заниматься еще и этим! — напомнил Амари. — К тому же...

— И это говорит о вас как о человеке добром и отзывчивом, но, увы, непрактичном.

«Все же невыносимый человек!» — Амари с шумом выдохнул, преодолел несколько шагов, разделявших их, вырвал у Керво из рук бутылку и сделал несколько глотков. Приличия? Какие еще приличия? Плевать он хотел на них!

— Вы обещали фехтовать со мной, — он вскинул подбородок и усмехнулся как можно наглее, — а предпочли предаваться пьянству.

Керво присвистнул. Кажется, подобного поведения он не ожидал. Или все же ждал, но не так скоро.

— Очаровательно. Вы быстро учитесь, — золотисто-карие глаза довольно прищурились. — Хотите сейчас?

— Нет. У меня дела.

Амари взвесил бутылку на руке, определяя, сколько вина в ней осталось, и приник к горлышку, затем передал ее Карлосу и вернулся к Валэ.

— Я решил отправить с вами слугу, — сказал Керво, не позволяя уйти. — Уверен, проводник в наших краях не будет лишним.

— Сегодня мы не покинем Нозарока, — проговорил Амари. — К тому же капитан Валэ вырос в Нидосе, с ним мы уж точно не заблудимся.

— С ним-то... — протянул Керво и, склонив голову к плечу, сказал: — Кто-кто, а Дарзи Валэ всегда знает, куда ведет тех, кто ему доверился, будь то бойня или королевский дворец.

Капитан заметно напрягся, а потом Амари понял, что Керво каким-то немыслимым образом оказался рядом. И как только ему это удастся, ведь только что стоял у перил и никуда идти не собирался!.. И ходит бесшумно, и перемещается мгновенно. Амари оттеснил Валэ к двери. Конечно, он не ожидал поединка, но так ему стало немного спокойнее: не стоило герцогу Нидоса и капитану встречаться на линии удара клинка.

— Вы не изменились, — процедил сквозь зубы Валэ, обращаясь к Керво.

— Вы тоже, — усмехнулся тот. — Принц Рейес, я настаиваю.

Тащить с собой герцогского шпиона Амари, конечно же, не хотел, но был готов согласиться, предпочитая из двух зол меньшее. Керво и так все узнает, для него это лишь вопрос времени, а спорить с ним — себе дороже.

— Мы, несомненно, воспользуемся вашим предложением.

— Карлос, отряди кого-нибудь, — распорядился Керво. — Высокие рэи, я вас более не задерживаю.

«Вот и хорошо!», — Амари попрощался кивком, Валэ изобразил безупречный придворный поклон, смотрящийся даже не вызывающе, а чуть ли не издевкой.

— Зачем?! — когда за ними закрылись двери, не выдержал Амари.

Капитан наверняка правильно понял вопрос, но не пожелал отвечать.

— Мой принц, я сделал что-то не так? — осведомился он.

Его взгляд стал озабоченным, и Амари вздохнул, сдаваясь и решая более не касаться темы личных взаимоотношений Валэ и герцога. В конце концов, сам недавно вызвал Керво на дуэль, так что же теперь другим выговаривать?

— Нет. Конечно, нет.

Глава 4

На Суконной улице близ примечательной низкой арки толпились горожане. Они стояли спиной к подъезжающему отряду, опутив головы и соприкасаясь плечами, и что-то внимательно разглядывали на мостовой. Люди казались призраками, внезапно обретшими плоть; их серые одежды колыхались на ветру, подобно обрывкам тумана. Толпа безмолвствовала. Время от времени тишину нарушало фыркание коней или хлопание плохо прикрытых ставней на втором уровне увеселительного дома. Амари натянул повод Злата, бросив вопросительный взгляд на своего капитана. Тот кивнул и, сделав знак эскورتу остановиться, проехал вперед. Люди, ворча, посмотрели на него, их лица казались серыми и неживыми, глаза — блеклыми.

— Явились, — прошамкала стоявшая в первом ряду старуха. В сером бесформенном одеянии и белесом платке поверх грязных слипшихся волос она напоминала злую ведьму из древней легенды. Она пожевала беззубым ртом, посверлила приехавших взглядом и задрожала, уставившись на Амари. Одной рукой она вцепилась в корзину с тряпьем, которую прижимала к груди, вторую начала медленно поднимать, указывая в его сторону. — Он! — взвыла она, выпятив кривой узловатый палец. — Вот душегубец, приехал!

Толпа загомонила глухо и угрожающе; лица перекосило от злобы. Валэ бросил быстрый взгляд на своих людей. Пока горожане не двигались с места, но как они поведут себя в скором времени, не знал никто.

— Десяток солдат от полсотни разъяренного мужичья не отобьется, а в толпе еще и женщины, — тихо заметил Гистон. — Женщины во время бунтов гораздо опаснее мужчин.

Амари тронул повод, заставляя Злата догнать чалого капитанского жеребца. Валэ покосился на него без одобрения, но подал своего коня в сторону, позволив остановиться рядом.

— Мне нужна Анна Вильманд! — выкрикнул Амари.

Вчера расспрашивать перепуганную горожанку о звере показалось ему жестоким. Женщину трясло, она едва не падала в обморок. Вначале ему даже показалось, будто несчастная сошла с ума. Амари ограничился тем, что узнал ее имя и решил вернуться позже. Как теперь казалось — зря — действительно непрактично, Керво сказал правильно.

— Анни!.. — старуха затряслась, словно в припадке. — Он даже не отпирается! Ему нужна наша Анни!!!

Толпа расступилась, позволяя увидеть лежащую на мостовой женщину, казалось, ее переломили, словно тонкую ветку дерева. Шея была свернута набок, на груди и животе зияли рваные раны, кисть правой руки словно срезана — Амари уже видел такое, Маклери убили более кроваво, но очень похоже. Тот, кто совершал подобное, считал людей кем угодно, но не равными себе, если вообще был способен осознавать свои действия.

Он смотрел на тело, а старуха не теряла времени. Шепелявый голос разносился, должно быть, на всю улицу:

— Вот он, избранник! Зверь его выбрал!.. Зверь... Умрет всякий, на кого посмотрит или прикоснется! Анни... нашу Анни захотел! Зверь ее и выследил! У-у...

— У-ум... — подержала ее толпа.

Костлявая рука потянулась к корзине, что именно она выхватила, Амари не понял. Кажется, какой-то овощ — черный и мелкий, находящийся под ворохом грязных тряпок. Ее движение показалось каким-то размытым, Амари среагировал мгновенно, остановив пущенный с нестарческой силой и меткостью «снаряд» острием шпаги. Он и сам не ожидал от себя такой ловкости. Половинки упали на мостовую. Внутри овощ оказался красен, а его сок цветом напоминал кровь.

Злоба еще больше исказила старушечьи черты.

— Поглядите вы на него! — завопила она. — Вот он... погубитель!

— И-ель... — подхватила толпа и медленно двинулась в сторону отряда. Злат прижал уши и попятился, то же попытался проделать и чалый капитана, только Валэ ему не позволил.

Со стороны переуллка Сирени слышались выстрелы и топот, не прошло и пары мгновений, а на Суконную выметнулось десятка три конных, вооруженных до зубов. С противоположной стороны улицы выехал всего один всадник. Вороной плясал под седлом, ветер развеивал белоснежную гриву и хвост, играл волосами наездника. Керво выглядел безупречно, словно собрался на королевский прием. Камзол сидел на нем отменно, а сам герцог — чисто выбритый, в широкополой шляпе с пером моревийского павлина, сдвинутой набок, — казался помолодевшим на десяток аньов. Если б Амари не видел его утром, то не поверил бы, что за столь малое время можно так разительно измениться.

— Развлекаетесь, ваше высочество? — осведомился Керво светским тоном. — Народные бунты в Кассии вновь вошли в моду?

Амари не нашелся с ответом, но Керво и не ждал его; обогнув их с Валэ, он заступил дорогу толпе.

— Мне это не интересно, а коли так, то и вам лучше разойтись, — Керво очень медленно потянул из-за пояса пистолет: необычный, с более длинным стволом и отсутствием украшений, а еще колесцовый замок в нем был заменен ударно-кремневым.

— Он! — кривой старушечий палец на этот раз ткнул в герцога. — Он тоже! Он такой же! У-у!..

— Вольно же вам сумасшедшую слушать, — от голоса Керво будто похолодало.

Горожане опустили головы и принялись отступать, пока еще какая-то женщина не всхлипнула:

— А как же наша Анни?..

— Решу, — пообещал Керво, — но как-нибудь без вас.

Он заставил Фьорда попятиться и встать рядом со Златом, тот даже не отреагировал на раздражающее соседство.

— И без вас тоже, — шепнул он Амари, и у того не возникло желания спорить. — Их будет легче урезонить, если вы удалитесь, незачем людей калечить почем зря, — голос уже звучал не столь холодно и безразлично. Керво позволял ему отступить, не теряя при этом лица, а уехать отсюда Амари хотелось невероятно.

— Да, мой принц, — поддержал Валэ. — Не следует подвергаться излишней опасности.

— Но объяснений я потребую, — тоже понизив голос, сказал Амари.

— Объяснения объяснениям рознь и не все стоит говорить прямо, — ответил Керво, при этом кивнув.

В трактире былолюдно. Амари с трудом нашел свободный стол в самом углу и расположился спиной к дверям: видеть входящих ему не хотелось. Камин у противоположной стены и редкие светильники давали мало света. Приди сюда кто-нибудь из людей Керво — и то вряд ли найдут. Подбежавшую к столику рябую подавальщицу с вульгарно низким вырезом на алом платье он попросил принести кувшин светлого пива и жаркое. Вина отчаянно не хотелось. То, которое подавали у Хайме, являлось неплохим южным сортом, но не могло сравниться даже с тем, что пили слуги в особняке Керво, пиво же в Нидосе делали отменное. Амари, непривычный к пенному напитку, сразу же хмелел, а именно это ему сейчас требовалось. Напиться и забыть, и пусть горит синим пламенем весь Нозарок, перекошенные злобой лица горожан и проклятый монстр!..

— Можно?..

Он уже собрался отказать, когда взглянул на говорившую. Девушка с кошкой раньше отказывалась с ним не только беседовать, но и даже подходить.

— Садись, — разрешил Амари и нахмурился, пытаясь припомнить ее имя, вроде трактирщик его называл.

Девушка присела на скамью, опустила руки. Кошка тут же поднялась с ее колен, потерлась о плечо узкой серой мордой и влезла на стол.

— Маинька... — прошептала девушка.

Кошка неспешно пересекла столешницу и боднула руку Амари, замурчала и прыгнула к нему на колени. Девушка ахнула и всплеснула руками.

Амари столь бесцеремонным поведением возмущаться не стал и даже провел пару раз по шелковистой спинке. Отчего в Намите не любили этих мелких хищников, он не помнил. Кажется, по одной из легенд, кошка поспорила с правницей о том, кто лучше уберет мир от зла. Крылатая красавица вызвала на бой одного из демонов соседнего мира (если бы тот пришел в Эрохо, то погубил бы немало душ). Кошка изничтожила род одного из мышиных королей, чем спасла от смертельной болезни целый город. В результате кошка победила: устраненная ею угроза оказалась реальной, а демон... он мог никогда и не узнать об Эрохо. Правница проиграла и ушла из мира, лишь изредка посматривая на его обитателей. В Кассии к кошкам относились ровно, в Элании благосклонно, в Моревии чуть ли не обожествляли. Крысоловов уважали уже за то, что те истребляли грызунов, уничтожающих запасы и к тому же разносящих болезни.

— Приглянулись вы Маиньке, господин.

— Это ты меня спасла? — спросил Амари.

— Нет, — девушка качнула головой и потупилась. — Что делала и говорила в тот вечер, я не помню. Если вас что и спасло, то Эрохо... Сам мир. В вас кровь Творца сильнее, наверное.

— Это вряд ли, — губы Амари тронула легкая улыбка.

— Не зарекайтесь. Все мы из крови Творцовой состоим, а кто-то поболее прочих. В Нидосе верят, у мира есть хранитель, который отгоняет от Эрохо первоначальное зло. И пока он жив, с миром ничего плохого не случится. Кто знает... может, вы...

Амари качнул головой, и она замолчала.

— Ты ведь говорила от Его имени. Значит, и хранительница ты, никак не я, — произнес он. Рябая подавальщица поставила перед ним аппетитно пахнущее блюдо и кружку, присела в поклоне — достаточном, чтобы вырез платья ничего не скрывал. Амари сухо поблагодарил, подцепил кусочек мяса и предложил кошке, та ткнулась носом, аккуратно взяла угощение в зубы и прыгнула на пол. — Скажи, чем я могу тебя отблагодарить?

— Господин... — глаза девушки заблестели. Она смахнула рукой непрошеные слезы и прошептала: — Живите. За него и за себя. И не слушайте вы их...

— Кого? — Амари подался вперед, нависнув над столом. Слова девушки показались ему очень важными. Он и сам не знал почему.

— Тех, из тумана... — она воровато огляделась по сторонам, неведь откуда доставая небольшой бронзовый колокольчик, качнула рукой. Звон разлетелся по обеденной зале, но никто из завсегдатаев его, кажется, не услышал. В отличие от Амари, у которого загудело в ушах, а перед глазами заискрились серебряные искры, он даже тряхнул головой, надеясь прийти в себя. — Да хранит вас Эрохо... — сказала она на прощание.

— Радана... — он все же вспомнил ее имя, — благодарю.

Она ушла, не оглядываясь, кошка получила еще один кусочек мяса и побежала следом.

— Послушай, Хормак, — донесся от соседнего стола низкий хриплый голос. Его хозяин не умел тихо говорить, но очень старался, потому и заставлял к себе невольно прислушиваться. Беседуй собутыльники нормально, Амари на них и внимания не обратил бы. — А коли не выйдет у нас это дело? Не получится. Чего творить-то станем?

— Так всегда ж выгорало... — голос у второго говорившего был другим, более тонким и резким, в речи слышалась легкая неправильность, свойственная приезжим. — Прекрати, Тангар, просто возьми и прекрати. Всякий раз одно и то же. Пока мореву выгодно, и мы поживем, а вот сумлевающихся он не терпит, имей это в виду.

— Сомневающихся — уже надоело поправлять! И... какой он тебе морев? Моревыми в Нидосе лошадей южных пород кличут, моревиец он, бестолочь намитская, — зашипел названный Тангаром, — ты смотри, глаз и ушей у него много: донесут, и не сносить нам...

— Хватит, — потребовал Хормак. — Герцог не чета аристократии кастелльской, на наши речи он и внимания не обратит. Выше этого, знаешь ли, себя мнит, — Амари прикусил губу. Судя по всему, говорили они о Керво. С одной стороны подслушивать недостойно дворянина, с другой, никого и никогда подобное не останавливало. — Родством с извергами южными гордится, да и сам изверг порядочный. Это ж надо такую штуку удумать: легенду старую оживить, да так, чтобы все поверили.

— А... — послышались вздох и бульканье. — Эй... вина сюда!.. — голос разнесся по трактиру и тут же упал до шепота: — Зачем ему собственную провинцию гробить? Я, хоть убей, не пойму.

Амари сидел, боясь шелохнуться. Ему очень хотелось обернуться, но делать этого не стило, оставалось лишь прислушиваться и стараться не упустить самого важного.

— А что тут понимать-то? — снова раздалось бульканье и надсадный кашель.

«Да сколько же можно тянуть?!» — гневно подумал Амари, сжав рукоять шпаги.

— Вот и объясняй, не строй из себя...

— Ему сейчас страх на жителей навести нужно, — сказал Хормак, — чтобы побежали. Рано или поздно король признает провинцию убыточной, а значит, и меньше станет держаться за никудышные земли. Он, может, и вовсе не стает чинить препоны образованию нидосского королевства. К Намиту не отойдет — вот и ладненько... эм... по обещанию кесаря лет десять Керво трогать не будут и даже шпионов из Нозарока уберут.

Амари словно воочию увидел, как улыбается заговорщик. Отзовут шпионов, как же! Он приложился к своей кружке и жадно отпил. Неужели его подозрения подтвердились? Герцог действительно собирался отложиться от Кассии, предать? Зачем? Керво слишком давно властвовали на севере, чтобы так рисковать!

По скрипу половиц он понял, что заговорщики поднялись. Их непременно следовало задержать, а еще лучше проследить, куда они поедут. С наемников прока немного, но если они встретятся с кем-нибудь из герцогских людей, расклад получится совершенно иным. Тогда и отцу отписать можно, а то и принять меры по обезвреживанию Керво. Вовремя все-таки барон Бастиан обмолвился о преданности гарнизона Нозарока в случае прямого противостояния. Амари встал. В голове шумело, но он знал, что это ненадолго: с пива быстро хмелеешь, но столь же скоро и приходишь в себя.

Со спины мерзавцы ничем приметным не выделялись: простая, но добротная одежда не слишком зажиточных горожан, темные плащи и шляпы. Амари бросил на стол несколько кастелей и поспешил к выходу. Кто-то из посетителей задел его плечом, выругался, но обращать внимания на нахала у Амари не было времени.

Один из заговорщиков потянулся к деревянной резной ручке, намереваясь открыть дверь, но та распахнулась сама. Влетевший в трактир мальчишка в поношенных штанах и серой грубоотканой рубахе оттолкнул выходящих и завопил:

— Оставайтесь здесь, коль жизнь дорога!

Заговорщики переглянулись, завсегдатаи застыли на месте.

— Что там? — трактирщик выглянул из-за кухонной двери.

— Бунтарей гонят! А еще убийцу какого-то, который женщину на Суконной зарезал, — голос мальчишки обрывался, в нем так и сквозило восторженное возбуждение. — Герцог велел вперед бежать и всех предупреждать, дабы рож на улицу не казали. Его светлости не до разбирательств. Кого поймают — тот и виноват сделается.

Амари удивленно вскинул брови. С виду мальчишке было лет тринадцать, спутанные волосы, испачканное в саже лицо — на посланца Керво он походил меньше, чем воробей на орлана.

В Кастелле бунты тоже происходили. Нечасто, конечно. Горожане политикой не интересовались, все, их волнующее, касалось собственных жизней, нехитрого скарба, приносивших стабильный доход дел. Последний бунт, который Амари запомнил, будучи еще ребенком, начался из-за пожара, вспыхнувшего в доме ювелира. Потушить его быстро не удалось, и пламя перекинулось на соседние дома, а потом и вся улица запылала. Сбивать пламя было бессмысленно, единственное, на что хватало сил, — не дать огню распространиться дальше. Отцу пришлось вывести столичный гарнизон и оцепить несколько кварталов. Горожане же не могли просто стоять и смотреть, как превращается в тлен и пепел их имущество, но самое страшное началось, когда унялся огонь. На пепелище потянулись банды мародеров, состоявшие из некогда добрых соседей с других улиц: ведь камни, как известно, не горят, да и монеты тоже. Пущенный кем-то слух о поджоге подстегнул людские волнения. Толпа быстро нашла виноватых, ими оказались и приезжие, которых в столице всегда обреталось много, и неодобрительно посмотревшие в сторону негодующих кастелльцы, и солдаты, мешающие творить бесчинства.

Тогда сомкнувший строй гарнизон прошел по столице словно ураган, оставляя за собой развешанных под уцелевшими крышами мародеров и стоны особо недовольных погорельцев, последних старались не убивать и не калечить, но подобное не всегда получалось. После этого часть подданных окрестила Алонцо кровавым, а часть — спасителем. Знать осталась при своем мнении: для них южная ветвь королевской династии, к которой относились Рейесы, стояла несравнимо ниже самых захудалых северных баронов.

Один из заговорщиков оттолкнул мальчишку от двери:

— Нашел кому указывать, молокосос!

Вестник герцогской воли захлопал голубыми глазами и открыл рот, намереваясь что-то сказать, но не успел: мерзавцы вывалились из трактира. Амари выбежал за ними, не слушая предупредительных окриков.

Двор был пуст, и улица словно вымерла. Дальние дома тонули в серых лохмотьях так и не развеявшегося тумана или, что вероятнее, дыма. Амари ощущал отчетливый запах гари. Слуга, уведший Злата, наверняка где-то прятался, и он побежал за конем сам. Зря! Стоило преследовать мерзавцев пешим, поскольку, когда Амари, шипя ругательства и проклятия, вывел жеребца, заговорщиков и след простыл. Куда те могли направиться, он не знал, но верхом у него появлялось преимущество в скорости. Он мог метнуться вниз по улице, а никого не найдя — вернуться и проверить несколько других. Не растворились же мерзавцы в тумане.

Амари взлетел в седло и повернул в ближайший переулок. Пролетев его насквозь, он никого не встретил — ни конных, ни пеших; вернулся к трактиру и направился в противоположную сторону. С тем же результатом. С чего он взял, будто вообще их найдет?! Заговорщики могли войти в дом, затаиться, заметив его...

Стоило оставить попытки и вернуться в особняк, а еще лучше — отправиться в «Шпору», дожидаться там Валэ и рассказать ему обо всем. Вместе они наверняка что-нибудь придумают, но Амари раз за разом прочесывал туман. Он словно попал в один из тех снов, в которых, погнавшись за химерой, постоянно ходишь по кругу и не находишь ничего.

Улочка, которую он выбрал на этот раз, сильно петляла, а потом вывела к проклятой арке на Суконной улице. Труп Анни уже убрали, о нем напоминало лишь бурое пятно на мостовой.

Что-то хрустнуло — Злат наступил на глиняный черепок. Осколками, черными плодами и тряпками оказалось усеяно все вокруг; видимо, толпа швыряла всем этим в солдат. Интересно, отвечали ли те пальбой? Стонов раненных, однако, слышно не было, и сомнительных украшений в виде висельников тоже не наблюдалось. Амари решил немного проехать по Суконной, уже не столько в надежде отыскать заговорщиков, сколько потакая любопытству. Когда Керво появился на улице, выглядел он так, словно собирался учинить маленькую войну. Неужели герцог усмирил толпу силой слов?

Запах гари усилился. Амари перевел Злата на рысь. Из-за угла выплыл серый дом, первый его уровень занимался пламенем, на втором кто-то отчаянно орал. Суевившиеся вокруг люди таскали ведра с водой, пытались унять огонь, но внутрь, конечно же, не совались. Среди закопченных одежд горожан мелькали мундиры: пожар примирил бунтарей с солдатами.

Он поторопил коня и остановился возле темноволосого усталого человека в мундире с обугленным рукавом.

— Где герцог?!

Обернувшийся офицер оказался Омеро, Амари не сразу узнал его.

— Отбыл. Вниз по улице, — по-военному четко отрапортовал тот.

— Мой отряд?

— Проверяет обстановку на Оружейной и Ювелирной.

— Значит, волнениями охвачен весь Нозарок? — Амари зябко передернул плечами.

— Нет, сударь. В городе все спокойно, но герцог приказал проверить соседние улицы. Нельзя позволять туману заражать людей.

— Туману?..

Ответить Омеро не успел. То ли плач, то ли вой выметнулся из окна дома. Злат прижал уши и переступил с ноги на ногу. Амари показалось, орала либо лишившаяся рассудка женщина, либо ребенок...

— Да кто там?! — не выдержал он.

— Кошка, — Омеро с досадой посмотрел вверх. — Людей мы вывели, а животное забила куда-то, теперь погибель свою чует.

Крик на кошачий не походил совершенно, Амари проследил за горожанином с ведром. Не далее чем в двадцати шагах стоял фонтан из розового мрамора. Извивающаяся под аккорды неслышной музыки полуженщина-полузмея вскидывала к небу руки. Из них били водяные струи, под которые горожане и подставляли ведра, кувшины, лохани и даже бутылки, у ног мифического существа разливалось небольшое озерцо.

— Присмотри, — Амари спешил и кинул повод Омеро. Скинув камзол и сапоги, он побежал к фонтану. Препятствовать ему никто не решился, и уже через мгновение вымокший до нитки, он карабкался по росшему близ дома дереву, стремясь достичь второго уровня. На его счастье, окна там были распахнуты настежь.

Перемахнуть с ветки на карниз оказалось несложно, потеряться в дыму — вот что пугало. Амари не сомневался: он найдет в доме ребенка, но наткнулся на черного взъерошенного котенка. Малыш забился в дальний угол, и, если бы не сверкнувшие двумя изумрудами глаза, Амари его не обнаружил бы.

Убережись от острых когтей ему не удалось, котенок впился в руку до крови, пришлось стащить рубашку, уже успевшую высохнуть, и завернуть в нее непокорного спасенного. Обратный путь показался бесконечным, Амари едва не заблудился в доме. На стоявшем

возле окна столике он заприметил небольшую шкатулку и, не задумываясь, сунул ее в сверток. Ценности окажутся нелишними для погорельцев. С дерева он едва не сорвался, повезло, что Омеро подвел Злата к самому стволу. Амари сверзился в седло и с трудом отдышался, будь здесь Керво — непременно высказался бы по поводу очередной эскапады неугомонного гостя.

— Омеро, вы были правы, — сказал Амари, доехав до фонтана, — котенок, а не ребенок, — он умылся и освободил спасенного, передав его слуге. И вот ведь! У того на руках стервец мгновенно успокоился, прикрыл глазки и заурчал. — Но мне в какой-то момент почудилось...

— Так и есть, — сказал слуга и неожиданно низко поклонился, — кошачий ребенок.

— И вот еще... — Амари достал и повертел в руках шкатулку. — Я хотел бы отдать ее хозяевам, пусть явятся в герцогский особняк, как оправятся от потрясений.

Он сунул находку в сумку, притороченную к седлу, надел камзол и сапоги, попытался привести себя в порядок. Насколько это удалось, судить Амари не брался, но поостерегся бы попадаться в подобном виде на глаза отцу.

— Куда вы теперь? — Омеро по-прежнему не собирался его удерживать, но беспокойства в голосе это не умаляло.

— Мне нужно найти своих людей.

— Выделить вам сопровождение?

— Благодарю. Нет.

Глава 5

Запах гари унялся — видимо, ветер подул в другую сторону. Теперь вернуться к горящему дому Амари не смог бы: он уже несколько раз сворачивал и потерял верное направление. Улицы оставались пустынными, спросить дорогу было не у кого. Особняка Керво или Грозовой башни разглядеть не удавалось вообще. Проклятый туман!

Нозарок выглядел притихшим, испуганным, словно готовящимся к чему-то. Злат медленно трусил вдоль стены, по старой кладке которой взбирался желтый лишайник. Тишина стояла такая, что давила на уши и воспринималась так, будто мокрым одеялом обернули голову. Дышать становилось все труднее. Мир вокруг Амари лишился звуков, но был полон запахов. К тонкому аромату расцветшего у фасада ближайшего дома шиповника примешивался запах свежескошенной травы и прелый сладкий гнилостный смрад — еле заметный, но отчетливый. И спать хотелось почти невыносимо, лишь стук копыт и фыркание Злата возвращали в реальность. Конь чувствовал себя здесь неуютно, постепенно его беспокойство передалось и всаднику.

Амари мотнул головой, сбрасывая сонную одурь; его зазнобило. Неприятный холодок коснулся шеи, заставил втянуть голову в плечи. Злой взгляд в затылок, впервые посетивший его после визита в дом Милагринов, возвратился. На этот раз он был сильнее — словно насквозь прожигал. Амари завертел головой, но кого-нибудь разглядеть так и не смог.

Вскоре ему стало хуже. Невидимый соглядатай обретал силу, тогда как Амари не мог совладать с собственным телом. В голове шумело, по спине пробежала крупная дрожь, а сердце пыталось вырваться из груди. И при этом ждать опасности было неоткуда: вокруг стоял теплый летний вечер, солнце время от времени выглядывало из-за белесой дымки, но страх, будто оса, вонзал в спину жало. С каждым вздохом яда в крови становилось все больше.

Наконец Амари не выдержал. Он остановил коня и спрыгнул на мостовую. Тишина тотчас накинута на него со всех сторон, обрела плотность и опутала не хуже туманного щупальца из кошмара. Злат всхрапнул и присел на задние ноги. На губах коня появилась пена.

— Нет! — Амари прижал голову четвероногого друга к груди, запустил пальцы в грубые волосы гривы — Злата это всегда успокаивало — поискал взглядом, что же могло так испугать его, и остолбенел.

Из темного проема окна на него, не мигая, пялились белесые бельма: огромные, злые, точь-в-точь как на карте Эрики. Могло ли кошмарное существо видеть, Амари не знал, но не сомневался: абсолютно слепой зверь никогда не вызвал бы в душе такой панический ужас.

Он был не в силах разглядеть монстра полностью — только светящиеся белым глаза без зрачков и радужки, — но воображение нарисовало скалящуюся пасть, наделило зверя густым мехом, свалывшимся от недавно пролитой крови, а главное — внушило, что обычным оружием его не одолеть. Существо хотело крови и выбрало себе жертву, а теперь готовилось к прыжку. Выйди из-за угла десятков наемных убийц, Амари не спасовал бы, но обретший плоть мифический зверь гнал впереди себя волны ужаса, в конце концов он не выдержал и зажмурился.

Мгновение сменяло мгновение, сердце отсчитывало время, но ничего не происходило, медленно, будто не желая сдавать позиций, отступила мертвая удушающая тишина, к лицу прикоснулся легкий ветерок, убрал со лба растрепавшиеся волосы.

Из оцепенения Амари вывел до боли знакомый резкий окрик:

— Что вы здесь делаете, Рейес? Спите на ходу?

— Герцог?.. — Амари открыл глаза и обернулся.

Керво хмурился, смотрел недовольно и внимательно.

— Участвовали в кратковременной войне? Бывает, — наконец заключил он.

Все еще терзавший сердце страх превратился в раздражение, а потом и в злость. Эмоции требовали выхода, а сил их сдерживать у Амари не осталось.

— Разве это удивляет вас, герцог?! — огрызнулся он. — Не поверите: я спасал из горящих домов кошек и скарб нозарокцев. С собственным ночным кошмаром встретился... Много нового узнал!..

— Вижу, — еще сильнее помрачнел Керво. — У вас выдался насыщенный день.

— Не то слово! — Амари усмехнулся и спрятал полыхающее лицо в конской гриве.

— Поедьте домой, — неожиданно мягко предложил Керво. — Волнения умирены, пожары тушат. Наше присутствие здесь более не нужно.

— А мои люди?..

— Они отправились отдыхать на постоянный двор, не думаю, что вы им столь уж необходимы сейчас.

«Да, пожалуй», — Амари сдался и полез в седло, ничего не отвечая. Когда он бросил взгляд на окно, то в нем никого не оказалось.

Слуги наводили порядок в городе, но Карлос находился в особняке: надо же было на кого-то оставить дом. В сущности, Амари и знал лишь его да Омеро. Остальная челядь обитала здесь же, но ходила бесшумно и исполняла свои обязанности почти незаметно, напоминая призраков или духовные сущности, которые, если верить сказкам, умели приручать древние умельцы. Причем, служили они не просто так, а до поры, пока хозяин хранил мир от жаждущих разрушить тот мир из-за грани.

«Смешно. Уж кто-кто, а на роль спасителя мира Керво походит меньше всех прочих», — поморщившись, подумал Амари. Ему совершенно не нравилось творящее здесь невесть что. Еще сильнее его настораживало происходившее с ним лично: провалы в памяти, кошмары, болезни, а теперь и преследующие монстры. И ладно бы только это — он уже давно решил поговорить с Керво прямо, но в свете вот-вот зарождающегося заговора вся мистика блекла. Амари становилось совершенно не до страшных легенд, когда он размышлял про возможное отложение Нидоса. Кассия была не столь уж и большим королевством, чтобы разбрасываться провинциями.

Тем не менее, ходила прислуга очень тихо, а когда звали, появлялась будто из воздуха, не сплетничала (в отличие от кастеллской братии, обожавшей перемывать косточки знатым рэям), однако ее отсутствие сразу бросилось в глаза, словно чего-то не хватало самому дому.

Управляющий облачился в черный мундир с серебряной вышивкой по рукавам, через плечо перекинул ярко-синюю перевязь и издали сильно смахивал на бравого капрала.

— Мундиры наших солдат темно-синие, — заметил Амари.

— Так и есть, — ответил Керво. — Однако мой род издавна имеет право содержать собственную небольшую армию. Вы не знали?

Амари попытался вспомнить, что-то такое он точно когда-то читал. И видел... Черное с серебром — цвета Керво с незапамятных времен, позже к ним присоединился синий — как дань уважения врагам, которым род дал слово верности. Примерно в то же время сменился и герб: пантера стала символом южного порта и флота, а герцоги Нидоса приняли хищную птицу, летящую к черной луне.

— Это было одним из условий примирения наших родов, ваше высочество.

Амари машинально кивнул. Знати позволялось держать личную охрану, порой та насчитывала до нескольких сотен.

— Но мундиры...

— Иначе мои люди ничем не отличались бы от бездельников, охраняющих какого-нибудь зажиточного барона, — Керво улыбнулся уголками губ. — Вы же простите мне эту

маленькую слабость, принц Рейес?

Амари вздохнул. Вряд ли Керво было дело до его мнения.

— А гарнизон Нозарока? — спросил он.

— В казармах. Я не увидел смысла в привлечении солдат.

Амари сам отвел Злата в конюшню, почистил, налил свежей воды, затем прошел в герцогский кабинет и расположился с бокалом вина в одном из кресел.

Керво стоял возле разожженного камина и ворошил шпагой угли.

— Мне нужны ответы.

Керво обернулся и хмыкнул. Зловеще-алые отблески огня играли на его лице, им вторило красное вино в бокале.

— Я уже говорил: объяснение объяснению рознь. Не каждое слово должно быть произнесено, скажу больше: сами звуки могут погубить многое и бросить нас в горнило войны.

— Герцог... вы хорошо себя чувствуете? — никогда Керво не говорил так путанно и странно откровенно. Причем в его искренности Амари впервые не сомневался: герцог верил в то, будто произойдет нечто очень плохое, попытайся он рассказать все, как есть.

Керво покачал головой. Амари он показался очень уставшим и, наверное, поэтому мягче, чем обычно.

— Вас потрясло несправедливое обвинение в смерти той несчастной? — решил перевести он тему, а Амари не стал сопротивляться. Лучше уж они поговорят о пустяках, нежели Керво примется философствовать о войнах и тайнах.

— Не знаю... Я готовился к чему-то подобному, но не ожидал целого бунта, — признался Амари. — Поймите меня правильно: то, что сурэйцев не любят на севере, известно мне с детства, но антипатии к нам подвержены в основном аристократы, а не обычные люди. Я не ждал от них подобной ненависти. Я думал, они...

— Любят своего короля и, соответственно, вас? — Керво опустил в кресло напротив, налил себе вина. — Толпа — та же шлюха. И нужно ей, кстати, того же — ваших денег и власти. Зайдите в любой бордель, киньте пару тарлев, и вас обслужат по высшему разряду, но вряд ли к любви это будет иметь хоть малейшее отношение. — Снова откровенность, но уже не такая пугающая, а в духе Керво — надменно-оскорбительная.

— Вы ненавидите людей, — Амари не ждал ответа; скорее, просто хотел продлить разговор. Видимо, успел привыкнуть к злым насмешкам и к тому, что даже дельные советы Керво бросает зло. А еще: к помощи из-под палки, навязанному вниманию, подаренной, будто кость бездомному псу, жизни. Как же это выводило из себя поначалу! Как бесило! Но... отчего-то сегодня все изменилось.

— Я не терплю фантомов вроде любви по обязательству, ими слишком легко прикрывать недостойные действия и мысли. А еще я ненавижу, когда лгут самим себе.

Примерять высказывания Керво иначе, чем на себя, у Амари не выходило, но действительно ли тот хотел обвинить именно во лжи?

— По-вашему, я лгу?... И в чем же, право?!

— Вот вы как раз здесь вовсе ни при чем, — сказал Керво и улыбнулся одной стороной рта. В кабинете, освещенном лишь камином, это выглядело жутковато. — Хотя... как иначе понять вашу блажь? Поимка зверя... хм... смешно. Вы верите в то, что совершите подвиг, но на самом деле желаете лишь возвратиться к Алонцо, а еще лучше — отправиться на ближайшую войну. С кем там намечается?... С Намитом?

— Так было. Но сейчас я не уверен.

Керво кивнул и потянулся, чтобы наполнить бокал снова.

— Не собираюсь вам мешать. Ищите, коли нужно, и постарайтесь не погибнуть. Прошу вас, не подвергайте излишней опасности собственную жизнь, она слишком дорога.

Амари вздрогнул, вспомнив страшный потусторонний взгляд.

— Зверь существует?

— Пфф... — Керво покачал головой и оборотил взгляд к потолку. — Если я кивну, вы не поверите, скажу «нет» не поверите тем паче, так зачем спрашивать вообще? — Амари вздохнул и совершенно не ожидал завершения фразы: — Понадобится помощь — скажите. Я не откажу.

Остаток дня прошел словно в тумане, зато к вечеру в голове у Амари прояснилось. Утреннее потрясение не то чтобы забылось, но почти перестало волновать.

Темно-сизые тучи заволокли полнеба и обрушились дождем. Ливень прибил пыль, смыл копоть и грязь с улиц Нозарока. По мостовой понеслись ручьи, ветер резвился меж домами, подталкивая редких прохожих, а вдали у горизонта бушевал закат: яркая полоска неба и неистовое солнце — огромное и уставшее. Амари распахнул окно, с удовольствием подставляя лицо бьющим в комнату каплям. Ветвистая молния на мгновение расцветила сизую часть неба, загрохотало почти сразу же. Вторая — длинная, изгибающаяся словно кнут, — ударила в шпиль древней башни, видно, не просто так прозванной Грозовой.

Окно, впрочем, пришлось быстро закрыть: библиотечные фолианты не терпели сырости. Зато в окружении древних книг Амари чувствовал себя уютно, а под взглядом странно знакомой девушки на портрете — почти счастливо. Он уже приготовился к тому, что «Перечень мифов и сказаний мира Эрохо от истока до наших дней» знаменитого Феличе Корда будет искать долго, однако нужный том отыскался на удивление быстро — на первых полках, словно кто-то недавно брал его почитать на сон грядущий.

Амари поставил на низкий круглый столик прихваченную с собой шкатулку, устроился в глубоком кресле и пролистнул несколько страниц. В начале книги шли сочинения самого Феличе о том, как погибал Создатель и творил Эрохо собственной кровью. Амари интересовало вовсе не это, а легенды северных земель.

«Третьего аньо первого сига инверно у северных гор, что подпирают лик небесный, начали твориться бесчинства всевозможные, на деяния рук людских непохожие», — прочел он и поморщился. Хронист жил не столь и давно, но изъясняться предпочитал сложно и пространно, будто сказители прошлого. Книговеды видели в том особый стиль и красоту, наслаждаясь хитросплетением фраз, но суть в творениях Корда приходилось отыскивать по крупицам, продираясь через горы красивостей. Можно было лишь надеяться на то, что он не добавлял ничего от себя, пересказывая древние мифы.

— Не думал, будто ты любитель такой литературы, — дверь распахнулась, а затем захлопнулась от сквозняка. В темном углу на ковре обнаружился заспанный Винто, и его точно здесь не было, когда Амари входил.

— Как ты здесь очутился?

— Ну... — Винто потер глаза и рассмеялся. — Пришел. А ты, кстати, не ответил.

— Нет, не любитель, если ты об этом.

Винто поднялся, заглянул поверх плеча Амари и расхохотался снова:

— О Творец! Да он еще порядком приукрасил и без того кошмарную легенду.

Амари пожал плечами, что-то такое он и предполагал.

— Ладно, — Винто забрал книгу и с ногами уселся в кресло. — Давай я тебе расскажу.

— А ты знаешь?..

Винто на подобный вопрос только хмыкнул.

Ночь еще не вступила в свои права, а Амари уже знал о первом сиге, звере и страшной легенде больше, чем рассчитывал. Винто оказался великолепным рассказчиком.

— Получается, зверь обитал в Нидосе всегда?

Если верить легенде, время от времени мир пытались уничтожить извне, вот тогда-то и появлялся монстр. Причем не сам собой. Он являлся кем-то вроде волкодава, которого призывал выходец из-за грани. Кстати, выходец этот мог протащить в Эрохо и иных существ — своих слуг. Те умели воздействовать на обычных людей и питались кровью. А противостоять всему этому кошмару, обязан был некий хранитель.

Разумеется, оканчивалась легенда хорошо, но в том и не могло быть ничего странного: с миром-то ничего плохого не произошло до сих пор.

— Или никогда, — Винто откинулся на спинку кресла и собрал волосы в высокий хвост. — Ленту подай.

— То есть... как — никогда?

Узкая полоска золотой ткани лежала на ковре. Чтобы ее поднять, Амари пришлось выбраться из кресла. Лениво, конечно, но чего ни сделаешь в знак благодарности?

— Раньше люди любили наделять звериными повадками тех, кого не понимали. Вот ты, например, знал, что одного из твоих предков на протяжении почти всего второго сига верано в Сурэе называли демоном? К слову, прямым потомком того, с кем сражалась правица из легенды о споре с кошкой.

— Чушь, — Амари поднял ленту, а когда обернулся, Винто уже сидел в его кресле и внимательно разглядывал шкатулку.

— Вот. А теперь подумай над всеми этими страхами. Не стану утверждать, будто мистических существ в Эрохо нет, я сам живой пример их присутствия, — Винто взъерошил волосы и мотнул головой, раскидывая волосы по спине. — Но короткое высказывание порой вмещает мудрость нескольких книг, а витиеватость речи ведет лишь к домыслам, лукавостям и лжи, — и потянулся к шкатулке.

— Я подумаю, — Амари перехватил его руку и вложил в нее ленту, забрал шкатулку и ушел с ней в другое кресло.

— Расхотелось, — Винто повертел ленту меж пальцев, а потом завязал на запястье. — А там что?

Амари пожал плечами.

— Неужели не интересно? — искренне удивился Винто.

Амари повертел шкатулку в руках: обычная, резная. На крышке темный опал, по бокам — замысловатая золотая вязь каких-то символов. Дно шершавое, прикасаться к нему неприятно.

— Ну давай же, открой.

Однако замок не поддавался. Амари уже хотел надавить сильнее, когда Винто вырвал вещицу из его рук.

— Ты самоубийца?

Амари удивленно глянул на него.

Винто театральным жестом прижал тыльную сторону кисти ко лбу и закатил глаза:

— Ах, принц, ну разве так можно?! А если бы я предложил тебе из окна выпрыгнуть? — перестав кривляться, он перевернул шкатулку и осторожно надавил на замочную скважину ногтем, вкладывая его словно ключ. Щелкнуло; и почти тотчас с тихим хлопком из деревянный подлокотник кресла ударили две тонкие иголки, наверняка отравленные.

— Вот ведь...

— Поддай-ка мне кинжал, — Винто указал на лежащий там же, где раньше лента, странной формы клинок с узким, заостренным на конце лезвием. — Только не поранься.

Предупреждение не было напрасным. Вместо намершия у кинжала оказался еще один клинок — очень короткий. Им Винто и принялся ковырять дно шкатулки.

— Готово. Желаете взглянуть, ваше высочество? — насмешливо поинтересовался он.

Дно отвалилось, а на стол посыпались письма, должно быть очень важные, раз их хранили так, Амари взял одно и повертел в руках.

— Дилемма, правда? — усмехнулся Винто. — Читать чужие письма против чести.

— Во вскрытии чужих шкатулок... хм... тоже чести мало.

Винто пожал плечами и снова занялся волосами.

— Твой друг, кстати, этим не гнушался, — Амари осторожно развернул скомканный лист. — Я говорю о герцоге Керво...

— Да хватит уже! Читай.

Амари встал ближе к свече, проглядел написанное. Летящий почерк было трудно разобрать, но невозможно спутать с чьим-нибудь другим. Письмо Керво. С четкими указаниями, что следует делать, если в столице вспыхнет бунт. Хозяину шкатулки предписывалось сжечь собственный дом и покинуть Нидос. Навсегда.

— Интересно?

— Не то слово, — устало вздохнув, ответил Амари, свернул письмо и заткнул за пояс. Второе содержало какие-то подсчеты, заверения в дружбе и уважении. Почерк уже другой: мелкий и корявый. Третье Амари скомкал, не дочитав.

Ранним утром последнего дня третьей мезы верано принц крови Амари Рейес вновь скрестил шпагу с герцогом Нидоса Веласко Керво. Солнце еще не успело оттолкнуться от дальних крыш, когда клинок первого жалобно зазвенел по плитам двора.

— Скверно, — герцог подавил зевок. — Впрочем, иного я не ждал. — Недостаточно сильно, недостаточно быстро, недостаточно ловко и совершенно неумело, — продолжил издеваться Керво. — Кто вас только учил?

— Ваш король.

— Не верю! Сантьяго, слывший первым дуэлянтом, в гробу б перевернулся от такого. Узнай он, что его собственный сын, Алонцо, столь плох, трон ему уж точно не доверил бы. Побойтесь праведного гнева предков, ваше высочество! Вам руку ставила паратройка недоумков, мнящих себя учителями фехтования, а не отец.

Амари глубоко вздохнул и промолчал: возразить ведь нечего. Настроение у Керво с утра оказалось приподнятым, а значит, от его язвительности страдали все, кто попадался на глаза.

— Ладно. Тогда начнем с азов. И с вашего клинка.

По его приказу Карлос вынес во двор шпагу, похожую на ту, что держал Керво, только абсолютно черную. Как мастеру вообще удалось создать такое оружие, Амари не понял. Из чего оно сделано — тем более. Солнце коснулось металла, погладило лишенную украшений гарду, его луч заблудился в синем диаманте, венчающем намершие, — единственном и столь же необычном украшении, как и шпага. Синие диаманты — вовсе не то же самое, что сапфиры. Их цвет не так насыщен, но они прозрачнее и чище.

— Я вижу, вам нравится. Дарю.

— Невозможно.

— Отчего же? — прищурился Керво. — Ведь этот клинок подходит больше того изобилия золота, которое висит у вас на боку и наверняка мешает при ходьбе. И нравится вам гораздо сильнее.

— Вы не понимаете. Моя шпага — символ королевской власти. Такая же, как герб. Она ведь указывает на статус!..

Еще Амари подумал о том, что, не будь при нем этой шпаги, его никто не принял бы за Рейеса: слишком непохож.

— Над расколотыми щитами, на которых раньше малевали гербы, никто не проливал горьких слез. Наши предки были более практичны и знали: жизнь ценнее и гербов, и званий, и титулов. Поучитесь-ка у них. Хотя бы этому! — Керво прошелся по двору, пнул носком сапога гарду, заставив упавшую шпагу Амари подпрыгнуть, подцепил ее левой рукой.

— Чем вас не устраивает мое оружие? — спросил Амари.

— Мне приходится проявлять осторожность. Ваш клинок сломается после первого же серьезного удара, — и он кинул в него собственной шпагой. Амари не спасовал: его пальцы словно сами собой стиснули рукоять.

Простой клинок, в навершии сапфир: крохотный, издали и вовсе незаметный. Великолепно сбалансированное оружие, в меру легкая, чтоб не уставала рука, но достаточно тяжелая для нанесения удара шпага оказалась удобнее всего, что Амари держал в руках до этого. У него аж дух захватило — так захотелось пустить ее в ход.

Он снова забыл о необходимости следить за выражением лица, и когда нехотя оторвал взгляд от искрящегося на солнце клинка, Керво ухмылялся и выглядел довольным донельзя.

— Сломаете, — герцог повертел в руках шпагу Амари, провел пальцем по литере «Р» и встал в позицию, — пеняйте сами на себя.

Шпаги встретились вновь. Через два удара золоченый клинок жалобно зазвенел на плитах. Сломанный.

Амари застыл на месте, не в силах произнести ни слова. Керво покачал головой и усмехнулся:

— А жаль. Все же произведение придворного искусства. — В его руке остался лишь эфес.

Амари стоял и молчал, опустив голову. Его взгляд потерянно блуждал по плитам двора.

— Не вздумайте ударяться в мировую скорбь: клинок, конечно же, починят, — продолжил Керво с издевательской интонацией. — Тем более, этот бой остался за вами, я ведь безоружен... а может, и нет, — он отбросил бесполезную рукоять и подошел к Амари. — Поразите меня, если сможете.

Ударить безоружного?! Амари считал подобное ниже своего достоинства. Он протянул Керво его шпагу и отвернулся.

— Пропади Творец с его же кровью! — крамольно выругался герцог. — Как же с вами тяжело...

Глава 6

— Яблоки, яблоки! Сочные и спелые! — доносилось откуда-то снизу и справа. — Покупайте яблоки!

Улица за створками окон жила суматошной жизнью: скрипели телеги, звучно раздавалось по камням мостовой цоканье копыт. Случайно забредшая к трактиру торговка — рыночная площадь располагалась на другом конце города — нахваливала яблоки, наверняка зеленые и невозможно кислые. На дворе стояла четвертая меса верано, в холодном северном Нидосе ничто не успело бы созреть.

— Дом принадлежал негоцианту из Намита, — доложил Валэ, оторвавшись от аппетитно пахнущей куропатки.

В трактире Хайме готовили выше всяких похвал, но Амари заказал себе только кружку пива. Есть он не хотел и, в отличие от большинства южан, не относился к пенному напитку предосудительно.

— Намитцу?

— Именно так, мой принц. В том нет ничего странного: граница рядом, а торговый люд везде чувствует себя как дома, — Валэ пригубил вина и продолжил: — Этот... м... не помню... возил товары с севера, а как разбогател, так и пристанищем обзавелся.

В обеденной зале было слишком многолюдно, и они расположились на втором уровне, в одной из гостевых комнат: небольшой и просто обставленной, зато до блеска вычищенной. Временами снизу доносились голоса и смех. Валэ ел и рассказывал; Амари пил, слушал и пытался понять, действительно ли Керво предал своего короля. По всему выходило — да, только верить в это теперь не хотелось.

— Яблоки! Покупайте яблоки! — писклявый женский голос раздражал Амари чрезвычайно.

— Вы нашли его?

— Увы, мой принц, — развел руками Валэ. В одной он держал не до конца обглоданную косточку. — Никаких следов.

Амари кивнул. Если уж сам капитан его личной охраны, Дарзи Валэ, забыв о родных и гордости, спешно покинул Нидос, то вряд ли какой-то заезжий негоциант дерзнул бы ослушаться приказа Керво.

— Сочные! Спелые! Сладкие! Яблоки!.. — проорало-провизжало на улице.

— Кровь Творцова... — Амари устало потер глаза (в них словно песка насыпали), вспомнил, что перенял жест у Керво, и вцепился в свою кружку. Этого еще не хватало!

— Впрочем... ваше высочество, это непроверенные слухи.

— Рассказывайте, капитан.

— Вчера недалеко от селения Тиена из реки выловили тело. По описаниям погибший весьма походил на намитца. Раны негоцианта напоминали не раз виденные нами.

— Зверь?

— Так называемый зверь, — Валэ закончил с обедом. — Местные сильно напуганы.

— Где находится эта Тиена?

— Если выехать утром, до полудня доберемся.

Амари кивнул.

— Кстати, — сказал Валэ, — я вспомнил имя намитца. Уж простите, мой принц, оно какое-то необычное и совершенно не держится в голове. Не думаю, будто оно чем-то

поможет, но все же...

— Слушаю, — Амари уже размышлял о том, что станет делать в селении. Вряд ли ему удастся узнать нечто существенное, но съездить туда следовало.

— Хормак.

Амари вздрогнул.

— А вот яблочки! Спелые и сочные яблочки! — донеслось из окна.

— Инари, я так рад видеть тебя!

Небольшая комната, стены, обитые зеленой парчой, белый камин. Аромат хвои смешивался с запахом пряных горных трав.

Они сидели у окна. Бледные солнечные лучи путались в золотистых локонах баронессы, забранных в высокую прическу. Платье цвета сирени подчеркивало ее необычные фиалковые глаза.

— Простите, я отрываю вас от важных дел, — произнесла она, комкая белоснежный батистовый платок. Она прекрасна, безупречна, возвышена, но очень бледна, под глазами залегли круги... Глядя на нее, Амари не мог не думать, почему она не спит? Снова тревожится о судьбах близких или ее волнует другое?

— Я примчусь с границы мира, моя рэя, только позовите, — ответил он строчкой из какой-то стариной баллады, хотел взять ее за руку, но почувствовал, что Инари не позволит.

— Амари... вы... ты не понимаешь! — воскликнула она и тотчас умолкла. В голосе гнев боролся со смирением и чем-то совершенно неясным.

— Чего же?

В наглухо закрытые ставни рвался ветер, но ему в доме Милагринов рады не были. В последнее время Инари почти не выходила из дома, о конных прогулках и вовсе забыла, хотя в конюшне маялась от скуки покладистая кобылка: светло-серая, с огромными умными глазами.

— Ты должен покинуть Нозарок.

Амари вздрогнул от неожиданности и нахмурился. Врать не хотелось, расстраивать Инари — тоже, но он точно никуда не поедет. В Нидосе у него долг, дела, друзья и любимая, в конце концов, даже если она и слышать не хочет о его чувствах. А еще у него есть прямой приказ отца, нарушить который нельзя.

— Почему? Что случилось?

Инари прижала руки к груди и прошептала:

— Война... — в голосе, движениях, во всей ее позе застыло отчаяние.

— Откуда такие сведения?!

Она судорожно вздохнула:

— Утром вернулся наш садовник. Мы отпускали его к родным в конце прошлой месы. Он проделал немалый путь, ведь те живут в гористой местности почти у самой границы. Мальтин видел ночью, как полыхала застава, слышал крики и пальбу!

Амари скрипнул зубами со злости. «Неужели началось? — забилось в висках. — И знает ли отец?» Ему следовало немедленно отписать в столицу, а самому... нет, на границу он не поскачет. Еще декаду назад без раздумий сорвался бы с места, но сегодня — нет. Он не станет делать глупостей: сначала постарается разузнать все подробности, потом дождется распоряжений Алонцо... и с Керво тоже необходимо переговорить. Вряд ли герцогу понравится то, что намитские солдаты пройдут по его землям.

— Благодарю за вести, пусть и недобрые, — произнес он, как мог спокойнее, — я немедленно проверю.

— В данном случае гораздо важнее уехать, — с нажимом в голосе повторила Инари и, резко поднявшись, подошла к окну. — Ты должен уехать. Слышишь? Обещай, что уедешь!

Странно и неожиданно. Амари тоже встал. Сидеть в присутствии рэи он не смел, но отошел не к окну, а к двери. Ему вдруг стало очень неуютно в комнате, да и имелся ли теперь смысл оставаться? Он все равно не сумеет выполнить ее просьбу, да и не захочет.

— Это не в моих силах, — воздуха не хватило, он закашлялся, но продолжил, возможно, сжигая за собой все мосты: — Я никуда отсюда не уеду.

— Ты обещал увезти меня из Нозарока! — Инари усилием воли сдержала рыдания, откинула в сторону порванный платок и вцепилась в подоконник.

Амари на мгновение прикрыл глаза. Захотелось, как в детстве, спрятать лицо в ладонях, а еще зажать уши. Лишь бы не видеть, не слышать, не понимать того, что она готова расплакаться, и именно он — причина ее душевных страданий.

— Я готов хоть завтра! — заверил он. — Я увезу тебя в Рей или куда захочешь. Я послушаюсь приказа отца, наплюю на титул и обязанности, ради тебя не пожалею ни жизни, ни чести, Но сам! Один! Я не уеду! Я помню и о долге, и о чести, готов бросить их к твоим ногам, но не втоптать в грязь из-за каприза.

Зря он произнес последние слова, потому что Инари все же заплакала. Она стояла у окна, даже не утирая слезы, медленно скатывающиеся по ее щекам. Молча.

— Пожалуйста... — он подошел к ней сзади, обнял за плечи. — Прости.

— Да, — она резко обернулась. Ее лицо словно окаменело, а в голосе прозвучала сталь: — Ты прав, а я не покину отца. Клянусь кровью Создателя, я хотела бы ответить на твои чувства, но стократно главнее спасти!.. Я не хочу, чтобы ты продал ему душу!

— Постой... Кому?.. — опешил Амари.

— Герцогу!

Некоторое время он смотрел на нее непонимающе, а потом подозрения сами заползли в его мысли. Неужели и горящая застава, и война — лишь выдумка, попытка подтолкнуть его к очередной глупости? Или все просто совпало?

— Нападение намитцев... — начал он, но не дождался пояснений.

— Здесь ты погибнешь, — Инари больше не слушала его, предпочитая говорить сама. — Герцог — зло во плоти. Он смел до безумства, красив и удачлив, ему наплевать на чужое мнение, всегда действует по-своему и очень жесток. До невероятности! Никто не смеет его послушаться, к тому же он одинок. У него нет и не может быть друзей, лишь слуги. Рано или поздно он убьет тебя, или произойдет что-нибудь еще ужаснее, — она всплеснула руками. — Не знаю... ты согласишься ему! — Менее всего на свете Амари хотелось слушать о Керво, но он стоял и молчал. Он действительно любил эту девушку и не мог просто развернуться и уйти или даже обидеть ее отповедью. Инари тряхнула головой, из высокой сложной прически выбился непослушный локон. — Идеальный портрет идеального героя идеального романа, — продолжила она. — Скажешь, я не права? И ты... ты рано или поздно к нему потянешься. Да ты просто не замечаешь, как заимствуешь у него жесты и интонации. Он поглощает тебя, а ты и рад!

— Успокойся, — он вновь осторожно сжал ее плечи, — я не понимаю, о чем ты говоришь, но в любом случае сумею разобраться с герцогом самостоятельно.

— Он не просто так поселил тебя в своем доме, — она вздохнула, опуская взгляд, казалось, в одно мгновение лишившись всех сил.

— Конечно, нет, — Амари казалось — она упадет, как только он отпустит. — Он обязан был меня пригласить, а я обязан у него остановиться — всего лишь этикет.

— Ах, это... — презрительно произнесла Инари, отстранилась, и он не стал удерживать. — Герцог никогда и ничего не делает просто так, — она прошла мимо, подняла изящный железный прут и сосредоточенно поворошила угли в камине. — Он наплевал бы на этикет, если бы не хотел чего-нибудь лично от вас, ваше высочество, — снова на «вы»! Она отставила кочергу и заинтересовалась небольшими фигурками, стоявшими на каминной полке. — Раньше я думала, Керво хочет расквитаться с вами за отсроченную казнь, но не все так просто.

— Конечно, — Амари попытался улыбнуться. — У меня это «непросто» ежедневно с утра. Судя по тому, как воззрилась на него Инари, он сказал нечто двусмысленное.

— Герцог решил преподать мне несколько уроков фехтования, — поспешил пояснить он.

— Керво унижает, а вам это нравится! — Инари поджала губы и сделала вид, будто фигурки интересуют ее намного больше глупца, не внемлющего голосу рассудка. А они действительно были хороши: конники в форме времен двадцатилетней войны третьего сига инверно, до блеска начищенные кирасы и алые плащи, короткие мечи вместо шпаг. Инари выстроила их в линию, только последний всадник отчего-то никак не желал стоять, видимо, на подставке имелся небольшой изъян.

— Он меня не унижает, а учит, — возразил Амари. — Герцог Керво — блестящий фехтовальщик, лучший из ныне живущих.

— Виконт Валэ согласился бы с вами, — Инари задумчиво повертела непокорного всадника в руках, а потом кинула в камин: прямо в угли и пламя. — Амари, у меня сердце разрывается от страха за тебя.

— Я этого не стою, — прошептал он, потрясенно глядя в огонь.

— Поговорите с моим отцом или, если не верите ему, со своим капитаном. Пусть расскажут, как погиб прежний герцог Нидоса... Может, тогда вы поймете, с кем имеете дело.

Курьер нагнал его на улице, вручил депешу, покачался в седле и попробовал рухнуть в обморок, Амари едва успел поддержать его. Подбежал горожанин — смутно знакомый; кажется, однажды показывал дорогу — оружейник Сеок. За небольшое вознаграждение он пообещал присмотреть за раненым и даже выделил ему лучшую комнату в своем доме. Амари кивнул, в свою очередь пообещав прислать за курьером как можно скорее, и прищипил коня.

До «Шпоры» он доехал быстро и сильно удивился, что никого не сбил по дороге, поймал в обеденной зале Гистона с Ульрихом и приказал незамедлительно отправляться на Оружейную улицу. Сам же взлетел по лестнице на второй уровень и забарабанил в дверь комнаты, которую снимал Валэ. Капитан открыл, впустил настойчивого гостя и для надежности отправил на Оружейную еще двоих солдат.

— Мой принц?

— Читайте! — Амари кинул распечатанный пакет на стол, а сам схватился за наполненный до краев кубок.

— М-м... — Валэ взял письмо, пробежал глазами по строчкам и причмокнул губами. Время от времени он хмурился, иногда ухмылялся и вслух комментировал написанное: — Поджоги, пожар... нападение... извините, мой принц, но это полный бред.

Амари кивал. Он ждал чего-то подобного после разговора с Инари, однако не знал, могла ли та решиться на подкуп кого-то, назвавшегося курьером. Когда вернулись солдаты и доложили, что в доме оружейника никого нет, возможные сомнения отпали окончательно. Сам Сеок лишь разводил руками, мол господин куда-то спешил, не силой же его удерживать.

«А следовало бы силой», — зло думал Амари и пенял себе за недалекость.

— Керво? — предположил Валэ, с пренебрежением швыряя письмо на столешницу.

— Вряд ли, — Амари покачал головой, вспомнив разговор после «дуэли». Он сомневался, что герцогу понадобилось вдруг его выгонять. С чего бы? — Капитан, — сказал он через некоторое время, — могу я задать вопрос, который наверняка покажется вам слишком личным или даже неприличным?

— Касающийся моего прошлого? — уточнил Валэ.

— Именно, — кивнул Амари.

Валэ снова причмокнул губами и задумался. Приказывать не хотелось, Амари желал видеть в капитане своей охраны друга, однако, если молчание затянется, готов был пойти и на этот шаг, слишком уж начали давить на него недоговоренности и тайны.

— Веласко считает меня виновным в гибели своего отца, герцога Рикардо, — Валэ вздохнул, отпил вина и прямо посмотрел на Амари. Он никогда не прятал глаз, что доказывало искренность его слов. — Вы, вероятно, помните последний кастелльский бунт, до дворца волнения не дошли, но...

— Веселого было мало, — вздохнул Амари. — Присматривающие за мной няньки только и делали, что причитали. Все говорили: толпа ворвется, отца убьют и меня заодно, я от них сбежал потом... кажется.

— Вам тогда...

— Около пяти аньо.

Валэ медленно склонил голову. Будто бы в поклоне, но Амари отчего-то почувствовал себя неудобно, словно это его расспрашивали.

— Старший Керво прибыл в столицу по завершении волнений и отбыл через три дня. Мы денно и ночью гнали коней, будто опасались погони. Путь от Нозарока до Кастеллы и обратно превратился в одну бесконечную скачку. За это и поплатились. Когда из леса на нас кинулись разбойники, вооруженные до зубов, мы и понять ничего не успели, а опомнившись, не досчитались многих: половина наших людей уже заливала дорогу собственной кровью.

За окном прогрохотала телега, кто-то выругался, но в остальном все осталось тихо. Яблок на этот раз никто не предлагал.

Валэ с силой сжал эфес шпаги, так, что костяшки пальцев побелели, и продолжил рассказ:

— Тогда герцог Рикардо послал меня в Нозарок, и я добрался до города, но не успел вернуться обратно. Мы не доехали всего чуть... если бы успели, он остался бы жив. Эх, что уж теперь об этом говорить, мой принц, ведь не сложилось.

Амари кивнул. Сколько раз он точно так же жалел о несбывшемся...

— Я гнал как только мог. Когда влетел в ворота, конь ронял кровавую пену и едва держался на ногах. Я снял все посты. Я спешил. И именно тогда наткнулся на Веласко. Он не спал, не кутил с многочисленными приятелями, не предавался утехам в борделе и даже не казался пьяным. Как же я обрадовался! Вы и представить не можете. Первая шпага! Маркиз Нозарока! Он стоил по меньшей мере четверых, а то и всего десятка.

Амари кивнул. Он на собственном опыте убедился в фехтовальном мастерстве Керво.

— Я с чистой совестью могу утверждать, что опоздали мы из-за него. Веласко ввязался в пустой и никому не нужный спор с начальником гарнизона. Приказывать тому напрямую он не мог, но при этом не желал уступать.

Амари снова кивнул.

— Да, мы опоздали, — повторил капитан. — Помощь пришла, мерзавцы поплатились все до единого, но герцог Рикардо оказался смертельно ранен. Он умер еще до того, как его голова коснулась земли, — Валэ тяжело вздохнул, его глаза подозрительно блеснули. Амари по достоинству оценил обуревавшие Валэ чувства, но ничего не сказал. —

Конечно же, в смерти герцога обвинили меня, Веласко потребовал, чтобы в течение декады я покинул город, а в последующую месу — провинцию. Я даже толком не успел попрощаться с семьей, да и не получилось бы должного прощания. Мой собственный отец поддержал Керво. Он мне даже объясниться не позволил, а то единственное письмо, которое я отправил ему из столицы, наверняка сжег.

— Простите меня! — Амари во все глаза смотрел на него, рассказ потрясал до глубины души, и не приходилось сомневаться в его правдивости. Сколько же пришлось пережить Валэ? Амари этого даже представить не мог. Выносить презрение родных, ненависть друга... право, нужно обладать немалым мужеством, чтобы продолжать жить после такого.

— Не за что, мой принц. Все это слишком печально, особенно потому, что Веласко Керво неплохой человек. Мы были лучшими друзьями, и уж поверьте...

— Поверю, — перебил Амари. — Будь он плох, вы бы не сошлись.

— Да, мой принц, Веласко порой бывал невыносим, капризен, самовлюблен... да много каков еще, но и дерзок, самоуверен, горд до безумия и всегда шел до конца. Увы, он совершенно не умел признавать своих ошибок... Я не верю, будто он хотел смерти собственного отца.

«Нет! Конечно, нет!» — Амари такого и предположить не мог. Все южане чтут родную кровь.

— Я... — он вдохнул слишком глубоко и закашлялся, — поговорю с герцогом Керво, он, скорее всего, уже раскаялся в допущенной несправедливости. Вы правы в отношении его. Во всем.

Валэ безразлично пожал плечами.

— Не стоит такого беспокойства, мой принц.

Вид у него был донельзя несчастный. Амари разбередел его душевную рану и теперь чувствовал себя обязанным и виноватым. Он поможет. Непременно! Сейчас же!

— Я все исправлю! — пообещал он и направился к двери. Лестница кинулась под ноги. Он и не заметил, как миновал ее, выбежал на улицу и взлетел в седло.

Глава 7

Амари ворвался в герцогский кабинет без стука, впрочем, Керво это не разозлило, он, казалось, даже не обратил внимания.

— Вы вовремя, — бросил он вместо приветствия, поднимаясь из любимого кресла у камина и наливая вино в свободный бокал. — Сначала выпейте.

Амари принял бокал, вдохнул изысканный аромат вина.

— Великолепный букет.

— Именно, — Керво улыбнулся уголками губ. — Когда допьете, налейте себе еще и проглядите послание, — Амари проследил за его взглядом и заметил большой пакет. Он столь удачно вписывался в бумаги, раскиданные по столу, что не сразу бросался в глаза. — Доставили утром на ваше имя.

Амари отставил бокал и схватился за пакет, тот оказался невскрытым. Видимо, недоумение все же отразилось у него на лице, потому что Керво поморщился и фыркнул:

— Думали, я излишне любопытен?

— Но... — Амари покраснел. Об истории с приглашением Бастиана он так и не забыл.

— Каким еще злодеяниям и порокам я, по-вашему, подвержен? Одно дело — незапечатанная записка, но совсем другое... а впрочем, неважно, — хмыкнул герцог и махнул рукой. — Кровь младенцев хотя бы не пью?

Амари не ответил. Он достал письмо, сел в ближайшее кресло, пробежал взглядом знакомый почерк: легкие округлые литеры, состоящие из завитков и кружев, напоминали морозные узоры на окнах. Изгибающаяся «в», а ножка «у» завивалась и потому смотрела в другую сторону. Эрику в детстве кто только не ругал за красивый, но неразборчивый почерк, сестра, должно быть, уже прибыла в Моревию.

— Я хотел спросить вас...

— Еще успеете. Читайте. Письмо сестры важнее.

Амари прикусил губу, посверлил Керво подозрительным взглядом и нарвался на такой же — в упор.

— Гонец оказался весьма словоохотлив, — сказал Керво, не сомневаясь, о чем пойдет речь. — К тому же Карлос способен разговорить и статую.

— Действительно, — буркнул Амари и вернулся к письму.

На нескольких листах столь любимого в Моревии пергамента принцесса (вернее, уже княгиня) Эрика — на юге свадьбы играли быстро — расписывала красоты островной столицы. Далее шли длинные описания цветов и трав, легенд, моря. Сестрица вспоминала путешествие по Кассии и морской вояж, рассказывала о торжестве и о том, как повезло ей с мужем, рассыпалась в чувствах к брату, делилась тем, насколько сильно скучала по дому... Амари радовался этому письму, но ожидал от него другого: того, о чем постоянно спорила Эрика со старшим братом, Рамелем. Помощь Моревии в предстоящей войне с Намитом не помешала бы.

Через некоторое время он дочитал письмо до конца. Завершали его всего несколько строк, в них сообщалось о том, что моревийские пираты по негласному распоряжению князя взяли несколько намитских портов. Кесарии объявлена морская блокада, и ни один их корабль не может выйти в акваторию Жемчужного моря.

Амари возблагодарил погибшего Создателя, кровь Его и сегодняшний день. Моревия не имела равных на воде, никто не смел ей противостоять. Намит не выдержит войны на оба фронта, а значит, войска от границ Кассии отведет. Невидимая рука, сжимающая сердце с тех пор, как Амари покинул Валэ, наконец отпустила. Теперь не придется выбирать между Нозароком и границей, метаться, переживать, судорожно писать отцу и не находить себе места, ожидая ответа. Все наладится само собой.

— Хорошие новости, принц Рейес? — поинтересовался Керво.

Он не смог скрыть облегчения, закрыл глаза и откинулся на спинку кресла:

— Даже не представляете насколько...

— Представляю, — усмехнулся герцог. — На вашем месте я немедленно отписал бы сестре, а заодно поблагодарил за помощь ее мужа.

Амари мгновенно открыл глаза и выпрямился:

— И откуда вам все это известно?!

Керво повел плечом, но сжалился и пояснил:

— Видите ли, муж Эрики Рейес, принцессы кассийской, не кто иной, как мой внучатый племянник Йастагант, князь моревийский. Гонец, привезший пакет вам, вручил послание и для меня.

— Так... — Амари перевел дух и сказал как можно спокойнее: — Теперь мы родичи.

— Вижу, вас это не обрадовало. Только ли потому, что я Керво? — он чуть повысил тон голоса и напомнил: — Во мне течет столько же моревийской, сколько и кассийской крови.

Амари потянулся за вином, сосредоточенно взял бокал. Отчего-то ему казалось, будто рука предательски дрогнет, но этого не произошло.

Молчание висело в воздухе все время, что он пил вино. Амари знал за собой одну досадную особенность: когда ему было слишком хорошо или плохо, он замыкался в себе и слышал лишь собственные мысли. Кто находился рядом, и какие произносил слова, становилось почти безразлично. Конечно, схватись собеседник за шпагу, Амари отреагировал бы, но вот пересказать смысл отдельных фраз и разговора в целом мог вряд ли. Алонцо, когда видел его в подобном состоянии и хотел завладеть вниманием, обычно сжимал плечо Амари — сильно, до боли. Герцогу подобное поведение, конечно, не сошло бы с рук, потому он и нашел другой способ, даже более действенный: подошел почти вплотную и зашептал:

— А в родстве мы с тех самых пор, когда Керидо Керво взял дочь Аларо Рейеса. У нас общие предки, принц Амари, не советуя об этом забывать.

В созданном из крови Творца Эрохо родственные узы считались священными. Пошедший против родича совершал преступление не только против семьи, но и всего мира. Преступников ждала кара страшнее смерти. Амари хоть и считал себя несуетным, но законы крови чтит. Не из страха — совесть ослушаться не позволяла. Он попытался вспомнить, что двигало им, когда он вызывал Керво, — ярость и гнев, ничего более; об общей крови, текущей в их жилах, он тогда не думал. Да и какая общая? Они породнились... Творец знает когда. Вернее, не знает — по причине своей смерти!

— Я в курсе, с чего началась кровная вражда Рейесов и Керво, — Амари криво усмехнулся. — И догадываюсь, почему убили Керидо, но не его сына. Однако в отношении нас с вами прошло слишком много времени. Предки общие, да кровь уже не та!..

Герцог фыркнул, а Амари внезапно понял все: и почему Керво не убил его на дуэли, и зачем коротает с ним вечера за беседой и вином у камина. Просто он слишком чтит старые законы! Как и все моревийцы, Керво оказался суетен и верил в проклятие за убийство родича, пусть и дальнего.

Чувство, в следующий момент всецело захватившее Амари, было каким-то детским и глупым, но он никак не мог от него отделаться. Он ведь уже несколько дней искренне полагал, что примирился с Керво, и все эти беседы и фехтование по утрам — прямое следствие взаимного интереса. А оказалось, причина их хороших (в сравнении со знакомством) отношений — всего лишь общая кровь и фанаберия Керво.

— Просту извинить, — Амари отставил бокал. — Я пойду.

— Сидеть! — коротко бросил-приказал Керво. — Иначе я на вас снова сорвусь, вы не выдержите и вызовете меня на дуэль, а ничего путного из этого, естественно, не выйдет, — он поднялся, наполнил бокал и отошел к камину. — У вас такое лицо, словно узрели всех наших предков разом, пусть столько призраков в комнате и не поместится. Не желаете разделить со мной посетившие вас тяжкие думы?

Амари качнул головой и вздохнул:

— Это всего лишь глупости, и не стану я вас вызывать. Какой смысл, если вы меня даже не раните?

Керво сложил руки на груди, склонил голову к плечу, но допытываться, против обыкновения, не стал.

— Ладно, — сказал он после продолжительной паузы, — тогда расскажите, зачем вы сюда ворвались. Очередной пожар или бунт? А может, я вновь задел неосторожно?

— Мои новости устарели после письма сестры.

— Если вы о заставе, то там случайно загорелись склады. Виновные уже наказаны, а война нам и не угрожала.

Амари кивнул.

— Вы, вероятно, хотели спросить о чем-то? — настаивал Керво.

Амари прикусил губу и усмехнулся:

— Это слишком личное. Впрочем, мы же... родичи.

— Смелее.

— Могу я узнать, как погиб предыдущий герцог Нидоса?

— Узнать — да; спросить — нет, — нараспев произнес герцог и прежде, чем Амари возмущился, продолжил: — слова всегда способствуют лжи, но можно же показать.

Дюжина факелов кромсала ночную мглу, разрывала, разметывала, отбрасывала с пути. Теперь она неуверенно жалась к стволам близкого леса: притихшего, чужого и безмолвного. Копыта глухо ударяли в наезженную дорогу, порой вырывая комья земли. Отряд спешил преодолеть как можно большее расстояние, а в лучшем случае — достичь родных стен с первыми солнечными лучами.

От Нозарока до Кастеллы — несколько дней неспешного пути и всего две смены дня и ночи, если не позволять расслабляться ни себе, ни людям. Герцог Рикардо знал об этом, как никто другой. Два дня заняла у него поездка до столицы. Три — чтобы уладить дела с Алонцо, хмурым, резким и злым по причине крайней усталости. Когда смута и интриги отнимают жизни ни в чем не повинных людей, королям достается сильнее прочих. Если они, конечно, настоящие и правят страной, а не просиживают бархат на троне.

Алонцо правил. И решал все сам, лишь выслушивая советников, но не доверяя им всецело. Именно по его велению вышел в город гарнизон: и стрелял, и вешал, и усмирял. Пожар, приведший к бунту и волнениям, — глупость. Но только не тогда, когда он спланирован заранее кое-кем из старой кастелльской знати при поддержке намитских шпионов. А может, и не только их. Элалия и Парис тоже не сидели сложа руки.

Даже блистательным правителям иногда нужна поддержка и сильное плечо, чтобы опереться и на мгновение разделить груз ответственности. Рикардо понимал это, к пятидесяти аньо он вообще стал понятливым и сразу почувствовал, когда понадобился в столице, — ну так на то он и Керво, в конце концов.

Северяне, обожавшие держаться за древние легенды, давно и упорно верили, будто герцоги Нидоса не совсем люди, а Керво не приходилось особенно притворяться, поддерживая ходящие о них байки. Стоило Рикардо только появиться на улицах Кастеллы, как бунтовщики разбежались, покидав вилы и топоры. К тому же такая репутация позволяла ему умалчивать очень многое, не раскрывая всей правды ни

королю, ни родичам, ни даже самым близким людям. Действительно близких у него было двое: сын — талантливый, дерзкий, сумасбродный; не знающий, что ему нужно от жизни и необходимо ли хоть что-нибудь вообще, да дочь... Но о ней Рикардо в последнее время старался не думать, не желая тревожить даже в мыслях.

Когда он переступил порог королевских апартаментов, Алонцо почти не узнал. Тот напивался и срывался на любого, заглядывавшего в кабинет.

— Прекрасно! — восхитился Рикардо, пристально рассматривая кассийского короля. — Да вы, ваше величество, как я погляжу, учитесь заливать усталость вином? — Алонцо был младше его лет на двадцать, потому фамильярное обращение казалось вполне уместным. Кроме того, Рикардо радовался, что прибыл вовремя. — В стоящей под столом корзине с десятков бутылок вина, и только в одной из них яд.

Алонцо резко вскинул голову и взглянул на него.

— Под ногами валяются пять опустошенных. Исходя из факта вашего существования, яд по-прежнему находится в оставшихся бутылках, — Рикардо усмехнулся и поинтересовался: — Продолжим рисковать? Готов составить компанию.

— Зная о яде? — Алонцо покачал головой.

— Эрохо хранит вас, ваше величество, а значит, все сотворенное верно.

— Глупая отговорка.

— Какая уж есть, — фыркнул Рикардо и прибавил: — Не волнуйся, имя отравителя мне известно.

Первая супруга Алонцо выросла в Сурэе, она подарила ему четверых детей: черноволосых, ясноглазых, похожих на отца и друг друга, как капельки воды. Королеву Кариту настиг горный обвал пять лет назад во время поездки правящей четы к морю. Вместе с ней погибла кормилица, две фрейлины... а далее мнения придворных разнились. Даже тех, кто воочию наблюдал трагедию. Некоторые утверждали — королева ждала очередного ребенка. Злые языки судачили о том, что ее величество попросту поправилась из-за недавних родов и равнодушия к еде. Третьи... эти самые немногочисленные третьи клялись, будто младшему королевскому отпрыску к тому времени исполнилось уже несколько мес, и даже имя его называли — Амари.

А далее все только больше запутывалось. Двор, уже складывающий легенды о безутешном короле, узнал, что Алонцо снова женится. Династический брак — решили первые; кесарь Намита как раз думал, кому сбегать дочку. Бракосочетание, долженствующее укрепить Кассию, — уверенно кивали другие, считавшие, будто южную кровь на троне давно следовало разбавить северной. А третьи, которые действительно могли помешать, помалкивали, да и запугали их изрядно к тому времени: Керво сам этим занимался.

Северная знать готовилась предложить своему королю невесту из числа своих — Урсулу, дочь герцога Бенедикта. Девушка заказала свадебное платье, села у окошка и, мысленно примеряя корону, принялась ждать. С ее легкой руки отцу светили бы финансовые уступки и богатые земли. И, безусловно, она уже обдумывала, как побыстрее родить королю сына. Именно он, по ее мнению, стал бы будущим правителем в обход старших сыновей.

Алонцо возвратился из Рея с молодой женой — мало того никому не известной, так еще и в тягости. Приехал, представил королеву Эльвиру и отбыл обратно. Родившегося несколькими месяцами позже сына назвал Амари.

Рикардо усмехнулся, разлил отраву по бокалам и поглядел свой на свет.

— Так и есть — яд. Хорошее южное вино таким мутным не бывает, — сказал он, подмигнув своему королю, и, забрав у него бокал, вылил немного в камин. Свой двумя пальцами взял за тонкую ножку: осторожно, словно дотронулся до чего-то пакостного, а не хрустала.

— Ты же не собираешься...

Рикардо коснулся кромки бокала, слегка смачивая губы. Яд он узнал, почувствовал, как напрягся Алонцо, и повел плечом:

— Не стоит беспокоиться.

Мать Рикардо была моревийской княжной, сына она воспитывала в духе южных островов, и даже муж не смел ей указывать. К ядам юного маркиза Нозарок начали приучать аньов с четырнадцати, и теперь Рикардо мог позволить себе не только пригубить, но и хорошенько отпить отравы. А вот королю Рейесу следовало побережиться: моревийской крови в его жилах текло недостаточно, да и воспитывался Алонцо преимущественно во дворце.

Травить короля и его гостя чем-нибудь мгновеннодействующим не собирались — слишком опасно. Поднесший яд слуга обязан был благополучно уйти и наткнуться в темном переулке на нож грабителя. И, конечно, главный заговорщик возжелал бы позлорадствовать — когда убедится, что удача на его стороне.

— Странное вино. Горчит, — сказал Рикардо много громче, чем до этого.

За дверьми слышали. Тяжелые створки не преминули открыться.

— Бенедикт, герцог Оливер, — доложил слуга.

Алонцо прищурился и поджал губы. С тем же выражением лица король отдавал приказ вешать мародеров, и Рикардо подумал, что тот может сорваться раньше срока и тогда вся игра полетит коту под хвост. Алонцо — Рейес, и этим многое сказано. Когда-то Аларо собственными руками погубил счастье дочери и оставил внука без отца из-за вспыльчивого нрава и сердца, заглушившего разум.

— Проси, — распорядился он.

Король промолчал.

Герцог праздновал победу: очень уж уверенно вошел и взгляды бросал, словно кесарь при получении контрибуции. Еще не старый, хоть и седой, высокий и поджарый Бенедикт казался неплохим бойцом, однако ума ему явно не доставало. Только глупцу могла прийти в голову идея подсыпать яд в вино тому, кто с трехлетнего возраста приучен к напиткам на основе винограда, а с юности отличает до полусотни сортов по одному лишь запаху.

— Ваше величество... — слишком спешно поклонился тот, на лице его застыла маска пренебрежения.

Алонцо устало провел пальцами по векам, Рикардо повторил этот жест. Для пущей уверенности отравителя он поднес бокал к губам и сделал глоток. Очень небольшой, но неприятная ночь теперь была ему гарантирована; впрочем, головную боль и тошноту он мог и потерпеть.

— Желаете вина, герцог? — спросил он.

— О нет. Я пришел лишь засвидетельствовать... почтение.

— И убедиться, — губы Алонцо сложились в тонкую линию, а лицо казалось маской. Король устало откинулся на спинку кресла.

— Да... почему бы и нет, — усмехнулся Бенедикт. Кажется, в игру он поверил.

— Тем лучше, — согласился Рикардо, слегка ослабляя шейный платок. Он сидел неподвижно, рука, лежавшая на подлокотнике кресла, слегка подрагивала, словно он силился ее поднять, но не мог. — Не бойтесь?

— Чего именно?

Король казался напряжен чуть больше, чем следует, Рикардо же злился. Рамель, старший сын Алонцо, вполне мог сесть на трон и царствовать, но править — вряд ли. Вместо него этим займутся жаждущие власти сановники, наверняка не из числа

сурэйцев. Родичи станут защищать молодого Рейеса, но не поддерживать советом.

— Причина... какова причина?.. — прошипел Алонцо, подражая голосу ослабевшего человека.

«Осторожнее, ваше величество, только осторожнее! — мысленно попросил Рикардо. — Сейчас герцог нам все расскажет. Сам. Без утайки. И допросов не понадобится. Надо лишь немного потерпеть».

— Вы опозорили мою дочь! — возвысил тон Бенедикт.

— Разве... я вам... обещал? — парировал король. В его интонации смешался зимний холод и звон сходящихся в последнем смертельном бою клинков.

— Нет! — ответил Бенедикт. — Вы ничего не обещали, но и не опровергали! Сколько раз я перехватывал взгляды, обращенные к Урсуле... Ваши взгляды!

— Она весьма привлекательна, — отстраненно заметил Рикардо и прикрыл глаза.

— Привлекательна?! Вы и пальцем не повели, чтобы прекратить сплетни! — воскликнул Бенедикт, отворачиваясь от короля: — Весь двор говорил о близкой свадьбе! А ведь в ваших силах заставить кого-либо умолкнуть, герцог Рикардо, именно вы у нас непревзойденный разоблачитель всех и вся.

— Вот и мне досталось, — усмехнулся тот, с показным трудом открывая веки. — Полно вам. Двор всегда судачит, трепещет, обсуждает и предвкушает. Кто я такой, чтобы мешать невинным развлечениям?

— Невинным?! — покраснев от возмущения, воскликнул Бенедикт.

— Так это месть? — перебил его Алонцо.

Бенедикт буравил их донельзя неприятным взглядом: таким же смотрит подранок кабана, опьяневший от собственной крови и желания убивать. Он уже завалил лошадь и нацелился на всадника.

— Месье?! — рассмеялся он. — Не только! Еще и расчет. Вы ведь, ваше величество... пока величество, не прислушиваетесь к подданным, все сами и сами, а они уверены в неверности королевы Эльвиры, да и взяли вы ее в довольно щекотливом положении. Как думаете, сколько она продержится у трона после вашей кончины? Нисколько. А юного короля и принцев всегда можно удачно женить: на Урсуле, дочери кесаря или племяннице короля Париса.

«Плохого же ты мнения о Рамеле и прочих принцах», — улыбнулся про себя Рикардо. Он уже приготовился убить, только раздумывал над вариантами. Ударить отравителя кинжалом в горло или в глаз? Нет. Хорошо бы этой твари помучиться. Клинком вспороть живот, и смерть станет подступать невыносимо долго.

— Гнусно, неоригинально, банально, пошло. А особенно вас не красит желание приписать себе чужие планы, герцог, — заметил он, опасно сощурившись. Так в горло, в глаз или в живот?.. Все происходящее изначально напоминало сценку из незамысловатой оперетки, разыгрываемую паяцами дешевого балагана для не слишком изысканной публики: оскорбленный отец пришел покарать обидчиков дочери. Возможно, простолюдинов подобный сюжетец мог пленить, но у Рикардо вызывал лишь скуку. Впрочем, судя по всему, герцог сам по себе являлся человеком невеликого ума.

— Мой! — выкрикнул Бенедикт. — Идея маркиза Артольда, но я все сделал по-своему!

— У маркиза зять не кто иной, как посол Намита. К слову, кто бы сомневался, откуда ветер дует, — заметил Рикардо. Его губы растянулись в тонкую линию, чуть скривился уголок рта, с этой улыбкой он обычно убивал. Он мотнул головой, откидывая назад закрывающие лицо волосы, и поднялся. Сидеть неподвижно ему донельзя надоело. — Я передумал, сударь. Эй, кто там за дверью! Верните герцогу шпагу, пусть сопротивляется, сколько сможет...

— Жестоко, — заметил Алонцо, когда тело унесли и даже кровь вытерли.

Рикардо повел плечом и усмехнулся почти по-доброму:

— Не в этот раз.

Голова у него слегка кружилась: пусть и в разы слабее, но яд действовал.

В коридоре снова возник шум, но неопасный, кто-то со всей дури налетел на пустые латы в углу. Легкие шаги добежали до двери, медленно приоткрылась тяжелая створка. В щель просунулась русоволосая голова с невыносимо светлыми, учитывая семью, в которой он родился, волосами. Мальчишка улыбнулся, огромные глазищи цвета пасмурного неба радостно заблестели. Младший принц — отражение своей матери — даже отдаленно не походил на южанина.

— Ох... силы небесные и кровь Творцова, — тихо выругался Рикардо.

— Беда моя... — Алонцо сокрушенно качнул головой и ласково улыбнулся. — Иди сюда, неугомонное создание.

Мальчишка ворвался в кабинет словно маленькая стремительная молния, пробежал сломя голову, запнулся о ковер и упал в отцовские объятия.

— У Эльви серые глаза, — сказал Алонцо. — Да и у меня среди предков два-три северянина отыщется, — и в ответ на красноречивое молчание добавил: — Он потемнеет. Немного. К семи годам.

— И все равно останется неприлично светлым, — нахмурился Рикардо. — Отправь его в Рей. Хотя бы еще на два года.

Пятилетний принц Амари вскинулся и яростно заблестел глазами — скорее от слез, не смеющих пролиться, чем от гнева.

— Я не делал ничего дурного!.. — воскликнул он. — Отец, не слушай его! Не надо меня отсылать!..

...Неистово заржали кони, и Рикардо сморгнул непрошенные воспоминания. Он то ли задремал в седле, то ли слишком сильно задумался, неуместно расслабился и проглядел опасность. Посреди дороги лежал древесный ствол — довольно удобно для засады. Когда отряд приблизился к нему, в темноте мелькнули темные силуэты воинов. Они стояли, обнажив оружие, но пока не нападали, а один из них, неприятно знакомый, выступил вперед.

— Ваша светлость! — Свет факела выхватил решительное бледное лицо. Рикардо прекрасно знал этого юношу и сейчас жалел, пожалуй, только о том, что не научил сына выбирать себе друзей.

— Зачем вы здесь, виконт?

— Привел подкрепление.

В неурочную ночь? Рикардо и сам не знал, что возвратится столь скоро.

— И кому же?..

Время, как и всегда в таких случаях, растянулось, сгустилось и потекло неспешно: не вертлявой горной речкой и не полноводной Мирросой — проточным прудом, который, вроде и питает соседние, но кажется недвижимым. Зато заметить удастся больше и даже скомандовать своим людям.

Прогредел выстрел, пошатнулся и стал заваливаться на бок конь, но Рикардо успел бросить стремяна. Он спрыгнул на землю, в одной руке сжимая обнаженную шпагу, во второй — длинный кривой кинжал. Первого противника пощадил, заколов быстро — в сердце. Счастливчик и не заметил, как умер. Второму выпустил кишки, уже не думая о мучениях, предстоящих сопляку.

Керво для северян — не люди. Керво — дикари. Их сподручнее убивать из засады, подстерегать в темных переулках или травить! Вот только алчущие праведной мести,

справедливости или чего-то еще убийцы так и норовили зайти со спины, а привел их лучший друг родного сына. Где, кстати, этот Валэ? Убить бы подлеца, с него станется поскакать домой, поднять Бласко посреди ночи и потащить сюда, под клинки убийц. На все про все — час или чуть больше. А протянет ли столько старый герцог? Ох, неизвестно...

Вначале мерзавцев было три десятка против дюжины. Затем — пятнадцать против девятерых. Потом... Рикардо не видел, живы ли до сих пор его люди: если еще в силах стоять, то дерутся, если нет... он отомстит за них.

Время тянулось, и никак не наступал рассвет, кровь под ногами стала грязью, а шпага многократно потяжелела. Он старался следить за дыханием, а его не хватало. Слишком быстро, очень уж много противников. Он не успевал убивать всех, устал и уже пропустил несколько ударов. На черном камзоле крови не видно, но белоснежная рубашка под ним окрасилась алым. Он уже знал, что умрет, как только остановится.

Против него пятеро, стояли молча, присматривались. Конечно же, такого сопротивления они не ожидали. Шаг вперед...

Выстрел!

Осталось четверо. Трое как по команде обернулись к Бласко, а Рикардо и одного противника достаточно. Сын растрепан, без камзола, словно действительно только выбрался из постели, переминающийся за его спиной конь весь в мыле. Движения яростные, точные, ненавидящие, убийцам нечего ему противопоставить. Он, не спросив разрешения, вклинивается между Рикардо и последним ублюдком, наносит молниеносный удар в шею и успевает обернуться, чтобы подхватить.

— Кто?! — он бледен, губы подрагивают, волосы рассыпались по плечам, а глаза страшные, словно у безумца: не золотистые, а какого-то странного зеленоватого оттенка. Он закусывает губу и не замечает, как скатывается по подбородку капля крови.

— Подумай. Кто тебя позвал?

— Дар... — Бласко не договорил, замер, не опустил взгляда, даже не моргнул. — Он поспорил о чем-то с комендантом, отряд задержался из-за него. Я поскакал один...

Рикардо кивнул.

— Не спеши с расправой. Разузнай и допроси, а решение принимай потом.

— Бесспорно. Я отвезу тебя в город...

— Пустое. В Нозароке хотя бы благополучно? В мое отсутствие ты не устроил персонального конца света для его жителей? — голос у него все еще сильный и дыхания достаточно даже для столь длинных фраз. То ли он уже бредит, то ли...

— Как можно? — Бласко растянул губы в улыбке, выстраданной и очень нехорошей. Если Валэ не идиот, ему следует бежать из Нидоса, и чем быстрее, тем лучше.

— Герцог теперь ты... — и в завершение, лопнувшей струной моревийской гитары, ее последним аккордом: — Не смей плакать обо мне...

— Предаваться грезам удобнее в постели, — заметил Керво, и Амари вздрогнул. То ли сон, то ли видение или украденное чужое воспоминание исчезло. — По вине этого кресла к утру у вас начнет ломить спину, а я не хочу ваших страданий сверх необходимого. Я самолично вытрясу из вас душу, но посредством шпаги, а не мебели.

— Я не сплю, — Амари открыл глаза. Керво стоял напротив портрета Рикардо, своего отца, руки он сцепил в замок за спиной, бокал забыл на каминной полке. Раньше этого полотна Амари в кабинете не замечал и теперь поразился, насколько нынешний герцог Нидоса и предыдущий похожи: те же черные волосы, узкое лицо и черты. У Рикардо хитрый прищур и едва заметные морщинки у губ, он более мягок и смешлив; Веласко — резок, все в нем словно вопреки. — Что вы сделали?

— Я? — недоуменно переспросил герцог. — Ничего особенного: предаюсь меланхолии,

только и всего.

— Я видел странный сон.

— Поздравляю, — без тени насмешки проронил Керво. — Сны бывают всякие, особенно, если подпадают под наименование странных. Они способны предостеречь от будущих ошибок или приоткрыть тайны прошлого, — и усмехнулся, переменяв скучающе-задумчивый тон на сухой и безразличный: — Так говорят. Сам же я не верю в подобную чушь. В конце концов только вам по плечу решиться поверить в очередную грезу, и ответственность за это ляжет на вас одного.

— Или не поверить, — заметил Амари.

— Верно. И в данном случае снова окажетесь ответственным за последствия.

Амари вздохнул. Керво ничего не стремился объяснять и, тем паче, давать советы, он лишь запутывал еще сильнее. Увиденное разительно отличалось от рассказанного Дарзи Валэ, и стоило ли ему верить оставалось совершенно неясным.

— Во сне виконт Валэ подстроил...

Керво резко обернулся и пронзил Амари взглядом.

— Зачем же я стану настраивать вас против собственных людей? — не столько сказал, сколько прошипел он.

— Мой капитан сопровождал герцога Рикардо, — напомнил Амари.

— Это он вам сказал?

— Да.

— С тем и оставайтесь.

Амари вскочил на ноги.

— Послушайте... Я должен знать! Герцог... Керво... Веласко!.. — Он чуть Бласко его не назвал... Пожалуй, это было бы уже слишком для них обоих. Выходцы с юга постоянно путали звуки «В» и «Б», северяне приходили от этого в недоумение. Алонцо говорил правильно, потому и Амари тоже, но герцог Рикардо был подвержен подобному речевому недугу.

Откуда взялся посетивший его бред или сон, Амари не знал, он казался очень реальным, но неправильным. Потому что королева Эльвира, мать Амари, умерла родами. По крайней мере, так ему рассказывали. Во время бунта не происходило покушений. И граф Бенедикт был не заколот, а неудачно упал с лошади. Керво не приезжал ко двору или все же...

— Чего вам еще? — Керво устало потер глаза. — Хотите найти ответы на все вопросы? Не выйдет.

— Вы ненавидите нас именно поэтому? То есть Рейесов... Если бы Рикардо не ездил в Каstellу...

— Да с чего бы вдруг?! — Керво вернулся к бокалу, но, так и не коснувшись его, устоялся в огонь: то ли не хотел смотреть, то ли не желал, чтобы видели его. — Когда-то отец предупреждал меня, я не поверил и ошибся. Но лучше совершить ошибку и казнить себя за последствия, чем не совершать и жалеть об этом. Несмотря ни на что.

Он хотел остаться в одиночестве — Амари кожей чувствовал, но как же безумно ему хотелось остаться. Он только повода не мог найти.

— Знаете, герцог, вы в очередной раз лишили меня опоры. Я снова не знаю, кому и чему верить.

— Отвратительно, — процедил сквозь зубы Керво. — Вера — самое отвратительное чувство, приводящее к разочарованию.

— И все же...

— Предсказать, что именно вы станете причиной моей смерти? — зло рассмеялся Керво. — Я вам не оракул! Можете убираться или оставаться здесь, как хотите. Но смею напомнить, ваше высочество: ночь на излете, а утром я поизмываюсь над вами сполна, — и, оставив за собой последнее слово, вышел за дверь.

Амари постоял немного, глядя на танцующее в камине пламя, осторожно коснулся герцогского бокала, взял в руки тонкую ножку: двумя пальцами, как Рикардо в его сне. Моревийцы считали, будто близкие родичи умели «вспоминать» то, что происходило не с ними. Во сне Амари слышал мысли Рикардо Керво, видел отца и себя самого, умирал у Веласко на руках. Но почему?.. Рикардо же ему никто!

Вино слегка колыхнулось и заиграло. Если отпить из чужого бокала, то узнаешь сокровенные мысли его хозяина... Но только не в этом случае: ход мыслей Керво навсегда останется неясным.

— Пей... — очень тихо пронеслось по комнате.

Он оглянулся, но никого не заметил, тем не менее, послушался и скривился от неприятного горького вкуса — видимо, на нем сказались безрадостные мысли и сомнения. А может, герцог виноват: все, к чему он прикасается, напивается его ядом... его болью... На этой мысли Амари понял, что от усталости и выпитого уже кружится голова. Последний раз вздохнув, он отсалютовал бокалом портрету Рикардо, допил и отправился к себе.

Глава 8

Тиена оказалась небольшим поселением на сервере от Нозарока, стоявшим на одном из притоков Мирросы в окружении леса: ровно посередине между главным городом Нидоса и рудоносными шахтами. Поначалу Амари не рассчитывал ее найти, но карты в библиотеке герцога отличались завидной подробностью. Рядом на полях рукой Керво было помечено: количество жителей, имя поселкового главы, средний доход и промыслы.

Судя по карте, добраться до Тиены и вернуться в Нозарок удалось бы за день, и Амари порадовался тому, что в незнакомом поселении не придется ночевать. Еще он решил отправиться к Керво и попросить провожатого. Если северный тракт подобен южному, ничего кроме стен леса вдоль дороги отряд ожидать не могло. Нидосцы предпочитали селиться чуть в стороне от наезженных путей, и Амари опасался заблудиться. К тому же, герцог сам предлагал помощь, вот пусть и следует своим обещаниям. Не давая сомнениям ни шанса, Амари покинул библиотеку, миновал коридор, лестницу, и схватился за ручку в виде головы пантеры. О том, что хозяин мог отсутствовать, он сообразил, только когда дверь оказалась заперта.

Керво не предупреждал об отъезде, и Омеро не выводил во внутренний двор Фьорда: тот каждый раз так шумел, что не заметить отбытия герцога не представлялось возможным. Амари раздраженно пнул ни в чем неповинную дверь (сколько раз ее даже не прикрывали!) и, выждав несколько мгновений, постучал снова — вероятно, слишком тихо, поскольку никто так и не ответил. Коротко выругавшись, он снова занес руку для удара, в этот момент в замке щелкнул ключ, а ровный холодно-вежливый голос четко произнес:

— Я вас более не задерживаю.

Амари отступил на шаг, дверь распахнулась. На пороге стоял призрак — так показалось сначала. Эдвард Гонг являлся близким другом Теренса Намитского. Он дрался с Рупертом на Часовой... Амари полагал, этого человека давно нет в живых, однако Гонг оказался из плоти и крови и развеиваться или осыпаться прахом не собирался. Но самое странное Амари увидел в том, что объявился намитец именно здесь: в особняке герцога Керво в Нозароке.

— Ваше высочество, — поклонился тот.

— Граф... — кивнул Амари. В голове у него роились мысли, а виски словно сжали в тисках. Гонг, наверняка, был в курсе произошедшего с Теренсом, сегодняшняя встреча тоже неслучайна. Неясно, что намерен предпринять этот мерзавец, но теперь хотя бы понятно, откуда Керво во всех подробностях знает о произошедшем в Кастелле... — Какие дела привели вас?

— В Нозарок? Здесь я всего лишь проездом, — Гонг шире открыл дверь и вышел в коридор. На губах намитца играла гнусная ухмылка, и выглядел он донельзя довольным. — Да, кстати, — голос одновременно был полон меда и яда. — Его светлость обещал мне защиту и покровительство. Как гость вы ведь собираетесь чтить слово радушного хозяина?

Амари взглянул на герцога и промолчал. Керво держался нарочито небрежно и отстраненно, словно происходящеенисколько его не интересовало.

Эдвард откашлялся, вновь завладевая вниманием Амари.

— Рад видеть вас в добром здравии... кхе-кхе... извините, в горле пересохло, — он зашелся кашлем и только спустя некоторое время добавил, — принц, кхе-кхе, Рейес.

Наверняка, с горлом у намитца все было хорошо, просто Гонг лишний раз решил напомнить о том, в чем Амари и сам начал сомневаться. «Принц, кхе-кхе, Рейес» — нужно быть глухим, чтобы не понять намека! А потребовать сатисфакции теперь не представлялось возможным, по крайней мере, без объяснения причины дуэли хозяину особняка. Признаться же в том, что, вполне вероятно, не является сыном Алонцо, у Амари не повернулся бы язык.

Гонг отвесил церемониальный поклон и, насвистывая похабную кабацкую песенку, удалился. Амари, не моргая, смотрел ему вслед, пока Керво не соизволил прервать молчания.

— Потрудитесь войти и закрыть дверь, — сказал он.

Амари повиновался прежде, чем сообразил, что делает. Следовало откланяться и уйти, но он шагнул за порог, прикрыл дверь, остановился посреди кабинета, не зная, куда себя деть.

— У вас есть поразительное умение оказываться там, где менее всего нужны, — герцог казался раздосадованным. Тонкие губы Керво кривились в злой усмешке, и, если бы взгляд мог убивать, Амари уже не было бы в живых. — Вы все также изображаете статую, но теперь хотя бы не загораживаете проход. Возможно, со временем я привыкну и не стану натекаться на вас в темноте или когда пьян, но лучше отомрите все же.

— Что здесь делал этот человек?! — Амари сжал кулаки и губу закусил, едва ли не до крови.

Керво вздернул бровь и ухмыльнулся:

— С каких пор я должен отчитываться?

— Этот... — Амари запнулся, по жилам бежала не кровь, а жидкий огонь. Он задышался от ярости и гнева, холодная отповедь лишь подстегнула злость.

— Эдвард шок Гонг, — подсказал Керво. — Замечу, кесарийское «шок» хоть и близко к графскому титулу, но все же не одно и то же. Мне не хотелось бы, чтобы в следующий раз мой гость понял вас превратно и оскорбился.

— Не читайте мне нотаций!

Словно не было всех этих дней! А ведь Амари так рассчитывал на то, что их отношения наладились. Керво держался так же, как в первую встречу, у эшафота: жестокий самодур, собравшийся казнить безвинных горожан!..

«Впрочем, именно это он и сделал, — напомнил себе Амари. — Керво только позволил считать себя другим, немного человечнее, а на самом деле... он все тот же предатель, мерзавец без совести и чести!»

— А вы не кричите в моем присутствии, — бросил тот и неожиданно рассмеялся сухим каркающим смехом. — Сколько вам повторять, что на слух я не жалуюсь?

Амари покачал головой. И этого человека он защищал перед Инари? Пытался оправдать после рассказа Валэ?! Готов был поверить странному пьяному бреду, привидевшемуся в герцогском кабинете... Да как он, принц крови, мог усомниться в словах друзей... рассчитывать на то, что этот зверь с ним искренен, а за его скрытностью стоит сторона, о которой принято не упоминать лишний раз, а если и говорить о ней, то лишь шепотом? Керво хотел заманить его в ловушку и только, а принц Рейес пошел в нее чуть ли не добровольно!

— Предатель! Вы намерены отложиться от Кассии! — выкрикнул он, ожидая, даже не вызова, а удара кинжала.

— Вы слишком легко бросаетесь обвинениями, особенно для принца крови и представителя одного из знатнейших родов королевства, — холодно заметил Керво и внезапно перешел на «ты». — Докажи.

В следующее мгновение Амари, наверное, бросился бы на него с кулаками, но...

— Успокойся! — Винто опять невесть как оказался в гуще событий, ухватил упирающегося Амари и силой вытолкал в коридор.

— Мерзавец... какой же Керво мерзавец! И Гонг этот... — Амари извивался в стальной хватке, рвался, но не мог обрести свободы. — Я же знаю его! Ты не понимаешь... я знаю эту тварь! Он шпион и убил моего лучшего друга! Пусти же!..

— Верно-верно-верно, — Винто держал его мягко, не доставляя боли, но так, что вырваться не представлялось возможным. — Он выжил. Ну, так и пусть, в поединках чего только не случается.

— Он... — Амари поперхнулся неожиданно колючим и холодным воздухом. — Гонг сопровождал Теренса Намитского... он... Кровь Создателя! Он такой же... тоже считает... — договорить не получилось из-за вставшего в горле кома, который все никак не удавалось сглотнуть. — Я же все понимал, просто стерпеть не смог, как и Руперт тогда! Потому намитца на дуэль и вызвал... Я действительно не похожу на отца... на Рейесов не похож. А эти... эти... они всем говорили...

Он рванулся — снова безрезультатно. Винто даже не напрягся, а Амари не сумел и шага сделать. Что произошло после, он не понял. Окна были закрыты, даже сквозняку неоткуда взяться, но на него словно ледяной шквал налетел. Шлейф соленых брызг стегнул по лицу, Амари почувствовал, что не может дышать: словно в далеком детстве, когда морская волна перевернула лодку. Плавать он тогда не умел и если бы Мигель его не вытащил, точно утонул бы.

— Открой глаза, — настойчиво произнес над ухом Винто.

Амари ощутил мягкость старого кресла, легкий аромат зацветающей в саду липы, слуха достигло пение какой-то пичуги. Веки показались пудовыми, глаза защипало. Он сел прямее и принялся озираться.

— Как это?..

— Так.

— Что это было?

— Истерика, — хмыкнул Винто. — И я ее пресек.

Вокруг стояли шкафы, заполненные книгами, тяжелые канделябры в углу. На стене висел портрет незнакомки, столь сильно напоминающей Амари мать, что ему становилось не по себе, в посеребренной раме... Библиотека.

— Кровь Создателя, — прошептал Амари. — Невозможно... Как?..

— Так быстрее, — туманно пояснил Винто. Он сидел на подлокотнике кресла и щурился, словно кот на сметану. Амари он отпустил и, похоже, подвохов с его стороны больше не ждал. — Ты, — он склонил голову к плечу, — так и не поверил в то, будто я Ветер?

Амари качнул головой.

— А зря — брови Винто взлетели на лоб, подобно крыльям черной чайки. — Я многое умею, — рука театральным жестом обвела комнату. — Гораздо больше этого.

Амари кивнул. Ему очень захотелось, как в детстве, забраться в кресло с ногами, подтянуть колени к груди и сжаться в комок.

— Выслушаешь?

Амари снова кивнул. Как-то так сложилось, Винто он верил: с самой первой встречи и до сих пор, несмотря на то, что тот оставался другом Керво и вообще неизвестно благородного ли происхождения или самого простецкого.

— Разве в дом Веласко не может зайти любой, даже твой враг? Керво — герцог Нидоса, время от времени он обязан принимать у себя не в меру приятных гостей. Твой отец действует также, полагаю?

Амари не ответил, лишь отвернулся и принялся разглядывать женщину на портрете. Если б не этот наряд и цвет волос, он бы поклялся, что на картине изображена королева Эльвира, его мать.

— Не молчи...

— А что говорить? — буркнул Амари. — Да, я не ожидал появления здесь этого человека,

но... зря ты подобно герцогу считаешь меня глупцом. Меня не столько Гонг взбесил, сколько то... как Керво себя повел.

— Веласко разозлился.

— На меня?!

— Оба вы хороши, — заметил Винто и коротко выругался. — Тебе нужно успокоиться и хорошенько подумать, — вкрадчиво проговорил он через некоторое время. — Но, прежде всего, отдохнуть. Напиваться в обществе Веласко, думаю, пока будет лишним, а напиваться с кем-нибудь другим не советую тем более. Лучше загляни на огонек к какой-нибудь милой рэе. У тебя должно быть много таких на примете.

— Ну вот... нашел чем сменить тему разговора, — проворчал Амари, вздохнул и усмехнулся. В столице... да, пожалуй, он пользовался популярностью у фрейлин. В Нозароке же ему оказалась нужна лишь одна баронесса, которой сам Амари, увы, был без надобности.

— Знаешь, милые барышни обожают, когда к ним заглядывают в окна, — улыбнулся Винто и мечтательно прикрыл глаза.

— Не все, — Амари не хотел произносить этого вслух, как-то само вышло.

— Значит, они не столь милы, сколь вы о них думаете, — дверь отворилась от пинка. На пороге, скрестив руки на груди, стоял Керво. — Во всяком случае, всегда найдутся другие, способные оценить вас по достоинству. Принцы крови сами по себе стоят дорого... и не только они, надо бы заметить.

Амари охнул от подобной наглости. Он не заметил, как очутился на ногах, и преодолел половину расстояния, разделявшего его и герцога. Хорошо, хоть успел остановиться. Покрасневший от переполняющего душу гнева, нервно хватаящий ртом воздух, он лишь смог вымолвить:

— Уходите! Сейчас же...

— Вы хотите меня ударить, принц Рейес? — тонкие губы скривились в усмешке. — Я здесь подумал и решил, не просто же так ведь вы рвались ко мне в кабинет. Признайтесь, вам что-то понадобилось?

— Я. Ненавижу. Вас, — отрывисто произнес Амари. — И на этом закончим.

— А мне вас жаль, — вздохнул Керво и, обогнув, прошел к одному из столов, поставил на него бутылку вина, откупорил. — Когда мы расстанемся, вас, уверен, заест тоска...

— Решил оракулом заделаться? Не стоит, — Винто указал пальцем на бутылку, а потом на один из бокалов. — Мне тоже. И извинись все же. Ты был слишком резок.

— Я? — Керво налил ему и хмыкнул. — А разве принц Рейес не был столь же резок со мной? И, замечу, рэй Осадиа, я предупреждаю, а не предсказываю, — себе он наливать не стал, смерил Амари взглядом и продолжил: — Конечно заест, если только принц не попросит братьев или друзей научить его пить и волочиться за корсажами. А еще не умерит свой пыл и, наконец, не перестанет искать смерти и страшных тайн, которые на самом-то деле являются лишь грязными политическими дрызгами.

Он отпил прямо из бутылки и рассмеялся, а Амари развернулся и вышел из библиотеки. Может, он и сбежал, но видеть Керво сейчас, а, тем более говорить с ним не собирался.

«Предатель! Тварь! Дешевый шут!.. Подлец и мерзавец, которого казнить десятков раз и то мало!» — видимо, это были последние мысли, терзавшие Амари перед сном, потому в мире грез они и обрели реальность.

Он стоял на краю поляны, в спину толкал шероховатый ствол кряжистого дерева, куст лещины колот локоть, но Амари не трогался с места и не менял позы. Его глаза застилала темень и туман, но он знал, что это ненадолго. Над кронами древних, изломанных деревьев взошла луна: огромная, слегка зеленоватая. Туман и тьма отступили к близкому лесу, застряв меж стволами.

— Сердце! — рассмеялась Инари. — Расцвело сердце!

Она возникла словно из ниоткуда, будто откинула невидимый полог и вошла в его сон. В руках баронесса держала цветок Яворда, ее локоны, казавшиеся в неверном свете серебристыми, развивались подобно крыльям. Алое свободное платье — удивительно яркое в полумраке лунной ночи — тоже колыхалось без ветра.

— Ну же... ты рад? — раздалось откуда-то сбоку. Амари вздрогнул, отвел от баронессы взгляд, но никого не увидел. Инари за какое-то мгновение переместилась в центр поляны. Там, на небольшом пригорке, возвышалось сухое скрюченное дерево. Кора его казалась черной и гладкой, словно кожа, в безжизненных корнях торчал огромный топор.

— Это праздник! — прошелестело сзади, и Амари собрал в кулак всю волю лишь бы не обернуться. Он знал, что все равно никого не разглядит.

Из завесы тумана — так, видимо, суждено было появляться всем героям сегодняшнего сна — вышло существо в темном балахоне. То, что это не человек, Амари понял сразу: люди не висают над землей и двигаются не так плавно и медленно. Под накинутым капюшоном разливалась мгла, и только глаза существа горели потусторонним белым светом. Когда взгляд нелюдя мельком скользнул по нему, Амари едва не вскрикнул. Ощущения были сродни скользящему по коже металлу: чуть-чуть и невидимое лезвие вопьется в тело.

— Праздник! Праздник!.. — вторила неизвестному голосу Инари. — Праздник!!!

Существо склонилось, ухватило за обух и с неожиданной легкостью извлекло топор из корней — так, словно тот ничего не весил. Размахнулось...

Когда лезвие вошло в кору, Инари пустилась в пляс. Движения не имели ничего общего с церемонным достоинством придворных танцев или лихой бесшабашностью сурэйских хороводов. Было в них нечто дикое, чужое и неистово захватывающее. Она то вставала на цыпочки, выгибаясь всем телом, то падала на колени. Удары топора о черное дерево задавали ритм. Танец казался рваным и неестественным, но оторваться от его созерцания Амари не мог.

Праздник...

Праздник...

Праздник Полночи Лунной!..

Когда лезвие достигло середины ствола, дерево застонало. Ожил лес, закричали птицы и звери. Многоголосый вой пронесся над поляной и мгновенно стих. Из разбитого ствола по пожухлой траве потекло густое и черное. Инари подавилась низким грудным смехом, подскочила, подставляя кисти... и черное мгновенно стало алым — кровью!

Амари судорожно вздохнул. Он только сейчас сообразил, что все это время задерживал дыхание. Ему донельзя хотелось уйти, а еще лучше — проснуться, однако ночной бред не спешил рассеиваться.

Существо в темном плаще в последний раз размахнулось, лезвие вошло в древесину, не встретив сопротивления. Срубленный ствол на мгновение завис в воздухе, съежился, иссох и трухой осыпался на землю. В руках Инари возник позеленевший от времени бронзовый кубок, инкрустированный темными опалами, с витой ножкой в виде свернувшейся змеи. Она поднесла его ко все еще кровоточащему пню, припала губами к алой жидкости, тотчас подлетела к Амари и протянула кубок ему.

— Выпей, мой принц, мой избранник, мой повелитель судеб этого мира, мой... хранитель, — она была немного неаккуратна, несколько капель застыли на губах и подбородке. Амари замутило от этого зрелища. — Выпей, это лучше вина, что подливает тебе недостойный! Кровь земли, кровь жизни и кровь мира в этой жертвенной чаше. Умой же губы свои... — низкий с придыханием голос заставлял голову кружиться, а ноги подкашиваться.

Амари закашлялся — воздуха не хватило, а сердце забилось часто-часто. Он хотел

отказаться, но тело само подалось вперед. Он до скрипа стиснул зубы и коснулся бронзовой ножки, оказавшейся теплой и шершавой. Под змеиной чешуей билась жизнь. Не подчинись он Инари, витая змея-ножка развернется и укусит. Будет ли яд мгновенным — неизвестно, зато можно и не надеяться проснуться.

— Ну же...

Страх опалил лицо и шею, мышцы откликнулись предательской слабостью. Амари боролся с ней несколько мучительных мгновений, взглянул на зеленеющую луну и внезапно успокоился: яд, боль, смерть — нужно лишь потерпеть и все закончится. Будет многократно хуже, если он не совладает с собственным телом. Сейчас его рука возьмет кубок, поднесет к губам и... наверняка произойдет неисправимое, гораздо худшее, чем гибель.

— Вам здесь не место! — резкий окрик оказался подобен ведру ключевой воды, опрокинутому на голову в знойный летний полдень. Амари отшатнулся, а Инари медленно развернулась на голос и поплыла к центру поляны. Амари хотел пойти за ней, но ноги отказались повиноваться. — Уходите немедленно, иначе я не смогу поручиться за вашу жизнь и благополучие, — проронил невесть откуда возникший Керво и тряхнул головой, откидывая упавшие на лицо волосы. В отличие от всех остальных он точно не выходил из тумана.

Амари все бы отдал, чтобы проснуться, но сон не собирался отпускать.

— Герцог!.. — он только подумал, а губы сами произнесли обращение.

— Тише... тсс... — от тихого шелестящего голоса дрожь пробежала по телу. В затылок впился ненавидящий взгляд. Его только не хватало! Амари рванул. Конечно, разорвать оковы оцепенения ему не удалось, зато рука на мгновение обрела чувствительность, и он сумел коснуться рукояти кинжала.

Керво будто ждал от него чего-то подобного, поймал взгляд и, хитро прищурившись, спросил:

— Желаете напомнить, что вы станете причиной моей смерти в этом мире, ваше высочество?

Амари вздрогнул от этих слов. Он не сразу заметил, поначалу просто уловил какую-то неправильность в облике Керво. Безупречно сидящий камзол, обнимающие плечи иссиня-черные локоны, даже отливающие кошачьей зеленью глаза — все казалось привычным, но что-то казалось не так...

Керво повел плечом и словно невзначай коснулся отворота перчатки. В свете луны блеснул позолоченный браслет, звякнула тоненькая цепь. Кандалы! И перевязь со шпагой куда-то делась. Сопровождало его существо в темном плаще и маске — брат-близнец того, которое рубило дерево.

— Кровь земли! — Инари подскочила к Керво. — Пей...

— Я предпочитаю вино, — усмехнулся тот и скрестил на груди руки. На лице застыло скучающее выражение, только взгляд остался обжигающе пронзительным. — Давайте уже заканчивать с этим лицедейством.

Амари бросил все силы на то, чтобы освободить клинок, но его удалось лишь немного приподнять. Над ножнами появилась тонкая полоска стали.

— Скоро он наполнится твоею кровью! — Инари поднесла к губам край кубка, делая несколько глотков.

— Неумеренность в еде портит фигуры трепетных и нежных красавиц, — заметил герцог. — Не бойтесь, что мой гость научится противостоять вашим чарам?

Инари не ответила. Она допила до дна, отдала кубок безмолвному конвоиру герцога и взмахнула рукой.

Амари не хотел, но ноги сами понесли его на поляну. Он опомнился, лишь

остановившись в шаге от Керво.

— Среди своих порождений вы не в силах выбрать ни одного приличного палача? — тем же тоном Керво спрашивал у гостей, какое вино они предпочитают. — Впрочем, ненависть этого юноши для меня не новость.

Инари кивнула, а Амари едва не закричал: потому что лес снова ожил, голоса и крики живых тварей заполнили все вокруг, слились в многоголосый гул. Ему очень хотелось упасть на колени и зажмуриться, закрыть уши руками, но вновь не мог двинуться с места. Амари не помнил, сколько продолжалась эта пытка, но в какой-то момент различил знакомый звук. Очень тонкий и тихий, он неведомым образом заглушил беснующиеся голоса, а за ним последовал печальный девичий шепот:

— Не верьте вы этим... из тумана...

И наступила тишина.

Амари пошатнулся, но устоял на ногах. Здесь он при всем желании не сумел бы упасть в обморок.

— А теперь, палач... — Инари торжественно взмахнула руками, ее волосы взметнулись крылами чудесной птицы, — делай свое дело! — Она повернулась и с легкостью, неподвластной обычным смертным, пошла к туманной завесе. Ветер не путал ее волосы, а травинки расступались, не смея касаться ног.

Амари протянули топор, но он отказался.

— У меня свой, — произнес он непослушными губами и скосил взгляд на кинжал.

Существо кивнуло, и Амари понял, что ни одной лишней секунды у него больше нет. Когда спало оцепенение, и он сумел вынуть кинжал, то уже знал, что станет делать.

Керво грубо толкнули под ноги и в спину, заставив опуститься на колени. Черное многое скрывает, но при одном взгляде на его одежду, у Амари остро кольнуло в груди. Герцог был ранен, и одному Создателю известно, сколько он потерял крови.

— Не вздумайте меня жалеть, — сухо бросил Керво. — Ну! Не стойте столбом.

И Амари нанес удар по собственному запястью.

Глава 9

Небо посветлело, но солнце не спешило посещать небосвод, особняк еще дремал или просто затаился. Амари спустился во внутренний двор, сам вывел Злата. За воротами его уже ждал десяток верных солдат во главе с капитаном.

— Мой принц, — Валэ сдержанно поклонился.

— Рад вас видеть, капитан. Возьмете двоих и останетесь здесь, — Амари говорил тихо, четко и спокойно. Сейчас ему было безразлично, чью манеру разговора он повторял, главное, она оказалась действенной. Раньше он бы принялся убеждать Валэ в своей правоте и наверняка нарвался на спор, теперь говорил, как господин, а не ищущий поддержки «приятель».

— Моя задача? — слегка удивленно спросил Валэ.

— Следите за особняком, запоминайте визитеров. За слугами, если они уйдут в город, не ходите.

«У Керво такие слуги, что слежку заметят, подкараулят и допросят. И, разумеется, доложат обо всем своему герцогу, — подумал Амари. — А тот, в который раз, посмеется и выскажет гостю все о его умственных и прочих способностях. Оскорблений и так выслушано предостаточно. Хватит».

Он зарылся пальцами в грубую гриву Злата, конь всхрапнул и ткнулся носом ему в плечо.

— Что следует делать в том случае, если сам герцог покинет особняк?

— Если в одиночестве, то ничего.

Керво мог отбыть на встречу с намитцами или, что еще хуже, вообще покинуть Нозарок, вот только посылать за ним Дарзи Валэ — крайне недальновидно. В том, кто выживет, случись поединок, сомнений не возникало, а терять своего капитана Амари не желал, пусть и начал сомневаться в его искренности из-за проклятого сна-видения, посетившего его в герцогском кабинете.

— В таком случае, какой смысл нам оставаться? — Валэ по-прежнему не спорил, только уточнял.

Амари понизил голос:

— Если Керво выедет из особняка во главе отряда, немедленно скачите к коменданту и предупредите барона Милагрина. Мне нужен гарнизон — те люди, которые без сомнений и уговоров поддержат королевскую власть. Пусть они закроют ворота, если успеют, или задержат Керво по возвращении.

— Это опасно, мой принц, по сути... — начал Валэ, но Амари прервал его, нетерпеливо махнув рукой.

— Исполняйте, капитан.

Валэ нахмурился, затем, не дождавшись пояснений, кивнул:

— Мой принц, вы ждете покушения? Но в этом случае я обязан находиться рядом.

— Нет, — Амари взлетел в седло. На самом деле он не думал, будто Керво помчится ловить его. Каков в том смысл? Для убийства герцогу было бы достаточно снова устроить дуэль или быть чуть более беспечным во время их фехтования. — За себя я спокоен.

Злат фыркнул и затрусил вдоль ограды. Валэ подъехал к отряду, приказаний Амари не расслышал, но двое солдат немедленно спешили.

Северный тракт ничем не отличался от южного: уложенная грубыми камнями дорога и стены деревьев вдоль нее. Если только осин и елей стало больше — настоящее темное лесное пение птиц, шелеста и запахов хвои и земли.

— Сколько еще? — Амари тряхнул головой, прогоняя сонную одурь. Поначалу он радовался поездке. Мерное покачивание в седле, негромкие разговоры и теплая погода повышали настроение. Воистину, следовало покинуть неприветливые стены герцогского особняка, чтобы вновь научиться дышать свободно. Однако чем выше карабкалось по небосклону солнце, тем сильнее Амари клонило в сон, и все ближе подступал к тракту лес. Проехать удавалось по двое и то с трудом, ветки цеплялись а одежду и норовили хлестнуть по лицу.

— По прикидкам вот-вот, — отозвался Гистон.

— Странно, — заметил Ульрих. Бывший моряк держался в седле, слегка откинувшись назад, и настороженно поглядывал по сторонам. — Места, эх, глухие, а в Нидосе разбойничков посчитать и нет.

— Зверя боятся, — бросил Амари. Ему сейчас только рассказней о разбойниках не хватало.

— Ох, ваш-выс-чество, — вздохнул Гистон, — не накликали б, а?

Амари поморщился, но ничего не сказал.

Судя по солнцу, они уже должны были доехать, но тракт не раздваивался, и ничего не указывало на близкое расположение человеческого жилья. Но ведь и сбиться с пути они не могли тоже. Селения Нидоса обычно располагались невдалеке от трактов, но никогда не стояли непосредственно на них. Отчего так, Амари смог понять, лишь наткнувшись на жизнеописание покорителей северных земель в библиотеке Керво. Кассийцы при продвижении на север сталкивались с местными племенами некогда считавшихся вымершими угрцев, но не воевали с ними, а перенимали некоторые их обычаи. Угрцы не имели своего государства, жили общинами и селились по берегам рек. По ним и перемещались на лодках или плотах. Кассийцы проложили свои дороги, но шли они вдали от угрских поселений. К сухопутным путям исконные жители Нидоса относились с предубеждением и считали, что тракты очень любят нечистые силы леса, когда как текущая вода отгоняет любое зло.

Дорога вильнула в сторону, огибая овраг, поросший колючей лещиной, пошла вверх и скользнула в сосновый бор. Стало светлее, а едва уловимый аромат хвои понуждал дышать глубже.

— Эй, с дороги! Тпр-р... — окрик отвлек Амари от созерцания гривы собственного жеребца. Он натянул повод и с удивлением воззрился на босоногого мальчишку, невесть каким образом оказавшегося посреди леса. Тот сверкнул на подъезжающих ярко-зелеными глазами из-под закрывающей брови темно-каштановой челки и вернулся к своему занятию — разглядыванию грибного семейства, усеявшего подножие замшелого пня. Шляпки у грибов были рыжими, а ножки белыми с заметными даже с большого расстояния синими вкраплениями.

— Ваш-выс-чество?

Амари кивнул, разрешая; Гистон спешил и осторожно подошел к мальчишке — так, словно тот являлся мелким хищником или вовсе неизвестной зверушкой, которую следует поймать, а не спугнуть.

— Бесполезно, — заметил солдат, присаживаясь на корточки, — они ядовитые.

— В мире Эрохо нет ничего ядовитого или бесполезного, — авторитетно заявил мальчишка, даже не подумавший пугаться и убежать. — Просто есть вещи и растения, применения которых люди еще не ведают.

— Сынишка лекаря, что ли? — хмыкнул солдат.

Мальчишка пожал плечами и почесал кончик носа:

— Можно сказать и так.

— А здесь что делаешь?

— А красивые они, — маленький пальчик коснулся шляпки ближайшего гриба, и та вспыхнула ярко-синим. — Любуюсь.

Амари улыбнулся. Зрелище завораживало, особенно когда остальные грибы, повинаясь странной очередности, также сменили цвет.

— О... — протянул Гистон, — а где Тиенна, случаем, не знаешь?

— Угрчина, что ли? — мальчишка почесал в затылке. — А чего ее искать?

Он поднялся — небольшого роста и очень тонкий — сощурился, внимательно всматриваясь в приезжих. Амари не желал встречаться с мальчишкой взглядом, но у него не вышло отвернуться, его словно пронизало насквозь ледяной иглой. Что-то нечеловеческое, неправильное сквозило в чистых, напоенных весенней зеленью глазах, а еще они напоминали о Керво.

— Только не стоит вам туда соваться. Скверна там уже давно.

— Болеют что ли? — уточнил Гистон.

— Болезни вылечиваются проще, — ответил мальчишка и пожал плечами. — Хотя и так можно сказать, скверну из душ, ею отравленных, вывести сложнее.

— Я должен туда ехать, — сказал Амари. Он вдруг понял, что не сможет ни приказать, ни припугнуть, ни заплатить, сейчас ему или укажут путь, или пошлют в такую чашу, откуда не скоро выберется. Он мог поклясться: перед ним кто-то очень древний, не вошедший не только в легенды, записанные учеными мужами, но и в детские сказки.

Мальчишка снова поймал его взгляд, пробормотав:

— И так можно сказать... можно сказать и так, — и смахнул набок немытую челку. Лоб украшал узкий серебряный обруч с вставленным в него огромным изумрудом. Амари моргнул, и драгоценный камень обернулся листочком подорожника, прилипшим к грязной коже, а метал — полоской ткани.

— Нет ничего проще, — мальчишка мотнул головой, и каштановые волосы скрыли «украшение», затем размахнулся и саданул по пню кулаком. С посеревшей от времени коры осыпался мох, проступили криво начертанные литеры: «Угрчина». Внизу более витиеватым и красивым почерком — «Тиена». Тонкая стрелочка, указывала направо, где не было ни наезженной дороги, ни даже тропинки, а стояли одни лишь строевые сосны, а вдаль угадывался бурелом.

Амари кивнул и полез в висящий на поясе кошелек — кем бы ни являлся мальчишка на самом деле, его следовало одарить — однако державшийся рядом Ульрих перехватил его руку и покачал головой.

— Вот спасибо тебе, — расплылся в улыбке Гистон.

— Ох... да было бы с чего, — проговорил мальчишка, завертелся на месте, расставив в стороны руки, и исчез. Только-только стоял — и нет, расстаял.

— Прощенья прошу, — Ульрих убрал руку и поклонился Амари. — Только не стоит лесному чуду от себя давать даже деньги. Это сейчас он как бы помог, а привяжется, взвоете ж.

— Зеленоглазка, — крикнув, подтвердил Гистон, помянул кровь Творца, но осекся и сплюнул, тотчас осенив себя охранным знаком.

— Он еще первым селенцам дорогу указывал, — Ульрих улыбнулся, — эх, и любит же вас все-таки Эрохо, вашество.

Амари тронул повод Злата. Еще совсем недавно он презрительно рассмеялся бы, узнай о подобной встрече. Белые камни Часовой — данность, о них чего только не понаписано учеными мужами, но ожившие сказки ведь совершенно иное, простецкое и вроде бы даже глупое. А еще суеверия, которым так не хотелось, но, похоже, уже пора начать верить.

Словно вторя этим неправильным мыслям, над головой раздалось карканье. От неожиданности Амари едва не подпрыгнул, настолько громко и словно бы у самого уха заорал ворон.

— Вообще-то я ни во что подобное не верю и вам не советую, — сказал он слишком поспешно, чтобы хоть кого-то убедить.

— Так и мы тоже, — перемигнулись Ульрих с Гистоном. Вид у солдат был заговорщицкий донельзя.

Тиены достигли, когда солнце приблизилось к зениту, а вот чего Амари никак не ожидал, так это столь нерадушного приема. Их ждали. Стоило отряду войти в селение, как из домов высыпали люди с кольями, вилами и рогатинами, трое приземистых широченных в плечах мужиков держали в каждой руке по топору.

— О! Явились, — прошамкал горбатый старик, тряся плешивой головой. То ли движениями, то ли итонациями он очень напоминал старуху с Суконной.

— А чего явились-то? — продолжил широкоплечий мужик в более добротной одежде, чем у остальных.

— Заблудились, наверное? — расплылся в щербатой улыбке третий, и Амари понял, что ошибся: в Нозароке все обстояло иначе.

— Мое имя Амари, я младший сын Алонцо Рейеса — вашего короля. Опустите оружие! — приказал он и, дождавшись повиновения, продолжил: — А пришел я затем, чтобы расспросить вас о случившемся несколько дней назад. Вы обнаружили тело намитца Хормака в реке, его судьба меня весьма интересует.

— Тело-то? — прищурился старик. — Так закопали. А чего ж, хранить его?..

Остальные селяне одобрительно зашумели, кто-то даже рассмеялся. Прихваченный в качестве оружия скарб они, может, и опустили, но держались вызывающе.

— Резонно, — заметил Амари. — В таком случае, я хотел бы поговорить с теми, кто его нашел.

Он почувствовал шевеление позади, но не обернулся: знал, что это свои. Его люди прекрасно вооружены и смогут справиться с горсткой крестьян, необученных драться, но на душе у Амари все равно скреблись кошки, а из головы не шли слова мальчишки о скверне. Омеро ведь тоже о ней говорил, только вначале не нашлось времени расспросить подробнее, а потом он попросту забыл это сделать.

— Так это... — мужик, до того державший топоры, зыркнул по сторонам и селяне принялись отступать к своим домам, некоторые и вовсе юркнули за дубовые двери. — Мы ж всегда гостям рады, вы с лошадок-то слезайте да в дом проходите. У нас он один такой, выстроенный специально для приезжих гостей.

Амари прищурился. Захотелось незамедлительно развернуть Злата и дать ему шенкелей, вот только бежать от крестьян — недостойно не только принца, но и благородного провинциального дворянчика. К тому же, придется вернуться ни с чем.

— Ах... да, прощенья просим! — запричитал мужик, пряча топоры за спину, — а то, как же, тано представился а я, будто камень придорожный, почтения не ведающий! Глава я поселения этого, Эрагом кличут.

Имя показалось Амари странным, но, видимо, мужик унаследовал его от какого-нибудь угрского предка.

— Пошли-те, — Эраг вытянул шею и мотнул головой, указывая направление. Там вдали действительно возвышалось нечто основательное и даже высокое.

Здание оказалось двухуровневым, срубленным из толстых бревен, с узкими оконцами, больше напоминающими бойницы. Амари спешил и, кивнув Гистону, прошел в тяжелую дубовую дверь.

— Мы ненадолго, — предупредил он вопрос Эрага.

— Ну, так... что ж... — расплылся в подобострастной улыбке тот и застыл в низком поклоне.

Ульрих тоже спешил и поспешил в дом, дозволения сопровождать принца он, конечно же, не спросил, но с ним стало немного спокойнее, потому Амари согласно кивнул.

Гостей проводили на второй уровень в просторную комнату с добротным квадратным столом и тремя лавками. Пяток узких окон выходил на крышу сени и козырек крыльца, из них близкий лес и сгрудившийся в кучу отряд были, как на ладони. Солдат, на время взявший на себя командование, спешиться людям разрешил, а отвечать на приглашение «радушных поселян» не позволил.

— Мы ж ученые, — как бы невзначай буркнул Ульрих.

Амари кивнул.

— Располагайтесь-располагайтесь, гости дорогие, — вновь запричитал Эраг. Подобное поведение ему донельзя не шло, казалось, он издевался, но, наверное, не стоило все-таки поспешно делать выводы. — Я распоряжусь и сразу же вернусь! А то какой же разговор без еды да выпивки?

Дверь за ним закрылась. Амари сел и, поморщившись, покосился на окно. Ощущение того, что он сам загнал себя в ловушку, усилилось.

— Да уж... — пробормотал Ульрих. — Нехорошо здесь.

— Отобьемся, — прошипел Гистон.

— Я знаю, — кивнул Амари, хотя точно не испытывал уверенности в этом.

— Вы эм... если начнется, в окно протискивайтесь, — предложил Ульрих, — кость у вас тонкая и гибкость еще мальчишеская осталась, не в обиду будь сказано, конечно. Так вот на крышу и выбирайтесь, а там ребята прикроют...

— А вы? — перебил Амари.

— Отсюда прикрывать станем. Ну, кто ж знал, что так оно сложится? И на еду не больно налегайте, мало ли...

Дверь отворилась, и вошел Эраг.

Амари еще не понял, что произошло, но тело отреагировало мгновенно и само подалось в сторону, то ли благодаря внутреннему напряжению, то ли натренированное утренними уроками Керво. Над правым плечом просвистел широкий охотничий нож и на половину лезвия вошел в стену за спиной. Эраг оскалился, захрипел и сполз на пол — Ульрих достал его кинжалом.

— К окну! — приказал Гистон, и Амари не посмел противоречить. У него и мысли не возникло, кто на самом деле здесь должен командовать.

Скрипнул засов, солдат запер дверь, на некоторое время она сдержит разбойников:

— Ну же!..

Поклявшись самому себе ни в коем случае не оставлять здесь этих двоих, Амари кинулся к окну. Самым сложным оказалось втиснуть в узкую раму плечи, но он справился, пробежал по крыше и прыгнул в седло позади прорвавшегося к дому солдата.

— К бою! — закричал он, впрочем, увидев хмурые сосредоточенные лица и обнаженные клинки, решил больше не командовать. Солдаты сами знали, что делать, отец не просто так отправил в сопровождение именно их.

Селяне высыпали на улицу, помимо разнообразной хозяйственной утвари вооружившись длинными зазубренными ножами. Оружие как две капли воды повторяло то, которое носили намитские гвардейцы, и можно было бы долго рассуждать по данному поводу, но

время не ждало. Разбойники старались их окружить, но солдаты действовали слажено, и дорога к лесу все еще оставалась открытой. Нескольким нетерпеливым и неловким селянам уже достались ранения, остальные предпочитали выжидать. Конечно, кинься они скопом, могли и переломить сопротивление, но слишком уж ценили собственные шкуры.

Со стороны дома раздался шум, затем грохот; потянуло дымом, а потом дверь снялась с петель и рухнула в пыль.

— К лесу, кровь творцова! — заорал Гистон, скатываясь по ступеням крыльца.

С верхнего уровня раздалась выстрелы, и двое разбойников, кинувшихся солдату наперерез, растянулись на земле.

— Ну! — благополучно добравшись до отряда и перехватывая повод Злата, заорал Гистон. — Эрохо вас любит, значит, выберетесь!

— Нет! — вначале Амари вообще решил, что ослышался. — Я один не уеду! Это бесчестно, в конце концов!..

Просвистевший невесть откуда нож клюнул Гистона в предплечье, оставив неглубокую царапину, и упал к ногам. Солдат грязно выругался сквозь плотно сжатые зубы и зашипел уже на Амари:

— Еще как уедете!.. Мы вас охранять поставлены, мы и охраним...

— Одно дело сброд уличный разгонять и совсем другое — разбойников, с оружием управляющихся получше иных наемников.

Амари потащил из-за пояса пистолет и, почти не целясь, выстрелил. Заорала женщина, кинулась к разбойнику, чуть было не метнувшему второй нож, и принялась проклинать душегуба, оставившего ее без «опоры и защиты».

— Никуда. Я. Один. Не поеду! — отрывисто выкрикнул Амари, обнажая шпагу. — Либо мы все отсюда уедем, либо... — договорить он не успел, рука сама рванулась вперед и вверх, отбивая очередной брошенный нож.

Рейесы всегда были воинами, даже когда сидели на троне и управляли страной. Они водили армии, осаждали города, убивали и погибали, и жертвовали, когда смерть единиц могла спасти десятки и сотни жизней. Они никогда не бросали своих людей на произвол судьбы, а ведь и Гистон, и Ульрих, и остальные являлись именно приближенными к Амари телохранителями. Еще он успел подумать о том, что потеря младшего сына несравнима с потерей старших, на политике Кассии она уж точно не отразится, и дал шенкелей Злату, огибая все еще пытавшегося возражать Гистона и занимая место в строю.

Людская волна накатила на отряд — так море штурмует одинокий утес — и схлынула, оставив на земле нескольких убитых. Амари огляделся: из седел не выпал никто. Гистон зажимал неглубокий порез на плече да солдат слева казался неестественно бледным, другие только зло скалились.

Со стороны леса раздался пронзительный свист, однако второй атаки не последовало. Разбойники отступили, некоторые даже юркнули в ближайшие калитки. Вперед вышел широченный мужик с двумя топорами, рядом с ним нарисовался долговязый крепко сбитый парень с кривой моревийской саблей.

Амари зло усмехнулся, покосившись на острие своего клинка. Против такого оружия шпага бессильна. А вот против людей — нет. На замах топора требуется слишком много времени — здесь исход поединка решала ловкость и скорость, надо успеть сделать выпад первым. Противостоять саблисту будет сложнее, но, может, разбойник и не умел фехтовать?

Он спешил, успел даже сделать шаг в сторону разбойников, когда путь ему преградила черная тень. Фьорд каким-то образом миновал и его отряд, и селян — выскочил, словно из-под земли. Восседавший на нем черный всадник даже со спины казался грозным. В одной руке он сжимал шпагу, во второй — пистолет.

— Вон, — коротко и зло бросил Керво, и Амари не понял, кому предназначался приказ, однако кинул шпагу в ножны и отступил, уткнувшись спиной в плечо Злата.

Разбойники попятись. В следующее мгновение прогремел выстрел, и долговязый со стоном осел на землю.

Глава 10

— Рейес! — от злого резкого окрика Амари едва не вздрогнул. — Сейчас же придите в себя! — потребовал Керво и шепотом поинтересовался: — Мне показалось или вы действительно решили устраивать поединки с этой дрянью?

— Показалось, — пробормотал Амари, пытаясь не замечать горящих щек.

Разбойники и не думали отступать. Наоборот, разглядев, что с Керво прибыло не более дюжины человек, подобрались, приготовившись драться.

Все, произошедшее далее, слилось для Амари в бесконечную круговерть из тел, отблесков солнца на стали, лязга и предсмертных вскриков. Его пытались убить, а он колол в ответ, подныривал под чужие клинки, отбивал атаки и уже не помнил, где свои, а где чужие. Если и было что-то, не дающее окончательно сойти с ума, то лишь голос с легким оттенком раздражения и звонкой ярости. Герцог не повышал тона, но его четкие отрывистые команды слышали все.

— Райо, возьми двоих, отрежешь их от реки. Не дать никому сесть в лодку!

В следующее мгновение Амари едва успел отпрыгнуть. Тяжелое лезвие топора коснулось кончиков волос, справа возник один из слуг Керво и вогнал кинжал в бок неудачливому убийце.

— Будь ты проклят, — проговорил тот и рухнул на землю.

Амари завертел головой. Схватка отрезала его от Гистона и остальных. Солдаты добивали десяток разбойников, понадеявшихся отсидеться в лесу. Его же окружали лишь слуги Керво, да и сам тот находился неподалеку. Амари различал знакомые лица и фигуры, но никак не мог вспомнить имен, а Карлоса и Омеро здесь не было.

— Диего, вы с Найо возьмите на себя правые дворы. Там сейчас никого, а лишнее оружие нам не помешает, — а вот Керво помнил всех. И от этого Амари вдруг стало не по себе.

— Омеро! — воскликнул он, наконец, разглядев знакомого сурэйца. — Вы мне нужны!..

Объяснять ничего не потребовалось. Конюх кивнул и пристроился за правым плечом. Краем глаза Амари заметил, как вскинул бровь Керво, и усмехнулся. Вольно ж герцогу думать, что принц Рейес станет отсиживаться за спинами его людей!

На первом уровне гостевого дома обнаружился только наскоро перевязанный разбойник, вооруженный вилами. Омеро, походя, оглушил его и, обгоняя Амари, метнулся вверх по лестнице. Тот заспешил следом, но толком ничего не успел предпринять. Конюх пронесся по второму уровню, словно ураган по полю. Осаждающие уже приоткрывшуюся дверь разбойники даже не поняли, что произошло. Слуга Керво не собирался их звать и затевать неравную схватку, просто подскочил сзади и перерезал горло, кому успел.

Ульриха, живого и почти невредимого, они нашли за дверью. Та оказалась сделана на совесть, как и засов, который начал давать слабинку лишь недавно. У солдата был порезан локоть, правая щека опухала, однако это вовсе не мешало ему скалиться здоровой половиной лица.

— Эко, вашлость, — поприветствовал своего принца бывший моряк. — А вы знатный рубака, оказывается.

— Не сказал бы, — улыбнулся Амари, покосившись на конюха. — Но я же обещал вернуться.

Когда втроем они покинули дом, сопротивление разбойников было сломлено. По широкой улочке, скользящей меж низких заборов, шел Керво, сопровождаемый пятью слугами; остальные, наверняка, проверяли жилища селян и обезоруживали мерзавцев, оставшихся в живых. Гистон во главе отряда двигался навстречу Керво с противоположного конца улочки.

— Убивать, — донеслось до Амари последнее распоряжение герцога. — А тех, кто догадался бросить оружие и просить о пощаде, — тот прищурился, тонкие губы расчертила неприятная усмешка, — следовало бы вешать, но мне не с руки. Заприте в каком-нибудь сарае, подойдет гарнизон — займется.

Один из сурэйцев поклонился и перемахнул через ближайший заборчик — наверняка, унесся передавать остальным герцогскую волю. Амари передернул плечами. После горячки боя, ледяной ветер пробрал до костей.

— Присоединяйтесь, Рейес, — заметил его Керво.

Амари кивнул.

— Благодарю, герцог, вы спасли мне жизнь! — начал он, но Керво лишь фыркнул. — И все же...

— Было бы от кого спасать, — перебил он.

Из грубо сколоченного дома с соломенной крышей выбежала худая женщина в цветастом элалийском платке и, прежде чем ее успели остановить, кинулась им в ноги и запричитала.

Амари вдруг показалось, что он оглох, звуки стали приглушенными, и слова селянки дошли до него не сразу. Он ждал посьб, мольбы, раскаяния, однако женщина обвиняла Керво. Якобы именно по его приказу тиенцы взбуновались. Сам герцог никак не реагировал на сказанное и не пытался остановить ее.

Послышался шум, и Амари оглянулся, ожидая увидеть все, что угодно.

Чем угодно оказался Дарзи Валэ. Капитан привел часть городского гарнизона.

— Ты хотел говорить со мной? — Амари сидел в деревянном кресле у широкого стола в одной из комнат гостевого дома. Недавняя ловушка оказалась единственным местом, где получилось разместиться хоть с малейшим комфортом. По крайней мере, здесь не жили и не хранили награбленное. Солдаты в темно-синих мундирах остановились по обеим сторонам от двери. Доставленный ими разбойник стоял на коленях и, с трудом шевеля распухшими губами, бубнил что-то малопонятное: видимо, просил милости.

Амари пригубил вина из протянутой Валэ фляги и покосился на Керво. После приезда виконта и прибытия нозарокского гарнизона, герцог предпочитал отмалчиваться. Все, чего удостоился капитан — вздернутой брови. Амари, с тех пор как они расположились в доме, услышал лишь пару сухих фраз.

— Итак...

— Ваше высочество! — взвыл разбойник. — Сознаться хочу... Во всем!.. Мы ведь не по своей воле...

Амари вернул Валэ флягу и потянулся к железной перчатке, лежащей на столе. Ее, как и многое другое, отыскиали слуги Керво в одном из домов. Та представляла собой довольно интересное оружие. Вместо большого и указательного пальцев — лезвия, на месте остальных — заостренные крюки, по оторочке — иглы. Надев ее, разбойник обзаводился длинными зазубренными «когтями», торчащими веером. На первый взгляд Амари затруднялся определить эффективность подобного оружия, но неприятный холодок под сердцем у него появлялся от одного только вида. Также он не понимал, почему селяне хватались за топоры и вилы, когда имели подобное.

— Места у нас сами видите какие, — всхлипывая, протянул разбойник, — лета холодные, зимы длинные!.. В город... когда еще выберешься? Да и своих ремесленников там целые улицы. Земля урожая не родит, а одной рыбой жив не будешь. Вот и безобразничали по трактам. Незачем уж отпираться. Было.

— Это что? — кинул перчатку обратно на стол Амари. Заливающийся слезами мужик был старше его втрое и не вызывал иных чувств, кроме безразличия.

— Так... это чтобы зверя изображать, молодой тано. Нас же герцог еще в двупрошлом

аньо нашли. Он-то и дозволил, душегубец кровавый, сказал: зверь быть может, а разбойники — нет. Нас зверьми сделал, но и лихие дела вершить разрешил, все говорил, будто это на пользу краю пойдет. И вообще...

— Хватит! — резко осадил его Амари. — Хоть понимаешь, кого оболгать пытаешься?!

Селянин говорил путано, но не понять смысла его слов не выходило. Чтобы из провинции побежали люди, расшалившихся разбойников мало. Ужас и слухи рождаются там, где беду сеет неизвестное — старые легенды или древнее зло, о котором говорить не принято. Герцогу Нидоса понадобился зверь, и он сделал его из этих людей и с их же помощью избавлялся от неугодных. Например, от этого Хормака, ведь намитец, наверняка, слишком много знал.

— Не вру! — закричал разбойник. — Не за чем мне, тано! Сами посудите, где я и где герцог наш!

— Уведите, — распорядился Амари. — Я все понял.

Он с трудом подавил желание приказать немедленно вздернуть мерзавца на ближайшей сосне. Увы. Разбойник должен свидетельствовать против Керво и убивать его нельзя.

— О... ваше высочество! — закричал тот.

— Жизнь сохранить, — приказал Амари и добавил, чувствуя злорадство, обычно ему не свойственное: — До суда.

— А моя семья?..

Воевать с женщинами и детьми — последнее дело, но говорить это или обещать мерзавцу хоть что-то Амари не желал.

— Ваше выс... — разбойника ухватили под руки и вытащили из комнаты.

— Валэ, проследите.

Капитан кивнул и вышел. Амари бросил затравленный взгляд на герцога, тот оставался безучастен по-прежнему.

— А теперь отвечайте, что вам до меня? И не вздумайте отговариваться родством! — голос сорвался, но Амари не было до него никакого дела. Владетелю Нидоса не раз приходилось становиться свидетелем истерик младшего принца. Потерпит уж как-нибудь очередную. — С какой стати прибыли спасать от своих же сообщников?..

— Потрудитесь ответить сами, — тонкие губы дрогнули, но изваяние так и не удосужилось ожить.

— Скажите, все это ложь? — Амари плевать хотел на то, что его слова звучат мольбой. — Я вам поверю!

— Нет, — резко оборвал Керво. — Вам давно пристало научиться думать, а не верить.

Этого Амари уже не стерпел, да и времени не осталось, потому что вернулся Валэ, а при нем откровенничать не хотелось.

— Веласко, герцог Керво, — услышал Амари свой собственный отстраненный и ровный голос, — вы арестованы и будете сопровождены в Кастеллу. Суд короля определит вашу дальнейшую судьбу.

Тот не повел и бровью:

— Мои люди?

— Отправятся с вами.

— Полагаете это справедливым? — тонкие губы тронула язвительная усмешка.

— Вы все равно в справедливость не верите, — огрызнулся Амари и, выйдя за порог,

бросил ожидавшему в коридоре конвою. — Увести.

Снаружи обиталище деревенского главы мало чем отличалось от остальных одноуровневых домишек. Зато внутри представляло собой нечто несуразное и одновременно роскошное. Стены украшали ковры и гобелены, на них висели картины и оружие. Золотые чаши и кубки занимали все свободные поверхности. Недавний хозяин дома тащил в него все, что казалось ему ценным. О сочетаемости вещей он не имел ни малейшего представления. Неясно, как у него самого в глазах не рябило от подобного разнообразия.

Амари вздохнул, кивнул караулившим арестанта солдатам и толкнул дубовую дверь. Та распахнулась с противным скрипом. Может, Эраг и устроил из своего жилища логово, полное сокровищ, но до бытовых дел не снисходил, проявляя завидную обстоятельность в желании сделать из дома место, в котором неприятно находиться. Наверное, потому герцог и потребовал, чтобы его держали именно здесь, желая насолить Амари еще сильнее.

В комнате чадил свечи, было слишком жарко и душно от пряных моревийских благовоний. Из обстановки кричащей роскоши выбивалась застывшая у окна стройная фигура. Керво скинул камзол, по-юношески тонкий, спокойный и в то же время напряженный, будто натянутая до предела струна. В этой грубой комнате, посреди нарочитого богатства он казался черным бриллиантом, случайно затесавшимся в россыпь стекляшек. Амари подумал, что, содержание в подобном месте должно казаться пыткой, особенно учитывая безупречный вкус, с которым был обставлен особняк Керво в Нозароке.

Обернуться тот не соизволил, но Амари не сомневался: герцог прекрасно слышал, как он вошел. Амари не ожидал увидеть отчаяния или раскаяния — Керво не из тех, кто просит пощады и отказывается от собственных планов, наверное, столь же надменно он станет стоять на эшафоте, перед судьями и королем — однако герцог не мог не понимать того, что проиграл. И, возможно, все же согласится поговорить. Амари с замиранием сердца думал, что властитель Нидоса не избегнет кары, но очень хотел помочь ему.

Ждать далее не имело смысла. Амари откашлялся, привлекая внимание, но Керво до него так и не снизошел.

— Герцог!..

— Разве это все еще мой титул? — лишенным эмоций голосом поинтересовался тот.

— Отменить привилегии, звания и титулы может только его величество, — ответил Амари.

— Вот как, — Керво отвернулся от окна и прошел к стоящей у стены деревянной скамье. На нее он опустился так, словно грубо отесанное дерево являлось не меньше чем драгоценным бархатом и, закинув ногу за ногу и заломив бровь, продолжил: — А я думал, забыли, кто такой Алонцо, а кто есть вы, младшиц принц.

Захватить приличествующие ситуации кандалы никто не догадался. Герцогу Нидоса связали руки впереди обычной веревкой. Его разоружили, но в остальном облик Керво не претерпел изменений. На бледном породистом лице кроме скуки ничего не удавалось прочесть.

— Если бы сейчас мы сидели дома, я предложил бы вам бокал вина, — устало проронил тот и облокотился на гобелен с изображением охоты. Запрокинутая голова закрыла тело летящего над пропастью оленя, потому стрелы охотников теперь целили Керво в шею. — К счастью, это не мой особняк. И я буду вам признателен, если попросите принести хотя бы воды.

У Амари и самого пересохло в горле, а от сладковатого запаха моревийских благовоний заныли виски. Когда один из солдат принес легкого белого вина, пустые глиняные кружки и кувшин воды, Керво поднялся и прошел к столу.

— Прошу вас, герцог. Вина?

Керво качнул головой:

— Северянам не удаются благородные напитки. Особенно светлые. Лоза вызревает плохо. Чтобы избавиться от кислоты, в такое вино добавляют мед, измываясь над вкусом, сколь только можно. Подобным... хм... пойлом жажду не утолить.

Амари наполнил кружки ключевой водой, думал, Керво попросит разрезать веревки, но герцог приспособился и так. Взяв кружку в ладони, словно чашу, он коснулся губами прозрачной жидкости. Пил он неспешно, прикрыв глаза и наслаждаясь каждым глотком.

— Я никогда не думал над этим до недавнего времени, но, возможно, мои родичи-моревийцы не зря называют вино кровью, — проронил он, допив. — У некоторых... она такая же... разбавленная.

Амари прикусил губу. Намек был слишком прозрачен, чтобы его не понять. Раньше он наверняка бы уже кричал и требовал дуэли, сейчас только поморщился. И спросил абсолютно спокойно:

— Вам недостаточно, герцог?

— Благодарю за воду, — Керво осторожно, словно та являлась драгоценным хрустальным бокалом, поставил кружку на стол, тряхнул головой, убирая упавшие на лицо волосы, и вернулся на скамью. — Зачем вы пришли, принц Рейес? Не для того же, чтобы утолить жажду узника?

От этих слов Амари вдруг стало очень горько. Можно подумать, в его отсутствие Керво пытали жаждой!

— Вы не узник и не пленник, — поправил он, — а бунтовщик и изменник.

— Даже так? — Керво слабо улыбнулся и принялся рассматривать свои руки. Так, словно лишь сейчас заметил опутавшие запястья веревки. — И в чем же вы меня обвиняете, юноша?

Амари глубоко вздохнул:

— В попытке отложения от Кассии. В государственной измене. Я же говорил...

Зачем он пришел сюда? — Амари и сам не понимал этого. Все еще сомневался, не мог решить раз и навсегда и знал, что стоит Керво только заикнуться о невиновности, тотчас поверит. Сам разрежет путы. И будь, что будет. Керво столько раз спасал его, а уж если вспомнить каждодневные уроки фехтования... забыть о насмешках и издевках, которые, стоило отринуть излишнюю гордость, больше не казались оскорбительными...

— Смешно, — прервал его размышления герцог все тем же лишенным эмоций и интонаций голосом. — И на кой оно мне сдалось?

— Вам претит подчиняться нам, Рейесам, — ответил Амари и сам удивился, насколько неправдоподобным показалось это объяснение.

— Мой отец до последнего поддерживал короля, — заметил Керво. — Впрочем, вам вряд ли известно об этом.

Как же он заблуждался на этот счет! — Амари едва не высказал это вслух. Зато выкрикнул другое:

— Вы, а не ваш отец!

— Какая здравая мысль, — тем же тоном Керво отпускал ехидные замечания во время их совместного фехтования и хвалил, когда Амари удавался какой-нибудь сложный финт или атака. — Вы, замечу, тоже не Алонцо. К счастью, и не Аларо.

— Но на вас указали!

— Разбойники? — он поднял взгляд от запястий, и внимательно посмотрел на Амари. Так же Керво вел себя в странном бреде, привидевшемся принцу накануне. Сон оказался вещим. В нем герцог тоже был схвачен. Правда, сейчас его не собирались казнить, а только препроводить в столицу.

— Зато вы станете причиной... — начал он и махнул рукой, — впрочем, это неважно.

Все было неправильно, нелепо, глупо, не так, как должно. Он мечтал раскрыть заговор. И обвинить Керво тоже хотел. Но не думал, что от сбывшихся мечтаний станет столь невыносимо плохо.

— Не бледнейте, Амари, я на вас не в обиде, — усмехнулся герцог. — Когда решите вернуться в Нозарок, не забудьте сопровождение. И... чувствуйте себя в моем особняке, как дома. Слуги предупреждены оказывать вам почтение.

— Если вы скажете, что невиновны, не собирались бунтовать и не имеете к этим разбойникам никакого касательства, — на мгновение показалось, Керво готов это сделать, — я немедленно сниму с вас все обвинения. Мы вместе вернемся в Нозарок. Я не желаю вам смерти, поймите!

— Опять вы об одном и том же.

Амари было уже безразлично: пусть смеется, ехидничает, оскорбляет. Да хоть на голове ходит!

— Поклянитесь, что никогда не желали отложиться от Кассии!

— Не хочу, — оборвал его Керво и устало смежил веки. — Будьте столь любезны, освободите меня от вашего общества. От нытья у меня уже раскалывается голова. Вы бы еще руки заломили, подражая прелестной баронессе. И впредь об этом даже не заикайтесь!

Амари подавился словами, откашлялся, сосчитал до десяти и медленно поднялся:

— Скажите...

— Я уже говорил, что не намерен очернять ваших людей. И ставить вас перед выбором кому следует верить, а кому нет, тоже не собираюсь, — и со злостью бросил. — Убирайтесь!

— Значит, все правда, — произнес Амари, развернулся, вышел, громко бухая каблуками, печатая шаг, словно солдат на параде. Грустной улыбки и блеснувших странным зеленоватым отсветом глаз, он уже не увидел.

Глава 1

— Ваше высочество!..

Амари недовольно передернул плечами. После разговора с Керво ему никого не хотелось видеть:

— Слушаю.

— Дозволите сопровождать вас в город?..

Амари оставил в покое подпругу Злата и обернулся. Облаченного в темно-синий мундир крепкого сорокалетнего мужчину он видел впервые. При довольно простецкой внешности тот имел удивительную особенность: несмотря на очень темную, почти черную шевелюру, у него росли усы соломенного цвета.

— Дозволю, — Валэ с отрядом он оставлял в селении с приказом глаз не спускать с Керво, а после сопроводить того в Кастеллу. Не то, чтобы Амари не доверял солдатам, прибывшим из Нозарока, но те все-таки являлись нидосцами и знали своего герцога порядком давно. Среди них могли отыскаться как те, кто сочувствовал Керво, так и те, кто ненавидел его и кому приказ заезжего принца не казался сверхважным. Сам Амари намеревался захватить в город, подготовить все бумаги и догнать Валэ по дороге. — Возьмите человек тридцать.

— Слушаюсь!

— С нами отправятся раскаявшиеся разбойники, готовые свидетельствовать против герцога Керво.

— Да, мой принц! — офицер поклонился и умчался исполнять. Радости на его лице изрядно поубавилось.

Амари покосился на солнце — нужно спешить, если он хочет въехать в город до заката. Хорошо, если этот соломенуусый знает дорогу, а то придется заночевать в лесу.

— Мой принц?..

Амари вздрогнул и с досады зажмурился. Если так пойдет и дальше, он скоро начнет шарахаться от каждой тени.

— Я слушаю вас, капитан, — голос, однако не подвел, прозвучал ровно с легким оттенком заинтересованности.

— У этого дуралея семья в Нозароке, не судите его строго, — Валэ где-то оставил шляпу, не считая этого, выглядел капитан, как всегда, безупречно. Хоть сейчас на смотр войск: мундир застегнут на все пуговицы, рубашка под ним белоснежная и сапоги блестят, несмотря на скачку по лесу и хождение по сельским дорогам, не отличавшимся чистотой.

— И не собирался, — заверил Амари. — Его можно понять: вряд ли, прискакав в казармы, вы сообщили офицерам о том, что им придется прогуляться до столицы, — и вновь вернулся к подпруге, та могла лопнуть в любую минуту, а там и упасть недолго — на полном скаку да об дерево. Мысль о том, что так бы ему и надо, доставила Амари какое-то странное извращенное удовольствие. Ощущение допущенной ошибки силилось, время тянулось мучительно и одновременно бежало слишком быстро, и, самое неприятное, ничего теперь не удалось бы исправить.

— Вы задумали опасное дело... — начал капитан.

— А вы предлагаете все бросить на вас? — оборвал его Амари. — Вознамерились тащить в Кастеллу арестованного совместно со свидетелями обвинения?

Сказано было слишком резко, но подбирать слова и казаться вежливым Амари больше не собирался. Он здесь командует! И принц, в конце концов, тоже он! Его приказы должны выполняться, а не обсуждаться.

Физиономия Валэ вытянулась и застыла в изумлении, как показалось, искреннем. Раньше Амари порадовался бы выражению лица капитана, но не сейчас.

— Вы столь долго твердили мне о способностях герцога, что я поверил в них, — сказал он. Губы сами собой застыли в злой усмешке, точно такая же обычно замерзала на лице Керво. — С него станет сбегать и прикончить всех разбойников, — он едва смирил смех, представив себе эту картину. — Я всего лишь не хочу лишних жертв.

Валэ приподнял брови. Стоило бы сказать еще какую-нибудь чушь, но Амари слишком устал для этого:

— К тому же, капитан, я не верю ни одному их слову.

— Потому спешите в Нозарок? Намерены допросить мерзавцев еще раз? — Амари предпочел промолчать, Валэ же кивнул собственным мыслям и наконец совладал с лицом: — Я тоже склонен думать схожим образом.

— Значит, мне не придется говорить о необходимости не только стеречь и следить за Керво, но и охранять его от любой опасности.

— Конечно, — подтвердил Валэ. — С головы Веласко и волос не упадет.

— Я только что обезглавил целую провинцию, не говоря уже о крупнейшем городе Севера. Придется проследить, чтобы в отсутствие Керво, ничего не загорелось, не разбилось, не кануло в Ничто или вообще не исчезло.

— А сам Веласко... — нахмурился Валэ, — что говорит он?

Амари хмыкнул, не ответив. На краю поселения соломенноусый офицер уже выстроил связанных разбойников и приставил к ним охрану.

— Прощайте, капитан.

Дарзи проводил взглядом удаляющуюся спину Рейеса. Мальчишку одолевали невеселые мысли, но делиться ими с «верным другом» он не спешил. Ну и пусть. У Дарзи имелись все основания полагать, что до Нозарока тот не доедет.

Глупый. Гордый. Кичливый. Несдержанный... Впрочем, под конец мальчишка сумел удивить. Дарзи даже с лицом не совладал. Конечно, люди в возрасте младшего Рейеса меняются быстро, но не настолько же. Раньше от щенка ничего кроме виляния хвостом ожидать не приходилось, а сегодня он начал показывать зубы и приказывать. Может, второго Алонцо из него и не вырастет, но лучше не проверять.

Дарзи повернулся и быстрым шагом направился к дому бывшего главы Тиены. Достиг он его вовремя: как раз, чтобы окликнуть направляющегося в этот самый дом Гистона. Оставшийся без работы телохранитель принца держал в одной руке кувшин с водой, а во второй — котелок с только поспевшей кашей.

— Куда вы, солдат?

— Узнику отнести, — ответил тот, — егейные-то слуги все уже отобедали, да и в доме этом не продохнуть. Ульрих был, так потом едва полведра не выхлебал, наверняка и герцог жаждой мается.

Дарзи кивнул и забрал у солдата кувшин:

— Моревийские благовония... они такие. Особенно с непривычки. Вы свободны.

Гистон поклонился и ушел, унося с собой кашу.

Веласко сидел у наглухо закрытого окна. Солнечный луч, скользя по щеке, слегка золотил бледную кожу. Тень, отбрасываемая притолокой, отчетливее прорисовала шрам на правом виске. Керво казался неприлично молодым, на скрип двери он, конечно же, не отреагировал и продолжил изображать бездушное изваяние.

Дарзи подошел. Вблизи застывшая фигура показалась более человеческой: резче обозначились черты, под глазами залегли тени, а черные провалы зрачков расширились,

будто у проклятой кошки, изгнавшей из мира Эрохо правиц. Отрешенный. Невидящий. Полубезумный взгляд...

Когда Рейес ушел, Дарзи приказал надеть на Веласко кандалы, сейчас же он подумал, что поторопился. Тяжелые железные браслеты, которые обычному узнику перетянули бы запястья, доставляя дополнительные неудобства, Веласко оказались впору. Он даже обрел некоторую свободу в сравнении с туго связанными руками — насколько позволяла длина цепи, разумеется. В одной руке он держал изящную курительницу тонкой моревийской работы. Она словно вся состояла из переплетающихся серебряных нитей, по ободку шла золотая кайма, инкрустированная аквамарины. В другой вертел цветок. Похожие во множестве высыпали на лугах в середине поланьо верано, однако были белыми, тогда как этот — ярко-синего цвета.

— Приближаешь очевидное? — поинтересовался Дарзи.

Герцог поморщился. У Дарзи и самого уже начинало гудеть в ушах: цветок-то являлся очень непростым, и в душной комнате его аромат лишь усиливался. Чтобы приостановить отравление, он наполнил водой из принесенного с собой кувшина стоявшую на столе кружку. Пригубил. Безвкусная жидкость, внезапно показалась терпче самого изысканного вина. Пить следовало маленькими глотками, а дышать медленно и ровно.

— Маркиз Нозарок, — проговорил Дарзи, ухмыляясь, — то есть, его светлость герцог Нидоса... не желаете объясниться? Быть может, я расскажу о вашей дальнейшей судьбе.

— Вам угодно говорить со мной? — скучающим тоном проронил Веласко и положил цветок на подоконник, туда же поставил и курительницу, над которой вился сизый дымок.

— Я, вероятно, соскучился, — пожал плечами Дарзи.

— Разве? — тон не изменился. — Кажется, вы прискакали еще днем.

— Мы не виделись столь долго и расстались врагами. Тогда ты сказал... чтобы я покинул Нозарок и никогда более не появлялся на твоём пути? Знаешь, в столице можно всяко лучше устроиться, чем здесь, — Дарзи допил воду и наполнил кружку вновь, с удовлетворением увидев, как Веласко отвел взгляд. Его наверняка мучила нестерпимая жажда.

Как только наследнику исполнилось четырнадцать, герцог Рикардо принялся учить его науке о ядах. А Веласко, в свою очередь, обучил кое-чему лучшего друга. Знатным отравителем Дарзи к своему неудовольствию не стал, однако кое-что запомнил.

— Одного глотка настоя сегеры и габесы достаточно, чтобы свалить здорового человека на месу, — заметил он. — Если же смесь этих трав поджечь, у несчастного, вдыхающего ее пары, начнется сильное обезвоживание, потом — головные боли, головокружения и, наконец, лихорадка. Как ты себя чувствуешь, Бласко?

— Никогда! — холодно произнес тот. — Не смейте называть меня этим именем.

Дарзи пожал плечами и пригубил из бокала:

— Воды?

Веласко качнул головой и отвернулся.

— Ты так и не научился выбирать друзей, — заметил Дарзи. — Вероятно, тебе будет забавно услышать, что Рейес согласился с моими доводами? Он в курсе яда.

— Чушь.

— До Кастеллы ты не доберешься.

— А это не имеет значения, — Веласко устало прикрыл глаза и провел кончиками пальцев по припухшим векам.

— Ты столько раз спасал этого щенка. Неужели не обидно? Я все ждал, что мальчишка решит тебя спасти, но он так и не отважился.

— Юноша придумал себе обязанности и им следует, — губы Веласко тронула легкая улыбка. — Я не уверен в том, что принц так уж и неправ.

— Он предал, — напомнил Дарзи.

— Принц ничего мне не обещал и, тем более, ни в чем не клялся, — он открыл глаза, оперся рукой о подоконник и поднялся; отойдя от окна, медленно опустился на скамью. — Зачем... так? Я имею в виду яд. Неужели вам, виконт, столь важно под конец меня унижить?... Или, может, происходящее не что иное, как извращенный акт милосердия? Тело, измученное ядом, не столь сильно страдает от пули, пронзающей грудь, или веревки, обвившей шею?

— Простое человеческое злорадство, — пожал плечами Дарзи. — Я тоже позволяю себе слабости. Кстати, Рейес уехал один, если не считать тридцати солдат гарнизона и кучки разбойников.

— Если он сглупил, то при чем здесь, право, я? — рука потянулась к распахнутому вороту рубахи, но остановилась на полпути.

— Думаю, больше мы о нем не услышим, — добавил Дарзи.

Веласко повел плечом, ничего не ответив.

— Но ты едва ли его переживешь. Я лично прикончу тебя. Завтра! Утром!

— Злорадствуйте, виконт, — без тени эмоций в голосе проронил Веласко. — Более мне нечем вас порадовать.

— Ты лишил меня всего! Общества! Уважения! Собственной семьи...

— А вы меня... отца, — прошептал Веласко, закрывая глаза. Изящная рука обессилено упала, из-под железного браслета оков стекала тоненькая струйка крови.

Под копытами хрустели опавшие ветки, трава сливалась в сплошной зеленый ковер с длинным ворсом. Они спешили. Двигались облегченной рысью. Благо, что разбойников удалось посадить на телегу, и тем не пришлось бежать. Солнце стояло еще высоко, но все понимали — до ночи Нозарока не достигнуть.

Амари ехал, тщетно пытаясь выглядеть спокойным. Брови, несмотря на все усилия, сходились на переносице, а рука судорожно сжимала повод. К безрадостным размышлениям и плохому предчувствию прибавилось еще и смутное узнавание. Он однажды уже ехал так же по лесу, и пусть тогда дорогу освещали факелы, за спиной не тряслась телега, а сам он называл себя другим именем, ощущения были схожими. Он на всю жизнь запомнил, как убивали герцога Рикардо, и нисколько не удивился, когда путь отряду преградило упавшее дерево.

— Спешиться! Шпаги из ножен! — услышал он собственный абсолютно спокойный голос. Но сам выполнять свои же распоряжения не стал.

Он послал Злата вперед, как только заметил выплывшую из тени листвы закутанную в темный плащ фигуру, выхватил кинжал и метнул в незнакомца. Острие проникло в основание шеи по рукоять, но крови так и не появилось, из раны вырвался лишь зеленоватый туман.

Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом подпрыгнуло и бешено заколотилось в горле. Раньше Амари плохо запоминал сны, невыносимо яркими они стали только по приезду в Нозарок, и практически в каждом кошмаре он видел темные плащи и туман — нелюдей, желающих его смерти. Единственным, кто их отгонял, оказывался Керво, но сейчас герцога рядом не было.

За спиной отчаянно выругался соломенноусый офицер. Амари только сейчас понял, что с того момента, как упало дерево, до оседания на землю туманной твари словно оглох. По ушам ударили людские крики, лязг стали, и вопли ужаса. В руке сама собой оказалась

шпага. Прежде чем он смог понять, что творит, лезвие погрузилось в шею очередного нелюдя.

Амари ждал боли и головокружения, судороги и сковывающего тело холода — он слишком хорошо помнил свои ощущения в оказавшемся реальностью бреду. Он проболев несколько дней после этого. Сталь не несла тварям смерть — это он тоже прекрасно запомнил — те сами отравляли через прикосновение. Но Амари ничего не почувствовал, зато нелюдь осел на миг пожелтевшую траву и изошел туманом. Шпага, подаренная ему Керво, отливала синим серебристым сиянием, на кончике острия застыл отблеск закатного солнца.

Злат шарахнулся в сторону, встал на дыбы, сделал свечку и вдарил задними копытами по очередному нелюдю. Подковы отливали таким же синевато-серебристым сиянием, что и шпага, не иначе Омеро водил его перековывать. А вот остальным не везло. Солдаты сопротивлялись, но почти ничего не могли противопоставить тварям. Выстрелы. Крики. Ужас на лицах. Амари пришпорил Злата, конь отчаянно заржал и перемахнул через поваленный древесный ствол. Копыта глухо простучали по лесной дороге. Если Амари не ошибся, нелюди пойдут за ним, и тогда хоть кто-то из солдат спасется.

Скачка продолжалась недолго. Вскоре черные фигуры окружили и начали медленно приближаться. У тварей не было понятия о чести, они не собирались нападать поодиночке. Амари спешился, ударив кулаком по лошадиному крупу — больше Злат ему не помощник — конь всхрапнул и сорвался с места, проскочив между двумя нелюдями и скрывшись в лещине. Амари выстрелил в ближайшую тварь, отбросил бесполезный пистолет и завертелся на месте, не давая подобраться к себе со спины. Конечно, надолго его не хватит, но все же... все же...

«Пока я двигаюсь, живу», — была ли то мысль погибшего Рикардо Керво или его собственная, Амари так и не понял. Он отскакивал в сторону, колол, уклонялся, вскрикивал от прикосновений тварей — уже не ядовитых, но режущих не хуже клинков. Всадил острие под капюшон очередному существу и понял, что уйти от следующего удара уже не успеет.

Нелюдь, поняв это, приблизился еще на шаг — чтобы действовать наверняка. Скрытая тканью плаща то ли рука, то ли лапа, то ли щупальце взметнулось, метя в шею, но рассыпалось лохмотьями тумана, встретившись с чужим сияющим клинком.

Амари обернулся. Пока он сражался в одиночестве, усталости и боли не ощущал, сейчас же точно почувствовал — еще немного и рухнет. Прикрывая его спину, на лесной поляне бился Винто Осадиа. В его руках мелькали кривые сабли, чем-то напоминающие моревийские, на губах играла улыбка, а глаза горели нечеловеческим синим огнем.

«Ветер — вспомнил Амари. — Он сейчас Ветер!..»

И это было последнее, о чем он вообще смог подумать.

Солнце окончательно скрылось за деревьями, когда Амари открыл глаза. В первые мгновения ему показалось, будто он умер, потом ощутил пронизывающий до глубины души холод, а затем — такую боль, что не удержался от стона. Ломило все тело, не было участка кожи, который не саднил бы.

Он попытался приподняться и громко вскрикнул. Перед глазами потемнело, а горло сдавили невидимые пальцы, но позволить себе снова упасть в мнимо-заботливые объятия беспамятства он не мог. Амари сжал кулаки и постарался сосредоточиться на дыхании. Отец часто повторял, что частые короткие вздохи — порок, как лошадей, так и людей, однако это же и спасение, когда нужно перетерпеть боль.

Амари вдыхал носом и выдыхал ртом. Дышал очень часто, но ровно, ни в коем случае не заполошно. И медленно, невыносимо медленно приходил в себя.

На небосвод высыпали скудные звезды. Где-то на границе слышимости завыл волк, но не вызвал беспокойства: Амари почему-то не сомневался, что к нему не подойдет ни один лесной хищник. С ним до утра ничего плохого не случится. А может, не только до утра, но и вообще. Уже засыпая, он почувствовал, как щеки коснулось мягкое, пушистое и, кажется, улыбнулся. Он помнил: где-то рядом сражался Винто, знал о необходимости

вернуться к солдатам, но пока подняться был неспособен. А раз так, то стоило лежать и набираться сил.

Кажется, под утро, когда окружающий мир утратил краски — стал черно-белым, зато очень четким — приходил «сын лекаря». Амари тогда здорово удивился — все вокруг бесцветное, а глаза у духа леса по-прежнему ярко-зеленые. Он даже сказал это вслух — насколько получилось, конечно, потому что язык отказывался ворочаться. Зеленоглазка покачал головой, сказав, что если Амари не поторопится, то непременно опоздает, заставил съесть шляпку изменяющего цвет гриба и запить водой — странной, необычно сладкой. Потом Амари на мгновение прикрыл глаза, а очнулся уже под темно-синим небом.

Начинало светать, под кронами деревьев щерились тени и больше не казались неопасными. Амари зябко передернул плечами и закашлялся. Он всю ночь пролежал на голой земле и, конечно же, продрог, зато боли больше не чувствовал. Подняться удалось на удивление легко. Он немного прошел, осматриваясь... и застыл. На ворохе прошлогодних листьев лежал грязный меховой клубок. Рыжая шерсть свалялась от крови, лис был мертв и смотрел на него остекленевшими синими глазами Винто Осадиа.

За спиной раздался топот и фыркание. Злат, живой и невредимый, явился за хозяином. Амари положил лиса в притороченную к седлу сумку и забрался в седло. Злат мотнул головой и бодро пошел по лесной дороге: сначала быстрым шагом, потом рысью и, наконец, галопом. Упавшего дерева он достиг быстро.

Соломеноусый офицер растянулся на земле. В груди зияла глубокая рана, и ее явно нанесли не твари. Кто-то напал на отряд уже после того, как Амари увел за собой нелюдей, и действовали неизвестные обычным оружием, вполне человеческим. Залитая кровью дорога, крепко сжатые в ладонях мертвецов рукояти, злая уверенность на замерших серых лицах — все лишь подтверждало это предположение. К тому же, кроме темно-синих мундиров гарнизонных солдат мелькали и серые одежды.

Амари спешил, нагнулся над одним из неизвестных, ухватил за плечи и с силой перевернул. Чуда узнавания не произошло — он видел его впервые в жизни. А вот надетую на левую руку разбойника перчатку — нет. В точно таких же ходили на неугодные Творцу дела селяне Тиены. Несомненно, герцог Керво мог найти еще кого-нибудь для исполнения роли зверя, однако в подобные совпадения Амари не верил.

Он не сразу расслышал тихий стон. У перевернутой телеги, залитой кровью, лежало несколько связанных тел. Разбойников добивали, когда окончательно подавили сопротивление солдат, но одному повезло выжить... хотя Амари и не хотелось называть так то, что с ним случилось.

Когда телега перевернулась, разбойник из нее выпал. Весьма неудачно: нога попала в колесо, а потом его еще и сверху придавило бортом. Скорее всего, селянин потерял сознание, напавшие посчитали его мертвым и решили не возиться.

— М... при...нц... — прошептал разбойник.

Амари ничем не смог бы ему помочь, даже если бы прекрасно знал искусство врачевания. Несчастному разворотило ногу и переломало ребра, одежда промокла от крови, в боку торчала металлическая спица. Разбойник, насколько смог, запрокинул голову, гримаса боли исказила его лицо. Это был тот самый человек, который обвинял Керво.

— Ппо...йди...т... — прохрипел он, и Амари приблизился. — По...в...ниться.....очу.

Амари отстегнул флягу и встал на колени перед несчастным, но тот отказался от питья.

— Ум...ру ж, — просипел он, — а мне ска...ть на...до.

Амари кивнул и подался вперед.

— Нет ви...ны на...ерцог...ашем, — разбойник из последних сил постарался, чтобы слова прозвучали отчетливо. — Прос...те...

— Прощаю, — прошептал Амари, глядя в стекленеющие глаза, устремленные в синее

утреннее небо.

Хотелось бы не видеть окружающего безумия, но он заставил себя смотреть: на пожухлую траву, на исполнивших свой долг, но все равно погибших глупо и ни за что солдат, на разбойников, которые заслуживали казни, но не такой смерти... А еще он вспомнил о человеке, которого незаслуженно приговорил. Амари не должен был достичь Нозарока. А Веласко Керво не доберется до столицы.

Закрыть глаза мертвецу было трудно. Прикоснуться к еще теплomu телу казалось почти невозможным, но Амари себя пересилил. По-хорошему, следовало бы придать тела земле, но Амари в одиночку не управился бы и за три дня. К тому же, у него появилось дело, настолько неотложное, что если не успеет, останется только застрелиться.

Глава 2

Ночь сменилась рассветом, вяло шептались кроны деревьев, с реки тянуло промозглой сыростью, дома стояли понурые и осиротевшие. Вряд ли в них кто-нибудь поселится теперь, когда почти все мужское население Тиены ждет каторга, если не виселица. Женщины и дети уйдут в город или прибьются к деревеньке поблизости, а, может, и вообще уйдут из Нидоса.

Дарзи судорожно передернул плечами, сильнее кутаясь в плащ, надвинул на глаза шляпу и кивнул солдатам. Их набралось не более десятка — тех, кто отважился поднять оружие на своего герцога и выстрелить. Бастиан уверял, что все, отправившиеся в селение, питают к герцогу Веласко лютую ненависть. Барон сам их отбирал — и не один год. Только толку? Керво слишком боялись. Верные ему силы остались в Нозароке, но от этого Дарзи было нелегче: слишком нерешительными оказались те, кто захотел предать. Случись что, они побегут не первыми так вторыми, а в авангарде будут... намитцы, скорее всего.

Кесарийцы весьма щедры, но зря они думают, будто смогли купить его верность. Если по какому-то ужасному стечению обстоятельств затеянное не удастся, прикрывать их спины Дарзи не будет. В его прошлом и так слишком много роковых случайностей и возмездий. Когда убивали предыдущего герцога, Веласко тоже пытались устранить. Не вышло. И под ударом оказались вовсе не кастеллские вельможи или посол кесарии, а виконт Валэ. И хорошо, что для него все обошлось лишением наследства и ссылкой, можно же было и шею свернуть. После спешного бегства из Нидоса положения капитана гвардии его величества он добивался целых десять лет! И помощи ему никто не оказывал.

Безупречный офицер с безупречным послужным списком и безупречными же связями. Дарзи даже интрижку с чужой женой не мог себе позволить, зато имел неплохое жалование, уважение сослуживцев и доверие со стороны вышестоящих офицеров. И теперь все это вновь висело на волоске. Вовсе не потому, что он счел себя патриотом родного края или, наоборот, шпионом Намита, и не из-за его нелюбви к сурэйцам на троне, а только лишь по вине ненависти к бывшему другу.

Дойдя до дома Эрага, Дарзи потянул на себя дверную ручку и, оставив конвой мерзнуть под начинающимся дождем, вошел, преодолел недлинный коридор и толкнул еще одну дверь.

— Веласко, герцог Керво! — крикнул он, прежде чем войти в комнату, сыгравшую роль камеры, а затем и пыточной. — Именем его величества Алонцо Первого Рейеса и по приказу его сына принца крови Амари Рейеса вы приговариваетесь к смерти.

Дарзи ожидал чего угодно: вплоть до обнаружения уже остывшего трупа или побега. Так же он рассчитывал на то, что Веласко еще не очнулся, ведь яд на него пусть и медленно, но действовал. Не ждал он, пожалуй, лишь одного — бывший маркиз Нозарока не стал бы просить пощады.

— Насколько понимаю, казнь состоится прямо сейчас? — он стоял у окна в той же позе, в которой Дарзи застал его накануне. Ночью его расковали: метавшийся в бреду арестант мог себя искалечить. Не то, чтобы Дарзи было до этого дело, но он опасался — вдруг кого-нибудь из ближайшего окружения слишком уж озаботят мучения герцога Керво? Он решил до последнего создавать видимость благополучия, даже стрелки узнали о предстоящей экзекуции только утром. Он отбирал их как конвой сопровождения, лишь мельком касаясь темы казни.

После суматошного дня, неприятного вечера и невыносимой ночи Веласко выглядел так, словно только покинул свой особняк. О вчерашнем напоминала только сильная бледность и тени, отчетливее проступившие под глазами. Он всегда прятал эмоции за безупречностью одежд и собственной внешности — Дарзи об этом слишком хорошо помнил, чтобы удивляться или негодовать, он, скорее, восхищался. Веласко превзошел сам себя: надменное выражение лица, подчеркнуто-вежливый тон, леность и в то же время легкость движений. Даже несвежая рубашка выглядела на нем белоснежной.

— Абсолютно верно, — улыбнулся Дарзи. — Я, собственно, за тобой.

Веласко коротко кивнул, надел камзол и водрузил на голову широкополую шляпу с павлиньим пером. Ощущение того, что он собрался к королю, а не на собственную казнь в грязной разбойничьей деревне, возросло.

— Мне ничего не понадобится? — отстраненно поинтересовался он, скользнув взглядом по комнате, словно чего-то искал.

— Разве лишь повязка на глаза, — усмехнулся Дарзи. — Ты рассчитываешь прихватить с собой на тот свет что-нибудь ценное? — спросил он и застыл под пристальным, будто прожигающим, взглядом.

— Я?.. Нет, виконт, что вы? Мне просто вспомнилось: палачи, практикующие утопление, обычно заставляли приговоренных писать записки духам вод. Впрочем... это было давно: когда по Кассии прошла мода следования верованиям исконных нидосских племен. Как-никак мы в Угрчине.

Дарзи поднял брови и пожал плечами.

— Давно, — повторил Веласко, — даже не при прадеде.

Дарзи ожидал колкости или хотя бы усмешки, но герцог остался совершенно серьезен.

— С чего ты решил, что я тебя утоплю?

Веласко повел плечом:

— А разве не так вы рассчитывали обойтись с Амари? Путь-то уже проторенный: торговцы из Париса, несколько прознатчиков Алонцо, не заслуживающие доверия намитцы... этот Хормак, — он слишком глубоко вдохнул и закашлялся, на мгновение прикрыл глаза, провел по припухшим векам кончиками пальцев. — Сколько их было, виконт? Даже на таком мерзавце, душегубе и предателе светлой юношеской дружбы, как я, висит гораздо меньше.

— Тебя расстреляют, — зло бросил Дарзи.

— Даже не повесят? — Веласко приподнял бровь, выказывая удивление. — Почти королевская смерть. Вы на удивление человеколюбивы и милосердны сегодня.

— А ты болтлив и словоохотлив! Что, между прочим, тебе несвойственно, — не выдержал Дарзи и рявкнул: — П...шел отсюда! — он посторонился, пропуская Веласко вперед, и с ожесточением хлопнул дверь.

— Такое случается с приговоренными, — язвительно бросил тот.

Больше он не проронил ни слова, не торопясь вышел, окинул холодным взглядом своих будущих убийц, позволил себя связать и с высоко поднятой головой прошествовал к месту казни.

Сильнее всего Амари боялся заблудиться. Лес вокруг выглядел чужим и враждебным, ветви нависали над дорогой и, казалось, стремились дотянуться до него — скинуть с седла и извальной в пыли или хотя бы побольнее оцарапать. Глубокий порез на щеке горел, в волосах запутались листья, но он и не думал сбавлять темп. Небо уже почти посветлело, а Амари все никак не мог найти валун. Если бы сейчас ему встретился зеленоглазый дух леса, то душу свою отдал бы, не задумываясь, только бы тот показал путь, лишь бы не дал сбиться с дороги и помог успеть вовремя. Но душа подлеца и убийцы, пусть и нечаянного, духу леса оказалась без надобности. Наконец Амари не выдержал: свернул, не дожидаясь камня, положившись на одно лишь наитие, пролетел сквозь кусты и выметнулся на высокий берег Мирросы.

Хмурилось небо, внизу катились темные воды, и холодный порывистый ветер налетал от реки. Он словно хотел оттолкнуть застывшую у самого обрыва стройную фигуру в черном камзоле. Керво! Бледный, с распущенными иссиня-черными волосами, тонкие губы искусаны в кровь, а взгляд — яростный. Его убийцы стояли к Амари спиной: десять солдат, десять мушкетов, и капитан Валэ, уже занесший руку.

— Г...отовьсь...

— Нет! Отставить! Сейчас же!.. — выкрикнул Амари и пришпорил Злата.

Конь ринулся вперед, проскакал меж двух ближайших солдат — Амари показалось, что он коснулся их мысами сапог — и неистово заржав, встал на дыбы.

Валэ резко опустил руку с громким отрывистым:

— Пли!..

Амари не слышал стрельбы — только шум собственной крови в ушах, зато видел дымные облачка, поднимавшиеся над мушкетами — не над всеми, из десятка солдат повиновались приказу только двое. Одна из пуль чиркнула его по уху, вторая пролетела мимо. Амари обернулся, замирая от ужаса. Он уже представлял бездыханное тело или и вовсе никого: герцог мог упасть в воду. Но Керво остался жив и невредим, пуля лишь срезала прядь черных волос.

— Оружие убрать!.. — Амари не столько произнес эти слова, сколько прошипел. На смену страху пришел холодный расчетливый гнев и обжигающая ярость. Пламя и лед — кто сказал, что они не союзники?

Солдаты подчинились безоговорочно. Побледневшие, осунувшиеся, видимо, не каждый день им доводилось расстреливать герцогов и королевских особ.

— Сильное упущение, капитан, — выдавил Амари сквозь стиснутые зубы, — людей следовало муштровать тщательнее.

— Я передам ваши слова барону Милагрину, — пообещал Валэ. Он уже понял, что проиграл, но держался достойно и не просил милости.

— Не придется, — и, взглянув на солдат, коротко бросил. — Взять!

Двое отступников покосились в сторону своего бывшего командира. Быстро же они решили сменить сторону и согласиться с новым приказом. Амари качнул головой. Арестовывать Валэ он не собирался, по крайней мере, пока. Остальные стрелки немного потоптались на месте, но, не дождавшись дополнительных указаний, обступили этих двоих.

— Отконвоировать в селение, запереть в каком-нибудь сарае.

Амари еще не знал, как с ними поступит. Скорее всего, выгонит. Всех десятерых. Одних за неподчинение приказам, других — за слишком ярое им подчинение. Возиться со стрелками не хотелось до дрожи, да и вообще что-либо предпринимать — тоже. Однако кое в чем он был уверен: Валэ непременно убьет, хоть и неохота марать об него руки. Керво в свое время побрезговал, и вот что из этого вышло!

— Дарзи виконт Валэ, — произнес он, спрыгнув на землю.

— Мой принц! Я не ожидал... — бывший капитан все же принялся оправдываться.

Амари потянул из ножен шпагу:

— Защищайтесь, сударь, и да поможет вам кровь Творца...

С лица Валэ сошли мнимый испуг и раскаяние, которые он успел изобразить, зато губы раскрасила незнакомая кривая ухмылка. Он не стал дожидаться, пока Амари подойдет. Со свистом покинула ножны шпага. Приветствовать соперника Валэ посчитал излишним, резко подался вперед, метя в плечо, а на самом деле ударил по ногам.

Амари уклонился раньше, чем понял, куда устремлена шпага. Тело вновь действовало पहले головы, и он очень постарался не мешать ему. Валэ фехтовал недурно, но сравниться с Керво он, конечно же, не мог. Амари отступил на несколько шагов, а потом погнал виконта по поляне так, как герцог не гонял его самого; выбивать шпагу не стал, во время очередной атаки поднырнул под клинок и закончил поединок прямым и честным уколом в сердце. Валэ умер раньше, чем подогнулись ноги, и рухнул ничком на землю.

Амари отер кровь со шпаги и резко обернулся. Ему казалось важным увидеть лицо Керво. Однако герцог смотрел за реку, схватка его не интересовала, как и ее исход.

Злат переступил с ноги на ногу, косясь на поверженного виконта. Амари подошел, провел рукой по мягким губам коня, зарылся пальцами в грубые волосы гривы — хоть кто-то радовался его победе!

— Герцог...

— Вернитесь к телу, закройте этому несчастному глаза. Имейте хоть немного уважения к тем, кого убили.

Нужно было хоть с чего-то начать, объясниться, иначе произошедшее повиснет тяжким грузом на обоих. Амари закусил губу, последовал то ли совету, то ли приказу и, наконец оставив все сомнения, подошел к Керво.

— Герцог, я приношу вам свои извинения! — Дуэль не заняла много времени, он устал, скорее, душевно, чем телесно. Сначала боялся, что не успеет, а потом... вдруг бы все пошло не так? Кто-нибудь из солдат вновь вскинул оружие? Или сам Валэ повел себя иначе. А если бы пуля пролетела чуть ближе или рука второго стрелка дрогнула?.. Почему-то он был уверен: Керво мог уклониться, но ничего не стал бы предпринимать.

Амари с усилием зажмурился. Ну что за глупая привычка: переживать за несбывшееся?! И он, и герцог — живы!

— За что именно вы извиняетесь? — спросил Керво. Держался он по-прежнему отстраненно. Амари привык видеть в его взгляде иронию, надменность, гнев, ярость, множество прочих эмоций, но сейчас в глубине золотых глаз не читалось ничего. — За казнь? За убийство моего врага и бывшего друга? За очередное вмешательство? Вы успели вовремя и теперь просите прощения за это?

— Герцог...

Горячность боя прошла, и Амари начало колотить. Крупная дрожь пробежала по спине, зубы пришлось стиснуть, чтобы не допустить постыдного клая. Ему не было холодно — не по себе, скорее. А еще он все сильнее осознавал жуткую неправильность: и происходящего, и произошедшего. Все, кроме смерти, можно исправить — раньше Амари в это искренне верил. А вот теперь... под этим безразличным и даже презрительным взглядом понял, насколько же ошибался. Его глупость перечеркнула очень многое.

— Я вас не понимаю, — проронил Керво, — вы сделали то, что сочли необходимым. Обстоятельства изменились, вы пересмотрели свои выводы и предприняли определенные действия. Вряд ли подобное требует извинений, ваше высочество. Впрочем, если вам за чем-то понадобилось быть прощенным именно мной... — Керво вздохнул, провел по векам, словно движение могло снять усталость, тряхнул головой и стал невыносимо напоминать себя же во время подавлений волнений в Нозароке. Только теперь на месте толпы стоял Амари, — я принимаю их.

Амари с шумом выдохнул и устался в землю. Очень хотелось отвернуться и уйти, но уважения Керво точно не вернуть очередным побегом. Скорее уж, потерять окончательно, если оно вообще когда-нибудь имелось. Уважение?.. Все кошки мира и обескровленный труп Творца! Что же с ним творится?! Кровная вражда больше не имела ни малейшего значения. И... побери его белые камни!.. Керво незаметно стал важен для него. Мнение по любому поводу, советы, неминуемо оказывающиеся дельными, фехтование по утрам, даже насмешки — без всего этого Амари уже не представлял своей жизни.

— Скажите, юноша, с какой стати столь беспринципному, циничному, жестокому и бесчувственному мерзавцу, как я, пришло бы в голову носиться с вами, словно курице с яйцом?

Амари закусил губу. Он и рад был бы оскорбиться, но ярость даже не шевельнулась в сердце, лишь грызла глупая детская обида — на себя же. Казалось, он собственными руками разбил что-то хрупкое и красивое.

— Не знаю, герцог. От скуки, должно быть, — проговорил он.

— Вы в чем-то правы, — Керво держался безразлично и предельно вежливо. — Мне показались вы интересным. С людьми, во главе всего ставящими собственные чувства, всегда так: пытаешься их понять, даже думаешь, что понимаешь, а до конца все равно не получаешь. Признаюсь, в какой-то момент мне даже почудилось, будто вы не захотите меня убивать.

— Я и не собирался!.. Зачем вы пытаетесь меня оскорбить? Право, герцог, я...

— Полно, — перебил его Керво. — Вы уже сказали, а я услышал, верить или нет теперь мое и только мое дело. Чего вы от меня еще ждете, ваше высочество?

Вежливое обращение резануло слух. Амари предпочел бы слышать вместо него пренебрежительно-саркастическое «юноша». Жаль, Керво по-прежнему не интересовался его мнением.

Прошло неприлично много времени, а он все не мог подобрать нужных слов. Сказать: «чтобы вы относились ко мне, как прежде»? — глупо и слишком уж жалко звучит.

— Ничего... — услышал Амари словно со стороны. — Только сказать, что я сожалею. Я был неправ... несправедлив, когда отдал приказ о вашем аресте, а оставлять здесь Валэ, зная о вашей вражде, было недальновидно и едва не привело к непоправимому.

— Я о расстреле, — уточнил Керво.

— Никогда! — Кровь бросилась к лицу, а сердце пропустило удар. Как Керво мог даже предположить ТАКОЕ?! А что еще он мог предположить?.. — Я оставил вас в руках врага, — сказал Амари и сглотнул вставший в горле ком. — И уезжать я, уж точно, был не должен, — он заставил себя «поймать» взгляд Керво. Показалось или в глубине золотистых глаз мелькнуло какое-то выражение? Нет. Конечно же, нет. — Это все, и ничего более.

— В таком случае всего вам хорошего.

— И вам, — Амари поклонился и подошел к Злату. Он взлетел в седло, конь коротко заржал и помчался обратно к лесу. Снова сквозь колючие кусты и ветви. Холодный порыв ветра ударил в грудь, словно пытаясь остановить.

Глава 3

Озеро появилось неожиданно, Амари даже сначала не поверил в его реальность. Лес, до того казавшийся бесконечным отступил — не поредел, а просто кончился. Злат ступил на поле, усеянное мелкими серебристо-белыми и синими цветами, в конце него плескалась вода: очень чистая, без тины или ряски. На противоположном берегу в озеро впадала небольшая речушка, несколько валунов создали невысокий водопадик, а чуть дальше снова начинался лес — темный еловый.

Конь ускорил шаг, достиг кромки воды и, опустив в нее морду, принялся жадно пить, отфыркиваясь и раздувая бока. Амари не стал ему мешать, он спешился, умыл шею и лицо. Выкупаться хотелось необычайно, но он слишком устал для этого. Аромат растущих у воды цветов навевал сон, к тому же здесь было как-то очень спокойно. Амари расстелил плащ и улегся на нем, кажется, заснув раньше, чем прикрыл глаза.

Очнулся он от пробирающего до костей холода и страха. Мгновенно. Резко поднялся и поморщился: от долгого лежания на земле ныло все тело. Небо над головой затянули серые тучи, потому продолжался ли день, наступил ли вечер или, вообще, утро понять не вышло. В трех шагах от него настороженно плескалась вода, Злата нигде не было, а по полю... Амари вскрикнул и тотчас зажал рот ладонью. Немилосердно давя цветы, медленно, но неотвратно к нему приближался... зверь. То самое существо, которое он видел в Нозароке! Глаза твари — белесые бельма — неясно каким образом, но видели. Взгляд существа лишал воли, Амари не только пошевелиться, даже вздохнуть не мог. Седая шерсть существа свалаялась и висела неопрятными клоками, издали она напоминала клочья тумана, разрываемого ветром. На лбу у зверя торчал острый витой рог, а из клыкастой пасти выныривал черный раздвоенный язык.

Амари отступил к воде, судорожно шаря у пояса, наткнулся на рукоять кинжала.

— Это живое существо, — попытался он убедить самого себя, — пусть и опасное, огромное, но оно смертно.

Следовало подпустить его поближе и метнуть кинжал. Конечно, Амари не рассчитывал на то, что пробьет монстру глаз и уложит одним ударом, но чтобы не попасть в такую тушу, нужно никогда и ничего не метать. А потом, подранив, зверя удастся заколоть. Шпага обязана выдержать и не сломаться, она же явно непростая.

Словно в ответ на эти мысли зверь издал заунывный рев, от которого заложило уши, и помчался во всю прыть. Перемещался он огромными скачками — передние лапы были длиннее и мощнее задних. Амари прицелился, кинул кинжал и действительно попал, куда намеривался — в переносицу. Лезвие переломилось пополам, словно было не закаленной сталью, а трухлявым деревом.

— Погибший Создатель! — вырвалось у Амари. Он снова отступил, уже понимая, что не успевает обнажить шпагу — зверь убьет его раньше.

Обретший плоть ветер ударил в спину, Амари потерял равновесие, но упасть ему не дали: одной рукой придержали за плечи, а вторую, с тонким кинжалом, кажется, из того же металла, как и шпага, выставили вперед. Амари инстинктивно рванулся в сторону, уходя от занесенной над головой когтистой лапы. Сзади шикнули, и знакомый голос не слишком куртуазно пошутил о том, что некоторым глупым человеческим созданиям лучше не дергаться.

— Винто!..

Времени на удивление ему не предоставили. Воздух уплотнился, дышать им оказалось невозможно, ноги подогнулись, но держали его крепко. Когда Амари смог вздохнуть и открыл глаза, то обнаружил себя стоящим по шею в воде. Невыносимо холодной, несмотря на почти середину поланью верано. Пальцы, свившиеся в замок на груди, были горячими — это чувствовалось даже сквозь плотную ткань. Тепло исходило и от слов, их Винто произносил куда-то ему в затылок:

— Приходи в себя. Ну же!

— Винто...

— Ты стоять в состоянии?

Амари честно попытался выпрямиться, но так и не смог.

— Почему мы... в озере? — спросил он.

— Потому. Оно не терпит воды, — пояснил Винто. — Вода — жизнь, а отродья против всего живого. По крайней мере, в зеркальных мирах.

— Зеркальных?.. — переспросил Амари.

— Небеса и глубины! — воскликнул Винто. — Веласко тебе даже столь элементарные вещи не объяснил?!

Амари фыркнул, но промолчал: ябедничать на герцога было бы как-то совсем по-детски, да и не ко времени. Он глянул на берег и вздрогнул. У кромки воды, присев на все четыре лапы, оборотив в их сторону клыкастую морду, приняхивался зверь. Раздвоенный язык так и трепетал по воздуху, а взгляд заставлял сердце то частить, то срываться в желудок, то подскакивать к самому горлу и пропускать удары; у Амари все сильнее кружилась голова.

— Не смотри! — Винто ощутимо встряхнул его за плечи, и муть, уже подступающая к сознанию, исчезла.

Амари заставил себя перевести взгляд на поле и вздрогнул вторично: по нему на полном скаку в их сторону неся черный всадник. Ветер яростно развивал белоснежные гриву и хвост скакуна. Изумрудным отливало перо павлина на шляпе. Керво?! Но он же ничего не сможет сделать против такого противника!..

— Стой же ты спокойно! — шикнул Винто.

Амари подался вперед. Зверь явно оживился, заметив его движение. Сейчас чудище обернется и...

— Как раз не стоит стоять! Пока оно следит за мной, не увидит Керво.

— Последнего ума лишился?.. — и это были последние услышанные Амари слова.

Мир накренился и раскололся, словно действительно являлся зеркальным, его полностью поглотил взгляд существа. Амари не слышал собственного крика, но знал, что орет так, как никогда себе не позволял. Как Маклери перед смертью, должно быть.

Бесконечный гул в ушах, голоса: умоляющие, настаивающие, гневно-обвиняющие... приторно-лживые, нудящие, уговаривающие. От них голова шла кругом. Во рту стало солоно, грудь разрывалась от распирающего ее воздуха — ни вздохнуть, а потом режущий лучше любого лезвия взгляд поблек, пред глазами возникла карта, виденая Амари в столичном дворце, и голоса мгновенно стихли, оставив после себя давящую, звенящую тишину. Впрочем, она не продержалась долго.

...«Говорят, к совместному карточно-рунному раскладу можно обращаться раз в жизни, но мы ведь можем больше и не увидаться», — произнесла сестра. Голос шел откуда-то сверху.

Амари попытался вскинуть голову. Он, наверное, задремал над столом, потому и карта перед глазами. А Эри... она рядом, надо лишь посмотреть на нее.

Плечи сдавило сильнее. Амари с удивлением обнаружил, что не дышит, и больше не испытывает из-за этого никаких неудобств. Ну, не бьется сердце, и воздух не царапает гортань — подумаешь? Так даже проще.

«Это твой проводник, тот, кто поведет тебя к цели, — проговорила Эри. Зверя на карте сменило изображение черной птицы. — Ворон, спорящий с ветрами: насмешник, ставящий превыше всего собственную гордость. Он никому не спускает, но стократ строже к себе, нежели к тем, кто рядом».

Вечно усмехающийся гордец, он и на пороге смерти будет смеяться. По крайней мере,

очень похоже на то... Бласко — древнее имя, пришедшее со времен, когда Сурэа еще не стала государством. И означало оно — ворон. Вот бы Амари подумать над этим раньше, насколько все стало бы проще.

Он никогда не верил в гадания. Да и в мистику — тоже. Магии в мире Эрохо никогда не существовало — по крайней мере, уверенность в этом так удобно вписывалась в привычный порядок вещей. Подумаешь, Часовая? Любой академик придумает тысячу объяснений свойствам белых камней. Вплоть до кровавого магнетизма, заставляющего даже малейшие царапины беспрерывно кровоточить на площади. Зверь тоже до последнего представлялся сказкой и бредом измученного разума.

— Амари!..

Он услышал, хотя и не понял, кто его позвал.

— Моргай! Дыши! Ну же...

С глаз спала пелена, и он увидел, как налетает на чудище белогривый конь, бьет передними копытами, а привставший на стременах всадник всаживает в позвоночник зверя свой клинок. Тонкая стальная игла вошла в тело легко, почти не встречая сопротивления, а зверь на Керво даже не оборачивается, продолжает смотреть на Амари, по капле высасывая из него жизнь, путая мысли.

— Можно ли убить взглядом?

— Конечно! Потому не поддавайся, — попросил Винто.

— Ничего не могу поделать... — кроме того, чтобы встретить удар с высоко поднятой головой, но об этом Амари решил не говорить: слишком длинная фраза, да и какая разница... он ведь уже так и так не дышит.

После второго удара Керко зверь все же взревел. Так, что все громкие звуки, которые Амари когда-либо слышал, показались не сильнее мяуканья котенка. Кажется, по шее текло теплое и липкое, но он не стал задумываться, кровь ли это. А когда предсмертный рев-крик прервался, наступили чернота и тишь — почти желанные, почти добрые и теплые, почти никакие.

«Умереть спокойно и то не дадут...» — билось единственной докучливой мыслью, где-то в уголке сознания.

Его безжалостно тормозили со словами «да дыши ты», подкрепленными такими ругательствами, за которые раньше Амари, не задумываясь, вызвал бы на дуэль даже самого Создателя.

— Королевский выкормыш, родства не помнящий! — кажется, это Керво.

Никогда Амари еще не видел того в такой ярости и... страхе, вернее, не слышал. И открывать глаза, показывать, что жив, пусть и нездоров, не возникало ни малейшего желания. Да о каком желании речь? Он откровенно побаивался сошедшего с ума герцога.

Собственное тело предало: оно решило очнуться и дозволения не спросило. Неуверенно забилося сердце, грудь скрутило судорогой. От внезапной ни на что не похожей боли Амари затрясся, попытался сжаться в комок, затем резко сел и распахнул глаза, тотчас сгибаясь в приступе разрывающего изнутри кашля. На него навалились, сжали, уложили ничком на землю, словно это могло хоть чем-то помочь. Потом, когда приступ миновал, перевернули навзничь. О стиснутые зубы ударило горлышко фляги, вот только разжать челюсти оказалось выше сил Амари. Горлышко исчезло. Вместо него появилось холодное и твердое — рукоять кинжала.

— Я вам зубы выбью, если не откроете рот нормально! — прорычал Керво.

Амари попытался. Честно! До жгучей злости на собственную слабость и закипающих в уголках глаз слез. Приоткрыть рот все же удалось, в него незамедлительно просунулась рукоять, а за ней полилась горькая настойка. Так, кажется, лошадей лекарственными отварами поят — вставляют дощечку в рот, чтобы закрыть не могли... Жутко неприятно,

но необходимо... наверное. Через какое-то время его оставили в покое, да и пить больше не получалось. Еще через вечность ему вновь удалось ощутить собственное тело, хотя от слабости не мог пошевелить даже мизинцем.

— Глаза не закрывать! — злой холодный приказ.

А не очень-то и хотелось. Сейчас Амари уж точно не смог бы заснуть, в обморок его тоже не тянуло. Единственное желание, какое возникло, — просто лежать, раскинув руки, и глядеть в серое сумрачное небо. И не думать. Ни о чем и ни о ком.

— Еще раз, юноша... — небо заслонило бледное и злое лицо Керво. — Еще раз позволишь себе подобное, и я тебя собственными руками придушу!

— Душите... — покорно согласился Амари. Голос его совершенно не слушался, хорошо хоть говорить получалось. — Я лишь хотел помочь... вам.

Керво, что-то быстро проговорил на моревийском — похоже, очередное ругательство — и исчез из поля зрения.

— И хорошо, — прошептал Амари, — сиг бы вас не видеть.

Через некоторое время серость перед глазами слегка посинела, начался вечер. Откуда-то потянуло теплом и дымом, затрещал пляшущий по веткам огонь. Легкий ветерок с озера донес будоражащий запах жареного мяса, и Амари, еще недавно не чувствующий голода, вспомнил, что со вчерашнего дня ничего не ел.

— Помочь или сам справишься? — Винто не стал над ним склоняться, просто опустил на мягкий травянистый ковер и помог сесть.

— Попробую...

Привстать и не столько дойти, сколько переползти к костру, оказалось невыносимо тяжело. Амари перевел дух. Керво сидел на расстеленном плаще и пил вино. Возле его ног валялись две опустошенные бутылки. Амари улыбнулся ему, в ответ получив вскинутую бровь, саркастическое фырканье и ироничную усмешку. Глаза у Керво смеялись — совсем не так, как прежде, теплее.

«Неужели все?! Герцог Нидоса снизошел до младшего принца? Я прощен?» — От нахлынувшего морской волной и захлестнувшего с головой невероятного облегчения Амари слишком расслабился и едва не упал в обморок. Хорошо, Винто успел поддержать его, сев рядом и подставив плечо.

Керво поднялся, поправил манжеты и присвистом подозвал Фьорда. Красивое бледное лицо больше не выдавало эмоций, и Амари успел усомниться в том, что успел навывдумывать.

— Ты куда? — поинтересовался Винто.

— Осмотреться, — ответил герцог и взлетел в седло.

— Может, лучше я? — предложил Винто.

— У вас двоих с взаимопониманием лучше, — хмыкнул Керво, — вот и общайтесь.

Винто пожал плечами.

— И не давай принцу ударяться в уныние. Так и быть, я приведу его серого. Если его еще волки не загрызли.

«Можно подумать, если беда случится с Фьордом, Керво обрадуется. Конь — единственное существо, к которому он относится по-человечески... ну, к Винто, пожалуй, тоже испытывает дружеские чувства». — Амари протянул руки к костру, отогревая заочневшие пальцы. Заостренный рябиновый прутик, словно сам прыгнул в ладонь, и он вгрызся в жареную перепелку.

— Отрадно видеть, — Винто потянулся к соседнему прутику, — ты приходишь в себя. Я уж думал, все. Не вернуть.

— Откуда?

— Из Небытия, конечно, — как о чем-то ясном и ребенку сказал Винто и чихнул.

— Смотри не простудись, — улыбнулся Амари.

— Снова мне не веришь?

Он покачал головой. В Эрохо считалось, что душа погибшего либо тотчас возрождалась в теле новорожденного, либо ждала, носясь по свету бестелесным духом, либо попросту исчезала. До недавнего времени Амари этого хватало, но в мире, как оказалось, существовали вполне телесные духи леса, твари, странные звери и Создатель не ведает, кто еще.

— А помимо Эрохо имеется еще и Небытие, и Бытие — ведь должен же был ты откуда-то явиться?

— И иные миры: основные и зеркальные, — заметил Винто.

— Боюсь, сие великое знание слишком обширно для моей некрепкой мозгом головы.

— Все с тобой ясно, — Винто расхохотался и махнул рукой. — Опустим устройство Вселенной. Однако не можешь же ты не понимать, что совершил?

— Я? Могу.

Винто покачал головой и сказал:

— Ты подчинил туманного монстра! Такое никому еще не удавалось. Тот Веласко чувствовал, а развернуться и атаковать не мог.

Амари повел плечом, самому себе до боли напомнив Керво, и разозлился. Ну, нельзя же так!

— А как здесь оказался ты?

— Я же Ветер. И с некоторых пор всегда рядом, — ответил Винто, доедая перепелку.

— А Керво?

— Веласко счел необходимым кое-кого спасти.

Амари кивнул. В том, что спасал герцог вовсе не его, сомнений не возникало.

— Благодарю, — он холодно кивнул и отвернулся, боясь, что не совладает с выражением лица, — если бы не ты...

— Я-то здесь причем?!

— Думаешь, я не догадываюсь, что Керво спасал тебя?

— Ну-ка посмотри на меня! — Винто застыл, вскинув брови и приоткрыв рот. Выглядел он с такой гримасой донельзя растерянным, удивленным и расстроенным. — Просто потрясающе насколько недальновидными бывают люди!

Амари стиснул зубы и тихо выругался. Может он и недальновиден, но уж точно не наивный простака. Винто некоторое время любовался на его хмурое лицо, затем сверкнул глазами и вынул прямо из воздуха бутылку вина:

— Жизнь продолжается, и это просто невозможно не отметить!

Керво так и не вернулся, потому укладываться спать пришлось без него. Амари о нем тревожился и заснул далеко за полночь. Сквозь ласковую темноту без сновидений проступали голоса, приглушенные и почти не мешающие. Амари тщетно пытался разобрать слова и фразы, но их смысл ускользал, зато на душе становилось спокойно и легко. Когда посветлело, мирно зафыркали кони... Кони?! Амари сел и открыл глаза, а потом быстро оказался на ногах, позабыв о слабости.

— Веласко нашел его на границе леса, — Винто стоял возле Злата и гладил того по змеиной шее. — А конь у тебя умница. Обижать себя не позволил: и от зверя убежал, и от волков отбил, и Фьорда чуть сам не загрыз.

Амари подошел к ним, запустил пальцы в гриву, а потом, зажмурившись, зарылся лицом в грубые волосы. Те щекотали нос и щеки, но как же до умопомрачения приятно это было! Друг. Его единственный. Верный. Настоящий...

Винто ткнул кулаком в его плечо и рассмеялся.

— Подожди, не уходи, — попросил Амари и потянулся к седельной сумке. — Я... был уверен, что это ты сражался со мной в лесу.

— Против нингунов? — Винто склонил голову, волосы упали ему на лицо.

— Да, если эти туманные твари так зовутся, — кивнул Амари. Он прикусил губу и вытащил окровавленный клубок шерсти, бывший когда-то лисом, от него по-прежнему не исходил неприятный запах и, если бы не раны, казалось будто зверь просто спит. — Когда утром... в общем, подумал...

Винто бережно взял мертвого зверя:

— Так ты решил, это я?!

— У него глаза ярко-синие... — Амари надеялся лишь на то, что покраснел не слишком сильно. Похоже, он совершил очередную глупость.

— Спасибо, — очень серьезно сказал Винто, — ты даже не представляешь, как мне помог. Я ведь сохраняю человеческий облик только вне своего мира: в нем я умер и лишился тела, только и могу лисом по лесным дорожкам бегать. Но если бы я потерял еще и это воплощение, стало бы совсем тяжело.

— А...

— Ты ж не веришь, — напомнил Винто, развернулся и поспешил к почти догоревшему костру. Амари остался возле Злата: коня требовалось выкупать.

Они задержались еще на день, больше половины которого Амари проспал. Чем все это время занимался герцог, осталось загадкой, Винто же либо сидел, поддерживая огонь костра, либо отлучался к озеру для ловли рыбы. Специальных приспособлений для этого у него с собой не имелось, но без улова он ни разу не возвращался.

Когда острые пики елей скрыли солнце, а небесная чаша окрасилась закатным заревом, прискакал Керво.

— Собираемся! В ворота города уже въезжает часть гарнизона и отряд принца, конвоирующий моих слуг, — бросил он.

— Почему конвоирующий? — удивился Амари.

Керво покосился на него и покачал головой, без слов выражая свое отношение к его умственным способностям.

— Найдя виконта Валэ в столь плачевном состоянии, — он все же сжалился и снизошел до объяснений, — офицер, командовавший гарнизоном, принял решение вернуться. В рассказе про дуэль он не поверил, потому на всякий случай арестовал всех, кого мог. По дороге отряд наткнулся на бойню в лесу, и офицер перепугался еще сильнее. Кстати, павших похоронили.

— Слава крови Творца! — Амари вздохнул глубже. С души обрушился очень неприятный острый камень.

— Мои люди под арестом, как и те особо усердные солдаты, которые решились стрелять в меня. Они, кстати, и поведали остальным о том, что прискакал младший Рейес и, вроде как, отменил казнь. Однако более никто этого самого Рейеса в глаза не видел, меня — тоже.

Амари вздохнул, надеясь лишь на то, что уши у него еще не дымятся. Впрочем, если Керво продолжит рассказ в том же духе, они заполыхают также как и щеки. Принц крови? Рейес?! Он повел себя хуже деревенского дурачка!

— Простите, я должен был...

— Взор, — перебил Керво. — Мы мертвы для большинства оставшихся в Нозароке врагов, и это самая большая удача! Почему вы еще не в седле, насколько вижу, спите с открытыми глазами?

— Вы?! Видите?.. — огрызнулся Амари, вскакивая в седло. — Да вы в мою сторону вообще смотреть не желаете! Противно вам... и правильно. Потому что мне самому мерзко и застрелиться хочется... — и удивленно моргнул, услышав мягкое:

— Глупец.

— Герцог! Я не знаю, как вам доказать, а поверить вы, скорее всего, не захотите, но я не отдавал приказа о вашей казни! — выкрикнул Амари. — Чем угодно клянусь! Валэ об этом даже не заикался.

— А если б заикнулся? — Керво прищурился и криво усмехнулся, скрестил руки на груди и теперь внимательно рассматривал его, иногда кривясь и, время от времени вскидывая бровь в удивлении, словно обнаруживал доселе неизвестные черты.

— Я не хочу вам лгать. Не знаю, — признался Амари, — но вряд ли виконт отыскал бы аргументы, способные убелить меня. Право, герцог, не вы ли говорили, что нельзя задумываться над прошлым?! А особенно пошло — страдать над не свершившимся.

Керво присвистнул и удовлетворенно хмыкнул:

— Не дословно, но неплохо. Неужели мои грубые сентенции показались вам занимательными?

— Хватит! — оборвал его Амари. — Я сделаю все, чтобы мерзавцы, оболгавшие вас и устроившие ловушку на нас обоих, понесли наказание, а потом вернусь в Кастеллу.

— Не собираюсь удерживать, — заверил Керво. — Только на этот раз поступите разумно: разберитесь со своими людьми. Воистину они ничем не заслужили того, чтобы их так бросали. А теперь едем!

— Едем-едем, — проворчал Винто, садясь позади герцога.

В устраивающемся на ночь лесу не пели птицы, не кричали звери. Ночные твари еще не вышли на охоту, а дневные, видимо, слишком утомились. Амари спать не хотелось, судя по ощущениям, он выспался на три дня вперед.

Окончательно стемнело, но факела никто не зажег. Как при отсутствии света пробираться через лес Амари не представлял. Он не только земли, шеи Злата порой не различал, однако спутники не обращали на темень внимания, Фьорд тоже не беспокоился. После того как Амари едва не напоролся на толстый сук и не проехал через бурелом, Винто протянул руку и схватил Злата за повод. Больше конь в дороге не путался и не спотыкался.

Сквозь ветви начали просвечивать огни. Этого городка точно не было отмечено на карте, кроме того, нигде в Кассии Амари еще не видел городских стен, сложенных из бревен. Дерево ведь такой недолговечный материал! Однако время и какой-то состав, похожий на смолу, но ею не являющийся, сделали темные старые бревна тверже гранита. В узкие бойницы глядели воины с мушкетами за плечами и долго не хотели отворять запоздавшим гостям.

— До кассийцев здесь была своя культура и обычаи. Мои предки не неволили исконные племена. Одно перенимали они у нас, другое — мы у них, — пояснил Керво. — А вы, юноша, — повысил он голос, — закройте рот! Чай не деревенщина впервые в жизни увидевший большой город.

— Действительно, — согласился Амари и усмехнулся.

На самом большом и зажиточном постоялом дворе вдруг обнаружился Карлос. Управляющий не только приехал сам, но и прихватил из особняка некоторые предметы. Герцог не собирался отказываться от роскоши, хотя и в лесу, и у озера чувствовал себя более чем прекрасно. Он, вероятно, и во льдах Снежного моря сумел бы устроиться с наибольшим комфортом.

— Доброй вам ночи, сударь, — как обычно, вежливо и отстраненно поздоровался сурзец.

Глава 4

— Итак, ваши действия, — Керво сидел в кресле у камина и задумчиво вертел в пальцах перо. Неизменный бокал с вином стоял на подлокотнике кресла забытым. — Вы отправитесь в Нозарок, о моем аресте и казни не заикайтесь. Полагаю, слухи пойдут и без вашего участия.

— Но не лучше ли... — Амари осекся, когда герцог резко махнул пером.

— Вы, кажется, согласились исполнять?

— Да, герцог.

— Убивать вас более нет резона. Намитцам, по крайней мере. Вскоре вам нанесут визит друзья виконта, — Керво ухмыльнулся. — Сидите в особняке безвылазно, мне не нужны сюрпризы. Пусть те, кто восхотел стать реальной властью в Нидосе, придут к вам сами.

— Что я должен делать с ними?

— Ничего! — Керво рассмеялся и пригубил темно-бордовую жидкость, играющую в бокале отблесками каминного пламени. Амари кивнул. — Воспитывайся вы не в королевской семье, — заметил герцог, — цены бы вам не было. Хм... просто идеальный подчиненный.

Амари стиснул зубы.

— Не злитесь, это комплемент, — заверил Керво.

— Раньше непременно бы разозлился, — признался Амари. — Но свою партию я проиграл и предпочту довериться более сильному игроку.

— Однако... — вскинув бровь, проговорил Керво, — вы носите титул принца крови и обязаны знать более прочих. А потому налейте себе вина и куда-нибудь сядьте.

Амари кивнул и, подхватив со стола бутылку, рухнул во второе кресло.

— Также довожу до вашего сведения, что ни на чем не настаиваю: можете не помогать, можете вновь вызвать, можете... хм... просто уехать, забыв обо всем. Положение представителя династии Рейес выше герцогов Керво. Как бы ни вел себя я, и как бы ни заблуждались вы. Полагаю, Алонцо и сам не понял, какую сыграл шутку с вашим усыновлением.

В следующий миг Амари оказался на ногах. Он и сам не понял, как и что сделал, просто вдруг обнаружил себя в двух шагах от сидящего в кресле герцога, судорожно сжимающим одной рукой эфес, а второй бутылку.

— Зачем вы на меня так смотрите? Неужели высматриваете что-то интересное?.. — рассмеялся Керво. — Собрались убить? Замечу, подобный шанс уже предоставлялся. Вам же хуже, раз не воспользовались.

Амари с шумом втянул воздух. Керво повел плечом и продолжил, как ни в чем не бывало:

— Отец во всем поддерживал короля. После его смерти я разорвал с Каstellой какие-либо отношения. Вассалом Алонцо я остался, но это было не более чем на бумаге. То есть, я платил ему налоги. Все.

Амари заставил пальцы разжаться и выпустил эфес, бутылку вина он аккуратно поставил на стол. Когда этот разговор закончится, он непременно напьется, а сейчас станет слушать. Очень внимательно. Керво скажет правду, он единственный, кто никогда не лгал — ни ему, ни кому бы то ни было.

— Я не понимал, что тем самым рву гораздо более важные связи, — продолжал герцог тоном академика во время доклада на какую-нибудь туманную философскую тему.

— Его величество не виноват... он был другом вашего отца. Герцог Рикардо раскрыл

заговор, — прошептал Амари, — я видел...

— Не сомневаюсь, — резко оборвал его Керво. — Взяли же вы откуда-то гадкую особенность извращать мое имя.

— Прощу извинить...

— Не стоит, вы единственный, кто имеет право называть меня Бласко, — вздохнул Керво. — Алонцо не хотел этого разрыва, но отец погиб, а я был в ярости. Король смирился, а потом умерла Эльви, и я решил, что более нас ничего не связывает.

— Эль... — Амари натолкнулся взглядом на портрет. Должно быть, его привез Карлос. Зачем?! Почему женщина на нем столь знакома ему?

— Я предпочел обо всем забыть. За меня помнил Алонцо, и когда беда дотянулась до единственного сына Эльви, счел необходимым спрятать его в Нидосе. Увы, он не подумал о том, куда именно тебя посылает, — он проследил за взглядом Амари, резко поднялся и подошел к портрету.

Только теперь Амари понял, насколько они похожи: изображенная женщина и Керво! Родную кровь не спутать. У красавицы были те же смоляные волосы и тонкие черты лица — лишь немного мягче и утонченней. Тот же разрез глаз, длинные ресницы, необычный разлет бровей — словно крылья черной птицы. Кто же она ему?!

— Сестра, — ответил на его мысли герцог. — Эльвира Керво, впоследствии... Рейес-Кастелльская, последняя королева Кассии.

— Нет! — Амари не понимал, почему столь сильно сопротивляется этому. Он лишь чувствовал, что следующее признание перевернет всю его жизнь. — У моей матери светлые волосы!..

— Надо же было как-то объяснять вашу далеко не сурэйскую внешность, — вздохнул Керво и сделал очередной глоток из своего бокала. — Вспомни ее.

— Не могу! Матушка умерла родами! — он сжал кулаки, закусил губу в надежде хоть немного прийти в себя. Не помогло. Физическая боль не шла в сравнение с душевной. Бастард! Не Рейес! Все, чего он так боялся, исполнилось! Он и сам догадывался, но до последнего момента не желал верить. — Вы лишаете меня семьи!

— Она погибла, но четырьмя годами позже. От яда. У вас на глазах. Полагаю, потому-то вы и забыли ее. Память иной раз вытворяет подобные штуки, особенно с детьми.

Амари зажмурился. Он не помнил, и не хотел вспоминать, его била дрожь, и все труднее становилось дышать. Он устало провел ладонями по лицу, повернулся к камину и уставился в огонь. Ему было очень больно, словно кожу содрали — только не с тела, а с души, но где-то в глубине сознания теплилась мысль: так даже лучше, так он хотя бы больше не мучается подозрениями.

— Вы все еще здесь? Слышите меня?

— Да! — Амари резко обернулся, но взглянул на Керво спокойно, без вызова. Ярости герцог больше не вызывал и все его действия, наконец, нашли объяснение.

Керво удовлетворенно кивнул и продолжил:

— Слухи ходили всегда. Главная ошибка Алонцо заключалась в том, что их скрывали: и от вас, и от вашего ближайшего окружения. Именно из-за этого погиб ваш друг.

— Руперт услышал то, что было известно всем? Умер за глупую сплетню? Слух. Погиб на Часовой!.. — Амари захотелось рассмеяться и взвыть одновременно.

— Вы отсутствовали в столице, Алонцо самолично укоротил несколько длинных языков, — ответил Керво. — Это было его второй ошибкой. Фатальной, — он встал с кресла и, подойдя к Амари, вложил свой бокал в его непослушные пальцы. — Пей. И не думай ни о чем, просто слушай. Пьющие из одного бокала никогда друг другу не солгут, помнишь же?

— Помню.

— А далее уж слишком много слишком... — усмехнулся Керво. — Алонцо проявил слишком явную заботу. Она стала слишком заметна. Вы же, возвратившись, слишком переживали из-за смерти друга, слишком же алкали справедливости и правды. В таких обстоятельствах не воспользоваться вами показалось намитцам верхом безрассудства.

Амари залпом допил вино, но Керво подливать ему не стал.

— Дуэль с намитцем была спланирована от и до. Учитывая ваше фехтовальное искусство, — уголок губ резко дернулся, по лицу Керво словно прошла судорога, — шансов у вас не имелось никаких. Но!.. блистательный Теренс Намитский живым не нравился даже собственному брату. Право, зачем кесарю подобный претендент на трон? Его опоили перед самой дуэлью.

— Но я не знал! — воскликнул Амари.

— Бесспорно, вы тут не при чем. И лишь ваша... самоуверенность, ваша наивность, ваша детская незамутненность, отсутствие опыта позволили двору увериться в честности дуэли.

— Какой же я глупец... — простонал Амари, пряча лицо в ладонях. — Нет, хуже... идиот!

— Вовсе нет, — сжалился над ним Керво. — Просто... вас слишком берегли. Алонцо искренне любил Эльви, ему было безразлично, кто породил вас на свет, а после ее смерти король старался вас защищать везде, где следовало и нет. Извращенная забота породила свои плоды. Такие, что даже я, прекрасно зная, кто вы такой, и понимая силу проклятия за вред родной крови, метался между желанием собственноручно вас прибить и надеждой научить думать хоть немного.

— Кто мой настоящий отец?!

— Не имею ни малейшего понятия. Говорю же: с сестрой мы не общались. Я жил в Нозароке, она — на побережье.

Амари отнял руки от лица и выпрямился:

— Продолжайте!

— Алонцо поступил разумно и донельзя ожидаемо: он отправил вас ко мне. Я стал бы защищать вас вне зависимости от... хм... поведения. На том и сыграли враги Кассии и Нидоса.

— Я понял!

Герцог прищурился и мягко улыбнулся:

— Я не сомневаюсь в этом. Все разговоры с Валэ, все эти случайности, все покушения...

— Я приношу вам свои извинения!..

— Вы это уже сделали, и я принял их, хотя, согласитесь, обижаться на очередную вашу эскападу имел полное право.

До Нозарока его провожал Винто, коня он выбрал себе под стать — непередаваемого огненного окраса.

— Кажется, у тебя есть вопрос? — нятянув повод, он весело подмигнул Амари, тот вздохнул и уперся взглядом в гриву Злата. Нетерпящий собратьев жеребец рядом со скакуном Винто вел себя примерно. Уши не прижимал и даже не рвался вперед. Видимо, обаяние рыжеволосого всадника действовало не только на людей.

— Ну же! — Винто легонько толкнул его в плечо. — Смелее. Я не кусаюсь и не брыкаюсь, аки Фьорд. Меня же гложет любопытство, — онostroил настолько обиженную гримасу, что краем глаза наблюдавший за ним Амари рассмеялся.

После разговора с Керво он был совершенно растерян. Может, Винто и не сказал бы

ничего конкретного, но рядом с ним всегда становилось легче.

— Что тебя связывает с герцогом? Ты обещал рассказать.

— А... — Винто запрокинул голову, что-то высматривая в скрывающих небо листьях, приподнялся на стременах, а затем и вовсе встал на седло, подпрыгнул, ухватил еще зеленое яблоко и сверзился обратно. Кроме обычных берез и рябин в этой части леса встречались дикие яблони. — М... вкусное, хоть и не до конца спелое, — заметил он, вгрызаясь в плод.

— В середине верано яблоки созревают только в Сурэе. Они там сладкие, не то, что эта нидосская кислятина.

— Ты не терпишь хозяина и ругаешь его дом, сад и плоды, даже не вкусив, — укорил Винто, делаясь добычей. — Оно почти спелое, уж поверь. Я не прыгал бы за зеленой кислятиной.

— Я не отношусь к Керво плохо, — возразил Амари, по правде сказать, он вообще не знал, как к нему относиться. Он со вздохом принял плод, вынул кинжал и отрезал кусочек. Маленький. Впрочем, тут же потянулся еще.

— Э... — рассмеялся Винто.

Яблоко оказалось кисло-сладким с приятным винным послевкусием и, действительно, почти спелым. Амари посмотрел вверх. Сестрицы-яблочки кутались в листья и выглядели мелкими и неаппетитными:

— Как?

Винто, ухмыляясь и щурясь, будто разжившийся сливками кот, сладко потянулся и лукаво заметил:

— Я всегда знаю, какой плод необходимо рвать, а до какого снисходить не стоит. Однако, это уже второй вопрос! Тебя интересовали наши взаимоотношения с Веласко? Так вот, — он выдержал паузу, — нас объединяет старая кровь, враги и много вина.

Амари фыркнул.

— Что?! Слишком разные? — приподнял брови Винто. — Я рядом с ним выгляжу шутком?

— Как ветер в сравнении со скалой, — в духе друга ответил Амари и потянулся за флягой.

— Мне льстит: ты, наконец, признал мое родство с воздушной стихией, но Веласко тоже ветер. Или нет, не так: он птица, поскольку может повелевать ветром... в разумных пределах, конечно, просто не показывается тебе в этой своей ипостаси. — ответил Винто и щелкнул пальцами. Тотчас зашумели деревья вокруг, легкий ветерок растрепал волосы и умчался обратно в вышину.

— А я? — неожиданно для самого себя спросил Амари.

— Ты... — Винто окинул его оценивающим, но не обидным взглядом. Так Рамель в детстве смотрел на младшего брата, а потом восклицал: «Да, ты же скоро меня перерастешь!». — Еще пока не ветер, но он тебе благоволит. Неужели еще не почувствовал?

Амари сделал слишком большой глоток из фляги и закашлялся.

— А пить все-таки не умеешь, — усмехнулся Винто и от души приложил его по спине кулаком. Кашлять Амари перестал, дышать на некоторое время тоже. — Если хочешь знать, ты признан почти всеми: цену камням заплатил, текущая вода за тебя сама вступилась, духи приняли, а ветер... я о нем уже говорил.

— Погоди, — Амари откашлялся и наконец смог снова говорить. — Ты о чем вообще?

— О Небеса! — Винто вскинул руки над головой, и ветерок мгновенно этим воспользовался, заиграв в рыжих волосах. — Вообще-то легенды своего мира ты должен знать лучше меня, — заметил он, принимая обычное положение. — То, что Эрохо

родился из крови Создателя, ты хотя бы помнишь?.. Отлично. Создатель был смертельно ранен и погиб. Неужто тоже в курсе? Кстати, кто ж его знает, сам он... э... истек кровью или создаваемый мир тому поспособствовал.

Перед внутренним взором Амари встала Часовая площадь, кровь на алых камнях — его кровь:

— Значит, те, кого попробовал на вкус Эрохо, обречены?..

— Все умирают, — пожал плечами Винто. — Только смерть вовсе не конец, скорее уж начало. И вообще, с чего ты взял?

— В столице есть место, очень древнее и красивое — белокаменная площадь — там принято драться насмерть.

— Идиоты, — прошипел Винто, — простите Небеса, но это же надо быть такими... дубами, не побоюсь оскорбить достойные деревья.

— Мой соперник умер на Часовой: истек кровью. Не знаю, был ли удар смертелен, но он упал и больше не поднялся, а камни остались все такими же чистыми, как и раньше. Я тоже получил ранение и вполне прочувствовал, какого питать белые камни самому.

— Хватит! — Винто протянул руку и сжал его плечо. — Не поминай к вечеру. С тех пор, как ты был ранен, каждый камушек пищит о том, что твоя жертва принята.

— Но...

— Просто ты не умеешь разговаривать с ними. Научу когда-нибудь. И ты зря тревожишься: ничего страшного с тобою больше не случится. Ты откупился, заплатил за чужую душу собственной кровью. Тебя же отпустили? Значит, все хорошо. Ты сам себя еще не осознал, а миром уже признан! Семь ветров тебе на голову, это же чудесно! — рассмеялся Винто. — Кстати, я не дорассказал. Кровь умирающего Создателя приняли камни, они же преобразовали ее в воду. Душой завладел ветер, а последний удар сердца стал небесным громом и огнем — молнией. Ты еще не выбрал с кем быть: с камнями рядом дрался, кровь омывала тебя в Рейе, будучи Жемчужным морем, молния разрывает герб Кассии с тех пор, как королями стали Рейесы. Ветер же тебя просто любит.

Амари не ответил. Солнце медленно скатывалось к горизонту, впереди меж зелени садов высилась городская стена, а за ней — острые шпили особняка Керво.

По дороге от городских ворот Амари свернул в сторону казарм, где располагалось и здание тюрьмы. Керво мог сколь угодно говорить о том, чтобы он сидел в особняке безвылазно, однако люди, чья вина состояла лишь в преданности своему герцогу и отваге, не должны находиться под арестом ни одного лишнего дня.

Гарнизонные солдаты безоговорочно исполняли приказы, люди Керво хмурились и держались отстраненно, но почтение выказывали, зато телохранители радовались, как могли. По приезду в особняк Амари почти не удивился, обнаружив в кабинете не только Винто, но и Керво собственной персоной. Тот специально прошелся по коридорам, а перед слугами, вышедшими его приветствовать, словно между прочим обмолвился, что Амари Рейес не просто его гость, но и ближайший родственник. Потом были тепло натопленный камин, свечи, лучшее южное вино и удивительным образом возникшая в руках Винто моревийская гитара. Он играл, а Керво мурлыкал что-то очень красивое себе под нос. Его голос казался созданным для моревийских песен — приятный бархатный баритон. Амари и не заметил, как вечер сменился ночью, а затем и утром, опомнился лишь, когда слуги принесли легкий завтрак и убрали опустошенные бутылки.

— Знаете, юноша, меня снова тянет с вами откровенничать. Если хотите о чем-то узнать, не медлите, — предложил герцог.

— Я хотел бы спросить очень о многом, — сказал Амари, — но не все должно быть произнесено, если я правильно запомнил ваши же слова.

— А вы не касайтесь тем мироустройства, — посоветовал Керво, — тогда, возможно, и я отвечу.

— Кто спас меня в ночь покушения? Уверен, без вас тогда не обошлось.

Керво тихо рассмеялся.

— Ставлю собственную жизнь против кастоля, вы решили, будто убийцы посланы мной.

— Раньше я полагал именно так, — осторожно согласился Амари.

— А теперь?

— После того, что узнал, шутите?

Керво фыркнул и все же ответил:

— Омеро. Я с самого начала приставил его к вам.

Огненные блики играли на точеном лице, а в золотистых глазах прятались озорные изумрудные искорки.

— А потом вы послали за мной Винто.

— Эй! Меня никто не посылал! — возмутился тот. — Я сам пошлю, кого захочу, потом догоню и снова пошлю, но уже в другом направлении.

— Омеро явно не справлялся со столь неугомонным подопечным, — проигнорировал его Керво и потянулся за очередной непочатой бутылкой: ленивый, вальяжный и в то же время опасный. — А рэй Осадиа умеет быть в нескольких местах одновременно.

— Чего у меня не отнять, так этого, — согласился Винто.

Керво согласно кивнул. Он наполнял свой бокал, ползла вниз искрящая в свете свечей рубиновая жидкость.

— Спасибо, — сказал Амари, чувствуя неловкость. — Покушение — мое личное дело, но я очень благодарен вам за вмешательство.

— Да уж не за что, — рассмеялся Керво. — Только вы могли втянуть в свое личное дело столько народу, — и улыбнулся столь мягко, что Амари ничего не оставалось, как улыбнуться в ответ. Тишину отогнал струнный перебор. Винто нежно обнимал гитару, пальцы ласково и осторожно касались струн. Инструмент дышал и звал, и жил в его руках, мелодия неслась под потолком, плясала в каминном пламени, целовала огоньки свечей, тянулась бесконечным винным послевкусием. И обрывалась, заставляя сердце сбиваться с ритма. Винто остановился через мгновение или вечность, мечтательно улыбаясь.

— Зайди, — вдруг сказал Керво. Амари мог поклясться: стука или окрика слышно не было, то ли герцог почувствовал чужое присутствие под дверью, то ли слуга умел мысленно общаться с ним. Карлос немедленно вошел и протянул запечатанный пакет со словами:

— Просили передать вам, сударь... принц Амари.

— А ведь какое приятное утро было, — вздохнул Винто и отставил гитару.

Амари вскрыл послание и пробежал по нему взглядом, затем еще и еще раз. Он никак не мог понять смысла: аккуратные литеры никак не желали складываться в слова. В результате он просто смял и бросил в камин ни в чем не повинное письмо. В груди стало холодно от плохого предчувствия. Единственное, что Амари разобрал — подпись Инари.

— Плохие вести? — поинтересовался Керво, нахмурившись.

— Тебе не стоит ехать, — Винто встал и заступил дорогу к двери.

— Даже так? — глядя на него спросил Керво. — Тогда и я не советовал бы, но мешать не стану.

— Веласко... — настороженно начал Винто.

Герцог вскинул бровь, глаза сверкнули опасным изумрудным пламенем, и Амари подумал, что почти уже не удивляется этому. Керво — не совсем человек или даже совсем не человек, но какое это имеет значение теперь, если он сражается против нелюдей и является единственным родичем по крови? Сейчас Амари предпочитал держаться поближе к нему, а не к Винто, которого всегда считал более приятным собеседником. Он встал, сделал несколько шагов, безотрывно глядя в синие пронзительные глаза и в нерешительности остановился.

— Винто, отойди от двери, — спокойно, но настойчиво произнес Керво. — Пусть едет. На этот раз дело действительно личное.

— Но Веласко... — начал Винто, однако просьбу выполнил. — Как сажешь.

— Карлос, проследи, чтобы приготовили коня принца.

Слуга учтиво поклонился.

— Благодарю вас, — еле слышно прошептал Амари и кинулся к двери.

От спертого воздуха в доме Милагринов, напоенного сладкими цветочными ароматами, голова пошла кругом, а ноги стали ватными. Амари замутило, но он совладал с собой. Неприметный слуга отворил перед ним дверь в сад, и стало хуже: что-то там цвело и пахло до дурноты сильно. Тем не менее, пришлось переступить порог.

Светло-голубое небо куталось в облаках, слуха достигал тихий щебет скрывавшихся в кустах пичуг. Отчего-то вспомнилась старая легенда о роще безвременья. В ней никак не мог наступить закат, а ступивший под полог вечных лип путник проживал один и тот же день раз за разом.

Отцвели первоцветы. Цветок Яворда теперь грозил земле крупной лиловой ягодой, под розовыми кустами высыпали синеглазые незабудки. Ветер трепал крону старого ясеня, в его тени на резной скамье сидела баронесса: маленькая и хрупкая, с тонкими руками, бессильно скрещенными на коленях. Белоснежное простое платье подчеркивало бледность кожи, и даже золотые локоны, струящиеся по плечам, казались поблекшими и безжизненными. Инари подняла взгляд и внезапно кинулась к Амари. Он поймал ее запястья, обжег губами ледяные кисти и только потом осмелился взглянуть в лучистые фиалковые глаза. Слуга, пока вел его в сад, обмолвился о пропаже барона Бастиана, Амари готовился утешать Инари, но теперь не мог сказать ни слова.

— Ты здесь... — прошептала она. — Ты все-таки пришел.

— Я не смог бы поступить иначе.

Он почти донес ее до скамьи, усадил, укрыл плечи забытой на резной спинке шалью.

— Того, кого ты привык называть бароном Милагрином больше нет, — тонкие пальцы вцепились в плечи Амари с несвойственной женщине силой. — Но я все равно рада, что ты жив... и здесь.

— Не выдумывай! — Амари с трудом проглотил ком, вставший в горле. Он готовился уверять, выяснять, самому скакать на поиски Бастиана. — Вот увидишь, все образуется.

— Он мертв! — воскликнула Инари и, печально качнув головой, опустила руки. — И ты тоже изменился, не похож на себя.

— Меня выследил зверь, — зачем-то рассказал Амари, пусть и не собирався, — но я здесь, и опасности больше нет. Уверен, твой отец...

— Замолчи, — баронесса на мгновение прикрыла глаза, а потом подалась вперед. Амари ощутил на губах вкус спелой малины и полынную горечь. Он обнял ее, притянул к груди, Инари дышала ровно и почти неслышно, и только припухшие губы говорили о том, что произошедшее не сон и не морок, порожденный излишне разгулявшейся фантазией. — Ты единственный у меня остался. Так значит... ты убил чудовище? — тихо спросила она.

— Не я. Керво спас меня.

Зря он начал говорить о герцоге: Инари ненавидела того всей душой.

— Теперь он потребует отплатить долг жизни, — предрекла она.

— Нет, — заверил Амари. — Герцог никогда ничего не требовал взамен своих милостей, а теперь тем более не станет.

Однако баронесса поняла его по-своему.

— Так ты победил и этого монстра? — спросила она и улыбнулась одними глазами.

— Все не так... — начал Амари, но она не позволила ему возразить, поднялась, не выпуская его руки: — Останься, здесь. Я не гоню тебя, в моих объятьях ты забудешь все печали, все злые радости иссохнут, отзвучат, — нежный голос врывается в сознание, обволакивал, усыплял, звуки отдавались в висках. — Иди за мной. Мой сад гораздо лучше бессонных пашен, настороженных лесов. Со мною проще. Легче. Слаще. Тоньше. А в комнате моей покой один живет...

Он очнулся лишь на краткий миг, когда Инари отвела взгляд, но потом она снова заговорила, и Амари словно заснул наяву. Он шел, но не понимал, куда; поднимался по леснице, сжимал тонкие пальцы, но не испытывал трепета или радостного предвкушения. Наоборот, казалось, его ведут, словно бычка на бойню. В конце концов он нашел силы отпрянуть и вырвал руку, а потом, удивленно и непонимающе моргая, глядел на дверь из светлого дуба с изображением правицы. В том, что за ней располагались апартаменты баронессы Милагрин, сомнений не возникало.

— Помогите мне закрыть окно в спальне, ваше высочество, — прошептала Инари, и он медленно кивнул.

«Я никогда не буду со своей невестой до свадьбы, — прозвучало в голове, и ехидный голос, весьма похожий интонациями на герцога Керво, заметил: — Сколь же сильны в вас, Рейес, предрассудки».

Амари дернулся, словно от пощечины, осознавая: ему нельзя входить в эту комнату.

— Я... — голос сорвался, но почти сразу же вернул силу, — я не смею, рэя. Я стал бы последним мерзавцем, воспользуюсь вашим горем.

Инари приподняла брови, губы раскрылись, но не произнесли ни звука, бледное лицо побелело еще больше, кажется, она была искренне удивлена, даже потрясена. Фиалковые глаза отразили недоумение, разочарование и... страх?..

— Ты отвергаешь меня?

Амари приклонил перед ней колени, зарылся лицом в прохладные ладони.

— Ты больше не поддашься мне, — прошептала Инари. — Ты действительно изменился слишком сильно.

— Я постараюсь разузнать о твоём отце. Я сделаю все, что в моих силах! Моя рэя... — сказал он и поднялся. Отвесив баронессе придворный поклон, он отступил, пока не посмел передумать, развернулся, оступился и едва не слетел с лестницы. Нельзя было здесь оставаться! Нельзя дать себе даже остановиться! Нельзя замереть на пороге и оглянуться! Нельзя... Нельзя... Нельзя. Потому что иначе он не сумеет уйти.

Глава 5

Он выехал на улочку, ведущую к особняку, когда услышал грохот и лошадиное ржание, успел натянуть повод. Злат шархнул в сторону и встал на дыбы, а дорогу перегородила вынесшаяся из подворотни карета, опасно накренилась и встала. Кучера на козлах не было, как и вообще кого-либо из слуг.

Амари спрыгнул на землю, подбежал к карете и раскрыл дверцу:

— Вы не пострадали?!

И застыл от неожиданности. В убранстве багряной порчи и бархата, сидела бледная и растрепанная бывшая фрейлина ее королевского высочества Линэя Юрран.

— Слава Создателю и Крови Его... — проговорила она и упала в обморок.

Амари успел ее подхватить и осторожно вынес первую кокетку кастелльского двора на воздух. В притороченной к седлу сумке нашлась фляга с вином. Он смочил платок и осторожно протер лоб и виски маркизы, та открыла глаза и глубоко вздохнула.

— Как вы себя чувствуете, рэя?

— Неплохо, — проронила она, хотя Амари ждал совсем иного ответа. Линэя приподнялась, а затем, приняв его руку, встала, даже не покачнувшись. — Я искала вас, ваше высочество.

— Зачем? — наверное, спрашивать именно сейчас об этом не стоило, но он не смог остановиться вовремя, к тому же действительно было любопытно.

— Я виновата перед вами, ваше высочество, — произнесла она едва слышно.

— И желание принести мне извинения заставили вас проделать столь долгий путь? — от язвительности Амари тоже не сумел удержаться и поморщился. Вспоминать о дуэли с Теренсом Намитским он не хотел, особенно после того, как Керво объяснил, чем поединок являлся на самом деле.

— Не только, ваше высочество, — произнесла она серьезно, и не подумав оскорбиться, только удивленно хлопала длинными ресницами. Кажется, она совершенно не ожидала подобного приема, впрочем, Амари не понимал, зачем она приехала, и точно не обрадовался этой встрече. — Я собиралась рассказать об истинных причинах той дуэли, а еще...

— Сейчас это не имеет значения, — резко оборвал он. — Почему вы оказались в таком положении? Где ваши слуги, рэя Юрран?

— Меня... все бросили, — прошептала она, а отойдя от испуга и удивления, мгновенно навесила на себя придворную маску и проронила: — Я вынуждена путешествовать тайно. Я так хотела увидеть вас, все объяснить... Ах, меня, кажется, пытались убить!.. Ведь та нелепая дуэль произошла по моей вине. Я только потом узнала... — она протянула руку и осторожно коснулась его щеки. — О, Амари... ваше высочество, я виновата перед вами. Только я и никто более!..

Он, наверное, скривился так, словно вместо сочного яблока надкусил прокисший апельсин. Линэя тотчас поняла, что ее ужимки не подействовали, и отняла руку.

— Убить меня действительно хотели, — произнесла она, более не стремясь играть, серьезно и обреченно. — Мне пришлось бежать из Кастеллы.

— Отчего же не в свои земли?

— До Юррана путь неблизкий, а здесь меня не стали бы искать, — ответила Линэя, и в ее глазах заблестели слезы. Они-то и заставили Амари опомниться: все же перед ним стояла высокородная рэя, с которой не стоило быть грубым, что бы она ни совершила. — Впрочем, как показали дальнейшие события и наша с вами встреча, я ошиблась.

— Простите мою неучтивость, рэя, — повинился Амари. — Здесь неподалеку находится

неплохая гостиница. Я отвезу вас туда, а потом, когда вы отдохнете, мы обо всем поговорим. Надеюсь, вы не откажетесь проделать оставшийся путь в седле Злата?

— О... — протянула она и призналась: — Я не только не против, но готова даже пройти до гостиницы пешком. От путешествий в карете меня уже тошнит.

Амари повертел головой в поисках кого-нибудь, и один из горожан не заставил себя ждать.

— Сеок с улицы Оружейников, — поклонился он.

Амари кивнул. Незаменимый человек: всегда, когда нужно, находился рядом.

— Пригляди за каретой и вещами, — приказал он, кидая горожанину мелкую монету.

В седле маркиза держалась, не испытывая ни малейших неудобств. По дороге она пыталась вновь начать разговор, но Амари, уклоняясь от неприятной темы, начал рассказывать о Нозароке и неожиданно увлекся сам.

— Мой принц, слушая вас, я и сама начинаю влюбляться в этот город, — проговорила маркиза. — Раньше вы только о Сурэе так рассказывали.

Амари потрясенно замолчал. Он полюбил Север?! Еще недавно это казалось невозможным, а теперь сердце сжималось в неясной тоске, когда он представлял, как уедет обратно в Кастеллу, или на благословенное побережье.

— Вероятно, я полюбил эти края.

Наконец, они достигли «Шпоры». Амари проводил Линэю в отведенные ей покои, приказал Гистону заняться ее вещами, а сам спустился в общий зал. Он едва отобедал, когда служанка позвала его подняться.

Маркиза переоделась в бирюзовое, украшенное перламутром платье с высоким декольте. Оно странным образом подчеркивало теплоту ее внешности: бархатность кожи, мягкость взгляда и каштановый блеск забранных в высокую прическу волос. Выглядела она посвежевшей и отдохнувшей, словно и не случилось с ней досадного дорожного приключения. Комнату наполнял чуть горьковатый аромат ее духов. Раньше Амари почему-то не замечал, насколько она красива, а сейчас запоздало подумал о том, что даже самая лучшая гостиница Нозарока — не место для высокородной рэи. Он, конечно, уже распорядился отрядить для ее охраны солдат, но этого казалось мало.

— Завтра же для вас снимут небольшой дом в старом городе, — пообещал он, раздумывая, сможет ли попросить Карлоса найти достойное маркизы здание и заняться наймом слуг. Интересно, тот подчинится или потребует одобрения у своего герцога? А сам Керво?.. Уж наверняка посмеется.

Она кивнула и тотчас указала на вино и бокалы из темного стекла, стоящие на столике рядом с прикрытым окном.

— Я не желаю тайн и недоговоренностей. Мне они надоели, — произнесла она слегка устало, но ровно. В голосе не было надрывных нот, к которым Амари привык в разговорах с Инари. Речь Линэи неторопливо текла полноводной Мирросой, успокаивала и услаждала слух. — Если после моего рассказа, вы более не пожелаете меня видеть, то так тому и быть.

— Могу заверить вас, рэя, вы всегда сможете рассчитывать на мою помощь.

— Хорошо, я воспользуюсь ею, — пообещала она. — Вы всегда были учтивы и вели себя как истинный рыцарь. Жаль, ранее я принимала ваше поведение за нечто иное. Вспомните тот вечер перед дуэлью, вряд ли вы не подозревали о том, что я намеренно заманила вас в беседку.

Амари отвел взгляд, сделав вид, что измявшиеся манжеты заинтересовали его гораздо сильнее обеспокоенного личика маркизы. Конечно, он думал об этом, но в конце концов она сама пострадала из-за своего поступка. Эрика наотрез отказалась от ее общества. Некоторое время Амари даже считал себя виноватым перед Линэей.

— Я действительно сделала это, — продолжала она, — но, ваше высочество, меня уверили, будто вам не угрожает ничего. А потом, когда вызов прозвучал, мне осталось только искать аудиенции короля и напоить Теренса Намитского. Теперь вы понимаете, отчего я бежала из столицы?

— Зачем же вы так обошлись со своим поклонником? — Амари не узнал собственного голоса, слишком уж глухо он прозвучал.

— Такова цена высокой политики, ваше высочество, рано или чуть позднее об нее мараются все. Если бы Теренс стал кесарем, хрупкому миру пришел конец, а он намеревался, поверьте. Прежний правитель Намита ставил на тайных убийц, шпионаж, подкуп, дипломатию. Теренс же просто выдвинул бы к границе войска. Кассии подобное невыгодно, и вы об этом прекрасно осведомлены. Весь вопрос в том, кто из братьев успел бы убить другого первым. Я лишь оказала услугу кесарю.

— А моя дуэль?.. Разве она не развяжет войну, которой вы столь боитесь?

— Нет, — улыбнулась маркиза.

— Поскольку я тоже оказал кесарю услугу? — усмехнулся Амари.

Она оглянулась на дверь, а затем понизила голос до шепота:

— Им теперь не до нас, ведь кесаря убили декаду назад. Естественно, намитцы тщательно скрывают это от соседей, но грызни за власть не утаить долго.

Амари нахмурился, он пока не знал, стоит ли ей верить. Вполне возможно, рассказанное Линэей подстать слухам о сгоревшей заставе и нападении намитцев, из-за которых он едва не наделал глупостей.

— Это все? — он почти ждал, что его втянут в какую-нибудь авантюру, вернее, попытаются это сделать.

Линэя покачала головой и печально улыбнулась:

— Признайтесь, вы ожидаете от меня слов вроде: над страной снова нависла опасность, и в отсутствии главного заговорщика, герцога Керво, мы должны сделать все возможное, дабы не допустить отложения провинции от Кассии? Создатель, какая чушь!

— Я вовсе не... — начал он, но вздохнул, поняв, что краснет.

— Бросьте, Амари, у вас все на лице написано. Герцоги Нидоса всегда были верны трону, а я не такая дура, чтобы ловить кого-нибудь на пафосные слова. К тому же, я и не собираюсь этого делать в отношении вас. Однако если понадобится задурить голову вашим врагам, помогу без колебаний.

Амари зло толкнул дверь кабинета, ему непременно хотелось что-нибудь сломать, разбить или упиться до крылатых правиц перед глазами. Или в камин глядеть до тех пор, пока пламя окончательно не заморозит. Наверное, тогда огненные саламандры выжгут память, а вместе с ней и понимание того, каким же слепцом он был.

— Принц Рейес... — Керво обнаружился в любимом кресле. Герцог смотрел в камин и пил вино из хрустального бокала. — Пусть вы и считаетесь наследником этого особняка, прошу вас, не разрушайте его. Это все же гнездо наших с вами общих предков, к тому же, мне он дорог как память.

— Уверяю, вашей памяти ничего не угрожает, — огрызнулся Амари в ответ. — Она останется при вас в любом случае, — и только затем до него дошло произнесенное. — Наследник?

— Я бездетен, если вы не знали. На данный момент вы единственный мой родич, а значит, наследник.

Амари прошел к камину и сел в отдалении от герцога, заняв одно из свободных кресел. Керво повел плечом и указал на кувшин, смеясь глазами, и казался донельзя довольным.

— Извините, — процедил сквозь зубы Амари и наполнил свой бокал. — Я был несдержан.

— Что виной вашего бегства от прелестной баронессы Милагрин? — поинтересовался Керво.

— Мое прекраснотушие, если вам угодно, или глупые предрассудки, — едко бросил он. — Я не захотел входить в опочивальню своей будущей невесты до свадьбы, — он отставил бокал на подлокотник кресла, пить расхотелось, потому он просто прикрыл глаза. — А теперь можете посмеяться над этим вволю.

Легкий ветерок коснулся щеки. Того, как Керво встал и преодолел разделяющее их расстояние, Амари не услышал. Зато почувствовал. Потому он и не вздрогнул, когда, открыв глаза, увидел герцога. Тот склонился над ним и внимательно вглядывался в лицо. В золотистых глазах Керво не было ехидства или издевки. Он кривил бровь, но и этот жест не казался насмешливым. Бывший кровник и обретенный родственник просто смотрел.

— Не хочу. Все скоро закончится, Амари.

— Все всегда заканчивается. Так или иначе.

Записку от Линзи принесли рано утром. Маркиза еще раз благодарила за проявленное беспокойство и выражала надежду на скорую встречу. Амари, не обращая внимания на ехидные замечания Винто, набросал ответ, в котором извинялся перед рэей Юрран и ссылаясь на неотложные дела.

Когда Карлос принес еще одно послание, едва ли не слово в слово повторяющее предыдущее, но уже от баронессы Милагрин, Винто не удержался и захохотал:

— А ты стал пользоваться благосклонностью дам!

Амари некуртуазно выругался и покосился на Керво.

— Нет, — отрешенно проронил герцог. Он сидел за столом, остро заточенное перо споро выводило на белоснежном листе размашистые летящие литеры. Керво торопился, однако не прогнал устроившегося прямо на столешнице и охотящегося за кончиком пера черного котенка. — Вы куда не поедете, Амари.

Погорельца, спасенного Амари, вначале приютили на кухне, но котенок сидеть со слугами отказался напрочь и, побродив по особняку не иначе как одного приличия ради, счел своей единой и неделимой территорией герцогский кабинет, а после приравнял к своей собственности и его хозяина. Теперь почти все время черный разбойник проводил рядом с Керво, а когда тот выходил, бежал следом или взбирался герцогу на плечо. Столь навязчивое поведение того, казалось, совершенно не тяготило, во всяком случае, он ни разу не накричал и не пнул наглеца.

Амари потянулся за чистым листом и глубоко вздохнул. Конечно же, он не мог лгать своей возлюбленной, но ехать к ней не желал. В конце концов он вывел несколько поэтических строчек, в которых заверял, что лишь обстоятельства виной его поступка. Заглянувший через его плечо Винто хмыкнул:

— Маркиза менее красива? Для нее ты на стихи не расщедрился.

— Она первая красавица Каstellы, — посыпая записку песком, проговорил Амари. — Но она заговорщица и убийца.

— То, что женщины в вашем обществе предпочитают заниматься политикой, а не сердечными делами, с возрастом либо пройдет, либо превратится в проблему, — заметил Керво, успевая поставить на листе очередной летящий росчерк и одновременно спасти орудие письма из когтистых лап. Погорелец обиженно чихнул, когда кончик пера в очередной раз выскользнул из его хватки, а вдобавок еще и огрел промеж ушей.

— Веласко... — предостерегающе начал Винто.

— Не стоит, — прервал его Амари. — Вы, несомненно, правы. Инари каждую встречу пытается настроить меня против вас, ее попытки не ослабели даже после слухов о вашей

кончине, маркиза же слишком замешана в политике и явно ведет какую-то свою игру, однако оставить ее в бедственном положении я не могу.

Керво повел плечом, запечатал послание и передал Карлосу:

— Не имею ничего против великодушия ваших порывов. Мужчина обязан помогать. Особенно женщине в затруднительном положении. Особенно же, если у него есть для этого все возможности... Карлос отряди кого-нибудь, пусть приведут в порядок особняк на улице Роз.

— Я и сам... — начал Амари.

— Мне это ничего не стоит. К тому же, принимая в расчет последние события, вы в праве всецело распоряжаться моим имуществом.

— А к очаровательной маркизе в образе твоего офицера наведуясь я, — добавил Винто. — Не беспокойся, я не выйду за границы приличий.

Амари тоже передал послание Карлосу и процедил:

— Ничего не имею против...

— Ревнивец, — рассмеялся Винто, и Амари неожиданно понял, что мысль о возможности романа между тем и Линзеей Юрран ему действительно неприятна.

Несколько дней ничего не происходило. Никто не приходил и не передавал записок, вынужденное бездействие с лихвой разбавлялось фехтованием и вином. Раньше Амари обрадовался бы такому времяпрепровождению, но сейчас на душе скреблись кошки. В отличие от него герцог вынужденное заточение переживал на удивление спокойно и являл меньше обычного.

Со скуки Амари несколько раз наведывался в гарнизон. Керво не возражал, единственным его условием было избегать приключений по дороге и никуда не заезжать. Винто тоже скучал, а потому таскался за Амари рыжим лисьим хостом и всем и каждому представлялся офицером для особых поручений. Синий мундир королевских кассийских войск ему очень нравился, а вот перевязь со шпагой вызвала недоумение. Как правило, он предпочитал кривые и длинные кинжалы, которые метал изрядно далеко и с поразительной точностью, но использовал и в ближнем бою. Амари однажды попытался доказать, что шпага лучше этого вида оружия и проиграл в четырех схватках из пяти. Еще Винто обзавелся широкополой шляпой с несколькими разноцветными перьями, удачно скрывавшей как лицо, так и настоящую длину волос. Все же, офицер с отросшей ниже пояса гривой рыжих кудрей представлял собой слишком экстравагантное зрелище.

В городе все оставалось на удивление спокойно: никаких волнений и неудовольствий, никто не спешил обвинять Амари в расправе над неудобным герцогом, но и признавать его преемником Керво местные дворяне не спешили, как и городской совет, после исчезновения барона Милагрина стоявший обезглавленным. Когда Амари поделился своими предположениями с Керво, тот лишь фыркнул и в своей излюбленной язвительно-насмешливой манере объяснил, что нидосцы будут ждать решения Алонцо хоть до воскресения Создателя, тогда как намитцы, наоборот, начнут действовать.

Они как раз возвращались в особняк после очередного посещения казарм, когда Винто предложил:

— А не навестить ли нам очаровательную маркизу Юрран?

Амари нахмурился. Он уже несколько дней не увиделся с Инари, так неужели поедет к другой женщине?!

— Она довольно мила, — настаивал Винто. — Кроме того, невежливо подарить рее дом и не навесить ни разу.

Амари фыркнул и хотел отговориться какой-нибудь шуткой, когда Злат резко дернулся, а Винто, толкнул его в плечо, резко заставив пригнуться к конской шее. Щеку обожгло, и он машинально стер кровь. Винто выхватил один из кинжалов, выругался и спрятал

обратно в ножны.

— Будь здесь! — он спрыгнул на землю и кинулся к низкой арке у соседнего дома. Не прошло и минуты, как он вышел оттуда, таща за ухо мальчишку лет тринадцати — очень худого, в одежде намного больше него самого — глашатая герцогской воли, явившегося в трактир во время беспорядков. Мальчишка тряс невымытыми волосами и шипел, как стая гремучих гадюк.

— Вы! — выкрикнул он. — Все из-за вас! Да как вы могли?! Он же столько раз спасал вам жизнь! — в глазах мальчишки стояли слезы. Вряд ли Винто слишком сильно сжимал его ухо, скорее, по вине жгучей обиды.

— И кто же спасал мне жизнь? — приподнял бровь Амари, вновь подражая Керво.

— Герцог Веласко! — закричал мальчишка, подаваясь вперед. Винто пришлось схватить его за плечи, иначе «мститель» свернул бы себе ухо. — Он настоящий владетель Нидоса!.. Не то, что вы! Ненавижу вас!!!

Амари хмыкнул и стер со щеки все никак не унимавшуюся кровь.

— И чем он меня? — обратился он к Винто.

— Камнем из рогатки, мог и в глаз попасть, между прочим, — усмехнулся тот. — Ваше высочество, вы как думаете, брать нам пленных или нет?

Мальчишка поджал губы и побледнел: наверняка, представил казнь через повешенье или плети. Амари покачал головой, напустил на себя отстраненно-презрительный вид и... почувствовал, что падает.

Сгруппироваться и спрыгнуть он успел и даже приземлился на ноги. Рядом рухнуло на мостовую седло: порвалась подпруга, о которой он напрочь забыл после столь богатой на события поездки в Тиену.

— Вот! — снова закричал мальчишка. — Создатель все видит!

— Он не может видеть по причине смерти, — пробормотал Амари.

В вечерний час на этой улице не оказалось много народу, но четверо дворян в темно-красном замедлили шаг, на втором уровне дома хлопнул ставень. Из соседнего проулка вышел знакомый горожанин и, оглядев валяющееся седло, решил подойти.

— Сеок с улицы Оружейников, тано, — почтительно поклонился он.

— Я помню, — заверил Амари.

— Вижу, неприятность у вас стряслась, так я помочь хотел.

Амари рассмеялся и пересыпал в ладонь заботливого оружейника несколько монет. Тот, однако, оказался слишком нерасторопным: один из кругляшей зазвенел по мостовой, и Сеок немедленно кинулся за ним.

— Вы обронили, тано, — все еще не вставший с колен оружейник протянул ему скомканный батистовый платочек.

— Я?.. — удивился Амари, но улыбнулся уголками губ и кинул горожанину еще один кастолю. — Благодарю.

— А... — начал Сеок. — Как же неприятность ваша?

— Починишь — отнеси в особняк Керво, — распорядился Амари, и, ухватившись за гриву, вскочил на спину Злата. — Рэй Осадиа, — он кивнул на мальчишку. — Ведите пленника в особняк, а ты не бойся: я детьми не питаюсь.

— Я вижу, у вас вошло в привычку таскать в дом бездомных котят, — заметил герцог, рассматривая платок. Прямо на белоснежном батисте было начертано уверенным тяжеловесным почерком: «полдень завтрашнего дня». — Видимо, мои сентенции о великодушии вас впечатлили?

Амари вздохнул.

— Я вовсе не выказываю недовольства, — предупредил Керво. — Только обеспеченный человек способен быть щедрым, однако не всякий богатей может одаривать других. Я рад, что в вас есть это качество, не переусердствуйте только. Иначе из покровителя весьма быстро превратитесь в шута, причем, в глазах тех, кому помогли, — он указал на кресло подле камина и наполнил вином два кубка из серебра с россыпью карнеолов по витым ножкам, улыбнулся уголками губ, заметив облегчение на лице своего собеседника и добавил: — К тому же, я благодарен вам.

Амари удивленно приподнял брови:

— За что же?..

— Судьба Ниньо несколько перекликается с вашей. Так же, как и вы, он не знает своего отца. Тот, кто породил этого мальчика на свет, является представителем древнего аристократического рода. Мой вассал и человек старых правил. Видимо, потому он не признал бастарда сам и взял слово с меня никогда ничего не делать для него.

— И вы послушали? — с досадой и неверием в голосе спросил Амари.

Керво усмехнулся:

— Нет. Но открыто взять Ниньо к себе я не мог. К счастью, вы принц и вольны поступать, как вздумается. — Злая усмешка превратилась в легкую самодовольную улыбку светского вельможи, герцог откинул с лица волосы и чуть склонил голову к плечу. Он, наверняка ждал еще чего-то, но Амари, хмурясь, устался в огонь.

— Кажется, он кое-кого напоминает мне.

В глазах у мальчишки плескалась бледность нидосского неба, а цвет волос от пыли казался серым, но благородства черт не могла скрыть даже грязь.

— Его отец случаем не...

— У графа Вальэ довольно своеобразное отношение к своим отпрыскам, — удовлетворившись догадкой, сказал Керво. — И это еще мягко сказано. При всем том, что Рикардо никогда не был заботливым отцом, а я — образцом сыновнего почтения и смирения, на фоне этой семейки мы выглядели идеально. Признаться, за предательство Дарзи я частично винил его отца.

Амари фыркнул и неприязненно скривился.

— Надеюсь впрочем, из-за этого разговора ваше отношение к самому Ниньо не ухудшится. Это было бы крайне печально.

— Вы можете быть абсолютно спокойны на этот счет, герцог, — кивнул Амари. — Я не сужу людей по их родичам.

— Тем лучше, — прищурился Керво, уж ему бы нашлось, чем возразить на эти слова.

Дверь отворилась, и вошел Карлос. За ним чуть ли не след в след следовал вымытый и опрятно одетый мальчишка. В черном с серебром колете, в белой рубашке и с тщательно расчесанными волосами Ниньо действительно походил на сына графа. Увидев своего герцога, он расплылся в улыбке. Голубые глаза засияли неподдельным счастьем.

— Мой герцог, я знал... Знал! — восторженно заявил он. — Вы просто не могли погибнуть! Кто угодно, только не вы!..

Амари усмехнулся и как бы невзначай потер затянувшуюся царапину на щеке.

— Простите!.. — в голубых глазах было столько искренности, а в голосе — раскаяния, что не рассмеяться не вышло.

— К делу! — сурово взглянув на мальчишку, сказал Керво. — Приберегите заверения на потом, Ниньо, кстати, я вам тоже рад. Завтра в этот дом явятся несколько господ. Возможно, среди них будет одна весьма очаровательная рэя. Так вот вы, Ниньо,

проводите их в этот кабинет. Держаться с ними, — герцог особенно выделил первое слово, — будете подобострастно. И особенно напирайте на то, сколь добр и великодушен нынешний хозяин особняка.

Мальчишка молча поклонился.

— А если его узнают? — с сомнением в голосе спросил Амари.

— Жизнь на улице пошла Ниньо на пользу, — заметил Керво. — С его умением перевоплощаться поспорит разве только рэй Осадиа.

Дверь тотчас открылась, и означенный рэй вошел в кабинет:

— Меня здесь, кажется, поминали? Небеса, как вас много!

— Все, молодой человек, можете быть свободны. Карлос, проводи.

— Мой герцог! — растеряв всю серьезность, воскликнул мальчишка, — мой принц! Рэй Осадиа... клянусь, что не подведу вас!

Амари поморщился и в ответ на настороженный и немного испуганный взгляд произнес:

— У меня к вам просьба, Ниньо, воздержитесь при обращении ко мне от титулов. Уверяю, рэй или просто сударь будет вполне достаточно.

— Как скажете, рэй Амари, — не удержался от словесной шпильки наглец, вызвав смех Керво.

— Не суди строго, — сказал герцог, когда дверь кабинета закрылась за спинами Карлоса и Ниньо.

— С чего бы вдруг? — вздохнул Амари. — Мне нравится. Рэй Рейес не звучит совершенно. К слову, почему вы решили, что заговорщики явятся все?

— Они придут с конкретной целью: либо договориться с вами, либо убить. Вы забываете, Амари, что в их глазах я мертв, а мои слуги вряд ли придут на помощь убийце своего герцога. Появление в особняке светловолосого и голубоглазого пажа лишь подхлестнет эту их уверенность.

Глава 6

Тихий теплый вечер, негромкий струнный перебор, приглушенные голоса. Трепет свечей и лучшее вино, разливающееся по бокалам. Амари было хорошо. Его не брал хмель и в груди сладко ныло. Однако что-то мешало: словно заноза упрямо колола где-то под сердцем. Будто ждал кто-то: звал, тянул за руку, а он не слышал...

— Что с вами?

— Ничего, — вздохнул Амари и постарался не придавать значения глупым чувствам. Он беспокоится о завтрашней встрече только и всего.

— Вы слишком бледны. Идите уже спать, — распорядился Керво. — Завтра вы мне понадобится отдохнувшим и уверенно держащим шпагу.

Амари поднялся из кресла, кивнув. На сердце было все также тревожно. Добравшись до покоев, он остановился подле двери, коснулся гладкого прохладного дерева и отдернул руку. Его ждали, но не здесь — дальше — еще несколько комнат, четыре ступени и выход на балкон, Амари однажды уже бывал там, правда, давно. В первые дни по приезде, ему стало любопытно побродить по особняку. Он тогда бесцельно шатался по этажам и очень старался не столкнуться с хозяином дома. Дверь на балкон он обнаружил случайно: толкнул, шагнул к мраморным резным перилам, высотой достигающим пояса, и, казалось, перестал дышать. Дух захватило от высоты и открывающегося вверху простора. Весь Нозарок — словно на ладони, а вдалеке — лес. И небо... небо... Небо!..

Он побежал туда. Сердце рвалось из груди и воздуха постоянно не хватало. Но, Создатель, какая же это мелочь! Амари едва ли отдавал отчет своим поступкам, полностью положившись на наитие, и даже не удивился, когда, толкнув дверь из черного дерева, вместо ласковой темноты подступающей ночи погрузился в свет.

— Где я?.. — вырвалось неосознанно, стоило ему переступить порог.

Небо казалось одной сплошной радугой. Если подолгу задерживать на нем взгляд, оно медленно изменяло оттенок: белый — сиреневый — зеленоватый — розовый — индиго. А если не вглядываться, менялось скачкообразно, своеобразно своему избранному ритму. Трава отдавала в черный и пурпурный, и только далекое море, как ему и положено, оставалось ярко-синим. Амари побрел к нему. Вскоре темные травинки сменились серым песком и посеребренной галькой. Куда его занесло, он не понимал, но точно не в Эрохо. Простой и привычный, такой родной мир остался где-то за темной дверью, которая, кстати, тотчас исчезла, стоило в нее войти. Впрочем, это не пугало. Любопытство мешалось с удивлением — слишком яркая смесь, чтобы оставить место страху.

Он подошел к кромке прибоя. Море, обычное южное море, чуть зеленоватое, с белыми барашками волн. Если приглядеться, в глубине удалось бы различить силуэты краснобоких рыбешек и стайку мелких медуз величиной с ладошку ребенка.

— Необычно?

— Да... — он вздрогнул, но голос показался слишком знакомым, чтобы не ответить. — Герцог?! — произнес Амари, прежде чем вспомнил, что Керво неоткуда здесь взяться, тот ведь остался в кабинете вместе с Винто. Разве лишь время здесь и в Эрохо текло совершенно иначе, и в Нозароке уже полдень завтрашнего дня. А, возможно, это и не он вовсе, должны же запредельные существа уметь принимать чужой облик? По крайней мере, в легендах только о том и говорилось.

Амари обернулся и, действительно, увидел Керво. Герцог казался... страшным? Нет, скорее необычным. Одет во все черное, а лицо очень бледное, развивающиеся без ветра иссиня-черные волосы и изумрудные кошачьи глаза лишь дополняли образ потустороннего существа. Ворон в обличье черного взъерошенного кота — Амари и сам не знал, почему пришло в голову подобное сравнение.

— Это обратная сторона Эрохо, ваше высочество, — сказал Керво. — Вы на моей территории, потому здесь вам ничего не угрожает. Однако будьте осторожнее, вам повезло оказаться именно здесь.

— Почему такое небо?.. Оно... словно ворожит.

— Вы разве забыли, что я безумен, а еще жесток и деспотичен? Пора бы уж привыкнуть, — Керво склонил голову к плечу, усмехнулся и блеснул изумрудными глазами. — Вот и измываюсь над мировым порядком, насколько хватает воображения. Это место станет таким, каким пожелаешь, если научишься управлять им, — шутливый тон и серьезность слов сбивали с толку. Амари заморгал, стараясь унять резь в глазах, от беспрерывных метаморфоз небосвода у него начала кружиться голова.

Герцог в мгновение ока оказался рядом, и Амари не нашел ничего лучшего, чем спрятать в ладонях лицо. Если это все-таки не Керво, а какой-нибудь морок, зверь или чудище, нингун, смерть наступит немедленно.

— Я столь ужасен?

— Нет. Просто голова кружится, — признался Амари.

— Вам кто-нибудь говорил, что блуждать в чужих снах небезопасно? Отворив эту дверь, вы могли попасться кому-нибудь другому, не отличающемуся мирным нравом.

— Нет.

— А зря...

Глаза закрыты, но перед ними цветовая чехарда. Голова невыносимо кружится, и вот уже Амари летит, сам не зная куда, слыша:

— Рэй Амари!.. Мой принц... Мой принц!

Голова ватная, а тело словно избивали со всей возможной жестокостью половину ночи, Амари приподнялся на локте и тихо застонал. В дверь постучали снова.

— Можно?

— Заходи, Ниньо. И... я, кажется, просил тебя обойтись без упоминания титулов?

— На сударя вы не отзывались, — мальчишка заглянул в дверь и улыбнулся так тепло и приветливо, что захотелось немедленно его пристрелить. Тело ныло, а некуртуазная брань так и рвалась с языка.

— Который час?.. И распорядись, чтобы принесли воды для умывания.

— Скоро полдень.

Эти слова подействовали лучше любой ледяной воды, опрокинутой за шиворот, Амари подскочил на постели и принялся одеваться. Движения получались судорожными и рваными. Только опоздать ему еще и не хватало!

— Почему так поздно?!

— Его светлость распорядился вас не беспокоить... — забеспокоился мальчишка.

— Правильно сделал, что разбудил! А Керво... верен себе!

Затем в комнату заглянул Карлос, коротко поклонился и поставил на стол серебряный поднос с позолоченным кубком, наполненным дымящимся черным зельем.

— Смесь кордии и заборы — нет ничего лучше против беспокойных снов, сударь, — предупреждая вопрос, пояснил он.

Амари фыркнул, но отказываться не стал. Смесь трав на вкус оказалась горькой, но и странно приятной. Ее хотелось смаковать, а не пить залпом, словно горькую микстуру, преподнесенную лекарем.

— Благодарю, — голова слегка кружилась, но особенных проблем обещала не доставлять. Падать Амари уж точно не собирался.

Когда он, приведя в порядок внешний вид и слегка изгнав из души беспокойство, вошел в малую гостиную, то даже не удостоился герцогского взгляда. Принимать заговорщиков в кабинете посчитали непрактичным. Для поединка, случись таковой, там было бы слишком мало места. Синяя же гостиная, хоть и звалась «малой», могла вместить в себя хоть десяток фехтовальных пар.

Амари прикрыл за собой массивную дверь и остановился, рассматривая помещение. Комната располагалась в правом крыле особняка, с краю на втором уровне. По приказу герцога слуги передвинули мебель, освобождая как можно больше места. Длинный стол из белой элалийской ольхи теперь жался к стене, часть стульев унесли, кресла черного бархата с серебром пододвинули ближе к камину, и теперь гостиная казалась просто огромной. Высокий потолок, украшенный лепниной, обитые синим шелком стены, панели из фартийского светлого дуба, украшавшие ее по периметру, до блеска начищенный паркет под ногами, скрытый темным моревийским ковром с длинным ворсом и замысловатым рисунком — слишком изысканно и красиво, чтобы здесь убивать.

— Ты чего? — Винто удивленно приподнял брови. — Проходи.

Амари вздохнул, прошел к камину и упал в кресло.

— Надеюсь, размахивать шпагой вы все же способны, — поморщившись словно от головной, бросил Керво.

— Несомненно.

Керво отошел к окну, осторожно заглянул за портьеру. Во дворе лошадиное ржание и приглушенные голоса смешались с бранью на непередаваемой смеси диалектов. Слов Амари не разбирал, но то, что прибыли те, кого они ждут, понял сразу.

— Чуть больше дюжины и рэя Юрран: ее карета остановилась подле ворот.

Амари представил: вот она выходит. На маркизе черное с красной оторочкой платье, золотое кольцо с крупными рубинами украшает ее шею, длинные серьги касаются плеч, а каштановые волосы забраны в высокую прическу. Кажется, шум шагов по лестнице совпадал с биением его сердца.

Керво коснулся герцогской цепи. Изящные красивые пальцы мимолетной лаской пробежали по украшающим ее сапфирам, подцепили тяжелое старинное серебро. Одним изящным движением он снял украшение и протянул Амари:

— Наденьте.

— Это лишнее. Но я сделаю так, как вам угодно.

Бесшумно открылась дверь, впустив Ниньо. Вряд ли это имя мальчишке дал граф, скорее, Керво.

— Эдвард фок Гонг, Линэя маркиза Юрран и сопровождающие их лица, — с поклоном произнес тот совершенно чужим, незнакомым Амари голосом.

— Рэи и рэя, прошу, заходите! — улыбнулся им Винто. Мундир нозарокского гарнизона он снял, отдав предпочтение черной одежде. Оружия нет в его руках, но можно не сомневаться: очень скоро оно появится. Пока никто из заговорщиков не понял, что к чему, Винто кинулся к двери и оттеснил Ниньо в ближайшую нишу, безжалостно выставив оттуда вазу.

— Пожалуй, присоединюсь к просьбе рэя Осадиа, — проронил Керво, отвернувшись от окна. Он казался спокойным и снисходительным, на губах застыла вежливая улыбка, но слишком уж остро скользил по вошедшим пристальный взгляд — будто удар клинка стремительный и резкий. — У вас дело к моему наследнику я полагаю?

Амари кивнул, повелительно повел рукой, чуть сдвинувшись в сторону, и сапфиры в герцогской цепи засверкали всеми оттенками синего.

— Я готов выслушать вас, — проронил он и скрестил руки на груди — так обычно делал Алонцо, принимая неприятных визитеров.

Заговорщики опешили, но вскоре они придут в себя. Из присутствующих Амари знал Гонга, рэю Юрран и Сеока, другие оставались ему незнакомыми и тем лучше — убивать проще.

Винто опасно скалился из ниши, поигрывая кинжалом. Мальчишка за его спиной выглядел слишком спокойным, чтобы быть таковым на самом деле. Линэя, не обращая внимания на замерших спутников, прошла в кабинет первой. Удивительно, но одета она была именно так, как Амари представлял. Винто в последний момент ухватил ее за руку и увел с линии возможной атаки, спрятав за спиной рядом с Ниньо.

— К бою! — заорал кто-то из заговорщиков.

Амари подался вперед, выхватив шпагу, но первый удар все же остался за Гонгом.

— Щенок!.. Тебя надо было прикончить еще в Кастелле! — выкрикнул тот, блокируя выпад и контратакуя.

Амари не разменивался на оскорбления, спокойно отбив пару верхних атак, он легко поднырнул под чужой клинок и нанес прямой удар в сердце, буквально на толщину волоса не дотянувшись до груди врага. Гонг поспешно отшатнулся и нехорошо сощурился. Амари отбил удар, направленный в бедро, слегка отклонился вправо, пропустив выпад второго заговорщика, отскочил в сторону, намереваясь сменить позицию, и спина к спине столкнулся с Керво.

— Не увлекайтесь, — проронил тот, словно вокруг не реальный бой насмерть, а один из утренних уроков. Амари, если это и задело, то чуть-чуть.

— Будь ты проклят, — прошипел какой-то намитец, решивший помочь Гонгу, а в результате самолично напоротившийся на острие и отступивший к двери. Сбежать ему не удалось: Винто будто соткался из воздуха и после недолгого сопротивления, прервал ничемную жизнь шпиона.

Клинки сцепились, ни Гонг, ни Амари не желали больше отступать. Легкий выверт кисти. Укол и тотчас удар. По дуэльному кодексу бить противников чем-то кроме шпаги не запрещалось, что уж говорить про бийство вроде сегодняшнего? Амари рухнул на подогнувшееся колено, по которому Гонг от души пнул, и, зашипев от боли, ткнул шпагой в живот намитца, увеличивая дистанцию. Гонг уклонился и, решив закончить схватку, ринулся вперед, то ли забыв о защите, то ли решив, что она не нужна. Когда клинок Амари пронзил его горло, Гонг лишь захрипел. В его глазах замешательство и неверие соперничали с лютой ненавистью, но недолго. Удар оказался такой силы, что острие прорвало кожу с противоположной стороны, фонтаном брызнула кровь и Амари пришлось отпрянуть, иначе он вымазался бы ею, как свинья в грязи. Еще совсем недавно он представлял этот миг, думал, станет внимательно наблюдать, как душа покидает тело, а сейчас было попросту противно. Труп врага в натекающей крови не вызывал никаких иных чувств, кроме брезгливости.

— Не спи! Их больше, чем нас!

Только теперь возникла мысль, отчего Керво не захотел привлекать к бойне слуг, но Амари решил отбросить ее как несвоевременную. Какая разница? Решил, что они втроем играючи справятся с дюжиной — с него станется. Он развернулся на каблуках и еще в движении отбил удар, направленный в сердце, отклонился назад, приподнявшись на мысках, и острие очередного клинка провало ткань, не коснувшись кожи. Против него встали двое.

— Мне не хотелось бы заниматься вашими ранами или отписывать Алонцо скорбные вести. И, к слову, их клинки обработаны составом отнюдь не заживляющим порезы, скорее, наоборот, — герцог находился где-то справа в свалке из трупов и ошетилившихся клинками врагов, но говорил так, словно сидел в кресле у камина и, конечно же, все замечал. — Позволять дотрагиваться до себя абы кому — признак нечистоплотности.

Оставшихся соперников Амари заколол спокойно и очень быстро, можно сказать, скучно: то ли мерзавцы стали слишком медлительны, то ли вдруг он научился двигаться быстрее. А затем, когда свои враги закончились, поспешил к Керво, некуртуазно убив подвернувшегося под руку намитца в спину.

— Винто помоги! — с недовольством в голосе бросил герцог, но все-таки прибавил: — Благодарю.

Винто сражался все там же: один из кинжалов торчал в груди упавшего навзничь заговорщика, вторым удачно отмахивался от осаждающих противников. За его спиной, вжавшись в нишу и обнимая Ниньо за плечи одной рукой, а во второй сжимая тонкий изящный стилет, стояла маркиза.

Росчерк стали в воздухе. Очередной противник Винто упал к ногам маркизы, и Линэя еще сильнее вжалась в нишу. Кровь должна была забрызгать ее наряд, но черное, как и красное, превосходно ее скрыло. Красивое лицо исказилось испуганно-презрительным выражением, но Линэя передала стилет Ниньо, а сама, склонившись к трупу, потянулась к рукояти пистолета. Оружие неуверенно дрожало в руке красавицы, с мгновение казалось, будто целилась она в спину Винто, а потом Амари заметил еще одного стрелка — Сеока.

Выстрел!

Оружейник вздрогнул и осел на пол, не успев выстрелить. Линэя уронила бесполезный теперь пистолет и, кажется, сама готовилась рухнуть, но улыбалась и смотрела на Амари чуть ли не восторженно. Винто же, о котором все забыли, победил последнего соперника.

— Я рада, господа, что оказалась вам полезной, — маркиза с благодарностью приняла поданный Керво бокал. Она все еще была бледна, от прически не осталось ничего, но Линэя выдернула шпильки, и тяжелые локоны рассыпались по спине мягкой каштановой волной. Будто так и задумано.

— Более чем, — герцог подарил ей отстраненный взгляд и улыбнулся уголками губ, чуть склонил к плечу голову и стал похож на опасную черную птицу со своего герба. — Я могу узнать, почему вы пошли на искренность с рэем Осадиа, но не с моим наследником?

Линэя качнула головой и отвела взор:

— Его высочество отверг мое приглашение.

— К тому же я умею находить нужные слова, Веласко, — усмехнулся Винто. — Особенно это касается столь изысканного общества.

Амари фыркнул и отвернулся к камину. Его вновь обвели вокруг пальца. Маркиза играла с ним, а так называемому офицеру для особых поручений поведала без утайки обо всем. Именно она убедила заговорщиков в необходимости визита в особняк Керво. Она же, в конце концов, оделась так, чтобы даже среди трупов выглядеть безупречно.

— Не обижайтесь, Амари. У вас просто слишком открытое и искреннее лицо. По нему легко прочитать даже самые потаенные мысли, — Линэя поднялась из кресла, обошла его фигуру, встала, загораживая собой каминное пламя. — Правда, того, что герцог Керво жив, оно мне не поведало.

— В таком случае, не находите ли вы, что оказались неправы?

— Конечно, мой принц, — серые глаза лукаво блеснули. Ее улыбка завораживала всегда, а сейчас казалась просто невозможной. Губы так и молили к ним прикоснуться. Черные опала ресниц опустились и немедленно поднялись. Когда-то она точно также намекала ему о возможности тайной встречи, а завела в ловушку. — Вы ведь не держите на меня зла?

— Как я могу? — вопросом на вопрос ответил Амари и, заглаживая нелюбезность, коснулся губами ее кисти.

— Вот и хорошо, — кивнула Линэя. — Надеюсь на скорую встречу, ваше высочество, герцог, рэй Осадиа.

Она отставила бокал, склонилась в придворном реверансе и медленно выплыла из гостиной. За ней, не дожидаясь распоряжений, направился Ниньо. Кажется, мальчишке

нравилось исполнять роль пажа.

Завтра все закончится. Он отбудет в Кастеллу, вновь бесконечной чередой потекут дни: приемы, балы, присутствие на советах и переговорах — так называемые государственные дела. Амари до боли зубовой не хотелось возвращаться в столицу, но ведь и в Нозароке ему ни к чему оставаться. Загостился так называемый младший принц, слишком много совершил глупостей и, уж несомненно, лучше отправиться в путь самому, не дожидаясь официального вызова Алонцо или герцогской отповеди.

Решено. Он отправится в Кастеллу, но не останется в столице ни одного лишнего дня. Попросится в Рей, на побережье, а хоть бы и в Моревию повидать сестру. А там... Не столь и сложно сесть на какой-нибудь корабль, идущий к неизведанным землям. Эрохо достаточно большой мир, в нем пока еще можно затеряться.

— У вас такое лицо, словно схватка с заговорщиками вам только предстоит, — услышал Амари. А он-то думал, что Керво на него не смотрит. — Или в грезах вам привиделся фамильный призрак?

— Что вы, герцог, как можно?..

— Тогда вас, похоже, мучает сердечная тоска. Полагаю, как обычно, по баронессе Милагрин?

«И как я мог забыть об Инари?!» — подумал Амари и удивленно взгляделся в герцога.

— Если вы ждете моего мнения по данному вопросу, то маркиза Юрран намного привлекательнее вашей бледной добродетели, — заметил тот. — Отвага красит не только мужчин, а в рэе Линэе еще и много внутреннего огня... Впрочем, это ваше дело, юноша. И только ваше.

— Я уже отдал свое сердце Инари баронессе Милагрин, — возразил Амари, — моей будущей короле... суженой, — поправился он, вспомнив, что по крови теперь имеет к царственной династии весьма посредственное отношение.

Керво покачал головой и заметил:

— Вам с этим жить, но разве она согласилась принять ваше предложение?

— Уверен, она согласится.

На это раз герцог тяжело вздохнул.

— Вы все никак не поймете истинную цену свободы, — он тряхнул головой, несколько черных прядей упали на лицо, и Керво смахнул их небрежным движением руки. — Амари, вы принц... даже если не по крови, то по титулу, а теперь еще и наследник рода. Вам совсем немного лет, в этом возрасте нужно жить и веселиться: пить лучшее вино, любить прекрасных женщин и драться на дуэлях не насмерть, а до первой крови, дабы показать удаль и умение, а не умертвить соперника, совершать глупости и не страдать о том, что натворили. А вы насильно загоняете себя в фамильный склеп!..

Амари вздрогнул и поднялся:

— Вы, наверно, правы... Бласко, но...

Герцог рассмеялся:

— Даже со мной вы научились проявлять покорность, каким бы невыносимым я не старался выглядеть. Только ответьте, зачем?

Сказать на это оказалось нечего. Керво снова покачал головой и произнес:

— Пойдемте, Амари. Сразимся ради одного лишь удовольствия! А потом напьемся. Возможно, тогда я научу вас жизни... а, может, и нет. Но то, что вам придется по душе остаток дня и вечер, я гарантирую. Кстати, юноша, если неотложные дела не гонят вас в столицу, останьтесь в Нозароке. Вы теперь мой наследник и прошу об этом не забывать, — в золотистых глазах таились озорные искры. Керво выглядел вальяжным и

расслабленным, беспечным и насмешливым. Отказать ему такому казалось совершенно невозможно.

Глава 7

На этот раз вокруг была вода. По крайней мере, Амари не мог подобрать иного слова для того, в чем брел уже неизвестно сколько времени. Очень плотная, непроницаемая: марево — не марево, туман — не туман. Жидкость? Но сколько ни черпай ладонью — не поднимешь. С небом тоже творилось неладное. Если запрокинуть голову, оно выглядело белесым, но уже дальше к горизонту темнело. Там, где оно сливалось с «водой», размытой полосой тянулась тьма. Это место даже отдаленно не напоминало то, где оказался Амари в прошлый раз. Радужное небо и темная трава выглядели более чем необычно, но все же казались знакомыми. И страха тогда он не ощущал, когда как сейчас опасность напоила все вокруг.

Он прошел еще немного, борясь с усталостью и подступающей дремотой. Унылый пейзаж, словно вытягивал из него силы. В конце концов, Амари опустил голову и перестал смотреть по сторонам. Глаза закрывать повременил, чтобы не заснуть, а в остальном знал — ничего нового не увидит. И, конечно же, ошибся.

— Так-так... И что ты здесь делаешь?

Он вздрогнул. В нескольких шагах от него из воды торчала коряга. Кора блестела смолянисто-черным, и Амари передернуло от неприятного воспоминания. Он все еще не забыл кошмар, привидевшийся накануне его поездки в Тиену. На двух раскинувшихся сухих ветках сидела светловолосая рэя. Ее поза казалась неудобной, но самой девушке, похоже, никакого беспокойства не доставляла. Очень тонкая, невысокая, она, тем не менее, не казалась хрупкой или слабой, скорее опасной. Амари поймал себя на мысли, что не желал бы попасться к ней в объятия и прикоснуться тоже не хотел бы — ни к ней, ни к коряге.

Наряд ее напоминал те, которые носили в период двадцатилетней войны прошлого сига, только выполнен не из бархата и порчи, а прозрачной ткани, отдаленно напоминающей элалийский шелк. Из-под нескольких юбок выглядывали остроносые туфли. Пепельные волосы, не забранные в прическу, развивались на несуществующем ветру. За спиной трепетали крылья — как у стрекоз, только молочно-белые и острые на концах. Поднесешь руку — порежешься. А самым удивительным показалось ее лицо. Оно было... пожалуй, красивым. Даже прекрасным. Бледная кожа со слегка заметным румянцем на щеках, безупречные черты, чувственные губы, темные брови и ресницы, однако все это вместе казалось слишком правильным. Такими Бриколло рисовал своих правиц — неживыми.

Девушка улыбнулась и в свою очередь оглядела Амари с головы до ног. Глаза у нее оказались большие миндалевидными без радужки с одним лишь расширенным зрачком.

— Я всего лишь странник, рэя, — произнес он. Ничего лучшего в голову все равно не пришло. Не представляться же, в конце концов, полным титулом.

— И где же здесь странствовать? И много ли ты уже настранствовал?.. — поинтересовалась она, складывая руки на коленях и сверля его взглядом. — Как ты вообще попал сюда?! Полагаю, это непросто.

Она начинала гневаться, а Амари не знал, как быть и что делать. Признаться во всем? Если перед ним действительно правица — богиня-защитница — то она непременно ему поможет. Вот только в груди от ее взгляда все переворачивалось, и он не мог отделаться от ощущения, будто красавица желает его в прямом смысле слова растерзать и съесть.

— Случайно, рэя. Всего лишь вошел в дверь... — опустив два первых вопроса, произнес Амари.

Нежно-розовые губы растянулись в улыбке, показав очень белые и, наверняка, острые зубы.

— Вот оно как... — лукаво произнесла правица, облизываясь длинным раздвоенным языком. — В таком случае, ты не странник, а входящий.

Амари пожал плечами. Если понимать его ответ буквально, то, конечно, она права. Винто, помнится, тоже любил играть словами и их значениями. Наверное, у всех

запредельных существ имеется привычка к точному словоупотреблению. Вероятно, это даже как-то можно использовать.

— А еще... — вдруг прошипела правица. — Я улавливаю четкий, пусть и не полный запах хранителя. Я бы даже сказала... полухранителя: не вошедшего в право, не исполняющего обязанностей, не умеющего ничего, но обладающего связью с миром.

Амари вздрогнул, опустил руку и сжал эфес.

— Если б подобное имело смысл, ты бы уже умер! — в ее голосе прозвучали визгливые нотки. Амари даже послышалась обида.

— Чем же я пришелся вам не по нраву, рэя?

Она фыркнула и передернула плечами. Обидчивое выражение сменилось на ее лице гневно-презрительным:

— Только Зеркальные миры имеют хранителей! Лишь они отнимают у соседних то, что им не принадлежит, чем не смеют распоряжаться. Их порождения имеют наглость мешать нам! А так... ничем особенным.

Амари прикусил губу и проверил, легко ли выходит из ножен шпага. Он не рассчитывал сразиться с правицей на равных, да еще и на ее территории, но прикосновение к металлу рождало уверенность.

— Неужели?.. — спросил Амари, сам удивившись проскользнувшему в интонации вызову. Существо все больше вызывало у него чувства омерзения и брезгливости, несмотря на всю свою красоту и пропитавшие Эрохо легенды.

— Так, — повторила она, всплеснув руками, — быть недолжно!

Голос зазвенел и отразился от несуществующих стен, порождая сотни повторений: недолжно... должно... жно... но... о...

У Амари зазвенело в ушах, а по телу прошла волна слабости. Он пошатнулся, но устоял на ногах.

— Уверена, эта встреча вовсе неслучайна, — вновь облизнулась правица, слегка нахмурившись, — но поскольку я не могу однозначно назвать тебя хранителем, остается лишь искать ответы в прошлом.

С этими словами она взмахнула белоснежными крыльями, соткавшимися из воздуха. По «воде» прошла рябь, взметнулись пепельные волосы и подол платья, обнажив стройные щиколотки, а Амари на очень долгое мгновение перестал дышать. На коленях девушки возник увесистый том, в правой руке — перо. Прямо в воздухе зависло круглое зеркало:

— Ты удивлен, что я столь прекрасна?

Вместо ответа на этот вопрос он предпочел откашляться. В речах правицы слышалось что-то очень знакомое, какая-то странная неправильность, которую Амари никак не мог уловить.

— Дай! — капризно выкрикнула она.

Амари не успел воспротивиться. Остро заточенное перо выскользнуло из тонких бледных пальцев и, прежде чем он вообще понял, что происходит, вонзилось в его ладонь. Несколько алых капель рассекли черно-белый мир и, сопровождаемые дребезжащим звоном, упали в «воду».

— Посмотрим-посмотрим, — перо послушно вернулось к правице, та открыла книгу на чистом листе и принялась писать. — Чего же ты скрываешь...

Букв он не видел, да и вряд ли смог бы разобрать написанное. Все его внимание притянуло зеркало, которое стало меняться. Сначала заблестели белесые камни по серебряному ободу. Потом они обрели краски и превратились в россыпь изумрудов и сапфиров, рубинов и алмазов. Золотая вязь пробежала по стеклу и подернулась пеной

белых облаков, но вскоре и они исчезли.

Амари никогда не был столь высоко. Ну, если только однажды в горах, однако тогда он просто стоял, взирая на маленькие, будто игрушечные домики, квадраты полей, почти однородный иссиня-зеленый ковер леса. А сейчас он летел! И сами горы казались не более чем складками, образовавшимися на пестром лоскутном одеяле.

— А мир все-таки зеркальный, — заметила правица оценивающим тоном. — Что и требовалось доказать.

Амари поежился и не ответил. Он все также смотрел в зеркало.

— Я читаю историю мира по твоей крови, — прошелестело над ухом. Амари дернулся, но девушка сидела все там же и подходить не собиралась, просто звуки вели себя здесь странно.

Зеркальная гладь, тем временем, изменилась. По ней пробежала рябь, снова возникли облака, когда они рассеялись, Амари увидел небольшую каменную площадку, опоясанную грудой неровных валунов. На самом выдающемся камне устроилась пушистая кошка, слишком большая в сравнении с сородичами, наводняющими трактиры и обживающими портовые склады и рынки, изумрудноглазая, черная с проседью и с рассерженно прижатými ушами. Подле нее застыло крылатое существо. Фиолетовые глаза и золотые локоны ему вновь кого-то напомнили, но Амари сейчас было не до случайно всплывших в голове мыслей, он весь обратился в слух и зрение.

— Договор, — пропела правица. — Так-так... вижу, твоя кровь напрямую связана с этим спором... Ты знаешь о нем?

— Кошка и правица. Последней пришлось отступить, — Амари не собирался произносить этого вслух, но, похоже, это место само придавало мыслям звучание.

— Это не означало проигрыша, — в голосе правицы послышалось удовлетворение, — скорее, точно рассчитанный ход. Ты полагаешь, с миром, ополчившимся на собственных хранителей, могло произойти что-нибудь хорошее?

Он промолчал. К кошкам в Эрохо относился ровно далеко не везде, впрочем, трактирщики, страдающие от крыс, привечали этих созданий всегда.

— Однако в отношении Эрохо, — она недовольно фыркнула, и Амари глубоко вздохнул: ее излишние эмоциональность и самоуверенность раздражали, слишком уж показными выглядели, — все намного запутаннее. Уж не знаю, кто или что подстраховалось, но у зеркального мира нашелся и олицетворенный хранитель, — теперь она говорила очень быстро, буквально выплевывая слова. — То ли кровь в нем текла особенная, то ли он сам пришел из-за границы миров. В тот момент, когда заключался договор, мы о нем не подозревали.

Зеркало затуманилось, а потом показало невысокого черноволосого мужчину с узнаваемыми, пусть и более мягкими, чем у Керво, чертами лица. Кровное родство бросалось в глаза, Амари даже порадовался, что не схож лицом с новоявленным дядей, иначе правице не пришлось бы даже задумываться, кем он является на самом деле.

— Впрочем, и в отношении него были предприняты действия определенного свойства, — она перевернула страницу и продолжила писать. Кровавые литеры ложились на чистый лист. «Чернила» не кончались, как не закрывалась нанесенная Амари царапина. — Что я вижу! Тебе интересно... тебе неизвестно... тебе не рассказывали...

Амари мотнул головой, прогоняя пелену, на мгновение затуманившую взгляд. Изображение изменилось. Теперь оно показывало статного мужчину среднего возраста с колючим ледяным взглядом стальных глаз. Аларо мало походил на своего далекого потомка, у Амари с ним было гораздо больше общего, нежели у Алонцо.

— Все миры живут по определенным законам, — глухо проговорила правица. — Зеркальные не исключение, однако они постоянно искажают суть. Любое пришедшее из-за границы существо они преобразуют. Чаще всего в человека, — она помолчала, скорее, любясь произведенным эффектом, нежели подбирая слова. Амари же пожал плечами. Ничего пугающего в своем предке он не увидел. — Я скажу, что сейчас перед тобой тот,

кто был побежден правицей, тот, кто все же прорвался в твое... Эрохо, но утратив бывшее величие, стал частью этого мира. Человеком. Почти обычным. Это «почти» позволило Аларо убить хранителя...

— Но не одержать победу! — Амари сам не понял, зачем выкрикнул эти слова. От голоса правицы звенело в ушах. Ее необычный говор отравлял душу, и в груди начала клокотать ярость пополам с ненавистью. Да кто дал ей право судить?! С какой стати она вмешивается... уже вмешалась?

Все, чему его учили с детства, теперь казалось неправильным, искаженным, наносным. Он искренне полагал, что поднимать руку на женщину пошло, и безразлично рзя перед ним или простолюдинка, неважно предала ли она или обманула. Правил в Эрохо считали проводницами воли Создателя, воплощением всего самого светлого и доброго, но Амари нестерпимо хотелось выхватить шпагу. И плевать на ее отталкивающее совершенство, ее мнимое величие, ядовитый голос и злобу, которой у богини-защитницы попросту не может быть! И пусть ему не победить в этой битве, он и не проиграет. Проиграл бы, если бы проникся ложью бесчувственного существа, жаждущего уничтожить его мир.

— Мы не учли того, что всяким низшим присуще руководствоваться скотством, а не высшими ценностями. Истинно разумное существо, узнав, что является лишь паразитом, убило бы себя, но у вас жажда жить превышает всего, — продолжала тем временем правица. Казалось, она и не замечала его мыслей или заведомо считала себя победительницей, а Амари ни в кастоль не ставила.

За зеркальной гладью Керидо Керво нежно обнимал дочь Аларо Рейеса, вызволившую плененного герцога из темницы.

— Смотри на меня! — прокричала правица таким тоном, что Амари невольно вздрогнул и оторвался от созерцания легендарного прошлого. — Позже Аларо уничтожил хранителя, но это уже ничего не могло изменить, — правица фыркнула. — Демоны — те же скоты, что и люди, только власти у них больше. Разумом они вообще не пользуются, если на то пошло. Аларо никогда не убил бы собственное продолжение, и касалось это не только дочери, но и ее новорожденного отпрыска. Аларо оставил в живых нового хранителя, этого ублюдка, ставшего лишь сильнее от смешения людской и демонической крови! — она прищурилась. Зрачок полыхнул пурпуром и заполонил всю глазницу. Глядеть на нее стало выше всяких сил, и Амари отвернулся. — Тебя выдала собственная кровь, входящий. Я вижу, кто ты есть на самом деле!..

Он выхватил шпагу, ожидая удара. Ненависть и злоба правицы вырвались наружу, обретая реальную силу. Амари ощущал ее как давление со всех сторон, словно был камнем, попавшим меж двух жерновов, и от того, кто окажется тверже, зависела не только его жизнь, но и судьба Эрохо. Он хватал ртом ставший вдруг тягучим воздух и не мог вздохнуть. Перед глазами поплыли разноцветные круги, на мгновение зажмурившись, он все же взял себя в руки, дерзко вскинул голову и изобразил на губах злую усмешку, которая столь удавалась последнему герцогу Керво... и встретился взглядом с насмешливым прищуром изумрудных глаз.

Зеркала больше не было. Перо выскользнуло из ослабевших пальцев. Правица хрипела, ей тоже не удавалось вдохнуть: грудь пронзила шпага, да так, что острие высунулось из спины.

— Самое время припомнить кодекс Сантьяго, юноша, — зло бросил Керво. Его глаза больше не улыбались. Взгляд был холоднее льда и острее стали. — Меня интересует пункт об особо трепетном отношении к прекрасным рзям.

Амари промолчал.

— У вас, наконец, появился достойный повод: для дуэли ли, казни ли уж выберете сами.

Амари не проронил ни слова. Он по-прежнему усмехался, сам того не замечая. Словно к лицу прилипла карнавальная маска. Очень злая маска. Керво отзеркалил эту усмешку, и ему стало совсем не по себе.

— Я полагаю, вы прониклись речами этой шлюхи, — Керво упер носок сапога в живот слабо дергающейся правицы и резко потянул клинок. Существо захрипело сильнее,

крылья дрогнули, и оно исчезло во вспышке резкого белого света. — Впрочем, мне безразлично. Для меня, как можете убедиться, не существует ничего святого.

— Бласко, зачем?! — Амари шагнул к нему. — Не надо так! — удивительно, как он вообще заставил шевелиться сомкнутые губы. Керво был вне себя и, наверняка, не рад тому, что сначала пришлось разыскивать невыносимого наследника, а потом еще и спасать, только Амари не собирался уступать его ярости. Не в этот раз, по крайней мере. — Я ей не поверил...

— И зря, — резко бросил герцог. — Правицы не лгут.

— Как и ты...

— Возможно, — он проследил взглядом алый след, тянувшийся за Амари, и нахмурился. — А, может, и нет.

— Бласко... они ошибаются.

— Правицы не ошибаются, — процедил сквозь зубы герцог. — И теперь мне пришлось прикончить одну из них. Если война между нами не вспыхнет с новой силой, это будет чудом в духе вашего почившего Создателя!

— Из-за меня... не стоило!

— Как обычно, — ухмыльнулся Керво почти по-доброму. — Вы не меняетесь. Может, это и хорошо, вот только правица не Теренс Намитский, дипломатические способности Алонцо не помогут замять конфликт.

— Но можно же найти вариант, устраивающий всех? Или он невозможен?.. — герцог выглядел усталым, Амари тоже было нехорошо: от свалившейся на него злобы и зрелища хладнокровного убийства.

— Идем, — Керво ухватил его за плечо и поволол подальше от погружавшейся в белесое море коряги.

— Нет ответьте! Я желаю знать, почему...

— Потому что, — передразнил его Керво. — Варианты... о... они предложат вам сотню на выбор и один лучше другого: честнее, правильнее, добрее. Справедливее, наконец, — он сухо рассмеялся. — Только все это рано или поздно сыграет на них. Все, в чем вы привыкли барахтаться, Амари, хорошо спланированный план. Блеф. Игра с заправским шулером. Это то же самое, если бы, например, я или вы вдруг сильно уверовали в Создателя или в какую-нибудь запредельную тварь. Да хоть бы сами себе кого-нибудь выдумали! Такого, знаете ли, всепрощающего, всепонимающего или бесконечно справедливого. И приняли бы ему рьяно молиться и бить поклоны, искренне считая, что после смерти получим воздаяния за свои поступки, — в глазах герцога отразилось холодное презрение. — Как вам такой вариант? Привнести в Эрохо новую религию?

— И что с того, если правицы предложат верить в это? Взамен войны, длящейся уже ни один сигг... — Амари смотрел спокойно, и Керво не заставил себя долго ждать с ответом, только очень уж недобро улыбнулся, и закаменел лицом.

— Не сомневался в вашем вопросе ни одного лишнего мгновения, — разочарованно бросил он. — А теперь послушайте меня, ваше высочество. Если вы не в состоянии ответить за собственные поступки, — продолжил он уже буднично-скучающим тоном. — Если вы глупы настолько, что не отдаете самому себе отчета в них, и вам обязательно нужен некто со сводом законов подмышкой. Если у вас нет зачатков совести. Никакое служение никакой великой цели или божеству вас не спасет! Правицы слегка подправят нынешнюю веру, создадут правила и ритуалы, которым необходимо следовать, дабы заслужить счастье в посмертии, а потом возьмут Эрохо голыми руками! Их цель — уничтожение всех зеркальных миров.

Амари вздохнул и покосился на черное пятно, в которое превратилась коряга. Там, где злое сияние поглотило правицу, не было вообще ничего, лишь белесая пустота поверх тумана.

— В Кассии их почитают как помощниц Творца... — грустно прошептал он. — Меня учили, что они помогали создавать Эрохо.

— Именно так и обстоит дело, ведь именно они Его и уничтожили, — согласился Керво. — Вряд ли мир мог бы возникнуть иначе, чем из крови очень сильного существа, слишком жаждущего жить, чтобы бесследно кануть в небытие.

— Но... она сказала, наш мир мешает соседним.

— И что же из этого? Ваше существование тоже не давало покоя некоторым личностям, — Керво завладел его рукой и присвистнул, рассматривая все еще не затянувшуюся царапину. — И я вполне уверен, недоброжелатели у вас есть и сейчас. Желаете покончить с собой им в угоду? Возможно, кто-то вас даже объявит блаженным после этого.

— Обойдутся.

Керво вытащил белоснежный платок, перемотал рану и на попытки Амари отстраниться не обратил внимания.

— У Кассии врагов еще больше вашего, — сказал он, наблюдая за тем, как кровь пропитывает белоснежную ткань. Амари нахмурился: из столь незначительной раны кровь просто не могла течь с такой скоростью. — И у всех этих врагов своя правда. Кесария, например, вполне искренне полагает своим Нидос. Предлагаете отдать? Для намитцев это была бы высшая справедливость, — хмыкнул Керво. — Так вот, юноша, у мира врагов еще больше. В том же, что не все запредельные существа чистоплотны, вы смели убедиться, как и в том, сколь отвратительно может выглядеть идеальная красота. Делайте выводы.

Весь этот монолог герцог потратил на то, чтобы наскоро перевязать руку еще одним платком. Кровь все равно не остановилась, а выглядела повязка так, словно Амари лишился кисти, а не поранил ладонь. Керво придерживал его за плечи и осторожно, но как можно быстрее вел к чернеющему вдали горизонту.

— Голова уже кружится?

— Немного, — признался Амари. — Бласко... вы правы. Я чувствую, даже готов согласиться, но... это противоречит всему, чему меня учили с детства.

— Справедливостей столько же, сколько и правд. Не существует однозначно черного и белого, правильного и неправильного, — быстро проговорил герцог, придерживая его за локоть и помогая идти. Кажется, теперь он просто заговаривал ему зубы. — Так или иначе, но приходится выбирать и единственное мерило здесь совесть и ваша честь. Наплевать, если окружающие считают, что у вас нет этих качеств. Безразлично, если они уверены в бесчестности ваших поступков.

Герцогу уже, похоже, было неважно, о чем говорить. Иначе с чего б ему разглагольствовать о справедливостях, которые он считал самыми эфемерными из иллюзий. Он и о любви, наверное, заговорил бы. И о добродетели. Лишь бы Амари слушал и не позволял себе упасть. Почему-то это казалось важным, и он старался идти ровно и как можно быстрее. Вскоре, ему стало совсем тяжело. Амари уже почти висел на Керво, а тот делал вид, словно этого не замечал.

Глава 8

— Будьте так любезны, просветите, какая блажь туда вас понесла?! — Керво вальяжно развалился в кресле, откупорил бутылку вина и наполнил два бокала. На Амари он предпочитал не смотреть, только кривил бровь и ухмылялся, бросая время от времени мимолетные взгляды на квохчущего лекаря.

Амари не знал, стоит ли говорить об изнанке мира при постороннем, потому безмолвствовал. К тому же худой сутулый человечек его раздражал. Лекарь суетился, словно насадка над яйцом, а ведь рана не была серьезной. Получи он пулю в грудь или вражеский клинок меж ребер, с благосклонностью принял бы и тинктуры, и озабоченные речи. Но не сейчас! Не с порезанной ладонью. У Амари складывалось впечатление, словно над ним издеваются. И, наверняка, не без распоряжений Керво, желавшего отыграться за произошедшее.

— Уважаемый Гарстон, — сполна насладившись зрелищем, герцог кивнул на один из бокалов и ловко ухватил за тонкую витую ножку свой.

— Да-да! — спохватился лекарь. — Его высочеству необходимо пить, и как можно больше. Красное вино прекрасное кроветворное средство, — он просеменил к креслу Керво, взял бокал и вернулся обратно. — В вашем состоянии это лучшее лекарство.

Амари привстал на локте, повыше устраиваясь на подушках, слегка поморщившись, потянулся за вином. Голова по-прежнему кружилась, пусть он и чувствовал себя намного лучше благодаря стараниям уважаемого лекаря. Когда Керво дотащил его до заветной двери, Амари на полном серьезе решал, стоит ли упасть и больше не подниматься или умереть на месте.

— Кто бы меня так лечил, — посетовал герцог. — Впрочем, это мое вино. И пить его я буду столько, сколь мне угодно. Юноша, я жду ответа.

Амари вздохнул и покосился на лекаря.

— Уважаемый Гарстон, вы можете идти, — позволил Керво. — Уверен, вы сделали все возможное, и в ближайшее время принц Рейес встанет на ноги.

Лекарь поклонился:

— Да-да... Его высочество потерял много крови. Ему следует побережться.

— Я прослежу, — заверил Керво, а когда тот вышел и осторожно прикрыл за собой дверь, недобро прищурился. — А то вдруг повторится...

Его взгляд ничего хорошего не предвещал, и Амари поспешил заговорить, чтобы не вызвать еще большего недовольства:

— Я должен был убедиться в... реальности происходящего. Слишком уж...

— Убедились? — прервал его Керво.

Амари кивнул.

— Прежде чем лезть в дела, в коих не смыслите, вам следовало хотя бы подумать, — заметил герцог. — Я ведь мог и не появиться столь поспешно.

— В следующий раз я так и поступлю.

— В следующий раз? — Керво удивленно вскинул бровь и на этот раз весело рассмеялся. — Неописуемая наглость и самоуверенность. Пейте вино.

Амари послушался, опустошив за раз полбокала и почти не ощутив вкуса:

— Я должен понять, Бласко...

— Научись для начала самостоятельно выпутываться из последствий, — бросил тот устало.

— Я научусь, — Амари постарался произнести это как можно увереннее.

— Когда-нибудь, весьма надеюсь. Впрочем, боюсь, мне действительно придется посвящать тебя в подробности, иначе придется ходить за тобой хвостом и опекать. Не хотелось бы лишиться единственного наследника. Впрочем, свободное времяпровождение мне столь же дорого.

В ставни постучался ветер. Сегодня он оказался на редкость вежлив: прежде чем влететь в комнату, напомнил о своем присутствии. Он тронул белоснежные простыни, пригладил волосы Амари и уселся к Керво на плечо, играя кружевным воротом.

— Если я не устраиваю вас как наследник, вы всегда можете жениться, — заметил Амари, — вам еще не поздно обзаводиться детьми. Когда я появился на свет, Алонцо был старше вас. То есть, я хотел сказать...

— М-да... — протянул Керво. — Наглость свыше всяческих похвал. Желаете дуэль, Рейес? — ехидно поинтересовался он. — Если мне не изменяет память, значительных успехов в фехтовании вы так и не достигли, по крайней мере, не в сражении со мной.

Амари вздохнул и коснулся губами золоченой кромки хрустального бокала. Вино чуть дрогнуло от прикосновения и заиграло в свете свечей: терпкое, отдающее пряными травами.

— Простите, — выдавил он, когда тишина слишком уж затянулась.

— Да уж, придется, — ядовито бросил Керво и неожиданно сменил тему. — Итак, кто такие правицы, вам теперь известно из собственного опыта.

Амари допил вино и, осторожно поднявшись, перебрался в соседнее с герцогом кресло — так показалось правильнее.

Керво одобрительно кивнул и вновь наполнил бокалы:

— Вам точно понятно, что такое Эрохо?

Амари пожал плечами.

— Мир, возникший на стыке двух других миров. Правицы мнят подобные неправильными, опасными даже, — пояснил Керво, — и считают своим долгом уничтожать их по мере сил. То, что Эрохо обитаем, их мало волнует. Более того, они стараются на этом играть, как вы, опять же, могли убедиться.

Амари кивнул и поморщился. Недавнее зрелище во всей красе встало перед глазами.

— В определенном смысле, я... и, если согласитесь, мы противодействуем общемировому порядку. Богам, — хмыкнул Керво. — Ко мне многие не питают радушия и даже отчасти в этом правы, боятся, ненавидят. Вы точно готовы пойти по пути подобной славы? — он говорил шутливым тоном, в голосе и намек на серьезность не было, но постоянно щурился, а расслабленная поза больше напоминала готовность пантеры перед броском.

— Я не боюсь, герцог.

— А зря. И... уж не примеряете ли вы великомученический венец?

— Вот еще! — Амари даже разозлился, резко вскинул подбородок и тотчас об этом пожалел. Перед глазами повисла пелена, и комната предательски накренилась. — Почему мне так... паршиво? — наконец, нашел он правильное слово, пусть из лексикона простолюдинов, но вполне удачно описывающее его состояние.

— Эрохо связан не только с соседними мирами, но и с межмирьем. Он не отделен от него, потому и нуждается в хранителях, не имея иного способа защититься. В некоторых местах изнанка мира прорывается. Часовая площадь в Кастелле лучший тому пример.

— Ясно.

— Не думаю. Остерегись путешествовать, пока полностью не придешь в себя. И, тем паче, не задерживайся вне Эрохо, если получил даже небольшую царапину, иначе

сегодняшнее тебе негой покажется.

— Легко говорить, — пробормотал Амари.

— Впрочем, полагаю, о том, как беспрепятственно и не тратя лишнего времени вернуться, я с тобой еще поговорю, — пообещал Керво. — Что еще?

— Зверь...

— В зеркальные миры запредельные существа проникают проще и легче, чем в основные. Мир преобразует их, но не лишает силы, — герцог пригубил вина и продолжил: — Если в Эрохо пробралась правича, а я полагаю это весьма возможным, то она способна призывать и создавать себе помощников. Ей подобные действия крайне неприятны, но чего не сделаешь для цели, которую считаешь высшей.

— Откуда вы знаете?.. В смысле, что ей это неприятно? — спросил Амари. — Может, как раз наоборот, и нингунов здесь скоро будут тысячи, — он не рассчитывал на ответ, скорее, на язвительную отповедь, однако Керво кивнул и принялся объяснять:

— Боюсь, в этом мы с ней схожи. Вы ведь имели дело с моими слугами, могли убедиться в том, что они слегка отличаются от прочих.

Амари кивнул. Не то, чтобы он следил, но те делали порой просто невозможные вещи. С какой легкостью Омеро находил общий язык с лошадьми, например. Да что там! В Тиене небольшой отряд герцога справился с разбойниками играючи.

— Это довольно сильно бьет по здоровью и мироощущению, но эффективно. Правда, если человек, с которым я поделился силой, вдруг умирает, достается и мне.

— Краше в склеп кладут, — согласился Амари. — А я думал, у вас похмелье.

— От южного вина? — усмехнулся Керво. — Не дождетесь.

— И не собирался, — заверил Амари.

— Полагаю, когда вы с Винто потрепали нингунов, а я убил монстра, крылатой дряни пришлось несладко, — Керво благосклонно кивнул и поднялся. — Приключений на сегодня вам явно достаточно, отдыхайте. Кстати, по поводу ваших сомнений: если бы вы меня не устраивали, то могли и не мечтать о наследстве. И мне было бы абсолютно безразлично, чей вы сын и у кого воспитывались.

Улица Роз находилась в центре Нозарока на достаточном удалении от рыночной площади. На ней селилась знать и зажиточные горожане, кварталы ремесленников также располагались в другой части города. Спокойная, зажиточная, утопающая в кадках с цветами она стрелой пронеслась с севера на юг. Особняк, в котором жила теперь маркиза Юрран не удивлял огромными размерами, но и крошечным его назвать не позволяла совесть. Высотой в два уровня он стоял посреди сада рядом с круглым озерцом, по которому плавали утки.

Когда Амари подъехал к мраморному крыльцу, и слуга уже потянулся к поводу Злата, на втором уровне стукнул ставень. Отблеск от стекла, стрельнул в лицо солнечным лучом, заставив зажмуриться.

— Приветствую вас, ваше высочество! — в окне появилась сияющая маркиза. — Я спущусь через пару мгновений.

Амари коснулся широкополой шляпы и слегка склонил голову в приветственном поклоне. Линэя действительно не заставила себя долго ждать. Очень скоро отворились резные двери, и по крылечку процокали каблучки ее акуратных туфелек. Сегодня она облачилась в багряное и золотое — довольно коварные цвета, но маркизе они подходили. В строгом по последней кастеллской моде платье она выглядела одновременно величественно и дерзко.

— Я собиралась прогуляться, когда слуга доложил мне о вашем визите.

— Прошу прощения, если отвлек вас от важных дел, — поднеся руку к груди, повинулся

Амари.

— Были бы они еще действительно важными, — рассмеялась она. — Вы перебили всех заговорщиков, а потому в городе воцарились тишь, спокойствие и скука.

— Очень надеюсь на то, маркиза.

Она качнула головой в неопределенном жесте и спросила:

— Вы приехали, потому что возвращаетесь в столицу?

На луку седла села мелкая птица и зачирикала очень уж пронзительно. Злат махнул головой, сгоняя нахалку, которой и люди не казались опасными.

— Нет. В связи с известными вам обстоятельствами я остаюсь в Нозароке на неопределенный срок, — сказал Амари, — а приехал, влекомый единственным желанием видеть вас.

— Рада, — произнесла маркиза, как показалось, вполне искренне.

— Как вы устроились?

— Свыше всяких чаяний, я даже не надеялась на столь замечательное жилище, — заверила она. — Ваше высочество, а герцог Керво не почтит нас присутствием? — спросила достаточно тихо, чтобы никто кроме Амари не расслышал слов.

Он покачал головой. Герцог по-прежнему не спешил показываться на публике. Его полностью устраивало нынешнее положение вещей, и воскресать он не желал, прибавляя, что чехарда с властью имущими еще никогда и никого не доводила до добра: раз уж Амари, наконец, принял и городской совет, и местная знать, негоже появляться почившему герцогу Керво. Амари вздыхал, терпел укоризненные взгляды горожан, принимал вассалов, которые, кстати, и не подумали возмутиться кандидатурой младшего Рейеса на роль владетеля Нидоса, и порядком устал от неопределенности. Вдобавок ко всему два дня назад явился какой-то чиновник с огромным количеством листов, и ему пришлось вникать во все, а потом подписывать.

— Я не удивлена, — маркиза склонила голову к плечу. — Веласко Керво в остроумии не откажешь, как и в предусмотрительности. Насколько понимаю, в высшем свете его также можно не ждать.

Амари кивнул и предложил ей руку. Вместе они направились в сад, любоваться древовидными пионами и розовыми кустами.

— Сколь долго вы намерены пробыть в Нидосе, рэя?

— Не знаю, — Линэя улыбнулась уголками губ. — Это от многого будет зависеть, — она немного помолчала и продолжила, не дождавшись от него реплики: — Например, насколько быстро забудется моя роль в известной вам истории.

— Пожалуй, — согласился Амари, чувствуя легкую досаду из-за того, что не признался, насколько сильно хочет видеть ее в Нозароке, и никак не мог понять, действительно ли слышит недомолвки и намеки в ее словах. Он всегда находил маркизу очаровательной, но никогда не вздыхал по ней. Из-за Линэи он попал в беду, но именно сейчас ее общество стало ему более чем приятно. При этом Амари точно знал, что любил Инари. По крайней мере, искренне полагал себя влюбленным и вне зависимости от слов Керво и Винто собирался следовать своему выбору до конца.

Под ноги бросилась серая кошка. Маркиза ахнула от неожиданности и сильнее сжала его руку.

— Маинька! — донеслось из-за ограды. Радана едва не плакала, держась за прутья. Кошка меж ними прошмыгнула легко, а сейчас, взобравшись по яблоневому стволу, самозабвенно вылизывалась.

— Твое чудо? — в голосе маркизы звучали снисходительность и веселость.

— Моя кошка, — ответила Радана. — И я никому не дам ее в обиду!

— А я и не собираюсь обижать ее — сказала Линэя и оборотисто улыбнулась.

«С чего бы ей заговаривать с какой-то горожанкой?» — подумал Амари. Раньше Линэя никогда так не поступала, по крайней мере, он не видел.

Радана выглядела странно, вернее наоборот: вполне обычно. На щеках румянец, волосы и платье — в беспорядке, а глаза живые. Из взгляда ушла обреченность и отстраненность.

— И как тебя зовут?

— Радана, — слегка смутилась девушка и неуверенно улыбнулась в ответ. — Благородная тана, простите. Только перед дядькой моим, Хайме, не ругайте. Я и так у него зря хлеб ем.

Амари усмехнулся, но на него никто не обратил внимания. С его спасительницей, что-то произошло и, наверняка, очень хорошее. Уж, если она разговаривает просто на улице, а не по вине своих видений и не сидит на лавке в темном углу, лелея свою кошку.

— Не стану, — пообещала Линэя. — Но не хотела бы ты освободить родича от подобной обузы? — изящным движением кисти она указала на Радану и рассмеялась. — Я оказалась в этом городе случайно. Одна. Мне понадобится служанка.

— Конечно, благородная тана... — проговорила девушка и, неуверенно кивнув, поклонилась.

— Вот и прекрасно, заходи в ворота, тебя проводят в дом, — ответила Линэя и возобновила путь, оставив Амари в замешательстве.

Когда он нагнал ее, маркиза тихо смеялась, прикрыв рот кистью.

— Никогда не поверю, будто все это время вы обходились без служанки, — заметил он.

— Конечно же, нет, — она одарила его насмешливым взглядом. — Но, я смею надеяться, вы довольны? — и слегка коснулась высоко заколотых каштановых прядей, мимолетно поправив широкополую шляпу с пышным плюмажем.

— Я?..

— Вы слишком внимательно смотрели на эту горожанку. Я тотчас поняла, вам безразлична ее судьба.

— Это не то, о чем вы подумали, рэя!

— Ваше высочество, — она следила за ним из-под полуопущенных ресниц и улыбалась уголками губ, — откуда вам известны мои мысли? — он прикусил губу и не ответил. — Вы все также старомодны, Амари, — сжала плечи, наконец, Линэя. — Конечно же, я не увидела в этом ничего предосудительного, лишь ваше желание помочь этой бедной девушке.

— Она оказала мне очень весомую услугу, — оправдываться он не хотел, но фраза прозвучала именно так.

— И это тоже ясно, — Линэя подошла ближе и положила изящную кисть поверх его пальцев. — Вам никто не говорил, что пора выбираться из дремучего леса недомолвок, опасений и дряхлой чести?

Амари усмехнулся:

— Что-то подобное безудержно повторяет герцог Керво... в разных выражениях.

— Он великий человек! — вновь рассмеялась Линэя, — но хватит о Керво, я намерена показать вам сад и дом, а заодно познакомить с творениями своего повара. Уверю, в своем искусстве он запросто заткнет за пояс всех придворных стряпчих.

Особняк Милагринов встречал затхлостью, пустотой и запущенностью. Они не оседали пылью и не скрипели воротами, но очень отчетливо витали в воздухе, и Амари в котрый уже раз усомнился в правильности решения отправиться сюда. Зря он, наверное, оставил маркизу в одиночестве. Однако не Керво ли неустанно повторял, что своим ощущениям необходимо верить? Линэе ничего не угрожало, она была довольна и все еще обустраивала по вкусу новое жилище. Карлос ей в помощь. Амари же внезапно почувствовал — его ждут, зовут. Инари в опасности!

Когда из окна второго уровня сверзился горшок с цветами, он уже не сомневался — происходит нечто неправильное. Амари не заметил, как достиг окна и перемахнул через подоконник. Даже не верится, что забраться по цепляющемуся за стены винограду, когда-то потребовало у него много времени и сил. А еще ему неожиданно стало смешно. Он никогда не войдет в опочивальню своей невесты? Да он уже был в ней! В одну из первых их встреч, а сейчас именно там и окажется. Снова! Однако на размышления уже не хватало времени. Он застыл посреди комнаты с обнаженной шпагой в руке. За столом сидела Инари, одетая как для королевского приема. Светлое платье, безупречная прическа, драгоценности, которые баронесса ранее не надевала. Амари никогда не видел таких опалов: серых с россыпью белых вкраплений, словно осколки тумана в пасмурном небе.

Показалось или Инари поморщилась, увидев его? Скорее всего, у нее болела голова. Да и не мудрено: Керво говорил, что нингуны не способствуют хорошему самочувствию обычных людей. Сколько же их здесь? Двое? Нет. Третий отлепился от стены: остался бы там, где стоял, Амари его и не заметил. Ему понадобилось всего лишь мгновение, чтобы протянуть руку, схватить Инари за руку и швырнуть к себе за спину. Пусть невежливо, зато эффективно. И Керво снова оказался тысячу и десять тысяч раз прав: предчувствиям стоит доверять!

Ближайшие нингуны не двигались, третий отплыл к двери. Они стояли, будто в нерешительности. Амари усмехнулся и шагнул им навстречу. Бежать бесполезно, да он и не хотел этого. Есть твари, которых нужно убивать всегда и везде, представься возможность, а трое — не так уж много для него сейчас.

Амари подался вперед, но запястье сжали холодные пальцы.

— Ваше высочество... — предостерегающе начала Инари, — не нужно.

— Не бойся, — он осторожно высвободился и тепло улыбнулся. — Со мной ничего не случится, — и ринулся на врагов. Время схлопнулось и одновременно растянулось, казалось застывшим и вместе с этим бешено несущемся. И сам он двигался вместе с ним, умудряясь быть в нескольких местах одновременно. Сам не понимал, как подобное возможно, однако действовал: уворачивался от, казалось, неминуемых прикосновений и колол, колол, колол... До него тоже пару раз дотянулись, но это было несущественно.

Белоснежный ковер под ногами расцвел алыми маками. Нет, кровью. И не ковер это вовсе, а камни Часовой. Так показалось на краткий миг и тут же забылось.

На плечах — холодные пальцы. Амари сбросил их.

— Не надо меня сейчас держать!

Удар. Амари зашипел от боли и обернулся.

Инари бледная и испуганная, в руках какое-то блюдо, теперь расколотое. Если бы он не отшатнулся, повинувшись неясному наитию, то уже лежал бы в ногах у нелюдей. Инари, наверняка, промахнулась, не могла она целить в него. Она же, в конце концов, не враг самой себе. Даже, если не любит и Амари ничего для нее не значит, она не могла встать на сторону нингунов! Да и Создатель с ней, с этой любовью. Сейчас главное — выжить. Выживут — уж как-нибудь разберутся.

Ближайший нингун взвыл и изошел туманом. Осталось двое. Двое! А он даже усталости не почувствовал, хотя крови на ковре, кажется, прибавилось. Еще один горшок с цветком весьма удачно попался под руку. Воду Амари выплеснул под капюшон одному нингуну, горшок разбил о голову другого. Кто бы сомневался, что нелюдей это не остановит, но на краткий миг они замедлились. За спиной вскрикнула Инари, одновременно еще один

враг забился в судорогах и исчез.

— Потерпи, осталось недолго!

На последнем нингуне Амари провел прием, который давно ему не удавался. Сколько Керво ни показывал, запомнить и повторить движения никак не выходило. Нингун припер его к окну, подавшись вперед, намереваясь сжать в смертельных объятиях. Амари ждал, стиснув зубы, не трогаясь с места и до последнего не предпринимая ничего. Когда же осталось совсем немного, плавно и быстро отпрянул, скользнул мимо, заходя за спину нелюдя, и вонзил клинок в шею... если она у этих тварей вообще имелась. Услышав яростный и в то же время бессильный вскрик, он успел подставить руки и подхватить падающую Инари.

Глава 9

Дом словно вымер. Тишина звенела в ушах, а затылок сверлил чей-то неприятный режущий взгляд. Поддавшись слабости, Амари обернулся, но наткнулся лишь на пустоту. Он уложил Инари в кресло, позвал, но никто не отозвался. Следовало отправиться на поиск слуг и врача, но он боялся оставить баронессу и на минуту. Казалось, достаточно отвернуться, и она исчезнет навсегда. Амари медленно провел рукой по ее волосам, не зная, как поступить и стоит ли вообще предпринимать хоть что-то. Одна часть его требовала решительных действий: куда-то бежать, сражаться. Вторая — просто сидеть и ждать, не отпуская руки возлюбленной. Когда его душевные метания достигли апогея, Инари открыла глаза.

Амари вздрогнул. Ему показалось нечто очень знакомое и невыносимое в ее взгляде: так смотрела на него сраженная Керво правича, однако через мгновение наваждение спало. Прекрасные фиалковые глаза искрились нежностью и чистотой, смотреть в них снова казалось высшим наслаждением.

— Ты пришел, — прошептала Инари.

— Я едва успел, — Амари прижался губами к бархатной коже ее запястья и судорожно вздохнул. — Если бы я опоздал, то, скорее всего, лишился рассудка.

— Ты пришел вовремя... — она села и подалась вперед, сухие прохладные губы приблизились к уголку его рта — не ясно поцелуй ли это или просто дыхание.

Все время он обращался с ней, как с хрупкой фарфоровой статуэткой — бережно и осторожно, боясь повредить неловким движением, выронить из рук и разбить. Но сейчас Амари вдруг овладело какое-то звериное неистовство. Его руки стиснули ее плечи — не вырвется. Губы властно и яростно впились в податливый рот. Амари задышался. У него кружилась голова, а сердце заходило в бешеном ритме. Ему не хватало воздуха и отчаянно хотелось не отпускать, подчинить, взять, а взамен отдать ей всего себя без остатка. Спустя мгновение или вечность он опомнился. От страсти не осталось и следа.

— Прошу меня извинить...

Она промолчала.

— Молю, простите эту дерзость! — воскликнул Амари. — Это недостойно меня и бросает тень на вас.

Он приготовился к вспышке гнева. Сейчас Инари потребует, чтобы он немедленно уехал и более не напоминал ни о себе, ни о своей несдержанности и чувствах. Но мгновение сменялось мгновением, а она не говорила ни слова.

— Я не в силах вас отпустить. Эти создания... — наконец прошептала она.

— Идем! — он подхватил ее на руки. — Можешь не любить, презирать, отталкивать, я сам уйду по первому же требованию. Но не сейчас.

Она коснулась его щеки, и в голове не осталось ни одной связной мысли. Все, что понимал сейчас Амари: ее нужно спасти, не позволить причинить вред, защищать пусть и ценой жизни, не отпускать от себя. Второй рукой Инари зарылась в его волосы. Лицо баронессы было невыносимо близко, фиалковый взгляд скользил по его лицу, и Амари почти забыл, где и с кем находится. Сейчас он исполнил бы любую ее прихоть.

— Ты считаешь, что меня пытались убить, — утверждение, не вопрос.

— Да, моя будущая королева, — он не слышал собственного голоса.

— Ты уверен, что они вернутся, — снова утверждение. И речь Инари вдруг показалась слегка неправильной.

— Да, моя рзя.

— Но ты ведь знаешь, как меня защитить...

Он отвезет ее в особняк Керво. Да! Именно так и поступит. Амари улыбнулся принятому решению. Ведь это так просто! В изнанке мира нингуны не страшны, там ее не тронут.

— И нам никто не помешает, — вторила его мыслям Инари.

— Конечно, нет! Кто же осмелится? Герцога убил Валэ, а слуги новому хозяину и слова поперек не скажут... — Амари вздрогнул. Виконт убил Бласко!? Нет, это Инари так думает... Но почему же тогда он об этом сказал, да еще с такой уверенностью?..

— Не отвлекайся, — она улыбнулась и снова слегка коснулась его губ.

— Я знаю, где вы будете в безопасности.

— Не отпускай, — приказала Инари.

Карлос отворил дверь и подобострастно поклонился.

— Добро пожаловать домой, — проговорил он, не глядя на льнущую к Амари баронессу. — Обед подадут в малую гостиную.

— Не за чем, — сказал Амари и беспечно рассмеялся. Бешеная скачка по городу его опьянила, однако прикосновения и ласковый шепот инари, сводили с ума намного сильнее.

— Я приготовлю для вашей гостьи комнату, — снова поклонился Карлос, — и извещу рэя Осадиа.

— А?.. — Амари нахмурился. С его памятью творилось что-то странное. — Кто это?

— Вашего офицера для особых поручений, — пояснил Карлос. Если он и удивился, то никоим образом этого не выказал.

Амари повел плечом. Ему внезапно показалось, будто он забыл нечто очень важное. Винто? А Валэ куда делся?.. Ах, ну да, после казни Керво он, скорее всего, отправился в столицу.

— Нет, — проговорил он медленно, словно через силу. — Я хотел лишь показать баронессе, какой прекрасный вид открывается с балкона на верхнем уровне.

Карлос в третий раз поклонился и отступил, а Амари понес Инари вверх по леснице. Он слишком торопился, чем выше поднимался, тем быстрее шел, чуть ли не бежал. Баронесса же, казалось, окончательно выбилась из сил. Она была легкой, словно перышко. Он бы с удовольствием носил ее так всю оставшуюся жизнь.

Вот и третий уровень, чуть ли не бесконечное число дверей, апартаменты Керво, его собственные комнаты. Коридор оканчивается несколькими ступенями и дверью. Для обычных людей — на балкон. Вид с него, действительно, потрясающий...

Он никогда не встречал этих слуг. Они не прислуживали ни ему, ни герцогу. Слишком смуглые даже для моревийцев, похожие друг на друга, словно братья, одетые в черные широкие штаны с красными поясами и грубоотканые черные рубахи. В руках — длинные кривые кинжалы.

— Приказ герцога, — произнес один из них. — Вместе вам не пройти.

— Какого еще герцога? — удивилась и, кажется, испугалась Инари.

— Вместе?.. — одновременно с ней спросил Амари. Он слышал слова, но не понимал их смысла, и с памятью снова творилось неведомо что. Он помнил, как входил в эту дверь. Дважды. Ему тогда никто не препятствовал. Но в таком случае, откуда появились здесь эти люди? Керво надоело вытаскивать наследника сначала из всех неприятностей Эрохо, а потом и межмирья? Но он же казнен за измену?..

Виски сдавило. Острая боль кольнула в затылок. Перед мыслевзором расцвел огненно-алый цветок, и Амари, вскрикнув, отступил. Судорогой свело шею, он едва не упал, когда новый приступ боли ударил по глазам. Он отпустил Инари, несмотря на ее явное недовольство, зажмурился и, вырвав руку из далеко не слабой хватки, схватился за

голову.

— Вернись немедленно! Возьми меня за руку!

Но было поздно. С мыслью и чувством будто сорвали пелену. Ему словно вернули слух и зрение, память и возможность нормально мыслить. Последнее, что Амари помнил отчетливо — бой с нингунами и яростный вскрик баронессы... Кровь погибшего Творца... Яростный!

— Тебе опасность и не угрожала, — прошептал он, внимательно смотря на возлюбленную. Возлюбленную ли?.. Нингунами оказались ее слуги, а он-то все удивлялся, почему не в состоянии запомнить их лиц. И неудивительно, что он не сумел дозваться служанки: та изошла туманом по вине его клинка. — Как же я не догадался сразу?..

А ведь Керво предупреждал.

— Отойди от двери! — теперь он слышал свой голос словно со стороны: сиплый, срывающийся и очень злой.

Инари обернулась. Полукружья бровей взлетели чаячьими крыльями.

— Амари... — прошептала она. Тонкие руки метнулись к груди. В фиалковых глазах отражались нежность и скорбь по нему и такому несовершенному, неправильному... зеркальному миру Эрохо, в котором не может быть ничего идеального, даже любви.

— Посмотри на меня, — попросила она.

Амари вздрогнул и отшатнулся. Перед ним стояла Инари баронесса Милагрин: хрупкая, прекрасная, чувственная. И смотрела глазами правицы — фиалковая радужка и огромный черный зрачок.

— Что же я натворил?!

Он потянул шпагу из ножен. Инари вскрикнула и отшатнулась к стене. На миг она показала абсолютно нормальной: родной и любимой.

— Амари! — произнесли нежные губы. — Ты же любишь меня... Не обижай меня... Идем со мной. Тебе лгали.

— Нет! — но клинок он опустил. Ударить ее все равно не хватило бы сил.

— Амари, — вновь позвала Инари. — Хотя бы выслушай меня...

Он понимал насколько это опасно, не стоило слушать, однако медлил. Слишком долго вглядывался в любимые черты и пропустил ее движение. Инари резко подалась вбок, что-то серебристое блеснуло в ее руке, и первый страж рухнул на пол сломанной куклой. В тот же миг на нее кинулись оставшиеся слуги, брызнула кровь. Амари с замеревшим сердцем наблюдал за тем, как катится, подскакивая, голова стража.

Бой продолжался пару мгновений, не больше. Инари с легкостью убила всех, а затем окинула его долгим взглядом и рассмеялась так, как никогда не позволяла себе в раньше — только в странном сне-бреду. Потом она повернулась, взялась за ручку двери. В тот же миг заискрился воздух, и вскоре за ее спиной возникли белоснежные крылья:

— Прощай.

— Ну, уж нет! — Амари кинулся за ней и, лишь переступая порог, понял, что допустил роковую ошибку: ему следовало дожидаться Керво и Винто.

Виски нестерпимо ломило. Медленно нарастал рокочущий низкий гул. Вокруг — лишь зеркала. Туманное марево закрывало небо, плыло под ногами, навевало сонную одурь. Амари едва не до крови закусывал губу — лишь бы не поддаться очередному мороку. То что, ему снова попытаются навязать чужую волю, не подвергалось сомнению. Вот только боль почти не приносила облегчения. Голова кружилась, раздражал отвратительный солоноватый привкус во рту, тело не слушалось. Он ощущал себя словно во хмелю, хоть и не пил.

Кажется, достаточно шага, чтобы упасть и не подняться больше никогда. Коснешься кончиками пальцев тумана под ногами — и конец. Амари не знал, откуда в нем эта уверенность, но если себе не верить, то кому же?

Сердце бешено колотилось, его стук отдавался неприятным дребезжащим звоном в ушах. Но кровь быстрее понеслась по жилам, и скованность движений медленно отступила. Видимо, он просто слишком резко вошел в изнанку мира. Тихий серый свет. Грязно-зеленый туман расползся над каменными плитами пола. Мерзко!.. Противно. Невыносимо. И больно. Куда ни взглянешь, в бездну уводят бесконечные коридоры. Не так уж и страшно очутиться в зеркальной зале, жутко не видеть собственного отражения. Словно не существуешь... будто уже умер. Вокруг не его мир — чужая извращенная реальность. Она даже сама по себе существовать не может, изменяется сообразно вкусам тех, кто в нее приходит, — кто сильнее, тому и подчиняется, а сильный в этот раз уж точно не Амари.

— Тебе не нравится...

Гул раскололся нежным звоном, мглистые щупальца тумана опали пеплом. Звучание чужого голоса наполнило душу покоем. Обманчивым чувством. Но оно многократно лучше бесконечного кошмара из тумана и зеркал.

Амари кивнул и взглянул на существо. Чудо — иначе и не назовешь. Инари изменилась разительно. Она прекрасна, несмотря на то, что он никогда не сможет любить и желать ее такую. У нее огромные фиалковые глаза и золотистые локоны, очень тонкие черты лица, как на картинах старых мастеров, худое гибкое тело и белоснежные крылья за спиной. Она красива настолько, что у Амари захватывает дух, и ему хочется сделать шаг навстречу, взять ее за руку, хоть это кажется едва ли не кощунством, приклонить колено, заглянуть в глаза и пропасть навсегда. Отречься от памяти и себя самого. Ради нее.

— Не смей, — негромко, без эмоций или даже намека на них, но сильный немного хриловатый баритон ударил по нервам, словно кнут по незащитной коже. Амари не выдержал и вздрогнул. Чуть поодаль застыла стройная закутанная в черное фигура. Бласко Керво, владетель Нидоса.

Зеркала не выдержали, потрескались. Уродливые провалы и морщины разрезали бесконечные коридоры, уводящие в никуда. Если шагнуть в зеркало, получится ли уйти? Куда?! — Амари это безразлично. Он сделал шаг, затем другой, третий.

— Очнись! — голос очень знакомый, но более нет сил для воспоминаний.

— Ты можешь дать ответ. Ты можешь согласиться, — в глазах Инари бескрайним морем расплескалась нежность, улыбка показалась искренней и честной. Она подняла тонкую бледную руку в зовущем жесте. — Амари, пойдем со мной...

Крылатому существу — воплощенной мечте, мифической правице, богине — почти невозможно сопротивляться. Человек, стремящийся к свету и справедливости, попросту не может противиться ее желаниям и приказам. Вот только справедливость — это фантом, а богини лживы.

— Нет. Прочь, — прошептали непослушные губы. Амари не собирался кричать, но слова внезапно обрели силу трубного гласа.

По зеркалам пробежали трещины, образованные ими коридоры искривились еще сильнее. Потрескалось стекло, словно осенние листья опали к ногам осколки. Один из них прочертил длинную алую полосу по щеке. Инари рассмеялась звонко, с горчинкой. Аккуратные слегка припухлые губы скривились, а крылья затрепетали, искрясь в неверном свете.

— Спокойней, — Керво рассмеялся каркающим надсадным смехом, откашлялся и через мгновение, показавшееся Амари вечностью, ровно произнес. — Что это, если не отказ?

Амари позволил себе оторвать взгляд от крылатого создания и посмотреть на герцога. Керво отбросил в сторону плащ, остался в черном моревийском одеянии. Спокойный, чуть небрежный, расслабленный, но за нарочитой леностью движений скрывалось

нетерпение. Из-под смоляных прядей, падающих ему на лицо, неистово и жадно горели глаза — невозможные, ярко-зеленые — как по ночам у кошек. Стоять у него на пути — безумие, и Амари отступил.

— Нет, — повторил он.

Две фигуры — черная и белая — устремились в его сторону одновременно. Чьи-то пальцы коснулись плеч Амари, сжали, а потом с силой оттолкнули.

— Винто!..

— Не лезь! — прозвенело в ушах, и Амари кубарем полетел на пол.

Там, где он только что стоял, дрались двое. От быстрых, едва уловимых движений рябило в глазах. Солнца здесь нет и быть не может, но на клинках играли блики. Когда в руках у крылатой красавицы возникла длинная тонкая серебряная игла? Когда ее противник успел выхватить шпагу?..

Красиво, завораживающе и страшно. Амари стоял не в силах шелохнуться. Винто держал его за локти, не пуская, но он и не рвался поучаствовать в схватке. Здесь он точно не мог ничем помочь.

Керво стоял в круге живого огня, тот появился сам собою — вероятно, отреагировал на эмоции герцога. Пластика распространяла вокруг себя клубящуюся зеленоватую дымку. Инари более не казался привлекательной, скорее уж отталкивающей. Неистовство боя прошло. Теперь соперники кружили, как в танце, присматриваясь друг к другу и не спеша атаковать. Губы герцога кривились в усмешке, пластики зло поджаты. Прищур изумрудных глаз против широко распахнутых фиалковых.

Пластика ударила первой. Будь Амари на месте Керво, непременно пропустил бы подобный выпад. Только истекая кровью, понял бы, что на самом деле произошло. Но Керво даже не отступил, просто слегка отклонился в сторону. Скрестились, лязгнув, клинки. Герцог легко повел запястьем, и пластика зашипела от злости и ненависти, лишившись оружия.

Вот и все. Амари догадывался, что последует за этим, но Керво отчего-то медлил и не спешил убивать.

— Что вам обоим до Эрохо? — прошипела пластика. — Устранишь зеркальный мир, и люди из основного станут подобны богам. Разве справедливо отнимать у них вечную жизнь и всемогущество?!

Амари не понимал, к кому она обращается, ожидал как всегда, молниеносного выпада Керво и мертвенно-белого сияния, в котором исчезнет тело бывшей возлюбленной. Вот только герцог по-прежнему стоял, ничего не предпринимая.

Винто куда-то пропал, и Амари кинулся вперед. Шаг. Другой. Третий... Он замер лишь поняв: Керво сдвинуться и не сможет — то ли пластика имела успех, то ли, идя сюда, он уже был ранен. Острой вспышкой в памяти всплыл разговор. Керво рассказывал, что когда убивают его слуг, он сам слабеет... Проклятье! Но ведь нингунов тоже полегло немало. Пластики, должно быть, тоже нелегко.

Амари не знал, что ему делать. Кажется, он был в состоянии только смотреть. Но вот Инари вскинула руку, и в ее пальцах вновь засеребрилась смерть.

— Винто, уведи его отсюда!

Он успел: отклонил оружие пластики, не позволив окончательно уничтожить Керво. Когда скрестились клинки и посыпались первые удары, Амари все еще боялся. Не за себя — вдруг он не продержится достаточно долго, ведь даже Винто необходимо время. А потом исчезло все — страх, мысли, чувства и сомнения. Схватка заморозила, как и всегда, и Амари стало совершенно неважно, с кем он сражается. Его противник мог быть хоть в сотню раз сильнее. Он сейчас и с Создателем сразиться бы сумел.

Пластика шипела, ее побледневшие губы просили прекратить сопротивляться, взглянуть на нее, такую желанную. Под конец она даже обещала отдаться ему.

— Не хочу, — с этими словами Амари выбил оружие у нее из рук.

Серебряная игла, заменяющая правице шпагу, снова истаяла. Странно — ему все же удалось одержать верх. Но в груди у Амари не нашлось восторга победителя, только пустота, медленно заполняющаяся тревогой. К тому же, он не собирался медлить и слушать.

Правица уже не шипела, а выла. В ее руке вновь появилось оружие, и за последний выпад ее следовало бы поблагодарить. Амари легко отклонился, пропуская мимо устремленную в горло смерть. Клинок, легко коснувшись груди Инари, вошел будто раскаленный нож в масло.

— Вот теперь точно все.

На то, как исчезала правица, он не смотрел — времени нет, да и неприятное это зрелище. Он поспешил отвернуться и застыл, застигнутый властным окриком:

— Стоять! Юноша спокойно, не трогайтесь с места.

— Кровь Погибшего... Проклятье! Почему вы еще здесь?!

Керво стоял, опираясь на плечо Винто. Он был бледен, но хотя бы в сознании.

— Рэй Осадиа выведет тебя.

— Но...

— Если понадобится, насильно, — бросил Керво. — Из-за моей крови и убийства этого существа здесь сейчас начнется такое, о чем тебе лучше не знать.

Амари и сам это чувствовал. Белесый столб, поглотивший правицу, исчезать не собирался, зеленел, впитывая туман, и звенел, словно в нетерпении.

— А вы?!

— Винто не уведет двоих. Да и подправить то, что мы с вами здесь натворили — нелишнее. Предоставьте это мне.

— Бласко!..

Керво кивнул на прощание, и Винто на миг исчез, чтобы возникнуть уже рядом с Амари.

Звон усилился, ударил по ушам. Амари почти физически больно, но он попытался сопротивляться, закричал, срывая голос, старался убедить Керво, сам до конца не понимая как.

Эпилог

— А еще его величество выразил уверенность в том, что вы станете прекрасным преемником последнего владетеля Нидоса. К тому же на то была воля и самого Веласко.

Амари кивнул. Ему еще предстояло путешествие в Сурэю к небольшому замку Керво, стоящему на утесе, далеко выдающемся в море. Вокруг него располагались виноградники и апельсиновые сады. Весной он утопал в цветах и зелени и ждал своего хозяина, осевшего в неласковой северной глуши. Амари мог поспорить: ждал замок уж точно не его, вот только Карлос непрестанно убеждал, что ему там будут рады.

— Мой друг, вы слушаете? — маркиза отпила темного южного вина из высокого бокала. А Амари, новоиспеченный герцог Керво, засмотрелся игрой хрустальных граней отблесками свечей и камина.

Первая меса инверно только началась, но в особняке топили. Амари постоянно мерз. Лекарь утверждал, что виной тому пережитая недавно лихорадка. Слуги, все как один, звали молодого хозяина на побережье. Вероятно, им самим хотелось в родные края. И сестра писала постоянно. Княгиня Эрика настаивала на визите брата, владетеля Нидоса и неожиданно обретенного родственника собственного же мужа в одном лице. Кем теперь Амари приходился моревийскому князю, понять не мог, но сестре верил.

— Конечно, моя рэя.

Линэя Юрран улыбнулась ласково и понимающе, протянула руку, коснулась его щеки мимолетной лаской:

— Ты зря беспокоился. Алонцо — великий король, благороднейший из людей и умный правитель. Он все понял и принял.

Он кивнул и улыбнулся в ответ. На душе было муторно, но при этом маркизе он оказался рад.

Амари побывал в Кастелле только лишь за тем, чтобы найти ответы на многочисленные вопросы о собственном прошлом. Со дня исчезновения Керво и четверти месы не миновало, потому вел он себя несдержанно и резко. Даже странно — отец не обиделся на подобное поведение и даже слова не сказал, когда Амари отказался от титула принца крови. Теперь официально он являлся герцогом Керво и постоянно вздрагивал, когда к нему так обращались.

— Я вижу, тебе не до разговоров и новостей, — Линэя наклонилась, чтобы поднять с пола Погорельца. Кот основательно подрос, а свое отношение к исчезнувшему герцогу целиком перенес на Амари. Тот не возражал. Когда Погорелец сворачивался пушистым клубком у него на коленях, становилось тепло и спокойно.

— Ты ошибаешься.

Погорелец фыркнул, мяукнул и, вывернувшись из рук Линэи, сиганул к нему на плечо, пришлось Амари снимать нахала и укладывать к себе на колени, а потом еще и чесать за ухом.

— Тогда, должно быть, тебя порадует новость о Намите.

— А с ним-то что стряслось?

— Землетрясение, оползни, ураганы. Такое чувство, словно против кесарии ополчился сам Создатель. Теперь уж точно не стоит ожидать войны. Долго.

— Создатель мертв, — Амари погладил Погорельца и потянулся за своим бокалом. — А мир мог и припомнить убийство кровного родича. Теренса, конечно, заколол я, но... ты же сама мне рассказывала.

— Кто знает, друг мой, кто знает...

Дверь открылась. В ней появилась рыжеволосая голова, и только потом рэй Осадиа, офицер для особых поручений при новом герцоге, произнес:

— Прошу прощения, дело, не требующее отлагательств.

— О... — маркиза поставила бокал и поднялась раньше, чем Амари вскочил и подал ей руку. — Не смею вам мешать, рэи. Подобные тайны в компетентности мужчин.

Винто хитро прищурился, но от комментариев воздерживался ровно столько, сколько потребовалось Линэе, чтобы выйти и прикрыть за собой дверь:

— И это говорит участница всех возможных интриг, бывшая заговорщица, первая красавица королевства и... страшно подумать... умнейшая женщина.

Амари не удержался от улыбки, его голос прозвучал устало:

— Друг нового герцога Керво — ты забыл прибавить. Тебя ведь это радует.

— Не уверен, стоит ли этому радоваться, — фыркнул Винто. — Супруга звучит красивее, нежели друг.

— Посмотрим, — Амари не задумывался о браке. Жениться по расчету он не желал, а вновь влюбляться не стремился. По крайней мере, пока. — Я еще молод. Успею.

Винто покачал головой:

— Видел бы тебя сейчас Веласко. Ты совсем впал в уныние.

— Просто стал ценить покой, — Амари повел плечом и ссадил с колен Погорельца, встал, прошелся по кабинету и остановился возле огромного окна. Небо за ним было пасмурным, ветер гнал напоенные влагой облака. Вначале он не понял, что привлекло его внимание, а потом не смог оторвать взор от черного силуэта. Птица то исчезала в вышине, то появлялась, парила, разбросав величественные крылья, или, сложив их, падала вниз. Вот уж воистину, ворон, спорящий с ветрами.

За спиной раздался довольный смешок, но Амари не стал оглядываться. Ворон, словно почуяв его внимание, спустился ниже, а потом и вовсе — к самому окну.

— Вселенская скорбь периодически чудеса делает, — усмехнулся Винто, но Амари его не слушал.

Ворон прошелся по подоконнику, каркнул и долбанул клювом раму. Амари не заставил себя упрашивать, распахнул окно. Ворон влетел в комнату и расположился на кресле, согнав с него свернувшегося клубком Погорельца.

— Ну, здравствуй... — произнес он.

Пояснения к книге

Титулонаследие в Кассии

На самой вершине стоит королевская семья. Все сыновья короля считаются принцами крови. Их право на престол определяется как старшинством, так и волей самого монарха.

Далее, по значимости титулов, идут: герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны, баронеты.

Старший сын герцога, маркиза или графа получает старший из списка титулов, принадлежащих отцу (обычно дорога к титулу проходит через несколько более низких, которые и далее принадлежат семье).

Титулование неотрывно связано с закрепленными за ней территориями. Однако в случае, если территорий несколько, обладатель титула может оставить себе то, которое желает. В таком случае к титулу прибавляется «владелец». Пример, Веласко герцог Керво владелец Нидоса. Это означает, что основной вотчиной упомянутый герцог считал замок Керво в Сурэе, а провинцию — только владением.

Вера

Считается, что мир был создан из крови почившего Создателя. Мифические существа — правицы — были его помощниками в творении Эрохо. Они присматривали за созданным его кровью миром: творили справедливости, вдохновляли на подвиги и создание бессмертных творений искусства. Изображались они прекрасными и идеальными во всех отношениях полубогаженными крылатыми девами.

По одной из легенд правиц изгнала из Эрохо кошка. Потому особенно на севере, где вера в кровь создателя сильнее, кошек считают нечистыми созданиями. Как такового культа в Эрохо, однако, нет. Существует масса суеверий и примет, а также уверенность в недопустимости вреда кровным родственникам.

Времяисчисление

Аньо — год в мире Эрохо. Состоит из двух **поланьо** — **верано (лета)** и **инверно (зимы)** — по шесть месей (**месяцев**). В пересчет на земной, поланьо верано приблизительно составляет время с апреля по сентябрь, инверно — с октября по март.

Несмотря на это, понятия весны и осени для эрохойцев существуют. Неофициально третью месу верано называют началом лета (весной), а первую месу инверно — предзимьем или осенью. Связано это с древним имперским календарем, не до конца забытым и включающим четыре сезона по четыре месы в каждом.

Меса состоит из двадцати четырех дней. Сами месы не имеют названий, а только числовые обозначения: от 1 до 6.

Сигг — составляет 600 аньов. Сигг верано чередуется с сиггом инверно и имеет собственную нумерацию.

Денежная система

Рей — серебряная чеканная монета с изображением нынешнего короля и герба Кассии. За один Рей дается десять тарлев или сто кастолей.

Тарль — золотой кругляш, известный со времен, когда Кассия, Парис и Намит входили в состав единой Тарской Империи.

Кастоль — мелкая медная монета. Имеет хождение только на территории Кассии.

Науки и искусства

Дж. Бриколло — кассийский художник, член Академии Изящных Искусств. Особую популярность ему принесли работы с изображением мистических существ и самого Создателя. Портреты реально существующих людей в его исполнении подвергались критике.

Феличе Корда — известный писатель и критик третьего сига инверно. Известен трудом «Перечень мифов и сказаний мира Эрохо от истока до наших дней», в который вошли описания большинства сказаний и легенд Кассии.

Употребляемые слова и выражения

Рэй — обращение знатных господ (муж)

Рэя — обращение знатных господ (жен)

Тано — обращение простолюдина к знатному господину (необязательно дворянину) — муж.

Тана — обращение простолюдина к знатной госпоже (необязательно дворянке) — жен.